ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

И. Сѣченова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1873.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 168.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

РЕФЛЕКСЫ
ГОЛОВНАГО МОЗГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко второму изданію.

Въ промежутокъ времени между первымъ и настоящимъ выходомъ въ свѣтъ „рефлексовъ головнаго мозга" появилось нѣсколько новыхъ физіологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету. Соотвѣтственно этому въ статьѣ сдѣланы измѣненія. Между этими изслѣдованіями особенно важны тѣ, которыя доказываютъ существованіе въ тѣлѣ животныхъ нервныхъ механизмовъ, усиливающихъ движенія: — они укрѣпляютъ меня въ мысли, что путь, избранный мною для объясненія происхожденія психическихъ процессовъ, если и не ведетъ къ совершенно удовлетворительному рѣшенію относящихся сюда вопросовъ, то по крайней мѣрѣ оказывается плодотворнымъ въ дѣлѣ разработки ихъ. Съ другой стороны, мысль о внѣшнемъ сходствѣ, со стороны происхожденія, между чистыми рефлексами и психическими актами на столько уже выяснилась въ послѣднее время въ сознаніи физіологовъ, что начинаетъ проникать даже въ иностранные элементарные учебники физіологіи. Это обстоятельство окончательно убѣждаетъ меня въ томъ, что время уже наступило, когда голосъ физіолога можетъ быть небезполезнымъ въ разработкѣ вопросовъ, касающихся психической жизни человѣка.

И. Сѣченовъ.

РЕФЛЕКСЫ

головнаго мозга.

§ I. Вамъ конечно случалось, любезный читатель, присутствовать при спорахъ о сущности души и ея зависимости отъ тѣла. Спорятъ обыкновенно или молодой человѣкъ съ старикомъ, если оба натуралисты, или юность съ юностью, если одинъ занимается больше матеріей, другой духомъ. Во всякомъ случаѣ, споръ выходитъ истинно жаркимъ лишь тогда, когда бойцы немного дилеттаны въ спорномъ вопросѣ. Въ этомъ случаѣ кто нибудь изъ нихъ навѣрное мастеръ обобщать вещи необобщимыя (вѣдь это главный характеръ дилеттанта), и тогда слушающая публика угощается обыкновенно спектаклемъ въ родѣ лѣтнихъ фейерверковъ на петербургскихъ островахъ. Громкія фразы, широкіе взгляды, свѣтлыя мысли трещатъ и сыплются, что твои ракеты. У инаго изъ слушателей, молодаго, робкаго энтузіаста, во время спора не разъ пробѣжитъ морозъ по кожѣ; другой слушаетъ, притаивъ дыханіе; третій сидитъ весь въ поту. Но вотъ спектакль кончается. Къ небу летятъ страшные столбы огня, лопаются, гаснутъ... и на душѣ остается лишь смутное воспоминаніе о свѣтлыхъ призракахъ. Такова обыкновенно судьба всѣхъ частныхъ споровъ между дилеттантами. Они волнуютъ на время воображеніе слушателей, но никого не убѣждаютъ. Дѣло другаго рода, если вкусъ къ этой діалектической гимнастикѣ распространяется въ обществѣ. Тамъ боецъ съ нѣкоторымъ авторитетомъ легко дѣлается кумиромъ. Его мнѣнія возводятся въ догму, и, смотришь, они уже проскользнули въ литературу. Всякій, слѣдящій лѣтъ десятокъ за умственнымъ движеніемъ въ Россіи, бы-

валъ конечно свидѣтелемъ такихъ примѣровъ, и всякій замѣтилъ безъ сомнѣнія, что въ дѣлахъ этого рода наше общество отличается большою подвижностью.

Есть люди, которымъ послѣднее свойство нашего общества сильно не нравится. Въ этихъ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія они видятъ обыкновенно хаотическое броженіе неустановившейся мысли; ихъ пугаетъ неизвѣстность того, что можетъ дать такое броженіе; наконецъ, по ихъ мнѣнію, общество отвлекается отъ дѣла, гоняясь за призраками. Господа эти съ своей точки зрѣнія конечно правы. Было бы безъ сомнѣнія лучше, еслибы общество, оставаясь всегда скромнымъ, тихимъ, благопристойнымъ, шло неуклончиво къ непосредственно достигаемымъ и полезнымъ цѣлямъ и не сбивалось бы съ прямой дороги. Къ сожалѣнію въ жизни, какъ въ наукѣ, всякая почти цѣль достигается окольными путями, и прямая дорога къ ней дѣлается ясною для ума лишь тогда, когда цѣль уже достигнута. Господа эти забываютъ кромѣ того, что бывали случаи, когда изъ положительно дикаго броженія умовъ выходила современемъ истина. Пусть они вспомнятъ напримѣръ къ чему привела человѣчество средневѣковая мысль, лежавшая въ основѣ алхиміи. Страшно подумать, что сталось бы съ этимъ человѣчествомъ, еслибы строгимъ средневѣковымъ опекунамъ общественной мысли удалось пережечь и перетопить, какъ колдуновъ, какъ вредныхъ членовъ общества, всѣхъ этихъ страстныхъ тружениковъ надъ безобразной мыслью, которые безсознательно строили химію и медицину. Да, кому дорога истина вообще, т. е. не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, тотъ не станетъ нагло ругаться надъ мыслью, проникшей въ общество, какой бы странной она ему ни казалась.

Имѣя въ виду этихъ безкорыстныхъ искателей будущихъ истинъ, я рѣшаюсь пустить въ общество нѣсколько мыслей относительно психической дѣятельности головнаго мозга, мыслей, которыя еще никогда не были высказаны въ физіологической литературѣ по этому предмету.

Дѣло вотъ въ чемъ. Психическая дѣятельность человѣка выражается, какъ извѣстно, внѣшними признаками, и обыкновенно всѣ люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающіеся духомъ, судятъ о первой по послѣднимъ, т. е. по внѣшнимъ признакамъ. А между тѣмъ законы внѣшнихъ проявленій психической дѣятельности еще крайне мало разработаны, даже физіологами, на которыхъ, какъ увидимъ далѣе, лежитъ эта обязанность. Объ этихъ-то законахъ я и хочу вести рѣчь.

Войдемте же, любезный читатель, въ тотъ міръ явленій, который

родится изъ дѣятельности головнаго мозга. Говорятъ обыкновенно, что этотъ міръ охватываетъ собою всю психическую жизнь, и врядъ ли есть уже теперь люди, которые съ большими или меньшими оговорками не принимали бы этой мысли за истину. Разница въ воззрѣніяхъ школъ на предметъ лишь та, что одни, принимая мозгъ за органъ души, отдѣляютъ по сущности послѣднюю отъ перваго; другіе же говорятъ, что душа по своей сущности есть продуктъ дѣятельности мозга. Мы не философы и въ критику этихъ различій входить не будемъ. Для насъ, какъ для физіологовъ, достаточно и того, что мозгъ есть органъ души, т. е. такой механизмъ, который, будучи приведенъ какими ни на есть причинами въ движеніе, даетъ въ окончательномъ результатѣ тотъ рядъ внѣшнихъ явленій, которыми характеризуется психическая дѣятельность. Всякій знаетъ, какъ громаденъ міръ этихъ явленій. Въ немъ заключено все то безконечное разнообразіе движеній и звуковъ, на которые способенъ человѣкъ вообще. И всю эту массу фактовъ нужно обнять, ничего не упустить изъ виду? Конечно, потому что безъ этого условія изученіе внѣшнихъ проявленій психической дѣятельности было бы пустой тратой времени. Задача кажется на первый взглядъ дѣйствительно невозможною, а на дѣлѣ не такъ, и вотъ почему:

Все безконечное разнообразіе внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности сводится окончательно къ одному лишь явленію—къ мышечному движенію. Смѣется ли ребенокъ при видѣ игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонятъ за излишнюю любовь къ родинѣ, дрожитъ ли дѣвушка при первой мысли о любви, создаетъ ли Ньютонъ міровые законы и пишетъ ихъ на бумагѣ—вездѣ окончательнымъ фактомъ является мышечное движеніе. Чтобы помочь читателю поскорѣе помириться съ этой мыслью, я ему напомню рамку, созданную умомъ народовъ и въ которую укладываются всѣ вообще проявленія мозговой дѣятельности, рамка эта — слово и дѣло. Подъ дѣломъ народный умъ разумѣетъ безъ сомнѣнія всякую внѣшнюю механическую дѣятельность человѣка, которая возможна лишь при посредствѣ мышцъ. А подъ словомъ уже вы, вслѣдствіе вашего развитія, должны разумѣть, любезный читатель, извѣстное сочетаніе звуковъ, которые произведены въ гортани и полости рта при посредствѣ опять тѣхъ же мышечныхъ движеній.

И такъ, всѣ внѣшнія проявленія мозговой дѣятельности дѣйствительно могутъ быть сведены на мышечное

движеніе [1]). Вопросъ чрезъ это крайне упрощается. Въ самомъ дѣлѣ, милліарды разнообразныхъ, не имѣющихъ, повидимому, никакой родственной связи, явленій сводятся на дѣятельность нѣсколькихъ десятковъ мышцъ (не нужно забывать, что большинство послѣднихъ органовъ представляетъ пары, какъ по устройству, такъ и по дѣйствію; слѣдовательно достаточно знать дѣйствіе одной мышцы, чтобы извѣстна была дѣятельность ея пары). Кромѣ того читателю становится разомъ понятно, что всѣ безъ исключенія качества внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности, которыя мы характеризуемъ, напримѣръ, словами одушевленность, страстность, насмѣшка, печаль, радость и пр., суть ни что иное, какъ результаты большаго или меньшаго укороченія какой нибудь группы мышцъ — акта, какъ всѣмъ извѣстно, чисто механическаго. Съ этимъ не можетъ не согласиться даже самый заклятой спиритуалистъ Да и можетъ ли быть въ самомъ дѣлѣ иначе, если мы знаемъ, что рукою музыканта вырываются изъ бездушнаго инструмента звуки, полные жизни и страсти, а подъ рукою скульптора оживаетъ камень. Вѣдь и у музыканта и у скульптора рука, творящая жизнь, способна дѣлать лишь чисто механическія движенія, которыя, строго говоря, могутъ быть даже подвергнуты математическому анализу и выражены формулой. Какъ же могли бы они при этихъ условіяхъ вкладывать въ звуки и образы выраженіе страсти, еслибы это выраженіе не было актомъ чисто механическимъ? Чувствуете ли вы послѣ этого, любезный читатель, что должно придти наконецъ время, когда люди будутъ въ состояніи такъ же легко анализировать внѣшнія проявленія дѣятельности мозга, какъ анализируетъ теперь физикъ музыкальный аккордъ или явленія, представляемыя свободно падающимъ тѣломъ?

Но до этихъ счастливыхъ временъ еще далеко, и вмѣсто того, чтобы гадать о нихъ, обратимся къ нашему существенному вопросу и посмотримъ, какимъ образомъ развиваются внѣшнія проявленія дѣятельности головнаго мозга, по скольку они служатъ выраженіемъ психической дѣятельности.

Теперь, когда читатель вѣроятно согласился со мной, что дѣятельность эта выражается извнѣ всегда мышечнымъ движеніемъ, задача

---

[1]) Единственныя относящіяся сюда явленія, которыя не могли быть объяснены до сихъ поръ мышечнымъ движеніемъ, суть тѣ измѣненія глаза, которыя характеризуются словами: блескъ, темность и проч.

наша будетъ состоять въ опредѣленіи путей, которыми развиваются изъ головнаго мозга мышечныя движенія вообще [1]).

Приступимъ же прямо къ дѣлу. Современная наука дѣлитъ по происхожденію всѣ мышечныя движенія на двѣ группы—невольныя и произвольныя. Стало быть и намъ слѣдуетъ разобрать образъ происхожденія и тѣхъ и другихъ. Начнемъ же съ первыхъ, какъ съ простѣйшихъ; притомъ, для большей ясности читателю, разберемъ дѣло сначала не на головномъ мозгу, а на спинномъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Невольныя движенія.

Три вида невольныхъ движеній.—1) Рефлексы (въ тѣсномъ смыслѣ) на обезглавленныхъ животныхъ, движенія у человѣка во время сна и при условіяхъ, когда его головной мозгъ, какъ говорятъ, не дѣйствуетъ. —2) Невольныя движенія, гдѣ конецъ акта ослабленъ противъ начала его болѣе или менѣе сильно—задержанныя невольныя движенія. —3) Невольныя движенія съ усиленнымъ концомъ—испугъ, элементарныя чувственныя наслажденія.—Случаи, гдѣ вмѣшательство психическаго момента въ рефлексъ не измѣняетъ природы послѣдняго.—Сомнамбулизмъ, опьянѣніе, горячечный бредъ и пр.

§ 2. Чистые рефлексы, или отраженныя движенія, всего лучше наблюдать на обезглавленныхъ животныхъ и преимущественно на лягушкѣ, потому что у этого животнаго спинной мозгъ, нервы и мышцы живутъ очень долго послѣ обезглавленія. Отрѣжьте лягушкѣ голову и бросьте ее на столъ. Въ первыя секунды она какъ бы парализована; но не болѣе какъ черезъ минуту вы видите, что животное оправилось и сѣло на столъ въ ту позу, которую оно обыкновенно принимаетъ на сушѣ, если покойно, т. е. сидитъ, какъ собака, поджавши подъ себя заднія лапы и опираясь въ полъ передними. Оставьте лягушку въ покоѣ, или правильнѣе, не касайтесь ея кожи, и она просидитъ безъ движенія чрезвычайно долго. Дотроньтесь до кожи, лягушка шевельнется, и опять покойна. Щипните посильнѣе, и она, пожалуй, сдѣлаетъ пры-

---

[1]) Дыхательныя и сердечныя движенія не имѣютъ прямаго отношенія къ нашему дѣлу, а потому на нихъ не обращено вниманія.

жокъ, какъ бы стараясь убѣжать отъ боли [1]). Боль прошла, и животное сидитъ цѣлые часы неподвижно. Механизмъ этихъ явленій чрезвычайно простъ: отъ кожи къ спинному мозгу тянутся чувствующія нервныя нити, а изъ спиннаго мозга выходятъ къ мышцамъ нервы движенія; въ самомъ же спинномъ мозгу обоего рода нервы связываются между собою при посредствѣ такъ называемыхъ нервныхъ клѣтокъ. Цѣлость всѣхъ частей этого механизма совершенно необходима для произведенія описаннаго явленія. Перерѣжьте, въ самомъ дѣлѣ, или чувствующій, или движущій нервъ, или разрушьте спинной мозгъ — и движенія отъ раздраженія кожи не будетъ. Этого рода движенія называются Отраженными на томъ основаніи, что здѣсь возбужденіе чувствующаго нерва отражается на движущемъ. Понятно далѣе, что эти движенія невольны; они являются только вслѣдъ за явнымъ раздраженіемъ чувствующаго нерва. Но за то, при послѣднемъ условіи, появленіе ихъ такъ же неизбѣжно, какъ паденіе на землю всякаго тѣла, оставленнаго безъ опоры, какъ взрывъ пороха отъ огня, какъ дѣятельность всякой машины, когда она пущена въ ходъ. Стало быть движенія эти машинообразны по своему происхожденію.

Вотъ рядъ актовъ, составляющихъ рефлексъ или отраженное движеніе: возбужденіе чувствующаго нерва, возбужденіе спинно-мозговаго центра, связывающаго чувствующій нервъ съ движущимъ, и возбужденіе послѣдняго, выражающееся сокращеніемъ мышцы, то есть мышечнымъ движеніемъ.

Пусть не думаетъ однако читатель, что отраженныя движенія свойственны только обезглавленнымъ животнымъ; напротивъ, они могутъ происходить и при цѣлости головнаго мозга, и при томъ какъ въ сферѣ черепныхъ, такъ и въ сферѣ спинно-мозговыхъ нервовъ. Чтобы попасть движенію въ категорію отраженныхъ, нужно только, чтобы оно явно вытекало изъ раздраженія чувствующаго нерва и было бы невольно. Таково по крайней мѣрѣ требованіе современной физіологической школы.

Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, невольное вздрагиваніе человѣка отъ неожиданнаго звука, отъ посторонняго прикосновенія къ нашему

---

[1]) Собственно боли, какъ сознательнаго ощущенія, обезглавленное животное вообще чувствовать не можетъ въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя отдѣлены отъ головы. Это вытекаетъ изъ наблюденія болѣзненныхъ явленій надъ людьми, у которыхъ разрушенъ на большемъ или меньшемъ протяженіи спинной мозгъ въ его верхней половинѣ: тогда кожа во всей нижней половинѣ тѣла становится совершенно нечувствительною.

тѣлу, или отъ внезапнаго появленія передъ глазами какого нибудь образа будетъ отраженнымъ движеніемъ. И конечно всякому понятно, что при цѣлости головнаго мозга сфера возможныхъ отраженныхъ движеній даже несравненно шире, чѣмъ въ обезглавленномъ животномъ; потому что при послѣднемъ условіи изъ чувствующихъ нервовъ, которыхъ возбужденіе родитъ отраженныя движенія, остались только кожные, тогда какъ у цѣлаго животнаго сверхъ этихъ кожныхъ существуютъ еще нервы зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса. Какъ бы то ни было, а читатель видитъ, что всѣ такъ называемыя отраженныя, невольныя, машинообразныя движенія бываютъ не только у обезглавленнаго животнаго, но и у цѣлаго здороваго человѣка. Стало быть головной мозгъ, органъ души, при извѣстныхъ условіяхъ (по понятіямъ школы), можетъ производить движенія роковымъ образомъ, то есть какъ любая машина, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ стѣнныхъ часахъ стрѣлки двигаются роковымъ образомъ отъ того, что гири вертятъ часовыя колеса.

Мысль о машинности мозга, при какихъ бы то ни было условіяхъ, для всякаго натуралиста кладъ. Онъ въ свою жизнь видѣлъ столько разнообразныхъ, причудливыхъ машинъ, начиная отъ простаго винта до тѣхъ сложныхъ организмовъ, которые все болѣе и болѣе замѣняютъ собою человѣка въ дѣлѣ физическаго труда; онъ столько вдумывался въ эти механизмы, что если поставить предъ такимъ натуралистомъ новую для него машину, закрыть отъ его глазъ ея внутренность, показать лишь начало и конецъ ея дѣятельности, то онъ составитъ приблизительно вѣрное понятіе и объ устройствѣ этой машины и объ ея дѣйствіи. Мы съ вами, любезный читатель, если и на столько счастливы, что принадлежимъ къ числу такихъ натуралистовъ, не будемъ, однако, слишкомъ полагаться на наши силы въ виду такой машины, какъ мозгъ. Вѣдь это самая причудливая машина въ мірѣ. Будемъ же скромны и осторожны въ заключеніяхъ.

Мы нашли, что спинной мозгъ безъ головнаго всегда, то есть роковымъ образомъ, производитъ движенія, если раздражается чувствующій нервъ; и въ этомъ обстоятельствѣ видѣли первый признакъ машинности спиннаго мозга въ дѣлѣ произведенія движеній. Дальнѣйшее развитіе вопроса показало однако, что и головной мозгъ при извѣстныхъ условіяхъ (слѣдовательно не всегда) можетъ дѣйствовать какъ машина, и что тогда дѣятельность его выражается такъ называемыми невольными движеніями. Въ виду такихъ результатовъ, стремленіе опредѣлить условія, при которыхъ головной мозгъ является машиной, конечно, совершенно естественно. Вѣдь выше было замѣчено,

что всякая машина, какъ бы хитра она ни была, всегда можетъ быть подвергнута изслѣдованію. Слѣдовательно въ строгомъ разборѣ условій машинности головнаго мозга лежитъ задатокъ пониманія его. И такъ, приступимъ къ дѣлу.

§ 3. Всякій знаетъ, что невольныя движенія, вытекающія изъ головнаго мозга, происходятъ въ томъ случаѣ, если чувствующій нервъ раздражается неожиданно, внезапно. Это первое условіе. Посмотримъ, нѣтъ ли другихъ, и для большей ясности будемъ развивать вопросъ на примѣрахъ. Дана нервная дама. Вы ее предупреждаете, что сейчасъ стукнете рукой по столу, и стучите. Звукъ падаетъ въ такомъ случаѣ на слуховой нервъ дамы не внезапно, не неожиданно; тѣмъ не менѣе она вздрагиваетъ. При видѣ такого факта вамъ можетъ придти въ голову, что неожиданность раздраженія чувствующаго нерва не есть еще абсолютное условіе невольности движенія, или что нервная женщина есть существо ненормальное, патологическое, въ которомъ явленія происходятъ наизворотъ. Удержитесь пока отъ этихъ заключеній, любезный читатель, и продолжайте опытъ. Стучанье по столу продолжается съ разрѣшенія дамы съ прежнею силою, и теперь уже вы дѣлаете нѣсколько ударовъ въ минуту. Приходитъ наконецъ время, когда стукъ перестаетъ дѣйствовать на нервы, дама не вздрагиваетъ болѣе. Это объясняется обыкновенно или привычкой чувствующаго органа къ раздаженію, или притупленіемъ его чувствительности — усталостью. Мы разберемъ это объясненіе впослѣдствіи, а теперь продолжаемъ опытъ. Когда дама привыкла къ стуку извѣстной силы, усильте его, предупредивши ее, что стукъ усилится. Дама снова вздрагиваетъ. При повторенныхъ ударахъ послѣдней силы отраженныя движенія снова исчезаютъ. Съ усиленіемъ стука опять появляются и т. д. Явно, что для всякаго человѣка въ мірѣ существуетъ такой сильный звукъ, который можетъ заставить его вздрогнуть и въ томъ случаѣ, когда этотъ звукъ ожидается. Нужно только, чтобы потрясеніе слуховаго нерва было сильнѣе того, какое ему случалось когда либо выдерживать. Севастопольскій герой, напримѣръ, слушавшій (вслѣдствіе постепенной привычки) хладнокровно канонаду тысячи пушекъ, конечно вздрогнулъ бы при пальбѣ изъ милліона. Я не переношу этого примѣра въ сферу другихъ органовъ чувствъ, потому что теперь читателю самому будетъ легко представить себѣ эффекты постепенно усиливаемаго возбужденія зрительнаго, обонятельнаго и вкусоваго нервовъ. Онъ конечно придетъ всюду къ одному и тому же результату: если возбужденіе чувствующаго нерва сильнѣе того, какое ему когда либо случалось выдерживать, то оно

при всевозможныхъ условіяхъ вызываетъ роковымъ образомъ отраженныя, то есть невольныя, движенія. Это вторая и послѣдняя категорія случаевъ, гдѣ головной мозгъ въ дѣлѣ произведенія движеній является машиной. Во всѣхъ другихъ мышечныя движенія, совершающіяся подъ его вліяніемъ, получили со стороны физіологовъ названіе произвольныхъ. О нихъ рѣчь будетъ ниже. А теперь обратимся снова къ условіямъ невольныхъ движеній и постараемся перевести ихъ на физіологическій языкъ.

Всматриваясь въ эти условія пристальнѣе, не трудно замѣтить между ними сходство. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ случаѣ производящей причиной является абсолютная неожиданность чувственнаго раздраженія, во второмъ—только относительная. Величина раздраженія въ первомъ случаѣ выросла, такъ сказать, мгновенно отъ нуля, во второмъ же она поднялась лишь выше той, которая знакома чувствующему органу и которой онъ ожидалъ. Не смотря однако на это видимое сходство условій, между ними есть въ сущности и большое различіе. Слѣдующій примѣръ покажетъ это всего лучше. Посрединѣ комнаты стоитъ человѣкъ, нисколько не подозрѣвающій, что дѣлается позади его. Этого человѣка толкаютъ слегка въ спину, и онъ летитъ на нѣсколько шаговъ съ мѣста, гдѣ стоялъ. Другое дѣло, если этотъ человѣкъ знаетъ, что его толкнутъ; тогда онъ такъ устроится съ своими мышцами, что и болѣе сильный толчекъ можетъ не сдвинуть его съ мѣста. Но понятно, что и при этомъ условіи человѣкъ не устоитъ, если толчекъ выйдетъ значительно сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, какая огромная разница лежитъ между состояніемъ человѣка, когда внѣшнее вліяніе падаетъ на него совершенно внезапно, и когда онъ къ этому вліянію, какъ говорится, приготовленъ. Въ послѣднемъ случаѣ со стороны человѣка есть дѣятельное и цѣлесообразное противодѣйствіе внѣшнему вліянію; въ нашемъ примѣрѣ оно выражается сокращеніемъ извѣстной группы мышцъ, которое произведено, какъ говорится, произвольно. Тѣмъ не менѣе я постараюсь доказать теперь, что это дѣятельное противодѣйствіе со стороны человѣка является всегда, если онъ ожидаетъ какого-нибудь внѣшняго вліянія.

Убѣдиться въ томъ, что это случается чрезвычайно часто, очень легко. Посмотрите хоть на ту нервную даму, которая не въ состояніи противустоять даже ожидаемому легкому звуку. У нея даже въ выраженіи лица, въ позѣ есть что-то такое, что обыкновенно называется рѣшимостью. Это конечно внѣшнее мышечное проявленіе того акта, которымъ она старается, хотя и тщетно, побѣдить невольное движеніе.

Подмѣтить это проявленіе воли вамъ чрезвычайно легко (а между тѣмъ оно такъ не рѣзко, что описать его словами очень трудно) только потому, что въ вашей жизни вы видали подобные примѣры тысячи разъ. Какъ часто видишь, напримѣръ, на картинахъ фигуры, гдѣ по одному взгляду, по одной позѣ уже знаешь, что вотъ этому человѣку угрожаетъ какое нибудь внѣшнее вліяніе, которому онъ хочетъ противустоять. По извѣстному характеру взгляда и позы этой фигуры вы даже можете судить о степени противодѣйствія и о степени опасности. И такъ, противодѣйствіе является дѣйствительно часто, если ожидается внѣшнее вліяніе. Но какъ объяснить слѣдующіе примѣры—а ихъ тьма:—человѣкъ приготовленъ къ внѣшнему вліянію и оно, какъ показываютъ послѣдствія, не вызвало въ немъ невольныхъ движеній; а между тѣмъ при встрѣчѣ съ враждебнымъ вліяніемъ человѣкъ этотъ остался абсолютно покоенъ, т. е. его внѣшность не выражала и слѣда того противодѣйствія, объ которомъ была рѣчь выше. Вы, напримѣръ, человѣкъ не нервный и знаете, что васъ хотятъ напугать стукомъ, отъ котораго вздрагиваютъ лишь нервныя дамы. Конечно вы останетесь одинаково покойны передъ стукомъ и послѣ стука. Вашъ пріятель привыкъ, напримѣръ, обливаться ледяной водой. Ему конечно ничего не стоитъ удержаться отъ невольныхъ движеній, если онъ обольется водою въ 8^{0}. Третій привыкъ къ запаху анатомическаго театра. Онъ конечно безъ всякихъ гримасъ и усилій войдетъ въ больничную палату. Спрашивается, существуетъ ли во всѣхъ этихъ случаяхъ то противодѣйствіе внѣшнему вліянію, объ которомъ рѣчь была выше? Конечно существуетъ, и читатель убѣдится въ этомъ при помощи самыхъ простыхъ разсужденій. Возьмемъ для большей ясности прежній примѣръ дамы, боящейся стука. Было найдено, что въ случаѣ, когда стукъ повторяется съ одинаковою силою часто, она наконецъ перестаетъ отъ него вздрагивать. Слѣдите за выраженіемъ лица и за позой этой дамы во время опытовъ. Сначала рѣшимость выражена въ ней рѣзко, а побѣдить звукъ ей все-таки не удается; потомъ та же поза рѣшимости уже достаточна, чтобы противустоять болѣе сильному звуку; наконецъ приходитъ время, когда стукъ переносится и безъ выразительныхъ позъ и безъ рѣшительныхъ взглядовъ. Дѣло объясняется повидимому всего лучше утомленіемъ слуховаго нерва; это отчасти и есть, но дѣла все-таки объяснить не можетъ. Испытайте въ самомъ дѣлѣ слухъ вашей дамы въ то время, когда сильный стукъ пересталъ уже на нее дѣйствовать. Вы найдете, что даже къ очень слабымъ звукамъ слухъ ея притупился чрезвычайно мало. Стало быть явленію есть и другая причина. Ее обыкновенно называютъ привычкой. И въ данномъ случаѣ при-

вычка заключается въ томъ, что дама выучивается въ теченіи опытовъ развивать въ себѣ противодѣйствіе стуку. Слѣдующій новый примѣръ покажетъ, что это толкованіе привычки не произвольно. Кто видалъ начинающихъ учиться на фортепіано, тотъ знаетъ, какихъ усилій стоитъ имъ выдѣлываніе гаммъ. Бѣднякъ помогаетъ своимъ пальцамъ и головой, и ртомъ, и всѣмъ туловищемъ. Но посмотрите на того же человѣка, когда онъ развился въ артиста. Пальцы бѣгаютъ у него по клавишамъ не только безъ всякихъ усилій, но зрителю кажется даже, что движенія эти совершаются независимо отъ воли—такъ они быстры. А дѣло вѣдь и здѣсь въ привычкѣ. Какъ здѣсь она маскируетъ отъ вашихъ глазъ усилія воли относительно движенія каждаго пальца въ отдѣльности, такъ и въ примѣрѣ съ нервной дамой привычка маскируетъ усилія этой дамы противустоять стуку. Чтобы не растягивать вопроса дальнѣйшими примѣрами, я предлагаю читателю рѣшить, есть ли на свѣтѣ такая отвратительная, страшная вещь, къ которой бы человѣкъ не могъ привыкнуть? Всякій отвѣтитъ конечно, что нѣтъ; а между тѣмъ всякій знаетъ, что процессъ привыканія ко многимъ вещамъ стоитъ долгихъ и страшныхъ усилій. Привыкнуть съ страшному, къ отвратительному, не значитъ выносить его безъ всякихъ усилій (это безсмыслица), а значитъ искусно управлять усиліемъ.

И такъ, если человѣкъ приготовленъ къ какому нибудь внѣшнему вліянію на его чувства, то независимо отъ окончательнаго эффекта этого вліянія (т. е. произойдетъ ли невольное отраженное движеніе, или нѣтъ), въ немъ в с е г д а родится противодѣйствіе этому вліянію; и противодѣйствіе это выражается иногда извнѣ мышечнымъ движеніемъ, иногда же остается безъ видимаго внѣшняго проявленія.

Теперь намъ уже возможно установить ясное различіе между обоими родами условій невольныхъ движеній при цѣлости головнаго мозга. Въ случаѣ абсолютной внезапности впечатлѣнія, отраженное движеніе происходитъ лишь при посредствѣ нервнаго центра, соединяющаго чувствующій нервъ съ двигательнымъ. А при ожиданности раздраженія въ явленіе вмѣшивается дѣятельность новаго механизма, стремящагося подавить, задержать отраженное движеніе. Въ иныхъ случаяхъ этотъ механизмъ побѣждаетъ силу раздраженія, тогда отраженнаго (невольнаго) движенія нѣтъ. Иногда же наоборотъ, раздраженіе одолѣваетъ препятствіе—и невольное движеніе является.

Проще и удобнѣе этого объясненія выдумать конечно трудно; но вѣдь для него нужно физіологическое основаніе, потому что дѣло идетъ о такихъ новыхъ механизмахъ въ мозгу, которыхъ дѣйствіе, повиди-

мому, можетъ быть наблюдаемо и на животныхъ. Мы и займемся теперь вопросомъ, есть ли физіологическія основанія принять существованіе въ человѣческомъ мозгу механизмовъ, задерживающихъ отраженныя движенія.

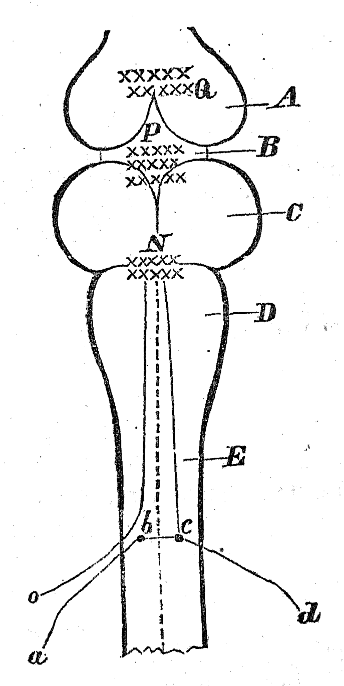
§ 4. Лѣтъ 20 тому назадъ физіологи еще думали, что всякій нервъ, кончающійся въ мышцѣ, будучи возбужденъ, непремѣнно заставляетъ эту мышцу сокращаться. И вдругъ Эд. Веберъ показываетъ прямыми опытами, что возбужденіе блуждающаго нерва, который даетъ между прочимъ вѣтви и сердцу, не только не усиливаетъ дѣятельности послѣдняго органа, но даже парализуетъ его. Подивились, подивились современники и рѣшили (большая часть современныхъ физіологовъ), что такое ненормальное дѣйствіе происходитъ отъ того, что нервъ не прямо кончается въ мышечныя волокна сердца, какъ въ мышцахъ туловища, а въ нервные узлы, которые разсѣяны въ субстанціи сердечныхъ стѣнокъ. Прошелъ десятокъ лѣтъ со времени открытія Вебера, и Пфлюгеръ нашелъ подобное же вліяніе со стороны nerv. splanchnicorum на тонкія кишки. И здѣсь въ мышечныхъ стѣнкахъ найдены тѣ же узлы, что и въ сердцѣ. Позже Кл. Бернаръ высказалъ мысль, что chorda tympani, которой возбужденіе такъ явно усиливаетъ отдѣленіе слюны, должна быть разсматриваема не только какъ возбудитель, но и какъ задерживатель (однимъ словомъ регуляторъ) слюннаго отдѣленія. Наконецъ Розенталь доказалъ, что невольныя въ сущности дыхательныя движенія останавливаются или задерживаются при раздраженіи волоконъ верхне-гортаннаго нерва. Въ виду этихъ фактовъ у современныхъ физіологовъ укрѣпилась мало по малу мысль о томъ, что въ тѣлѣ животнаго могутъ существовать нервныя вліянія, результатомъ которыхъ бываетъ подавленіе невольныхъ движеній. Съ другой стороны обыденная жизнь человѣка представляетъ тьму примѣровъ, гдѣ воля дѣйствуетъ съ виду такимъ же образомъ: мы можемъ остановить произвольно дыхательныя движенія во всѣ фазы ихъ развитія, даже послѣ выдыханія, когда всѣ дыхательныя мышцы находятся въ разслабленномъ состояніи; воля можетъ подавить далѣе крикъ и всякое другое движеніе, вытекающее изъ боли, испуга и пр. И замѣчательно, что во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ, всегда предполагающихъ со стороны человѣка значительную дозу нравственной силы, усиліе воли къ подавленію невольныхъ движеній мало или даже вовсе не выражается извнѣ какими нибудь побочными движеніями;— человѣкъ, остающійся при этихъ условіяхъ совершенно покойнымъ и неподвижнымъ, считается болѣе сильнымъ.

Зная всѣ эти факты, могли ли современные физіологи не принять существованія въ человѣческомъ тѣлѣ — и именно въ головномъ мозгу, потому что воля дѣйствуетъ только при посредствѣ этого органа — механизмовъ, задерживающихъ отраженныя движенія?

Гипотеза эта стала почти несомнѣнной истиной съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ 1862 г. доказано прямыми опытами существованіе въ головномъ мозгу лягушки механизмовъ, подавляющихъ при возбужденіи ихъ болѣзненные рефлексы изъ кожи.

Итакъ, сомнѣваться нельзя — всякое противодѣйствіе чувственному раздраженію должно заключаться въ игрѣ механизмовъ, задерживающихъ отраженныя движенія.

Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи невольныхъ движеній при цѣлости головнаго мозга конченъ. Въ обоихъ случаяхъ (при абсолютно и относительно внезапномъ раздраженіи чувствующаго нерва) механизмъ происхожденія отраженныхъ (невольныхъ) движеній долженъ быть по сущности одинаковъ и не отличаться отъ того, который существуетъ въ спинномъ мозгу. Убѣдиться въ этомъ всего легче путемъ сравненія между собою формъ аппаратовъ, производящихъ невольныя движенія у обезглавленнаго и нормальнаго животнаго, аппаратовъ, которые изучены довольно подробно лишь въ самое послѣднее время на лягушкѣ. У обезглавленнаго животнаго рефлекторная машина для каждой точки кожи состоитъ изъ кожнаго нерва a, входящаго въ спинной мозгъ и кончающагося въ клѣтку b заднихъ роговъ; клѣтка эта связана съ другою c, лежащею въ передней половинѣ спиннаго мозга, и составляетъ вмѣстѣ съ нею такъ называемый отражательный центръ; изъ c родится двигательное волокно d, кончающееся въ мышцѣ. Рефлексъ, какъ продуктъ дѣятельности этой маши-

Рисунокъ изображаетъ спинной и головной мозгъ лягушки. A — полушарія; B — зрительные чертоги C — четверныя возвышенія; D — продолговатый мозгъ; E — спинной мозгъ.

ны, есть ничто иное, какъ непрерывный рядъ возбужденій a, b, c и d, начинающійся всегда раздраженіемъ a въ кожѣ. Головной же рефлексъ производится дѣятельностью механизма, въ составъ котораго входятъ слѣдующія части: кожное волокно o (кожныя волокна, кончающіяся въ головномъ и спинномъ мозгу, отличны другъ отъ друга, какъ доказалъ Березинъ), кончающееся въ нервные центры N, производящіе движеніе ходьбы; путь Nc, по которому идутъ произвольно двигательные импульсы изъ головы, и наконецъ части c и d, входящія въ составъ спинно-мозговой машины. Этотъ аппаратъ тоже приводится въ дѣятельность возбужденіемъ o, т. е. кожнаго нерва. Оба рефлекса со стороны способа происхожденія очевидно совершенно тождественны между собою, пока возбужденіе идетъ въ сферѣ описанныхъ путей; но это сходство не нарушается и условіемъ, когда въ явленіе замѣшивается дѣятельность задерживательнаго аппарата P, потому что онъ существуетъ какъ для N, такъ и для bc и лежитъ для обоихъ въ частяхъ головнаго мозга кпереди отъ N. Тѣ, которые считаютъ актъ противодѣйствія внѣшнему вліянію произвольнымъ, должны конечно принять, что на P дѣйствуетъ непосредственно воля; ниже мы увидимъ однако, что существуютъ факты, говорящіе въ пользу того, что задерживательные механизмы могутъ возбуждаться и путемъ раздраженія чувствующихъ нервовъ кожи.

§ 5. Теперь же будемъ продолжать изученіе головнаго мозга съ точки зрѣнія машины, и посмотримъ, какое существуетъ отношеніе между силой раздраженія и отраженнымъ движеніемъ — между толчкомъ и его эффектами. За типъ возьмемъ опять сначала явленія, представляемыя спиннымъ мозгомъ, какъ болѣе разработанныя. Здѣсь вообще можно сказать, что съ постепеннымъ усиленіемъ раздраженія постепенно возрастаетъ и напряженность движенія, распространяясь въ то же время на большее и большее число мышцъ. Раздражается, напримѣръ, слабо кожа задней ноги у обезглавленной лягушки — эффектомъ будетъ сокращеніе мышцъ только этой ноги. Раздраженіе постепенно усиливается — отраженныя движенія появляются и на передней ногѣ той же стороны, наконецъ на задней и передней противуположной.

То же самое можно подмѣтить и на черепныхъ нервахъ при условіяхъ, когда головной мозгъ, какъ говорится, не дѣятеленъ.

Если, напримѣръ, раздражать перышкомъ кожу лица (въ которой развѣтвляется трехраздѣльный нервъ) у человѣка во время глубокаго сна, то при слабомъ раздраженіи замѣчается лишь сокращеніе личныхъ мышцъ, при болѣе сильномъ отраженное движеніе можетъ по-

явиться и въ рукѣ, а при очень сильномъ человѣкъ проснется и вскочитъ, т. е. рефлексы получатся чуть не во всѣхъ мышцахъ тѣла. Слѣдовательно и здѣсь съ усиленіемъ раздраженія отраженное движеніе усиливается и дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обширнымъ.

Другое дѣло, когда головной мозгъ дѣятеленъ. Здѣсь отношеніе между силой раздраженія и эффектомъ его несравненно сложнѣе. Вопросъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не былъ разбираемъ съ научной точки зрѣнія, поэтому я считаю нужнымъ распространиться о немъ подробно.

Разберемъ случай абсолютно внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, при цѣлости головнаго мозга, на животныхъ и на человѣкѣ. Повѣсьте лягушку за морду вертикально въ воздухѣ и выбравши минуту, когда она перестала биться и виситъ совершенно спокойно, дотроньтесь потихоньку пальцемъ до ея задней лапы. Часто лягушка, какъ говорится, испугается и начнетъ снова биться, т. е. работать всѣми мышцами тѣла. Про медвѣдей разсказываютъ, что отъ внезапнаго испуга (т. е. отъ внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва) они бросаются бѣжать со всѣхъ ногъ и съ ними даже дѣлается кровавый поносъ. Какъ бы то ни было, а фактъ чрезмѣрно сильныхъ невольныхъ движеній, при видимой незначительности внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, извѣстенъ на животныхъ. На людяхъ явленіе это выражается иногда еще рѣзче. Примѣромъ могутъ служить истерическія женщины, съ которыми дѣлаются конвульсіи во всемъ тѣлѣ (отраженныя движенія) отъ неожиданнаго стука, или отъ внезапнаго прикосновенія къ ихъ кожѣ посторонняго тѣла.

Но, независимо отъ этого крайняго случая, всякому извѣстно, что неожиданный испугъ, какъ бы незначительна ни была причина, произведшая его (раздраженіе чувствующаго нерва), всегда вызываетъ у человѣка сильныя и обширныя отраженныя движенія. Притомъ всякій знаетъ, что испугъ можетъ происходить какъ въ сферѣ спинно-мозговыхъ, такъ и въ сферѣ черепныхъ нервовъ. Можно вѣдь одинаково легко испугаться какъ отъ внезапнаго прикосновенія посторонняго тѣла къ нашему туловищу (въ которомъ развѣтвляются спинно-мозговые нервы), такъ и отъ неожиданнаго появленія передъ нашими глазами страннаго образа, т. е. при возбужденіи зрительнаго нерва, родящагося изъ головнаго мозга.

Какъ бы то ни было, а фактъ, что испугъ нарушаетъ соотвѣтствіе между силой раздраженія и эффектомъ его, т. е. движеніемъ въ пользу послѣдняго, несомнѣненъ. Спрашивается, можно ли допустить послѣ этого,

что путь развитія невольнаго движенія при испугѣ машинообразенъ. Въ явленіе вмѣшивается вѣдь психическій элементъ — ощущеніе испуга, и читатель конечно слыхалъ разсказы о томъ, какія чудеса дѣлаются иногда подъ вліяніемъ страха: люди съ одышкой пробѣгаютъ, не запыхавшись, версты, малосильные носятъ громадныя тяжести и пр. Въ этихъ разсказахъ непривычная энергія мышечныхъ движеній объясняется, правда, нравственнымъ вліяніемъ страха; но вѣдь конечно никто не подумаетъ, что этимъ дѣло дѣйствительно объясняется. Посмотримъ лучше, нельзя ли выдумать такой машины, гдѣ бы импульсъ къ дѣйствію ея былъ очень незначителенъ, а эффектъ этого дѣйствія огроменъ. Если можно выстроить такую машину, то нѣтъ причины отвергать машинообразность происхожденія невольнаго движенія при испугѣ. Вотъ примѣръ такой машины. Приводы сильной гальванической баттареи обвиваютъ спирально кусокъ мягкаго желѣза, имѣющаго форму подковы. Подъ концами его на подставкѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, лежитъ кусокъ желѣза пудовъ въ 10. Цѣпь разомкнута и вся машина покойна. Въ мѣстѣ перерыва цѣпи одна половина привода погружена въ ртуть, другая виситъ надъ самой ея поверхностью, но не касается ртути. Стоитъ однако только дунуть на этотъ конецъ проволоки, и онъ погрузится. Дуньте же. Цѣпь замкнулась; подковообразное желѣзо стало магнитомъ и притянуло къ себѣ лежавшій подъ нимъ 10-пудовой якорь. Импульсъ, ваше дуновеніе, слабъ; эффектъ — поднятіе 10-пудовой тяжести — конечно не ничтоженъ. Пустите искру въ порохъ — та же исторія. Конечно, искра сама по себѣ сила (ее даже можно приблизительно измѣрить, если извѣстно раскаленное вещество и его температура), но вѣдь сила эта нуль въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаетъ порохъ.

И такъ, помирить машинообразность происхожденія невольныхъ движеній при испугѣ съ несоотвѣтствіемъ въ этихъ случаяхъ между силой раздраженія и напряженностью движенія не только можно, но даже должно; иначе мы впали бы въ нелѣпость, вопіющую даже для спиритуалиста: допустили бы рожденіе силъ чисто матеріальныхъ (мышечныхъ) изъ силъ нравственныхъ.

Послѣ сказаннаго читатель однако имѣетъ право требовать, чтобы мы выстроили въ человѣческомъ мозгу машину, удовлетворяющую явленіямъ испуга.

Мы и займемся этимъ.

Планъ машины: — страхъ свойственъ какъ человѣку, такъ и послѣднему изъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые живутъ, по нашимъ понятіямъ, лишь инстинктами. Испугъ есть, слѣдовательно, яв-

леніе инстинктивное. Ощущеніе это происходитъ въ головномъ мозгу, и оно есть столько же роковое послѣдствіе внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, какъ отраженное движеніе есть роковое послѣдствіе испуга. Это три стоящія въ причинной связи дѣятельности одного и того же механизма. Начало явленія есть раздраженіе чувствующаго нерва, продолженіе — ощущеніе испуга, конецъ — усиленное отраженное движеніе.

Разберемъ случай, когда испугъ произошелъ отъ раздраженія нерва, родящагося въ спинномъ мозгу.

Здѣсь возбужденіе идетъ къ головному мозгу, такъ какъ только этотъ органъ родитъ сознательныя ощущенія, и именно къ частямъ его, лежащимъ больше всего кпереди, — къ такъ называемымъ мозговымъ полушаріямъ, — потому что вырѣзываніе послѣднихъ лишаетъ животное возможности пугаться [1]). Стало быть, процессы, которые усиливаютъ конецъ рефлекса на счетъ начала его, происходятъ въ мозговыхъ полушаріяхъ. Понимать это можно двоякимъ образомъ: механизмъ, усиливающій конецъ рефлекса, можетъ быть самъ устроенъ по типу рефлекторныхъ аппаратовъ, и тогда онъ долженъ служить одновременно и концомъ чувствующихъ нервовъ и началомъ двигательныхъ; или его можно разсматривать, какъ придатокъ извѣстнаго уже читателю рефлекторнаго аппарата N (рис. 1), производящаго головные рефлексы и лежащаго у лягушки далеко позади полушарій. Послѣдняя изъ этихъ возможностей несравненно вѣроятнѣе первой, потому что уже средними частями головнаго мозга, слѣдовательно независимо отъ полушарій, соединены рефлекторно всѣ безъ исключенія точки кожи съ рубчатыми мышцами костнаго скелета. Кромѣ того прямые опыты показываютъ, что изъ всѣхъ частей головнаго мозга одни полушарія не вызываютъ при искусственномъ раздраженіи мышечныхъ движеній, другими словами не содержатъ волоконъ, которыя соотвѣтствовали бы по свойствамъ двигательнымъ.

Такимъ образомъ оказывается, что механизмъ въ головномъ мозгу, производящій невольныя (отраженныя) движенія въ сферѣ туловища и конечностей, имѣетъ тамъ же два придатка, изъ которыхъ одинъ угнетаетъ движеніе, а другой, наоборотъ, усиливаетъ ихъ относительно силы

---

[1]) При послѣднемъ условіи животное дѣлается какъ бы соннымъ и хотя не теряетъ способности отвѣчать движеніями на раздраженіе кожи, но движенія эти принимаютъ характеръ автоматичности, рѣзко отличающій ихъ отъ движеній нормальнаго животнаго.

раздраженія. Послѣдній придатокъ навѣрное возбуждается къ дѣятельности только путемъ раздраженія чувствующихъ нервовъ и представляетъ въ связи съ рефлекторнымъ аппаратомъ N машину испуга. Съ этой точки зрѣнія можно даже для простоты принять, что ощущеніе испуга и возбужденіе аппарата, усиливающаго конецъ головнаго рефлекса тождественны между собою. По крайней мѣрѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что они стоятъ въ самой тѣсной причинной связи другъ съ другомъ.

Схема, представляющая случай испуга отъ внезапнаго раздраженія чувствующаго волокна, родящагося въ спинномъ мозгу, можетъ быть перенесена безъ малѣйшаго измѣненія и на случаи раздраженія головныхъ нервовъ, наприм. зрительнаго, слуховаго и проч.

Передъ вами, любезный читатель, первый еще случай, гдѣ психическое явленіе введено въ цѣпь процессовъ, происходящихъ машинообразно. Вы не привыкли еще смотрѣть на подобныя явленія съ развитой мною точки зрѣнія; вамъ не довольно аналогіи магнитной машины съ машиной испуга, и вы сомнѣваетесь. Повторю же еще разъ. Если на человѣка дѣйствуетъ какое нибудь внѣшнее вліяніе и не пугаетъ его, то вытекающая изъ этого реакція (какое ни на есть мышечное движеніе) соотвѣтствуетъ по силѣ внѣшнему вліянію. Когда же послѣднее производитъ въ человѣкѣ испугъ, то реакція выходитъ страшно сильная. Я и говорю, что въ послѣднемъ случаѣ, стало быть, къ старому механизму, производящему реакцію, присоединяется дѣятельность новаго, усиливающаго ее. Кажется, не противно здравому смыслу. А гдѣ же кабинетные опыты надъ машиной, усиливающей рефлексы, подобные тѣмъ, которые сдѣланы надъ механизмами задерживающими ихъ? Такіе опыты уже есть [1]) и сообщить ихъ я тѣмъ болѣе радъ, что они очень просты, ясны и убѣдительны для всякаго, кто не вноситъ предубѣжденія въ рѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Г. Березинъ, ассистентъ при физіологической лабораторіи здѣшней академіи, нашелъ, что если продержать лягушку при комнатной температурѣ (т. е. при 17° —18° С.) нѣсколько часовъ и затѣмъ опустить ея заднія лапки въ воду со льдомъ, то она очень скоро выдергиваетъ ихъ оттуда. Лягушка, значитъ, чувствуетъ холодъ, онъ ей непріятенъ и она двигается съ цѣлью избѣжать непріятнаго ощущенія; и нужно замѣтить, что движеніе это бываетъ всегда очень сильно — лягушка какъ бы пугает-

---

[1]) Въ 1863 году, когда были напечатаны въ первый разъ „рефлексы головнаго мозга“, ни одного изъ описанныхъ ниже опытовъ еще не было.

ся. Если же ей отнять полушарія и повторить операцію погруженія лапокъ, то животное остается абсолютно покойнымъ. Дѣло другаго рода, если увеличить теперь поверхность охлажденія кожи, погрузить напр. въ ледяную воду всю заднюю половину туловища — лягушка двинетъ ногами. Не явно ли, что въ дѣлѣ произведенія движеній путемъ охлажденія кожи полушарія дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ съ увеличеніемъ охлаждаемой поверхности? — Всякій знаетъ, что послѣднее условіе вообще усиливаетъ эффектъ охлажденія (чувство холода становится невыносимѣе); стало быть и полушарія дѣйствуютъ усиливающимъ образомъ относительно эффекта охлажденія—движенія. Другой опытъ, доказывающій присутствіе въ головномъ мозгу лягушки механизмовъ, усиливающихъ невольныя движенія, принадлежитъ г. студ. Пашутину. — Онъ нашелъ, что движенія лягушки отъ прикосновенія къ ея кожѣ значительно усиливаются, если раздражать ей электрическимъ токомъ среднія части головнаго мозга.— При этомъ на ней повторяется съ виду совершенно тоже самое, что на человѣкѣ, до котораго неожиданно дотрогиваются:—лягушка вздрагиваетъ отъ прикосновенія всѣмъ тѣломъ; безъ раздраженія же мозга она остается при этомъ очень часто покойной.

Независимо отъ этихъ прямыхъ опытовъ, мысль о существованіи въ тѣлѣ аппаратовъ, усиливающихъ невольныя движенія, подтверждается еще аналогическими явленіями изъ сферы дыхательной и сердечной дѣятельности. Нервные механизмы, производящіе дыхательныя движенія и біенія сердца, снабжены каждый двумя нервными регуляторами - антагонистами: одинъ изъ нихъ ослабляетъ дыхательную и сердечную дѣятельность до полной остановки ихъ, а другой, наоборотъ, усиливаетъ и ту и другую.

Нужно ли еще доказывать, что и машина разбираемыхъ нами невольныхъ движеній имѣетъ двухъ регуляторовъ - антагонистовъ: придатокъ, угнетающій движенія, и другой—усиливающій ихъ.

Въ заключеніе этого отдѣла явленій мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ послѣдствіяхъ высшихъ степеней испуга, объ обморокахъ и о томъ состояніи человѣка, которое на фигурномъ языкѣ народа называется окаменѣлымъ. И то и другое явленіе, не смотря на все видимое несходство внѣшнихъ признаковъ, принадлежитъ тѣмъ не менѣе къ разряду усиленныхъ отраженныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, обморокъ происходитъ вслѣдствіе отраженія съ чувствующаго нерва на бродящій, который, будучи сильно возбужденъ, значительно ослабляетъ или даже на время вовсе останавливаетъ сокращенія сердца.

Отъ этого кровь не приливаетъ къ мозгу (блѣдность лица), а отсюда потеря сознанія. Предтечей обморока бываетъ то состояніе угнетенія мышечной и нервной системъ, которое называется обыкновенно параличемъ отъ страха. Объясненія эти нисколько не натянуты, потому что всякій слыхалъ вѣроятно, что въ минуту испуга останавливается сердце и уже потомъ начинаетъ сильно биться. Людей, окаменѣвшихъ отъ ужаса, мнѣ случалось видѣть лишь на картинахъ. Тамъ это состояніе выражается обыкновенно усиленнымъ и продолжительнымъ сокращеніемъ мышцъ лица и нѣкоторыхъ изъ мышцъ туловища (столбнякъ). Слѣдовательно и здѣсь эффектъ испуга есть усиленное отраженное движеніе.

Случаи испуга при ожидаемомъ чувственномъ возбужденіи, я разбирать не буду. Читатель самъ догадается, что тогда соотвѣтствіе между силой чувственнаго раздраженія и напряженностью движенія нарушается еще болѣе, чѣмъ въ только что разобранномъ случаѣ, потому что здѣсь, сверхъ механизмовъ, усиливающихъ отраженныя движенія, дѣйствуютъ еще тѣ, которые ихъ задерживаютъ. Понятно также, что форменное представленіе процесса, вытекшее изъ разбора абсолютно внезапнаго чувственнаго возбужденія и его эффектовъ, остается неизмѣннымъ и для случаевъ, когда возбужденіе не внезапно.

§ 6. Къ категоріи невольныхъ движеній съ преобладающею дѣятельностью аппарата, усиливающаго рефлексы, должно отнести еще многочисленный классъ отраженныхъ движеній, гдѣ психическимъ моментомъ является чувственное наслажденіе въ обширномъ смыслѣ слова. Чтобы избѣжать недоразумѣній, я покажу на примѣрахъ о какого рода явленіяхъ идетъ здѣсь рѣчь. Сюда относятся: смѣхъ ребенка, при видѣ предметовъ ярко окрашенныхъ, мышечныя сокращенія, придающія извѣстную физіономію голодному, когда онъ ѣстъ, — любителю тонкихъ запаховъ, когда онъ почуялъ любимый ароматъ и пр. Однимъ словомъ, выражаясь простымъ разговорнымъ языкомъ, сюда относятся всѣ тѣ мышечныя движенія, въ основѣ которыхъ лежатъ самыя элементарныя чувственныя наслажденія.

Процессъ развитія этихъ явленій конечно тотъ же самый, какой описанъ вообще для невольныхъ движеній. Начало дѣла—возбужденіе чувствующаго нерва; продолженіе —дѣятельность центра, наслажденіе, конецъ—мышечное сокращеніе. Но условія возниканія этого рода рефлексовъ совершенно особенныя.

Всякій знаетъ, что одно и то же внѣшнее вліяніе, дѣйствующее на тѣ же самые чувствующіе нервы, одинъ разъ даетъ человѣку наслаж-

деніе, другой разъ нѣтъ. Напримѣръ, когда я голоденъ, запахъ кушанья для меня пріятенъ; при сытости я къ нему равнодушенъ, а при пресыщеніи онъ мнѣ чуть не противенъ. Другой примѣръ: живетъ человѣкъ въ комнатѣ, гдѣ мало свѣта; войдетъ онъ въ чужую, болѣе свѣтлую, ему пріятно; придетъ оттуда къ себѣ — рефлексъ принялъ другую физіономію; но стоитъ этому человѣку посидѣть въ подвалѣ — тогда и въ свою комнату онъ войдетъ съ радостнымъ лицомъ. Подобныя исторіи повторяются съ ощущеніями, дающими положительное или отрицательное наслажденіе, во всѣхъ сферахъ чувствъ. Что же за условіе этихъ явленій и можно ли выразить его физіологическимъ языкомъ? Нельзя ли во-первыхъ принять, что для каждаго видоизмѣненія ощущенія существуютъ особенные аппараты? Конечно нѣтъ, потому что имѣя, напримѣръ, въ виду случай вліянія запаха кушанья на носъ голоднаго и сытаго, пришлось бы допустить только для него существованіе по крайней мѣрѣ уже трехъ отдѣльныхъ аппаратовъ: аппарата наслажденія, равнодушія и отвращенія. То же самое пришлось бы сдѣлать и относительно всѣхъ другихъ запаховъ въ мірѣ. Гораздо проще допустить, что характеръ ощущенія видоизмѣняется съ перемѣной физіологическаго состоянія нервнаго центра. Это измѣненіе можно даже, конечно гипотически, облечь въ механическую форму. Положимъ напримѣръ, что центральная часть того аппарата, который начинается въ носу обонятельными нервами, воспринимающими запахъ кушанья, находится въ данный моментъ въ такомъ состояніи, что рефлексы съ этихъ нервовъ могутъ происходить преимущественно на мышцы, производящія смѣхъ; тогда конечно, при возбужденіи обонятельныхъ нервовъ, человѣкъ будетъ весело улыбаться. Если же, напротивъ, состояніе центра таково, что рефлексы могутъ происходить только въ мышцахъ, оттягивающихъ углы рта книзу, тогда запахъ кушанья вызоветъ у человѣка кислую мину. Допустите теперь только, что первое состояніе центра соотвѣтствуетъ случаю, когда человѣкъ голоденъ, а второе бываетъ у сытаго — и дѣло объяснено.

Итакъ, разумъ вполнѣ мирится съ тѣмъ, что невольныя движенія, вытекающія изъ чувственнаго наслажденія, суть ни что иное какъ обыкновенные рефлексы, которыхъ большая или меньшая сложность, т. е. болѣе или менѣе обширное развитіе, зависитъ отъ физіологическаго состоянія нервнаго центра.

Но почему же, скажетъ теперь читатель, отнесены эти явленія къ категоріи отраженныхъ движеній съ дѣятельностью элемента, усиливающаго рефлексы; въ былыя времена говорилось обыкновенно, что кромѣ

возбуждающихъ эффектовъ существуютъ и угнетающіе, и къ послѣднимъ относилось, напримѣръ, всякаго рода чувство отвращенія. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обращусь опять къ примѣру съ кушаньемъ. Явленіе, представляемое сытымъ человѣкомъ относительно кушанья, я принимаю за норму. Здѣсь рефлексъ слабъ — мышечное движеніе едва замѣтно (при идеальной сытости оно можетъ быть = 0). Рядомъ съ нормой оба случая рефлекса и въ голодномъ и въ пресыщенномъ конечно очень рѣзки, т. е. и тамъ и здѣсь отраженныя движенія сильны. Ясно, что въ физіологическомъ смыслѣ отвращеніе есть столько же усиленный рефлексъ, какъ и наслажденіе.

И такъ, анатомическая схема испуга годна и для объясненія рефлексовъ отъ чувственныхъ наслажденій.

Чувствую, что читателю не вѣрится еще послѣ сказаннаго, будто и въ самомъ дѣлѣ всѣ невольныя движенія въ человѣческомъ тѣлѣ объясняются дѣятельностью развитой мною анатомической схемы. Постараюсь однако доказать, что это въ самомъ дѣлѣ такъ. Примѣрами невольныхъ движеній, взятыми на выдержку, конечно ничего не сдѣлаешь, потому что всѣхъ ихъ не переберешь—невольныхъ движеній вѣдь милліарды,— а если хоть десятокъ случаевъ упустить, то скептикъ имѣетъ право думать, что именно эти 10 и не подходятъ подъ схему. Стало быть нужно разсматривать вопросъ лишь съ самой общей точки зрѣнія. Такъ и будемъ дѣлать.

У насъ всѣ невольныя движенія подведены, собственно говоря, подъ двѣ главныхъ категоріи: чистые рефлексы, т. е. когда въ явленіе не вмѣшивается дѣятельность придаточныхъ механизмовъ, задерживающихъ или усиливающихъ отраженныя движенія, и рефлексы съ преобладающею дѣятельностью послѣдняго придаточнаго аппарата, т. е. рефлексы отъ испуга и чувственнаго наслажденія. Надъ первымъ случаемъ останавливаться нечего. Всякій понимаетъ, что туда относятся явленія движенія, представляемыя человѣкомъ въ томъ состояніи, когда его головной мозгъ какъ бы отсутствуетъ; спящими, пьяными, лунатиками, людьми, сосредоточенными надъ какой нибудь мыслью и чуждыми въ то время окружающихъ ихъ вліяній и т. п. Психическій элементъ здѣсь совершенно отсутствуетъ. Неужели же, скажетъ читатель, въ другой половинѣ милліарда всѣхъ невольныхъ движеній психическими моментами является только страхъ и элементарныя чувственныя наслажденія? Да, любезный читатель, если подъ невольными движеніями въ строгомъ смыслѣ разумѣть, какъ мы это дѣлаемъ, только тѣ движенія, которыя и въ наукѣ и въ обществѣ носятъ названіе инстинктивныхъ, т. е. явле-

нія, гдѣ нѣтъ мѣста ни разсужденію, ни волѣ [1]). И причина этому заключается въ слѣдующемъ. Всѣ безъ исключенія инстинктивныя движенія въ животномъ тѣлѣ направлены лишь къ одной цѣли—сохраненію цѣлости недѣлимаго (только половые инстинкты ведутъ къ поддержанію вида). Сохраненіе же этой цѣлости вполнѣ обезпечено, если недѣлимое избѣгаетъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и имѣетъ пріятныя, т. е. полезныя. Страхъ помогаетъ ему въ первомъ, наслажденіе заставляетъ искать втораго.

Этимъ я кончаю разборъ количественной стороны невольныхъ движеній. Читатель видѣлъ на какую простую механическую схему сведена чуть не половина всѣхъ внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности. Правда, явленія въ дѣйствительности несравненно сложнѣе, чѣмъ въ нашей схемѣ. Тамъ невольныя движенія проявляются большею частью не въ мышечномъ волокнѣ и даже не въ одной мышцѣ, а въ цѣлыхъ группахъ этихъ органовъ. Здѣсь же сложное явленіе сведено на дѣятельность лишь одного первичнаго нервнаго волокна и на нѣсколько нервныхъ клѣтокъ, служащихъ этимъ волокнамъ связью. Тѣмъ не менѣе сложное явленіе въ сущности объясняется этою схемою, потому что послѣдняя представляетъ дѣятельность физіологическихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается функція цѣлыхъ группъ нервовъ и мышцъ.

§ 7. Теперь слѣдовало бы перейдти къ описанію качественной стороны невольныхъ движеній, но прежде этого читателю необходимо познакомиться съ принятыми въ наукѣ воззрѣніями, какимъ образомъ сочетаются между собою дѣятельности отдѣльныхъ отражательныхъ элементовъ въ сложное отраженное движеніе, т. е. въ движеніе, распространяющееся на большія или меньшія группы мышцъ. Выше было замѣчено, что отражательный элементъ представляетъ лишь сочетаніе первичнаго чувствующаго и движущаго волокнъ посредствомъ двухъ нервныхъ клѣтокъ; слѣдовательно, дѣятельность этого элемента можетъ распространяться лишь на то количество мышечныхъ фибръ, которыя связаны съ даннымъ двигательнымъ волокномъ. Анатомія же показываетъ, что въ тѣлѣ животнаго и человѣка нѣтъ такой мышцы, которая снаб-

---

[1]) На этомъ основаніи отсюда должны быть исключены всѣ случаи въ родѣ слѣдующихъ: вы человѣкъ очень гуманный и добрый, но не умѣете плавать, идете подлѣ рѣки и видите утопающаго; не думая долго, бросаетесь въ воду на помощь—и тонете сами. Публика, пожалуй, скажетъ, что съ вашей стороны это движеніе было невольно. Но вѣдь повѣрить этому нельзя. Вы бросились отъ того, что гуманны и добры; стало быть у васъ промелькнула черезъ голову мысль, прежде чѣмъ вы бросились въ воду.

жалась бы вся однимъ нервнымъ волокномъ; стало быть, уже для дѣятельности одной мышцы необходима совокупная дѣятельность нѣсколькихъ отражательныхъ элементовъ. Какимъ же образомъ происходитъ это сочетаніе.

Отвѣтить на это могло бы только микроскопическое изслѣдованіе спиннаго мозга, потому что элементы, о которыхъ идетъ рѣчь (т. е. первичныя нервныя волокна и нервныя клѣтки), имѣютъ величину, недоступную невооруженному глазу. Къ сожалѣнію микроскопъ, оказавшій дѣлу изученія животнаго тѣла столь великія услуги, оказывается безсильнымъ именно при рѣшеніи нашего вопроса: форму связи нервныхъ клѣтокъ между собою онъ опредѣлить до сихъ поръ не можетъ. Поэтому въ наукѣ существованіе такой связи принимается не какъ доказанный фактъ, а какъ логическая необходимость. Внѣ *межклѣточной связи нельзя было бы въ самомъ дѣлѣ объяснить себѣ способа происхожденія даже самаго элементарнаго рефлекса.*

Дѣло другаго рода, когда вопросъ нашъ поставленъ такимъ образомъ: сочетаются ли всѣ отражательные элементы тѣла равномѣрно между собою, такъ что въ спинномъ мозгу нѣтъ нервной клѣтки, которая не была бы связана со всѣми остальными; или послѣднія распредѣлены въ немъ группами, которыя связываются другъ съ другомъ лишь въ опредѣленныхъ направленіяхъ. Въ этой формѣ вопросъ допускаетъ экспериментальное рѣшеніе и опыты надъ обезглавленнымъ животнымъ (надъ лягушкой) говорятъ въ пользу втораго способа сочетанія отражательныхъ элементовъ между собою. Все тѣло животнаго можно раздѣлить напримѣръ на 4 главныхъ отражательныхъ группы: головную — кожи и мышцы головы съ ихъ нервной связью, туловищную — кожу и мышцы туловища съ ихъ нервной связью, группу верхнихъ конечностей и такую же группу нижнихъ. Каждая изъ этихъ группъ, будучи отдѣлена отъ прочихъ (путемъ отрѣзыванія головы и перерѣзокъ спиннаго мозга), можетъ дѣйствовать самостоятельно, но въ тоже время она связана со всѣми остальными въ опредѣленномъ направленіи. Напримѣръ, если вырѣзать у лягушки изъ тѣла группу верхнихъ конечностей, то раздраженіемъ кожи рукъ ихъ можно заставить двигаться и кпереди — въ направленіи къ головѣ, и кзади — въ направленіи къ ногамъ. Если же разсматривать эту группу въ связи съ прочими частями тѣла, то оказывается, что движеніе рукъ къ головѣ можно вызвать раздраженіемъ любой точки кожи, лежащей выше рукъ; а движеніе въ обратномъ направленіи — раздраженіемъ любой точки кожи на туловищѣ и заднихъ ногахъ, лежа-

щей ниже рукъ. Если разсматривать на лягушкѣ съ такой же точки зрѣнія группу нижнихъ конечностей, то оказывается, что раздраженіемъ любой точки кожи, лежащей выше заднихъ ногъ, послѣднія можно заставить подняться кверху, т. е. къ мѣсту раздраженія. Стало быть у лягушки всѣ точки кожи на головѣ связаны рефлекторно съ поднимателями рукъ и ногъ кверху; всѣ точки кожи на животѣ—съ опускателями рукъ и поднимателями ногъ и пр. Опредѣленность взаимнаго сочетанія отражательныхъ группъ идетъ даже далѣе: если помазать напр. обезглавленной лягушкѣ кожу кислотой на животѣ ближе къ срединной линіи тѣла, то и нога, поднимаясь кверху, направляется къ срединной линіи туловища (къ раздраженному мѣсту); если же помазать животъ сбоку, то нога, поднимаясь снова кверху, двигается уже по другому направленію. Однимъ словомъ, всякая точка кожи связана всего интимнѣе и всего обширнѣе съ мышцами своей группы, а изъ сосѣднихъ въ связь съ нею вступаетъ только очень опредѣленное число двигательныхъ органовъ.

Связью спиннаго мозга съ головнымъ (и именно съ продолговатымъ) даны условія къ возникновенію новыхъ сочетаній отражательныхъ элементовъ туловища и конечностей въ группы. Думаютъ именно, что нѣкоторые элементы посылаютъ изъ спиннаго мозга отроски въ продолговатый, кончающіеся здѣсь независимыми отъ прочихъ центральныхъ образованій механизмами. Послѣдніе, возбуждаясь къ дѣятельности путемъ чувственнаго возбужденія, производятъ всегда сложное отраженное движеніе, и разумѣется только въ тѣхъ мышцахъ, которыхъ отражательные элементы посылаютъ отростки въ данный возбужденный механизмъ. Черезъ это каждое такое движеніе получаетъ столь опредѣленную физіогномію, что его обозначаютъ особенными именами даже въ обыденной жизни. Сюда принадлежатъ напримѣръ сложныя отраженныя движенія, чиханія, кашля, рвоты, глотанія и пр. Движенія эти, будучи, какъ мы вскорѣ увидимъ, отраженными, всѣ (за исключеніемъ глотанія) происходятъ въ сферѣ туловищныхъ мышцъ и всегда остаются по внѣшнему характеру (т. е. по участвующимъ къ нимъ мышцамъ) неизмѣнными, даже въ случаяхъ, если измѣняется мѣсто приложенія производящаго ихъ чувственнаго возбужденія. Кромѣ того всѣ эти нервномышечные механизмы родятся уже готовыми на свѣтъ: ребенокъ тотчасъ по рожденіи умѣетъ и кашлять, и чихать, и глотать. Къ этому же разряду сложныхъ движеній относится актъ сосанія, хотя участвующія въ немъ мышцы губъ, языка и щекъ получаютъ нервы не изъ спиннаго мозга, а изъ головнаго. Всякому извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что ребенокъ родится на свѣтъ съ готовою способностью сосать, т. е. сочетать въ опредѣленномъ направле-

нiи движенiе названныхъ выше частей. Всякiй знаетъ кромѣ того, что дѣятельность этого сложнаго механизма вызывается у груднаго ребенка раздраженiемъ губъ: вставьте ему въ самомъ дѣлѣ между губъ палецъ, свѣчку, деревянную палочку—онъ станетъ сосать. Попробуйте сдѣлать съ ребенкомъ тоже самое мѣсяца черезъ три по отнятiи отъ груди—онъ сосать больше не будетъ, а между тѣмъ умѣнье производить сосательныя движенiя произвольно остается у человѣка на всю жизнь. Факты эти въ высокой степени замѣчательны; они показываютъ съ одной стороны какъ бы на уничтоженiе у ребенка, отнятаго отъ груди, чувственныхъ приводовъ, идущихъ отъ губъ къ центральнымъ нервнымъ механизмамъ, производящимъ движенiе сосанiя, съ другой — намекаютъ на то, что цѣлость этихъ приводовъ поддерживается частотою повторенiя рефлекса въ одномъ и томъ же направленiи.

Къ категорiи описываемыхъ аппаратовъ относится наконецъ нервный механизмъ, сочетающiй движенiя рукъ и ногъ въ актъ ходьбы. Аппаратъ этотъ, лежащiй у позвоночныхъ животныхъ нѣсколько къ переди отъ продолговатаго мозга, родится у нѣкоторыхъ (напр. у лошади, серны и пр.) изъ нихъ готовымъ на свѣтъ и у всѣхъ можетъ быть приведенъ въ дѣятельность путемъ чувственнаго раздраженiя кожи. У взрослыхъ животныхъ онъ приходитъ въ дѣятельность, повидимому, исключительно подъ влiянiемъ воли и разсуждающей способности; тѣмъ не менѣе опыты вырѣзыванiя мозговыхъ полушарiй ясно показываютъ, что ходьба у животныхъ можетъ быть движенiемъ и совершенно невольнымъ, потому что ихъ выводитъ тогда изъ сонливаго покоя только раздраженiе кожи, или вообще какой нибудь толчокъ извнѣ. Бываютъ, наоборотъ, и такiя пораненiя головнаго мозга, при которыхъ животное начинаетъ ходить или бѣгать съ неудержимою силою, повидимому, на перекоръ волѣ. Такiя движенiя названы даже физiологами насильственными.

Не ясно ли изъ всего этого, что у животныхъ движенiе ходьбы можетъ быть невольнымъ.

У человѣка, повидимому, не такъ: здѣсь ходьба принадлежитъ къ движенiямъ заученнымъ, т. е. такимъ, которыя вообще развиваются подъ влiянiемъ мыслящихъ способностей и воли. Кромѣ того, всякiй знаетъ изъ собственнаго опыта, что ходьба есть актъ въ высокой степени произвольный; по крайней мѣрѣ воля властна каждую минуту остановить это движенiе, участить его и пр. И однако ниже, когда рѣчь будетъ о привычныхъ движенiяхъ и о лунатизмѣ, читатель, надѣ-

юсь, убѣдится, что и у человѣка актъ ходьбы можетъ быть невольнымъ [1]).

Замѣчательно, что если маленькія дѣти, едва выучившіяся ходить, заболѣютъ и долго пролежатъ въ постели, то разучиваются пріобрѣтенному искусству. У нихъ разстроивается гармоническая дѣятельность отражательныхъ группъ, участвующихъ въ ходьбѣ. Это обстоятельство снова показываетъ, какое важное значеніе для нервной дѣятельности имѣетъ фактъ частаго повторенія ея въ одномъ и томъ же направленіи.

И такъ, механизмъ группированія отражательныхъ элементовъ заключается:

1) вообще въ сочетаніи нервныхъ клѣтокъ между собою отростками

и 2) въ связи нѣкоторыхъ отражательныхъ элементовъ, изъ общей суммы ихъ въ тѣлѣ, съ изолированными отъ прочихъ центральными механизмами въ продолговатомъ мозгу (а можетъ быть и въ другихъ частяхъ головнаго мозга).

§ 8. Теперь, разобравъ количественную сторону невольныхъ движеній, перейдемъ къ изученію ихъ внѣшняго характера.

Къ сожалѣнію, качественная сторона занимающихъ насъ явленій едва начала разработываться съ научной точки зрѣнія, и потому я поневолѣ буду здѣсь кратокъ.

Вотъ главнѣйшіе характеры невольныхъ движеній:

1) Движеніе происходитъ быстро вслѣдъ за чувственнымъ раздраженіемъ.

2) И то и другое по продолжительности болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ другъ другу.

3) Невольныя движенія всегда цѣлесообразны. Посредствомъ ихъ животное или старается удержать чувственное возбужденіе, если оно пріятно, или напротивъ старается удалиться отъ раздраженія, или наконецъ устранить раздражителя отъ своего тѣла, если онъ дѣйствуетъ сильно. Во всемъ этомъ (за исключеніемъ рефлексовъ отъ наслажденія) легко убѣдиться на обезглавленной лягушкѣ, гдѣ конечно не можетъ быть и спора о томъ, что движенія ея могутъ быть лишь невольными.

Повѣсьте такую лягушку въ воздухѣ и щипните слегка въ какомъ

---

[1]) Извѣстны случаи страданій головнаго мозга на людяхъ, гдѣ они бѣгаютъ безсознательно съ неудержимою силою, пока не наткнутся на какой нибудь предметъ и не упадутъ.

ни на есть мѣстѣ ея кожу. Мгновенно явится отрывистое отраженное движеніе, которое прекратится такъ же быстро, какъ прекратилось ваше раздраженіе. Дѣло другаго рода, если вмѣсто щипанья вы будете дѣйствовать на кожу лягушки какою нибудь раздражающею жидкостью, напримѣръ сѣрной или уксусной кислотой; тогда раздраженіе въ кожѣ продолжительно, и вмѣсто одного отрывистаго движенія вы видите рядъ такихъ движеній, продолжающійся болѣе или менѣе долго. Эти два простые опыта отвѣчаютъ на первые два пункта, но въ тоже время они уже родятъ мысль и о цѣлесообразности отраженныхъ движеній. Послѣдній характеръ выражается особенно рѣзко въ явленіяхъ чиханія, кашля и рвоты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ исходной точкой явленія бываетъ чувственное раздраженіе: слизистой оболочки носа—при чиханіи, гортани при кашлѣ, задней части полости рта при рвотѣ; концомъ же—отраженное сложное мышечное движеніе, преимущественно въ мышцахъ грудной клѣтки и брюшной полости. Каждымъ изъ этихъ сложныхъ движеній достигается въ сущности одна и та же цѣль — удалить раздражителя. Въ самомъ дѣлѣ, при чиханьи развивается быстрый токъ воздуха въ носовой полости, который уноситъ съ собою наружу все, что тамъ есть въ настоящую минуту. При кашлѣ бываетъ тоже самое относительно гортани. А рвота, такъ сказать, обмываетъ тѣ части полости рта, которыхъ мы не можемъ обтереть языкомъ. Никому конечно не придетъ въ голову оспаривать машинообразность этихъ явленій, потому что всѣмъ извѣстно, что воля не властна надъ этими движеніями; они являются роковымъ образомъ, если существуетъ раздраженіе. Характеръ автоматичности въ кашлѣ, рвотѣ и пр. усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь группа дѣйствующихъ мышцъ остается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ постоянною, т. е. при кашлѣ, отъ чего бы онъ ни зависѣлъ, дѣйствуютъ всегда однѣ и тѣ же мышцы, при чиханіи и рвотѣ то же самое. Дѣло другаго рода, если разбирать сложныя отраженныя движенія, вытекающія изъ раздраженія чувствующей поверхности кожи. Здѣсь съ измѣненіемъ условій раздраженія измѣняется и группа мышцъ, участвующихъ въ отраженномъ движеніи. Отъ этого явленія, оставаясь по сущности лишь отраженными, т. е. машинообразными, принимаютъ чрезвычайно разнообразные характеры; иногда являются какъ бы разумными, т. е. движеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ какъ бы разсужденіе и воля. Я постараюсь развить эту мысль на нѣсколькихъ примѣрахъ, чтобы показать такимъ образомъ читателю, что характеръ разумности въ движеніи не исключаетъ еще машинообразности въ происхожденіи его.

Щипните въ самомъ дѣлѣ у обезглавленной лягушки ногу: она простымъ движеніемъ постарается удалить ее отъ раздражителя. Помажьте ту же ногу кислотой, лягушка будетъ долго тереть ее о какую нибудь другую часть своего тѣла, стараясь какъ бы смыть кислоту. Явно, что головы не нужно для того, чтобы отличить кислоту отъ щипка. Подобныя явленія легко наблюдать и на сонномъ человѣкѣ. Легкое щекотанье кожи лица при этомъ условіи всегда вызываетъ у него сокращеніе мышцъ, лежащихъ подъ раздражаемымъ мѣстомъ. Если этого движенія недостаточно для устраненія раздражителя, то спящій человѣкъ чешетъ раздражаемое мѣсто рукой. Въ приведенныхъ случаяхъ движенія по своему характеру еще очень просты, и никому вѣроятно не придетъ въ голову сомнѣваться въ ихъ автоматичности, т. е. въ машинообразности ихъ происхожденія. Но вотъ опыты, въ которыхъ отраженныя движенія начинаютъ казаться наблюдателю уже болѣе разумными. У лягушки отрѣзана вся передняя часть головнаго мозга почти до продолговатаго, и животное положено свободно на столъ. Дайте ему время оправиться отъ потрясенія, произведеннаго операціей (минутъ пять), и щипните слегка ногу: лягушка поползетъ въ противоположную сторону, стараясь убѣжать отъ раздражителя. Положите эту лягушку въ воду — и щипанье заставитъ ее плавать. Лягушка эта разсуждать не можетъ, потому что разсуждающая часть мозга (по мнѣнію физіологіи, большія полушарія) удалена изъ ея тѣла; не смотря на это, животное относится къ раздражителю не менѣе разумно, чѣмъ въ случаѣ когда головной мозгъ, слѣдовательно разсужденіе и воля, цѣлы; при томъ животное отличаетъ среду, въ которой находится: по столу ползаетъ, а въ водѣ плаваетъ. Пфлюгеръ, занимавшійся качественною стороною разбираемыхъ нами явленій, приводитъ опытъ съ обезглавленной лягушкой (для этого опыта не нужно даже присутствія продолговатаго мозга), въ которомъ кажущаяся разумность отраженныхъ движеній выражена еще рѣзче. Обезглавленная лягушка повѣшена вертикально въ воздухѣ. Раздражается кислотой кожа брюха въ одной половинѣ тѣла, напримѣръ въ правой. При обыкновенныхъ условіяхъ лягушка третъ раздраженное мѣсто правой же задней лапой, иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и передней правой, если мѣсто раздраженія лежитъ близко къ послѣдней. Но отрѣжьте такой лягушкѣ правую заднюю ногу: тогда она станетъ тереть раздраженное мѣсто лѣвой задней лапой, не смотря на то, что это движеніе ей видимо неловко. Кто, видя подобное явленіе, не скажетъ въ самомъ дѣлѣ, что въ спинномъ мозгу у лягушки сидитъ родъ разума? Онъ конечно и есть на столько, на сколько движеніе, выходящее изъ спиннаго мозга, можетъ

быть названо разумнымъ. Для насъ дѣло не въ названіи, а въ сущности, т. е. есть ли это движеніе въ самомъ дѣлѣ невольное, роковое, однимъ словомъ машинообразное. На вопросъ этотъ отвѣтить очень легко. Движеніе это невольно, потому что въ обезглавленной лягушкѣ произвольныя движенія невозможны. Оно роковое, потому что является роковымъ образомъ вслѣдъ за явнымъ чувственнымъ раздраженіемъ. Наконецъ движеніе это машинообразно по происхожденію уже потому, что оно роковое. Итакъ, читатель видитъ, что въ разобранныхъ нами случаяхъ: 1) всѣ отраженныя движенія цѣлесообразны и 2) что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣлесообразность доведена до такой степени, что движеніе перестаетъ казаться наблюдателю автоматичнымъ и начинаетъ принимать характеръ разумнаго.

Вообще же, на основаніи приведенныхъ опытовъ съ раздраженіемъ кожи у обезглавленной лягушки и спящаго человѣка, можно установить слѣдующее правило: возбужденіе чувствующей поверхности тѣла въ любой точкѣ можетъ, смотря по условіямъ, вызвать отраженныя движенія, разнообразныя по группированію дѣйствующихъ мышцъ, но всегда однообразныя по цѣли — устранить тѣло отъ внѣшняго вліянія. Въ этомъ смыслѣ отражательные аппараты спиннаго мозга представляютъ механизмы, обезпечивающіе такъ сказать на половину сохраненіе недѣлимаго отъ вредныхъ вліяній, дѣйствующихъ непосредственно на кожу. Другую половину принимаетъ на себя нервный механизмъ ходьбы, по скольку онъ приводится въ дѣятельность путемъ чувственнаго раздраженія той же кожи. Его присутствіе въ тѣлѣ даетъ въ самомъ дѣлѣ животному новыя средства избѣгать внѣшнихъ насилій. Если же поставить въ связь съ этимъ механизмомъ еще глаза и уши, т. е. зрительныя и слуховыя ощущенія, то животному будетъ дана возможность избѣгать и такихъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, которыя находятся отъ него еще далеко. Понятно, что съ той же точки зрѣнія должна быть разсматриваема рвота, очищающая желудокъ отъ раздражающихъ веществъ, кашель, выводящій инородныя тѣла изъ гортани, чиханіе, дѣлающее тоже самое относительно носа, потуги къ испражненію и выведенію мочи отъ раздраженія прямой кишки и мочеваго пузыря.—Всѣ эти движенія тоже невольны и тоже цѣлесообразны, потому что разсчитаны на удаленіе вредныхъ вліяній изнутри тѣла.

Сумма нервныхъ механизмовъ, при посредствѣ которыхъ устраняются вредныя вліянія, дѣйствующія на тѣло извнѣ и изнутри, составляетъ часть аппарата, обезпечивающаго цѣлость недѣлимаго,—аппарата,

изъ проявленій дѣятельности котораго вытекаетъ понятіе объ инстинктивномъ (т. е. невольномъ) чувствѣ самосохраненія у всѣхъ животныхъ.

§ 9. Никто не станетъ конечно спорить противъ мысли о существованіи инстинктивнаго чувства самосохраненія и у человѣка. Всякому случалось вѣроятно слышать разсказы о дѣйствіяхъ людей, которыя могутъ быть объяснены только съ точки зрѣнія существованія этого темнаго чувства. Приводятся даже факты, говорящіе въ пользу того, что вмѣшательство разума вредитъ иногда цѣлесообразности инстинктивныхъ движеній. Извѣстно, напримѣръ, что лунатики совершаютъ самыя опасныя воздушныя путешествія съ такою ловкостью, на какую неспособенъ человѣкъ въ полномъ сознаніи. Говорятъ далѣе, что сильно выпившій наѣздникъ искуснѣе управляетъ лошадью въ опасныхъ мѣстахъ дороги, чѣмъ трезвый. Въ этихъ случаяхъ присутствіе сознанія можетъ повредить цѣлесообразности движенія тѣмъ, что, вызывая страхъ, обусловливаетъ новый рядъ невольныхъ движеній, мѣшающихъ первымъ. Какъ бы то ни было, а читатель видитъ, что иногда невольныя движенія не только не уступаютъ въ кажущемся характерѣ разумности сознательнымъ движеніямъ (т. е. движеніямъ, происходящимъ при полномъ сознаніи), но даже превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Дѣло все въ томъ, что невольныя движенія менѣе сложны, и слѣдовательно ихъ цѣлесообразность, такъ сказать, непосредственнѣе.

Итакъ, повторяю еще разъ, кажущаяся разумность движенія съ точки зрѣнія сохраненія тѣла не исключаетъ еще машинообразности его происхожденія.

Послѣдніе два примѣра лунатика и пьянаго наѣздника могутъ показаться строгому систематику явленіями, неумѣстными въ ряду невольныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, выше было упомянуто, что однимъ изъ характеровъ невольнаго движенія служитъ независимость этого акта отъ разсуждающей способности, или проще, отъ мысли. Здѣсь же можно еще сомнѣваться въ отсутствіи послѣдней, хотя и лунатикъ и пьяный обыкновенно не помнятъ впослѣдствіи, что съ ними было во время сна и опьяненія. Въ подтвержденіе своего возраженія читатель можетъ привести въ примѣръ крѣпко спящаго человѣка, который кричитъ или двигается подъ вліяніемъ сновидѣній, хотя не помнитъ ихъ проснувшись, и горячечный бредъ или страшныя движенія маніаковъ во время приступовъ болѣзни. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ явленіе безъ сомнѣнія вмѣшивается психическій элементъ, какое нибудь представленіе, и оно конечно столько же реально въ смыслѣ факта, какъ и всякое разумное представленіе.

Возраженія читателя были бы справедливы, еслибы я относилъ всѣ внѣшнія дѣйствія лунатика и пьянаго въ область невольныхъ движеній; но это не было моей цѣлью: невольными движеніями я называлъ лишь ту удивительную эквилибристику, которая доступна не эквилибристу только въ минуту отсутствія сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, если при дѣятельности разсуждающей способности какое бы то ни было движеніе невозможно, а возможно лишь внѣ разсуждающей способности, то движенію этому никакимъ другимъ быть нельзя, какъ невольнымъ, отраженнымъ, инстинктивнымъ. Теперь прошу у читателя особеннаго вниманія къ слѣдующимъ сторонамъ только что разобранныхъ примѣровъ:

1) Невольныя движенія могутъ, стало быть, сочетаться съ движеніями, вытекающими, какъ обыкновенно говорятъ, изъ опредѣленныхъ психическихъ представленій (эквилибристика лунатика и пьянаго съ актомъ ходьбы и ѣзды на лошади, которые обусловливаются какимъ нибудь психическимъ мотивомъ).

2) Невольныя движенія могутъ представлять цѣлый рядъ актовъ (все время опаснаго путешествія лунатика и пьянаго наѣздника), цѣлесообразнихъ въ смыслѣ сохраненія тѣла, и слѣдовательно разумныхъ съ этой точки зрѣнія; наконецъ,

3) Бываютъ случаи невольнаго движенія, гдѣ присутствіе чувственнаго возбужденія — начала всякаго рефлекса — хотя и понимается, но не можетъ быть опредѣлено съ ясностью.

Всѣ эти обстоятельства для нашихъ будущихъ цѣлей такъ важны, что я намѣренъ на нихъ остановиться.

У лунатика эквилибристика, невольное движеніе, можетъ сочетаться съ ходьбой, актомъ, вытекающимъ изъ какого нибудь психическаго представленія, слѣдовательно, съ движеніемъ неинстинктивнымъ. Положеніе это абсолютно справедливо для случая, гдѣ дѣло удержанія тѣла въ равновѣсіи (эквилибристика) можетъ быть отдѣлено отъ акта ходьбы, то есть отъ періодическаго перестанавливанія ногъ; но какъ смотрѣть на случаи, гдѣ вся эквилибристика заключается единственно въ твердомъ и правильномъ хожденіи, когда напримѣръ лунатикъ твердо идетъ по узкой доскѣ, на которой едва умѣщается его нога и которая виситъ надъ страшной пропастью? Не эквилибристъ не сдѣлаетъ этого въ минуты сознанія; слѣдовательно, придерживаясь нашего опредѣленія, это

движеніе, то есть ходьба, должно быть отнесено къ отдѣлу невольныхъ. Пусть читатель вдумается въ сказанное, и тогда онъ конечно убѣдится, что тутъ нѣтъ игры словъ, а дѣло. Но какъ же допустить невольность такого акта, какъ ходьба, акта, которому человѣкъ въ дѣтствѣ выучивается, который развивается слѣдовательно подъ вліяніемъ разсуждающей способности? Вотъ главное основаніе помириться съ этой мыслью. Человѣка, въ дѣлѣ устройства центральнаго нервнаго механизма, управляющаго хожденіемъ, можно съ нѣкоторымъ правомъ поставить въ рядъ другихъ животныхъ, потому что у нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ дѣти родятся не съ готовой ходьбой, а искусству этому, какъ замѣчено, выучиваются по рожденіи. Тѣмъ не менѣе и у этихъ животныхъ нервные центры, управляющіе ходьбой, лежатъ не въ мозговыхъ полушаріяхъ, откуда выходятъ импульсы ко всѣмъ такъ называемымъ произвольнымъ движеніямъ, а въ среднихъ частяхъ мозга (у лягушки, напримѣръ, въ продолговатомъ мозгу); стало быть и у человѣка должно быть то же самое. А отсюда слѣдуетъ, что ходьба его можетъ быть актомъ и непроизвольнымъ. Но какъ же понять тогда продолжительность ходьбы? гдѣ импульсы, то есть въ чемъ заключаются чувственныя возбужденія, обусловливающія этотъ рядъ періодическихъ движеній? Выше было сказано въ самомъ дѣлѣ, что отраженное движеніе соотвѣтствуетъ по продолжительности раздраженію. Отвѣчаю прямо: при ходьбѣ чувственное возбужденіе дано съ каждымъ шагомъ, моментомъ соприкосновенія ноги съ поверхностью, на которой человѣкъ идетъ, и вытекающимъ отсюда ощущеніемъ подпоры; кромѣ того, оно дано мышечными ощущеніями (такъ называемое мышечное чувство), сопровождающими сокращеніе соотвѣтствующихъ органовъ. Какъ важны эти ощущенія въ дѣлѣ ходьбы, показываютъ лучше всего больные люди, потерявшіе въ ногахъ чувствительность кожи и мышцъ. Днемъ, когда глазъ видитъ полъ, люди эти ходить кое-какъ еще могутъ—зрительныя ощущенія могутъ восполнять у нихъ до извѣстной степени потерю осязательныхъ и мышечныхъ,—но въ темнотѣ движеніе для такихъ людей дѣлается положительно невозможнымъ. Не чувствуя подъ собою опоры, они не только не могутъ сдѣлать одного шага, но даже простоять нѣсколько секундъ на ногахъ не въ силахъ и падаютъ. Если читателю при ходьбѣ случалось оступаться, то онъ можетъ до извѣстной степени ясно представить себѣ положеніе этихъ людей. Идешь наприм. по темному корридору и не ожидаешь лѣстницы, вдругъ нога падаетъ въ какую-то пропасть; страхъ проходитъ лишь тогда, когда нога встрѣтила твердую опору. У людей съ параличемъ кожи и мышечнаго чувства ощущеніе паденія въ пропасть

должно появляться тотчасъ послѣ закрытія глазъ; оттого они и не могутъ сдѣлать ни одного шага. Кромѣ того, какъ можетъ узнать такой человѣкъ въ темнотѣ моментъ, когда у него одна изъ ногъ отдѣлилась отъ полу и когда ему снова нужно ее ставить на полъ?—въ этихъ движеніяхъ, повторяющихся для каждой ноги съ каждымъ шагомъ, мы очевидно руководствуемся только ощущеніями. И замѣчательно, что походка разстраивается несравненно больше отъ потери мышечнаго чувства, болѣе темнаго, едва доходящаго до сознанія, чѣмъ отъ паралича осязательныхъ ощущеній, которыя несравненно ярче.

На приведенный мною патологическій примѣръ мнѣ скажутъ можетъ быть, что здѣсь ходьбѣ въ потемкахъ мѣшаетъ единственно страхъ. Такое возраженіе, не смотря на его правдоподобность, въ сущности однако неосновательно. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на совершенно нормальнаго человѣка, когда онъ идетъ по ровному мѣсту, по сильному косогору или по дорогѣ, изрытой ямами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ походка одного и того же человѣка бываетъ различна. Это значитъ, что онъ движенія своего тѣла приспособляетъ къ характеру мѣстности, по которой движется. Узнавать же этотъ характеръ онъ можетъ только или глазомъ, или ножными ощущеніями. Вообразите же себѣ теперь человѣка, которому нѣтъ возможности ощущать какимъ бы то ни было образомъ мѣстность: какимъ образомъ онъ можетъ устроить походку?

И такъ, ходьба въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть движеніемъ невольнымъ. По скольку же она относится въ отдѣлъ движеній привычныхъ и изученныхъ, то есть развившихся подъ вліяніемъ разсуждающей способности, можно слѣдовательно думать, что всѣ вообще движенія послѣдняго рода могутъ дѣлаться невольными, конечно подъ условіемъ, чтобы сознаніе (по крайней мѣрѣ относительно этихъ актовъ) находилось въ состояніи, подобномъ тому, какое мы видимъ, у лунатиковъ и пьяныхъ.

Характеризовать это состояніе сознанія физіологически мы къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности. На основаніи явленій опьяненія отъ вина, опія, хлороформа и проч., можно лишь съ увѣренностью сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, равно какъ и во время обыкновеннаго сна, въ лунатизмѣ, въ горячечномъ бреду и у маніаковъ во время болѣзненныхъ приступовъ, нормальная способность ощущать если не уничтожена вовсе, то по крайней мѣрѣ сильно притуплена (прошу читателя вспомнить нечувствительность хлороформированнаго, пьянаго и наркотизованнаго опіемъ человѣка къ самымъ сильнымъ болямъ, тупость ко всякаго рода внѣшнимъ вліяніямъ во время глубокаго сна и

проч.). Не хочу утверждать, что этимъ притупленіемъ нормальной способности ощущать резюмируется вполнѣ состояніе опьяненія, сна и проч. (конечно, по отношенію только къ состоянію головнаго мозга); думаю однако, что притупленіе ощущающей способности есть самый главный, самый существенный элементъ разбираемыхъ состояній; по крайней мѣрѣ физіологическія изслѣдованія не открываютъ въ нервной дѣятельности пьяныхъ, сонныхъ, маніаковъ и пр. другихъ, столько же очевидныхъ измѣненій, какъ притупленіе ощущающей способности. Посмотрите же, что отсюда вытекаетъ.

Если ощущающая способность притуплена, то это значитъ, что части головнаго мозга, которыхъ цѣлость по физіологическимъ опытамъ необходима для возможности ощущенія (слѣдовательно и сознанія), дѣйствуютъ слабо, или вовсе не дѣйствуютъ (когда ощущающая и сознающая способности вовсе уничтожены). Въ обоихъ этихъ случаяхъ чувственное возбужденіе (звукъ, свѣтъ, уколъ кожи и проч.) будетъ или очень тупо, или вовсе несознаваемо, а между тѣмъ оно можетъ вызвать рядъ движеній въ тѣлѣ. И конечно послѣднія въ этомъ случаѣ, по механизму своего происхожденія, будутъ невольными.

Для большей ясности разовьемъ съ этой точки зрѣнія явленіе лунатизма. Начало акта — чувственное возбужденіе, ускользающее отъ опредѣленія. Продолженіе—какое нибудь психическое представленіе—очень неясное и тупое, такъ какъ ощущающая способность угнетена. Конецъ—воздушное путешествіе по крышамъ. Не правда ли, поразительное сходство съ механизмомъ страха? Разница вся въ томъ, что тамъ психическимъ элементомъ является ощущеніе страха, здѣсь же вмѣсто него является можетъ быть психическое образованіе высшаго порядка, какое нибудь представленіе. Но это, во первыхъ, еще можетъ быть; притомъ оно навѣрное менѣе отчетливо сознается, чѣмъ ощущеніе страха. Спорить, слѣдовательно, нечего — оба явленія однородны.

Вмѣстѣ съ этимъ доказано, что всѣ движенія во время обыкновеннаго сна и въ горячечномъ бреду, хотя бы они, какъ обыкновенно говорится, и вытекали изъ грезъ, т. е. опредѣленныхъ психическихъ актовъ, суть движенія въ строгомъ смыслѣ невольныя, т. е. отраженныя.

По скольку же во снѣ и въ горячечномъ бреду можетъ воспроизводиться (конечно въ уродливой формѣ) вся психическая жизнь человѣка, постольку всѣ изученныя подъ вліяніемъ разсуждающей способности и всѣ привычныя движенія могутъ дѣлаться, по механизму своего происхожденія, невольными. Примѣровъ въ подкрѣпленіе сказаннаго приводить я много не стану; ограничусь двумя, которыхъ былъ очевид-

цемъ. Въ мое студенчество, въ Московской клиникѣ лежалъ поваръ, упавшій съ высоты на голову и привезенный къ намъ въ совершенно безсознательнымъ состояніи, длившемся до смерти. Утромъ, во время обхода больныхъ, часу въ первомъ, когда онъ до болѣзни вѣроятно готовилъ кушанье, больнаго этого почти всегда можно было видѣть рубящимъ котлеты двумя ножами, какъ это обыкновенно дѣлается поварами. Здѣсь изученное до болѣзни движеніе было безъ всякаго сомнѣнія отраженнымъ по механизму происхожденія. Въ приведенномъ примѣрѣ можно чувствовать и то, въ чемъ заключалось начало акта — чувственное возбужденіе (оно конечно лежало во всѣхъ свойствахъ полдня, по скольку свойства эти могутъ дѣйствовать на чувствующіе нервы), а опредѣлить этотъ толчекъ ясно все таки невозможно. Другой случай былъ слѣдующій: у близко знакомаго мнѣ человѣка была привычка во время задумчивости складывать пальцы рукъ очень характеристично, и это я зналъ; случилось мнѣ присутствовать при его смерти: когда онъ по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ потерялъ сознаніе, пальцы рукъ сложились у него въ привычную форму [1]).

Фактъ притупленія ощущающей способности оказался такимъ образомъ очень важнымъ въ своихъ приложеніяхъ къ явленіямъ мозговой дѣятельности соннаго, пьянаго, лунатика и т. д. Посмотримъ, не играетъ ли онъ роли въ дѣятельности того же органа при другихъ условіяхъ.

У человѣка разсѣяннаго, или у человѣка, сосредоточеннаго на какой нибудь мысли, бываетъ, какъ извѣстно, болѣе или менѣе сильное притупленіе ощущающей способности не во всѣхъ, но во многихъ направленіяхъ. Если наприм. человѣкъ очень внимательно прислушивается къ чему, то обыкновенно плохо видитъ что дѣлается передъ его глазами, и наоборотъ.

---

[1]) Есть чрезвычайно наглядный опытъ на обезглавленной лягушкѣ, указывающій на то, какъ отражаются привычныя движенія нормальнаго животнаго въ характерѣ рефлексовъ по обезглавленіи. Если обезглавленной лягушкѣ, которая сидитъ поджавши подъ брюхо задніа ноги, щипнуть послѣднія, то она ихъ тотчасъ вытянетъ. Напротивъ, обезглавленная лягушка, съ вытянутыми задними ногами, отъ щипанья сгибаетъ ихъ и подводитъ подъ животъ. Если же щипанье сильно, то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ лягушка сдѣлаетъ прыжокъ. Дѣло здѣсь ясно: при нормальныхъ условіяхъ, отъ всякаго щипка лягушка постаралась бы убѣжать; теперь реакція ея соразмѣрна чувственному возбужденію—при слабомъ раздраженіи она дѣлаетъ, такъ сказать, полъ-прыжка. На этомъ основаніи при согнутыхъ ногахъ она должна ихъ выпрямить, а при вытянутыхъ согнуть. Оба движенія суть начало прыжка.

У людей способныхъ къ очень сильному сосредоточиванію мысли, тупость къ внѣшнимъ вліяніямъ доходитъ иногда до поразительной степени. Разсказываютъ наприм., что будто люди, помѣшанные на какой нибудь одной мысли, не ощущаютъ подъ вліяніемъ ея ни холода, ни голода, ни даже самыхъ мучительныхъ болей. Какъ бы то ни было, а тупость къ извѣстнаго рода внѣшнимъ вліяніямъ всегда замѣчается въ человѣкѣ, если умъ его занятъ въ другомъ направленіи. Съ другой стороны извѣстно, что именно тѣ вліянія, къ которымъ притуплена у такихъ людей ощущающая способность, и вызываютъ у нихъ особенно легко движенія. Послѣднія происходятъ или вовсе незамѣтно для сосредоточеннаго человѣка, или сопровождаются у него очень смутными ощущеніями. Во всякомъ же случаѣ движенія эти носятъ настолько характеръ невольности, что даже въ обществѣ ихъ называютъ обыкновенно машинальными. Нечего, кажется, и доказывать, что всѣ такого рода движенія по механизму своего происхожденія должны быть отнесены въ категорію невольныхъ, — все равно, сопровождаются ли они ощущеніями или нѣтъ.

Читатель вѣроятно согласится со мной послѣ сказаннаго, что къ отдѣлу же рефлексовъ принадлежатъ и привычныя сокращенія всѣхъ мышцъ тѣла, которыя придаютъ вообще опредѣленную физіономію каждому человѣку и которыя являются въ большинствѣ случаевъ совершенно независимо отъ разсужденія и воли, хотя въ ихъ развитіи участвовало и то и другое. Такъ напримѣръ привычка сидѣть съ открытымъ ртомъ, съ выпяленными губами, прищуренными глазами, наклонивъ голову на бокъ, привычка грызть ногти, ковырять въ носу, моргать глазами и проч.

Всѣ эти движенія, по механизму своего происхожденія, всегда невольны, если происходятъ безъ участія разсуждающей способности.

Этимъ и исчерпывается сфера невольныхъ движеній въ принятомъ нами для нихъ смыслѣ.

Въ заключеніе главы о невольныхъ движеніяхъ я резюмирую въ немногихъ словахъ все, что дало намъ изученіе этого рода явленій.

1) Въ основѣ всякаго невольнаго движенія лежитъ болѣе или менѣе ясное возбужденіе чувствующаго нерва.

2) Чувственное возбужденіе, производящее отраженное движеніе, можетъ вызывать вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленныя сознаваемыя ощущенія; но послѣдняго можетъ и не быть.

3) Въ чистомъ рефлексѣ, безъ примѣси психическаго элемента, отношеніе между силою возбужденія и напряженностью движенія остается для даннаго условія постояннымъ.

4) Въ случаѣ психическаго осложненія рефлекса, отношеніе это подвергается колебаніямъ то въ ту, то въ другую сторону.

5) Отраженное движеніе слѣдуетъ всегда быстро вслѣдъ за чувственнымъ возбужденіемъ.

6) И то и другое, по продолжительности, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ другъ другу, особенно если рефлексъ не осложненъ психическимъ элементомъ.

7) Всѣ отраженныя движенія цѣлесообразны, съ точки зрѣнія сохраненія цѣлости существованія.

8) Развитые до сихъ поръ характеры невольнаго движенія равно приложимы и къ самымъ простымъ, и къ самымъ сложнымъ рефлексамъ, и къ движенію отрывистому, длящемуся секунды, и къ цѣлому ряду преемственныхъ рефлексовъ.

9) Возможность частаго повторенія рефлекса въ одномъ и томъ же направленіи обусловливается или присутствіемъ въ тѣлѣ опредѣленнаго механизма, уже готоваго при рожденіи человѣка (механизмъ чиханія, кашля и пр.), или она пріобрѣтается изученіемъ (ходьба)—актомъ, въ которомъ принимаетъ участіе разсуждающая способность.

10) Въ случаѣ, если нормальная ощущающая способность притуплена въ сферѣ одного, или нѣскольких, или всѣхъ вообще чувствъ (зрѣнія, слуха, обонянія и пр.), то всѣ движенія, происходящія въ сферѣ этихъ именно чувствъ,—будутъ ли они по происхожденію изученныя или нѣтъ, связывается ли съ ними психическое представленіе или нѣтъ, —будутъ во всякомъ случаѣ, по механизму своего происхожденія, относиться къ рефлексамъ.

11) Механизмъ же этотъ данъ чувствующими и двигательными нервами съ клѣтками въ мозговыхъ центрахъ, служащими этимъ нервамъ началами, и съ отростками этихъ клѣтокъ въ головной мозгъ, по которымъ идетъ изъ послѣдняго вліяніе на отраженное движеніе, то усиливающее, то ослабляющее его.

12) Дѣятельность этого механизма и есть рефлексъ.

13) Машина пускается въ ходъ возбужденіемъ чувствующаго нерва.

14) Стало быть всѣ невольныя движенія машинообразны по происхожденію.

Всѣ перечисленные характеры невольныхъ движеній нужно держать

въ головѣ, чтобы не потеряться въ сложномъ и страшно запутанномъ мірѣ произвольныхъ движеній, о которыхъ будетъ теперь рѣчь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Произвольныя движенія.

Рѣшеніе вопроса о началѣ всякаго психическаго акта. — Задерживаніе сознательныхъ движеній.—Страсти.

§ 10. Приступая къ разсматриванію произвольныхъ движеній, я во-первыхъ долженъ предупредить читателя, что ему очень часто будетъ здѣсь чувствоваться отсутствіе физіологическаго опыта, и я часто буду вынужденъ выходить изъ роли физіолога. Думаю однако, что и въ этихъ трудныхъ случаяхъ я не измѣню обычаю натуралистовъ признаваться откровенно въ незнаніи и строить гипотезы лишь на основаніи твердыхъ фактовъ. Черезъ это въ разсказѣ многое конечно останется недосказаннымъ, но за то все сказанное будетъ имѣть относительно твердое основаніе. Надѣюсь, что и самая трудность задачи расположитъ читателя быть снисходительнымъ къ первой попыткѣ подвести явленія произвольныхъ движеній подъ машинообразную дѣятельность сравнительно простаго механизма. Моя задача заключается въ самомъ дѣлѣ въ слѣдующемъ: объяснить дѣятельностью, уже извѣстной читателю, анатомической схемы — внѣшнюю дѣятельность человѣка (прошу читателя не забывать, что она всегда сводится на мышечное движеніе), съ идеально сильной волей дѣйствующаго во имя какого нибудь высокаго нравственнаго принципа и отдающаго себѣ ясный отчетъ въ каждомъ шагѣ,—однимъ словомъ, дѣятельность, представляющую высшій типъ произвольности.

Такимъ образомъ намъ нужно доказать:

1) Что такого рода дѣятельность человѣка дробится на рефлексы, которые начинаются чувственнымъ возбужденіемъ, продолжаются опредѣленнымъ психическимъ актомъ и кончаются мышечнымъ движеніемъ.

2) Что для данныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій акта, т. е. среды дѣйствія и физіологическаго состоянія человѣка, одно и то же

чувственное возбужденіе роковымъ образомъ вызываетъ остальные два момента цѣльнаго явленія, всегда въ одномъ и томъ же направленіи.

Прежде чѣмъ развивать планъ, какимъ образомъ можетъ быть достигнуто рѣшеніе этихъ задачъ, я постараюсь показать въ нѣсколькихъ словахъ, что окончательный членъ всякаго произвольнаго акта — мышечное движеніе—въ сущности тождественъ съ дѣятельностью мышцъ при чистыхъ рефлексахъ, т. е. при самыхъ элементарныхъ невольныхъ движеніяхъ. Физіологія указываетъ въ самомъ дѣлѣ, что для произвольныхъ движеній нѣтъ ни особенныхъ двигательныхъ нервовъ, ни особенныхъ мышцъ. Тѣ же нервы и мышцы, которыхъ дѣятельностью обусловливается чисто невольное движеніе, дѣйствуютъ и въ самомъ произвольномъ. Если же между обоими актами и существуетъ разница, то она заключается лишь во внѣшнихъ характерахъ мышечнаго сокращенія, т. е. все дѣло сводится на болѣе или менѣе быстрое сокращеніе одной мышцы и на большее или меньшее укороченіе другой. Читателю уже извѣстно, что всѣ безчисленные одушевленные характеры сложныхъ мышечныхъ движеній сводятся на безчисленныя варьяціи упомянутыхъ механическихъ моментовъ мышечной дѣятельности.

Стало быть, часть отражательной машины, которая выражена двигательнымъ нервомъ и мышцей, въ самомъ дѣлѣ годна и для будущей машины произвольныхъ движеній.

Теперь по порядку будемъ искать начала произвольнаго движенія, т. е. возбужденія чувствующаго нерва.

Потомъ посмотримъ, участвуетъ ли въ произвольномъ движеніи отростокъ въ головной мозгъ, задерживающій рефлексы, и какъ участвуетъ.

Изслѣдуемъ то же самое относительно отростковъ, усиливающихъ рефлексы.

И если этимъ разсмотрѣніемъ исчерпаются всѣ характеры наипроизвольнѣйшаго изъ произвольныхъ движеній, то задача наша кончена.

И такъ, читателю прежде всего нужна таблица характеровъ типическаго произвольнаго движенія. Вотъ ключъ къ ея составленію: нужно имѣть передъ глазами таблицу характеровъ невольныхъ движеній, помѣщенную въ концѣ главы, и въ то же время ясно представлять себѣ примѣръ какой нибудь внѣшней дѣятельности человѣка съ идеально сильной волей, дѣйствующаго во имя какого нибудь высокаго нравственнаго принципа и отдающаго себѣ ясный отчетъ въ каждомъ шагѣ.

1) Въ основѣ движеній этого человѣка не лежитъ ощутимаго чувственнаго возбужденія (эти люди не уклоняются отъ выбраннаго пути

никакими ужасающими силами внѣшней природы и заглушають въ себѣ голосъ всѣхъ естественныхъ инстинктовъ).

2) Движенія такого человѣка опредѣляются лишь самыми высокими психическими мотивами, самыми отвлеченными представленіями, напримѣръ мыслью о благѣ человѣческаго рода, любовью къ родинѣ и проч.

3) Колебаніе внѣшней дѣятельности внизъ до совершеннаго безстрастія лежитъ въ волѣ человѣка; усиленіе же движеній — только до извѣстной степени. Энтузіазмъ, напримѣръ, съ его внѣшними послѣдствіями не подлежитъ волѣ (первая половина этого положенія вытекаетъ преимущественно изъ самосознанія, т. е. человѣку такъ чувствуется).

4) Время наступленія внѣшняго акта, если психическій мотивъ его не осложненъ страстностью, лежитъ въ волѣ человѣка (и это положеніе вытекаетъ преимущественно изъ самосознанія).

5) Продолжительность внѣшняго движенія, опять до извѣстной степени, подчинена волѣ (по самосознанію);—предѣлъ ей кладетъ большее или меньшее утомленіе нервовъ и мышцъ. Высшая страстность психическаго мотива всегда доводитъ внѣшнюю дѣятельность до возможныхъ, лежащихъ въ организаціи мышцъ и нервовъ, предѣловъ.

6) Въ высшей степени произвольныя движенія идутъ часто наперекоръ чувству самосохраненія. Они цѣлесообразны лишь съ точки зрѣнія обусловливающаго ихъ психическаго мотива.

7) Группированіемъ отдѣльныхъ произвольныхъ движеній въ ряды управляетъ воля (по самосознанію). Условіе здѣсь опять—отсутствіе страстности въ психическомъ мотивѣ.

8) Произвольное движеніе есть всегда сознательное.

Читатель видитъ изъ этого перечня, что я характеризовалъ произвольность движенія такъ, какъ это дѣлается въ обществѣ людьми образованными и привыкшими отдавать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Не трудно также замѣтить, что я скорѣе усиливалъ, чѣмъ ослаблялъ существующія въ обществѣ понятія о произвольности. Это произошло съ одной стороны потому, что характеризованъ самый высокій типъ ея; съ другой, я не хотѣлъ раньше времени относиться къ явленію, какъ наблюдатель, и вѣрилъ, какъ это обыкновенно дѣлается, голосу самосознанія. Теперь же становлюсь на точку зрѣнія критика и приступаю къ разбору перваго пункта.

§ 11. Дѣйствительно ли въ основѣ произвольнаго движенія нѣтъ чувственнаго возбужденія? Если же есть, то почему въ типической формѣ этого явленія оно такъ замаскировано?

Предупреждаю читателя, что отвѣтъ будетъ дологъ, потому что мнѣ придется разбирать не прямо высшій типъ произвольности, а прослѣдить его развитіе отъ рожденія человѣка на свѣтъ и провести изслѣдованіе черезъ типы менѣе совершенные.

Теперь читатель потребуетъ конечно прежде всего оправданія такого пути, т. е. доказательствъ, что онъ ведетъ дѣйствительно къ цѣли.

Вотъ мои оправданія. Объ характерѣ человѣка судятъ всѣ безъ исключенія по внѣшней дѣятельности послѣдняго. Характеръ же, какъ всѣ безъ исключенія принимаютъ, развивается въ человѣкѣ постепенно съ колыбели, и въ развитіи его играетъ самую важную роль столкновеніе человѣка съ жизнью, т. е. воспитаніе въ обширномъ смыслѣ слова. Произвольныя движенія имѣютъ, стало быть, ту же самую исторію развитія.

Человѣкъ родится на свѣтъ съ очень незначительнымъ количествомъ инстинктивныхъ движеній въ сферѣ такъ называемыхъ животныхъ мышцъ, т. е. мышцъ головы, шеи, рукъ, ногъ и тѣхъ изъ туловищныхъ, которыя покрываютъ костный скелетъ снаружи. Онъ умѣетъ открывать и закрывать глаза, сосать, глотать, кричать, плакать, икать, чихать и пр. Прочія движенія рукъ, ногъ и туловища, безъ малѣйшаго сомнѣнія, происходятъ у него тоже путемъ рефлекса.

Сфера ощущеній у новорожденнаго тоже не богата, потому что онъ не умѣетъ ни смотрѣть, ни слушать, ни нюхать, ни осязать. Доказательство этому очень простое: во всѣхъ этихъ актахъ необходима дѣятельность опредѣленныхъ группъ мышцъ, которыми управлять ребенокъ при рожденіи положительно не умѣетъ. Напримѣръ, чтобы видѣть предметъ, лежащій передъ глазами, необходимо прежде всего направить обѣ оси зрѣнія такъ, чтобы онѣ пересѣкались на предметѣ; это же возможно лишь при помощи мышцъ, ворочающихъ глазъ во всѣ стороны. У ребенка этого искусства при рожденіи нѣтъ: глаза его смотрятъ всегда неопредѣленно, т. е. ни на чемъ не останавливаются. Нюхательныхъ движеній тоже конечно никто не видалъ на ребенкѣ. И тому и другому онъ однако современемъ выучивается. Я и разскажу теперь подробно процессъ выучиванья ребенка смотрѣть на предметы, потому что процессъ этотъ можетъ служить образчикомъ первоначальнаго обученія или воспитанія чувства вообще.

Предпосылаю слѣдующія предварительныя свѣдѣнія объ устройствѣ глаза. Безъ нихъ я былъ бы читателю непонятенъ.

На днѣ глаза, со стороны противоположной зрачку, лежитъ, въ

формѣ сплошной перепонки, окончаніе зрительнаго нерва. На этой перепонкѣ, какъ на фотографической пластинкѣ, рисуются изображенія предметовъ, лежащихъ передъ глазомъ; и присутствіе этихъ изображеній абсолютно необходимо для того, чтобы возможно было зрительное ощущеніе. Не всѣ однако мѣста зрительной перепонки одинаково чувствительны къ свѣту; самыя рѣзкія свѣтовыя ощущенія получаются лишь въ томъ случаѣ, когда изображеніе предмета падаетъ на часть зрительной перепонки, лежащую въ направленіи линіи, опредѣляемой слѣдующимъ образомъ: если смотрѣть на предметъ, лежащій передъ нами, обоими глазами (я разумѣю взрослаго человѣка) разомъ и отъ предмета протянуть прямыя линіи къ центрамъ зрачковъ и потомъ представить себѣ эти линіи продолженными внутрь глаза, то онѣ упадутъ въ средину наиболѣе чувствительнаго къ свѣту мѣста зрительной перепонки. Эти-то линіи и называются осями зрѣнія. Направить оси зрѣнія обоихъ глазъ на предметъ, т. е. выучиться смотрѣть, значитъ, слѣдовательно, установить свои глаза относительно предмета такимъ образомъ, чтобы ощущеніе этого предмета было наирѣзкое. Теперь уже понятенъ процессъ обученія этому искусству. У ребенка передъ глазами держатъ обыкновенно предметы яркихъ цвѣтовъ. Глазъ его, блуждая въ разныя стороны, получаетъ различной силы свѣтовыя ощущенія, но сильнѣе всего когда зрительная ось упала на предметъ. Мозгъ ребенка такъ устроенъ, что свѣтъ, чѣмъ ярче, тѣмъ больше ему нравится. Ясно, что при этомъ условіи ребенокъ безъ всякаго разсужденія, т. е. невольно, будетъ стремиться удержать глазъ въ томъ положеніи, въ какомъ ощущеніе пріятнѣе. Исторія повторяется не разъ, не два, а тысячу, и вотъ ребенокъ выучивается смотрѣть [1]). Мышечное движеніе, играющее здѣсь главную роль, есть актъ всегда невольный, развивающійся въ данномъ направленіи подъ вліяніемъ привычки, т. е. частаго повторенія движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Первый актъ зрѣнія и у взрослаго человѣка, слѣдовательно, невольный, хотя и заученный.

Устройствомъ зрительной перепонки, по которому только извѣстныя части ея ощущаютъ свѣтъ очень сильно сравнительно съ другими, кладется основаніе другому невольному акту, котораго психическая сторона въ высшемъ своемъ развитіи носитъ названіе вниманія въ сферѣ глазныхъ ощущеній. Вниманіе выражается въ самомъ дѣлѣ ясностью

---

[1]) Для большей краткости и безъ того длиннаго разсказа я выпускаю игру мышечныхъ ощущеній и осложненіе процесса двойственными видѣніями. Ясность и истина черезъ это опущеніе не пострадали.

ощущенія отъ того образа, на который обращено вниманіе (на который смотрятъ, на который направлены зрительныя оси глаза) и тупостью къ окружающимъ, доходящею иногда до полнаго исчезанія ихъ изъ поля зрѣнія. Не могу не привести примѣра изъ физіологіи глаза, поразительно доказывающаго сказанное. Если вы, любезный читатель, не читывали физіологическихъ трактатовъ о глазѣ, то въ первую минуту конечно не повѣрите мнѣ, если я скажу, что когда вы смотрите пристально на какой нибудь предметъ, то всѣ прочіе, лежащіе къ вамъ ближе и дальше фиксированнаго, видите вы вдвойнѣ. Убѣдиться въ этомъ однако чрезвычайно легко: стоитъ только обратить вниманіе на явленіе, да смотрѣть на одинъ предметъ дѣйствительно неподвижно, а не бѣгать глазами съ одного на другой. Убѣдившись въ сказанномъ собственнымъ опытомъ, вспомните далѣе, была ли въ вашей жизни или въ жизни кого нибудь изъ вашихъ знакомыхъ минута (я разумѣю нормальное состояніе глаза), когда бы приходилось употреблять сознаваемыя усилія противъ двойственности ощущенія предметовъ, окружающихъ тотъ, который видѣть хочется. Такихъ минутъ ни у кого не бывало; стало быть, исчезаніе этихъ предметовъ изъ поля зрѣнія имѣетъ органическую, независящую отъ воли человѣка, причину. То, что въ сферѣ зрительныхъ ощущеній называется вниманіемъ, есть, стало быть, актъ невольный. Въ сущности зрительное вниманіе есть ни что иное, какъ сведеніе зрительныхъ осей глазъ на разсматриваемое тѣло. Присутствіе вниманія къ предмету лежащему передъ глазами вызываетъ, по ученію опытной психологіи, уже ясное ощущеніе; а по физіологическимъ изслѣдованіямъ, въ составъ этого ощущенія уже входятъ цвѣтъ, очертаніе и тѣлесность предмета; стало быть, его по всей справедливости можно возвести ужѐ на степень представленія.

И такъ, процессъ развитія представленія не зависитъ отъ воли. Этотъ психическій актъ вызывается свѣтовымъ возбужденіемъ части зрительной перепонки, наиболѣе чувствительной къ свѣту.

Посмотримъ теперь, чѣмъ кончается чувственное возбужденіе зрительнаго нерва.

Послѣдствіемъ свѣтоваго впечатлѣнія у ребенка бываетъ всегда болѣе или менѣе обширное отраженное мышечное движеніе. Когда у него, напримѣръ, передъ глазами ярко окрашенная вещь, то онъ кричитъ, смѣется, двигаетъ руками, ногами и туловищемъ; явно, что у ребенка возможенъ рефлексъ съ зрительнаго нерва на всѣ животныя мышцы тѣла. Это условіе въ высокой степени важно: подъ вліяніемъ зрительныхъ ощущеній могутъ, слѣдовательно, развиваться безконечно разнообразныя дви-

женія въ тѣлѣ безконечно разнообразнымъ группированіемъ мышцъ; кромѣ того, это условіе дѣлаетъ возможнымъ ассоціацію зрительныхъ ощущеній съ осязательными и мышечными. Въ самомъ дѣлѣ, осязательный органъ у человѣка есть преимущественно ручная кисть; она путемъ рефлекса съ зрительнаго нерва приводится въ движеніе и, встрѣчаясь съ внѣшними предметами, вызываетъ осязательныя ощущенія въ обширномъ смыслѣ слова. Проходитъ однако много времени, прежде чѣмъ ребенокъ выучится ощущать рукою; въ началѣ онъ не умѣетъ даже держать вещи, которую ему даютъ въ руку, хотя при этомъ ручная кисть его и невольно схлопывается. Какъ бы то ни было, а всѣмъ извѣстно, что зрительныя ощущенія особенно легко ассоціируются съ осязательными, такъ что въ нашихъ представленіяхъ о формѣ тѣлъ (круглой, цилиндрической), въ понятіяхъ о гладкости, шероховатости предметовъ и проч., оба рода ощущеній слиты. Понятно далѣе, что и эти осложненныя представленія въ своемъ развитіи не отличаются существенно отъ самыхъ элементарныхъ ощущеній. Прежде чѣмъ идти далѣе, я перечислю рядъ процессовъ въ исторіи развитія осложненнаго зрительнаго представленія.

Свѣтовое впечатлѣніе. Неясное свѣтовое ощущеніе. Движеніе мышцъ, управляющихъ глазомъ и приспособленіемъ его къ разстояніямъ.	1-й рефлексъ.
Дѣйствіе свѣта продолжается. Ясное ощущеніе. Движеніе въ рукахъ и ногахъ.	2-й рефлексъ.

При этомъ рука встрѣчается съ видимымъ предметомъ.

Отсюда

Осязательное впечатлѣніе и Осязательное ощущеніе, вслѣдствіе котораго движеніе въ рукѣ, схватываніе тѣла.	3-й рефлексъ.

Примѣръ этотъ не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Всякое зрительное представленіе, уже осложненное осязательными ощущеніями, можетъ быть осложнено сверхъ того ощущеніями и изъ сферы остальныхъ органовъ чувствъ. Изъ этихъ ассоціацій особенно важную роль въ развитіи человѣка играетъ зрительно-слуховая. Мы и займемся теперь процессомъ воспитанія слуха.

Слуховое вниманіе, прислушиваніе, есть явленіе заученнаго невольнаго движенія. Оно имѣетъ у всѣхъ людей и животныхъ приблизительно общую физіономію, заключающуюся преимущественно въ томъ, что наружное ухо ставится въ условія наиболѣе благопріятныя для дѣйствія звука на барабанную перепонку. Актъ этотъ въ слушаніи

совершенно то же, что направленіе зрительныхъ осей на предметъ въ зрѣніи. Слуховое вниманіе явно исчерпывается этимъ внѣшнимъ актомъ, когда дѣло идетъ о перцепціи хотя и самыхъ тихихъ, но отдѣльныхъ простыхъ звуковъ. Дѣло другаго рода, когда звуки комбинируются, напримѣръ въ слово. Здѣсь одного внѣшняго акта прислушиванія для ясности перцепціи недостаточно. Напримѣръ, вы выучились прекрасно англійскому языку, все понимаете, что читаете и произносите слова правильно, но вамъ почти не случалось бывать между англичанами. Послушайте, когда они говорятъ—не поймете ни слова, какъ ни напрягайте вниманіе; а поживете между ними мѣсяцъ — и начнете ощущать въ ихъ разговорѣ ясно каждое слово. Какъ это дѣлается, узнаемъ послѣ, теперь же читатель все-таки согласится, что и этого рода вниманіе есть дѣло привычки и актъ вполнѣ независимый отъ воли.

Послѣ сказаннаго явно, что слухъ новорожденнаго ребенка находится приблизительно въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился бы слухъ русскаго мужичка, еслибы онъ попалъ въ общество англичанъ. Какъ у того, такъ и у другаго много пройдетъ времени, прежде чѣмъ онъ выучится слушать слова. Это состояніе выражается у ребенка тѣмъ, что онъ начинаетъ лепетать. Другими словами, рефлексы со слуховаго органа на мышцы груди, гортани, языка, губъ, щекъ и проч. (голосовыя разговорныя мышцы), бывшіе до того времени безсвязными, начинаютъ принимать опредѣленную форму. Глухіе отъ рожденія, какъ извѣстно, никогда не выучиваются сочленять звуковъ въ слова: они представляютъ, стало быть, самое наглядное доказательство сказаннаго. Слышать слова есть однако лишь первое условіе для возможности артикуляціи ззуковъ. Вспомните, сколько времени проходитъ у ребенка отъ перваго слова „мама“ [1]) до разговора. Главнымъ рычагомъ въ развитіи этого искусства является инстинктивное стремленіе ребенка подражать дѣйствующимъ на его ухо звукамъ—обезьянничество, которое онъ въ дѣлѣ слуха раздѣляетъ между животными, преимущественно съ птицей. Процессъ артикулированія звуковъ въ слова у ребенка и попугая конечно одинаковъ. Въ сущности и главнѣйшимъ образомъ онъ заключается въ ассоціаціи ощущеній, вызываемыхъ голосовыми и разговорными мышцами при ихъ сокращеніи, съ

[1]) Слово „мама,“ по механизму своего происхожденія, самое простое: слогъ ма происходитъ, если при совершенно покойномъ положеніи всѣхъ мышцъ голосовыхъ и разговорныхъ, произвести разомъ звукъ въ гортани и открыть вмѣстѣ съ тѣмъ ротъ.

слуховыми ощущеніями отъ собственныхъ звуковъ. Во всякомъ же случаѣ никто конечно не сомнѣвается, что и этого рода акты, будучи невольными по механизму своего происхожденія, относятся къ изученнымъ рефлексамъ.

Въ лексиконѣ ребенка, да. и всѣхъ почти взрослыхъ людей, нѣтъ слова, которое тѣмъ или другимъ образомъ, то есть письменно или изустно, не было бы выучено. Это, кажется, и доказывать нечего, стоитъ только сравнить, напримѣръ, число словъ, знакомыхъ 10-лѣтнему ребенку, котораго учатъ иностраннымъ языкамъ и проч. наукамъ, съ тою же величиною у 80-лѣтняго безграмотнаго мужичка, который жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ.

И такъ, самый процессъ артикулированія звуковъ въ слова у ребенка и попугая дѣйствительно одинаковъ. Но какая страшная разница въ разговорной способности того и другаго! Попугай въ десятки лѣтъ выучится нѣсколькимъ фразамъ, ребенокъ въ то же время выучится тысячамъ. У перваго въ его разговорахъ такъ и слышится машинность, у ребенка же и въ раннія лѣта фразы имѣютъ, какъ говорится, уже характеръ осмысленности. Этотъ послѣдній характеръ зависитъ преимущественно отъ ассоціаціи слуховыхъ впечатлѣній съ зрительно-осязательными; и чѣмъ богаче, разнообразнѣе формы этого сочетанія, тѣмъ онъ выраженъ сильнѣе.

Когда животное или ребенокъ слышитъ звукъ, то между прочими рефлексами съ возбужденнаго слуховаго нерва у нихъ замѣчается обращеніе лица въ сторону звука и движеніе мышцъ, управляющихъ глазнымъ яблокомъ. Первое движеніе есть актъ прислушиванья, потому что звукъ дѣйствуетъ на оба уха разомъ всего лучше при положеніи головы лицомъ къ источнику звука; второе же движеніе ведетъ къ зрительному ощущенію. Два заученныхъ послѣдовательныхъ рефлекса и есть элементарная форма зрительно-слуховой ассоціаціи. Процессъ, слѣдовательно, тотъ же, что и для сочетанія зрительныхъ ощущеній съ осязательными. Примѣръ покажетъ это всего лучше. Съ этою цѣлью я воспользуюсь приведеннымъ уже случаемъ зрительно-осязательной ассоціаціи и введу въ него слуховое ощущеніе (см. стр. 45). Положимъ, предметъ, который схватилъ ребенокъ, былъ колокольчикъ. Въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ мышечно-осязательнымъ ощущеніемъ при схватываніи колокольчика, является раздраженіе звукомъ слуховаго нерва, затѣмъ ощущеніе звука и болѣе или менѣе обширное отраженное движеніе;—къ тремъ предъидущимъ рефлексамъ присоединяется четвертый. Если весь процессъ повторяется часто, то ребенокъ начинаетъ

узнавать колокольчикъ и по виду, и по звуку. Когда же рефлексы со слуха на языкъ начинаютъ у него подъ вліяніемъ изученія принимать опредѣленныя формы, является и названіе колокольчику—динь-динь. Та же исторія повторяется конечно и въ томъ случаѣ, когда онъ выучится называть колокольчикъ своимъ именемъ, потому что имя это столько же условный звукъ, какъ и динь-динь. А между тѣмъ, посмотрите, что изъ этого выходитъ: заученный послѣдовательный рядъ рефлексовъ ведетъ къ очень полному представленію предмета, къ знанію въ элементарной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вся наука о внѣшнихъ предметахъ есть ни что иное, какъ до безконечности обширное представленіе о каждомъ изъ нихъ, т. е. сумма всѣхъ возможныхъ ощущеній, вызываемыхъ въ насъ этими предметами при всѣхъ мыслимыхъ условіяхъ.

Вопроса о воспитаніи вкуса и обонянія я развивать не буду, потому что это было бы повтореніемъ сказаннаго для другихъ чувствъ. Замѣчу только, что ощущенія изъ всѣхъ сферъ чувствъ могутъ сочетаться между собою самымъ разнообразнымъ образомъ, но всегда путемъ послѣдовательныхъ рефлексовъ. И изъ этого-то сочетанія и возникаетъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ то безчисленное количество представленій, которыя служатъ, такъ сказать, матеріаломъ для всей остальной психической жизни. Достоинство этого матеріала я бы характеризовалъ вообще слѣдующимъ образомъ: ребенокъ знаетъ и знаетъ положительно всѣ окружавшія его дѣтство внѣшнія вліянія конкретно въ наипростѣйшей, при томъ самой обыденной ихъ формѣ; другими словами, онъ знаетъ явленія при непосредственно данныхъ природою условіяхъ. Чтобы показать, наконецъ, на сколько этотъ матеріалъ заключаетъ уже задатковъ для высшихъ психическихъ актовъ, я докажу, что у ребенка всѣ реальные субстраты знаменитаго понятія о пространствѣ уже готовы. Единственное свойство пространства заключается, какъ извѣстно, въ математическомъ воззрѣніи на измѣримость его въ трехъ противоположныхъ направленіяхъ, въ ширину, высоту и глубь. Глаза, какъ всякій знаетъ, обладаютъ способностью производить эти измѣренія. Если, напримѣръ, передъ нами стоитъ въ перспективѣ кубъ, то ширинѣ соотвѣтствуютъ мышечныя ощущенія при передвиганіи въ этомъ направленіи пересѣкающихся на предметѣ зрительныхъ осей [1]); а подобное же движеніе сверху внизъ

[1]) Зрительныя оси суть линіи. Пересѣкаться онѣ могутъ, стало быть, только въ одной точкѣ; а отсюда слѣдуетъ, что видѣть линію можно только при условіи, если провести точку пересѣченія зрительныхъ осей по всей длинѣ этой линіи.

даетъ ощущеніе длины. Наконецъ постоянно измѣняющійся уголъ сведенія зрительныхъ осей, при послѣдовательномъ разсматриваніи точекъ предмета, лежащихъ въ глубь, т. е. въ направленіи отъ насъ, вызываетъ также мышечныя ощущенія, потому что актъ сведенія зрительныхъ осей есть вообще актъ мышечный. Весь этотъ сложный процессъ уже въ дѣтствѣ повторяется безчисленное число разъ, такъ какъ всѣ предметы внѣшняго міра имѣютъ три измѣренія. Стало быть, существенные элементы для понятія о пространствѣ въ этомъ возрастѣ дѣйствительно уже существуютъ.

Резюмирую все сказанное до сихъ поръ относительно развитія ребенка.

Путемъ совершенно непроизвольнаго заученія послѣдовательныхъ рефлексовъ во всѣхъ сферахъ чувствъ у ребенка является тьма болѣе или менѣе полныхъ представленій о предметахъ—элементарныхъ конкретныхъ знаній. Послѣднія въ цѣльномъ рефлексѣ занимаютъ совершенно то же мѣсто, какъ ощущенія страха въ невольномъ движеніи соотвѣтствуютъ, слѣдовательно, дѣятельности центральнаго элемента отражательнаго аппарата.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи ребенка представляютъ продукты анализа конкретныхъ впечатлѣній въ пространствѣ и времени. Мы и займемся разборомъ условій для такого анализа, данныхъ матеріальной организацією человѣка; потомъ посмотримъ, можетъ ли быть подведенъ и этотъ отдѣлъ психическихъ актовъ съ ихъ внѣшними выраженіями подъ категорію рефлексовъ.

Прежде всего отвѣтимъ однако на очень важный вопросъ, который мы остались должны читателю, на вопросъ, относится ли ребенокъ тотчасъ по рожденіи на свѣтъ къ внѣшнимъ вліяніямъ на его чувства пассивно, или со стороны ребенка существуютъ активныя стремленія къ внѣшнему міру. Въ послѣднемъ случаѣ нужно показать природу этихъ стремленій, потому что, примѣшиваясь ко всѣмъ результатамъ дѣйствія окружающаго міра на ребенка, они должны необходимо вліять на характеръ этихъ результатовъ.

Физіологія обладаетъ фактами, способными рѣшить это дѣло. Извѣстно изъ наблюденій надъ взрослымъ человѣкомъ, надъ ребенкомъ и надъ животными, что первымъ условіемъ для поддержанія матеріальной цѣлости, слѣдовательно и функцій всѣхъ нервовъ и мышцъ безъ исключенія, необходимо соотвѣтственное упражненіе этихъ органовъ; такъ,

на зрительный нервъ долженъ дѣйствовать свѣтъ, движущій нервъ долженъ быть возбуждаемъ и его мышца должна сокращаться и пр. Съ другой стороны знаютъ, что въ случаѣ насильственнаго прекращенія упражненія котораго бы то ни было изъ этихъ органовъ, въ человѣкѣ является тягостное чувство, заставляющее его искать недостающаго упражненія. Явно, слѣдовательно, что ребенокъ относится къ внѣшнимъ вліяніямъ не пассивно. При томъ не трудно понять, что стремленія его къ внѣшнему міру суть явленія инстинктивныя, невольныя, и въ случаѣ если они удовлетворяются, т. е. вызываютъ какое нибудь движеніе въ ребенкѣ, носятъ вполнѣ характеръ рефлекса. Нѣтъ сомнѣнія, что полная зависимость ребенка отъ этихъ инстинктивныхъ стремленій и придаетъ дѣтству особенно подвижной характеръ; ребенокъ постоянно перебѣгаетъ отъ упражненія одного нерва къ другому. Въ этомъ же конечно заключается и задатокъ всесторонняго воспитанія органовъ чувствъ и движенія. Есть впрочемъ еще и другое свойство, общее всѣмъ нервамъ, вслѣдствіе котораго ребенокъ долго не останавливается на одномъ и томъ же впечатлѣніи, это—утомляемость нерва, притупленіе его къ продолжительной дѣятельности въ одномъ и томъ же направленіи. Факты эти конечно общеизвѣстны.

Итакъ, характеръ явленій, вытекающихъ изъ вліянія внѣшняго міра на ребенка, нисколько не измѣняется отъ примѣси къ нимъ активныхъ стремленій со стороны послѣдняго. Къ ряду рефлексовъ прибавляется лишь одинъ новый.

Обратимся теперь къ условіямъ анализа конкретныхъ впечатлѣній.

Сюда относятся вообще явленія дробленія на части конкретнаго представленія изъ одной сферы чувствъ и разложеніе сложныхъ представленій, напр. зрительно - осязательно - слуховаго, на составные элементы.

Передъ ребенкомъ стоитъ, наприм., картина изъ мозаики, представляющая, положимъ, человѣка. Онъ видитъ во первыхъ всю фигуру—конкретное представленіе; далѣе замѣчаетъ, что человѣкъ состоитъ изъ головы, шеи, туловища, рукъ и ногъ. При внимательномъ же разсматриваніи видитъ отдѣльно каждый камешекъ, составляющій можетъ быть тысячную часть всей картины. Спрашивается, какимъ образомъ развивается эта способность къ анализу и синтезу?

Условіе конечно должно состоять въ способности глаза ощущать каждую точку видимаго предмета отдѣльно отъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ разомъ. Такое условіе дано особеннымъ устройствомъ зритель-

ной перепонки и лежитъ, слѣдовательно, въ матеріальной организаціи глаза.

Зрительную перепонку, на которой рисуются изображенія разсматриваемыхъ предметовъ и которая представляетъ окончаніе всѣхъ нервныхъ волоконъ зрительнаго нерва, для ясности можно сравнить съ поверхностью фотографической пластинки, на которую снимаются портреты. Подобно тому, какъ послѣдняя (т. е. поверхность пластинки) состоитъ изъ безчисленнаго количества лежащихъ другъ подлѣ друга точекъ, независимыхъ одна отъ другой въ дѣлѣ воспріятія свѣтовыхъ впечатлѣній, и поверхность сѣтчатой оболочки представляетъ мозаическое сочетаніе отдѣльныхъ сферъ. Свѣтовой лучъ изъ одной сферы перейти въ сосѣднія не можетъ. Если къ сказанному прибавить, что каждая сфера представляетъ нѣкоторымъ образомъ конецъ отдѣльнаго нервнаго волокна, то читатель легко пойметъ, что въ случаѣ, если изображеніе предмета на сѣтчатой оболочкѣ покрываетъ собою пространство тысячи сферъ, то глазъ долженъ видѣть этотъ предметъ состоящимъ изъ тысячи отдѣльныхъ точекъ. Но глазъ идетъ и дальше, онъ способенъ видѣть каждую, такъ сказать, отдѣльную точку предмета изъ цѣлаго образа. Это достигается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ зрительныхъ сферъ по поверхности сѣтчатой облочки: около точки пересѣченія послѣдней съ зрительною осью сферы эти стоятъ непосредственно другъ подлѣ друга, съ удаленіемъ же отъ нея промежутки между сферами становятся больше и больше. Ясно послѣ этого, что точки предмета, которыхъ изображенія падаютъ на сѣтчатую оболочку въ мѣстѣ пересѣченія послѣдней съ зрительною осью, должны быть ощущаемы яснѣе прочихъ. Это есть, какъ читатель уже знаетъ, условіе для зрительнаго вниманія.

Передъ ребенкомъ стоитъ мозаичная картина, изображающая человѣка. Онъ можетъ видѣть всю картину разомъ и въ случаѣ, когда зрительныя оси его глазъ направлены на одну точку ея, напр. на носъ человѣка, но тогда онъ видитъ всего лучше носъ и уже менѣе ясно ротъ и глаза, наконецъ всего хуже ноги, какъ наиболѣе удаленныя отъ носа части картины.

Такимъ образомъ можно разомъ видѣть и цѣлое и часть.

О пути развитія этой способности, т. е. о привычкѣ анализировать конкретныя зрительныя ощущенія, говорить уже нечего: читателю конечно и безъ того ясно, что путь этотъ тотъ же самый, который описанъ при развитіи конкретныхъ зрительныхъ представленій, т. е. путь

заученнаго частымъ повтореніемъ рефлекса [1]). Теперь упомяну лишь о томъ, что дается психической жизни человѣка анализирующей способностью глаза. Это суть представленія, лежащія въ основѣ понятій о сложности внѣшнихъ тѣлъ природы, объ ихъ дѣлимости и о величинѣ. Тою же анализирующею способностью дается отчасти и представленіе о движеніи. Движеніе опредѣляется въ самомъ дѣлѣ путемъ двигающагося тѣла и временемъ прохожденія этого пути. Послѣдняго то элемента и недостаетъ чисто зрительному представленію отъ движущихся предметовъ.

Подобно сѣтчатой оболочкѣ глаза, осязающая поверхность нашего тѣла раздѣлена на сферы, изъ которыхъ каждая ощущаетъ прикосновеніе внѣшнихъ предметовъ точечно. Какъ въ сѣтчатой оболочкѣ глаза, такъ и на поверхности нашей кожи не всѣ мѣста одинаково чувствительны въ дѣлѣ анализа осязательныхъ ощущеній. Гдѣ поверхность осязающихъ точечно сферъ меньше, какъ напр. на губахъ и на ладонныхъ концахъ пальцевъ, тамъ эта способность тоньше, и наоборотъ. У меня въ рукахъ въ эту минуту папироса съ бумажнымъ мундштукомъ. Я давлю послѣднимъ себѣ на губы и получаю ощущеніе кольца; давлю на кожу шеи, спины, чувствую прикосновеніе тѣла, но формы его не разберу. Ясно, что въ первомъ случаѣ ощущеніе кольца конкретное получается лишь потому, что я ощущаю, такъ сказать, отдѣльно многія точки, лежащія въ окружности кольца; во второмъ же случаѣ мундштукъ покрываетъ, можетъ быть, одну или двѣ сферы (на шеѣ) на спинѣ же не покрываетъ и одной, стало быть изъ всѣхъ точекъ кольца я могу ощущать только одну или двѣ, а по нимъ формы круга не выстроишь.

Вообразите далѣе форму прикладываемаго тѣла болѣе разнообразную, напр. звѣздчатую, тогда ваши губы и концы пальцевъ будутъ ощущать и этотъ контуръ, т. е. всѣ углы звѣзды. Понятно также, что части предмета, падающія на мѣста болѣе тонкой чувствительности, должны ощущаться яснѣе прочихъ. Отсюда выдѣленіе изъ конкретнаго ощущенія частей его. Если поверхность тѣла шероховата, то выдающіяся его точки давятъ на кожу сильнѣе другихъ: опять неравенство отдѣльныхъ элементовъ ощущенія—дробленіе его.

Условія анализа конкретныхъ осязательныхъ ощущеній и путь развитія этой способности явнымъ образомъ тождественны съ разобранными

---

[1]) Понятно также, что и законы ассоціаціи между частями раздробленнаго зрительнаго ощущенія съ представленіями изъ другихъ сферъ чувствъ тѣ же самые, которые описаны для конкретныхъ ощущеній.

для зрительныхъ ощущеній. Да и результаты одни и тѣ же—представленія о сложности, дѣлимости и величинѣ тѣлъ. Разница между обоими случаями лишь та, что зрѣніе у человѣка въ дѣлѣ познанія этихъ сторонъ внѣшнихъ предметовъ несравненно тоньше осязательнаго чувства; поэтому зрячій руководится первымъ несравненно больше, чѣмъ вторымъ; стало быть и результаты зрительнаго анализа несравненно тоньше и богаче [1]).

Анализирующая способность слуха [2]) заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что ухо можетъ изъ даннаго одновременно сочетанія музыкальныхъ тоновъ выдѣлять каждый тонъ по одиночкѣ. Другими словами, ухо ощущаетъ сочетаніе звуковъ конкретно и можетъ разлагать это сочетаніе на составные музыкальные тоны. Эта аналитическая способность развивается, какъ извѣстно далѣе, упражненіемъ; отъ того она всего сильнѣе развита у музыкантовъ. Вотъ физическія условія этой способности.

Въ части уха, называемой улиткой, слуховой нервъ разсыпается на отдѣльныя нервныя волокна, и каждое изъ послѣднихъ находится въ связи (вопросъ о формѣ этой связи еще не рѣшенъ вполнѣ) съ эластическимъ тѣломъ, клавишей. Принимаютъ, что клавиши эти, подобно струнамъ въ музыкальныхъ инструментахъ, настроены въ правильномъ музыкальномъ порядкѣ и что колебанію каждой клавиши соотвѣтствуетъ опредѣленный музыкальный тонъ. Клавишъ этихъ у человѣка считается до 3000. Положивъ, что ухо способно различать до 200 тоновъ сверхъ тѣхъ, которые употребляются въ музыкѣ, выходитъ, что на 7 музыкальныхъ октавъ остается еще 2800 отдѣльныхъ аппаратовъ: на октаву по 400 и $33^1/_3$ аппарата на каждый полутонъ. Явно, что ухо способно такимъ образомъ различать и очень малыя части полутоновъ. Понятно также, что аналитическая способностъ уха можетъ идти и далѣе 30-й части полутона. Если въ самомъ дѣлѣ высота даннаго тона падаетъ между тонами двухъ сосѣднихъ клавишъ, то обѣ приходятъ въ колебаніе, сильнѣе однако та, къ тону которой лежитъ ближе данный тонъ; крайніе предѣлы различенія звуковъ лежатъ, слѣдовательно, между $^1|_{33}$ и $^1|_{66}$ полутона.

Такимъ образомъ конкретное впечатлѣніе музыкальнаго аккорда

---

[1]) Модификаціи осязательнаго чувства, дающія понятія о твердости, мягкости, упругости и температурѣ тѣлъ, не представляютъ характера сложности и не могутъ, слѣдовательно, быть дробимы.

[2]) Описаніе аналитической способности уха съ физіологической точки зрѣнія взято мною изъ знаменитаго сочиненія Гельмгольца «Объ ощущеніяхъ звука».

объясняется тѣмъ, что здѣсь разомъ приходятъ въ колебаніе клавиши, соотвѣтствующія различнымъ составнымъ тонамъ аккорда. Такимъ же образомъ объясняется и конкретное ощущеніе **гласныхъ звуковъ**, которые суть ни что иное, какъ сочетаніе тоновъ различной высоты. Что же касается до смѣшанныхъ звуковъ, шумовъ, согласныхъ буквъ, то условія ихъ различенія ухомъ еще не опредѣлены; предполагаютъ только, что шумы, т. е. не періодическія колебанія воздуха, перципируются другою частью слуховаго нерва, лежащею въ расширеніяхъ полукружныхъ каналовъ.

Какъ бы то ни было, а все дѣло слуховаго анализа сводится на различіе нервныхъ волоконъ, служащихъ для воспринятія частей звуковыхъ впечатлѣній. Въ сущности механизмъ тотъ же, что и въ глазу.

Слуховыя ощущенія въ одномъ отношенія имѣютъ однако характеръ совершенно противуположный зрительнымъ.

Слѣдующій примѣръ пояснитъ это всего лучше. Если на слухъ человѣка падаетъ какой нибудь звукъ, напр. музыкальный тонъ, то человѣкъ чрезвычайно легко опредѣляетъ его продолжительность и характеризуетъ это словами: звукъ отрывистый, протяжный, очень долгій и пр. Ощущеніе звука имѣетъ вообще характеръ тянущійся; это значитъ, слухъ обладаетъ способностью ощущать явленіе звука конкретно и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, такъ сказать, каждое отдѣльное мгновеніе его. Слухъ есть анализаторъ времени. Органъ зрѣнія въ тѣсномъ смыслѣ не обладаетъ, напротивъ, нисколько этою способностью: какъ бы долго ни дѣйствовали лучи свѣта на зрительный нервъ, собственно въ свѣтовомъ ощущеніи нисколько нѣтъ тянущагося характера. Ни на какомъ языкѣ нельзя напримѣръ сказать „ощущеніе краснаго, бѣлаго или синяго цвѣта было протяжно". Если же говорятъ про взглядъ, что онъ, подобно звуку, бываетъ отрывистъ, протяженъ, длиненъ и пр., то это относится не собственно къ зрительному ощущенію, а къ мышечкому аппарату глаза, управляющему взглядами, т. е. къ движенію сведенія зрительныхъ осей на разсматриваемый предметъ и къ акту приспособленія глаза, тоже мышечному.

Въ способности уха ощущать тягучесть звука лежитъ условіе для анализа послѣдняго во времени. Анализъ этотъ заключается въ самомъ дѣлѣ въ способности сосредоточивать вниманіе на отдѣльныхъ фазахъ звука, то наростающаго, то упадающаго въ силѣ, то измѣняющаго періоды или формы колебаній. Этой способностью обладаютъ въ наивысшей степени пѣвцы. Но вѣдь та же способность должна конечно лежать и въ основѣ умѣнья придавать своей рѣчи опредѣленный характеръ: одинъ

слогъ протянуть долго, другой меньше, а третій произнести очень отрывисто. Стало быть этой способностью обладаютъ уже и неразумныя дѣти. Явно, что искусство это дается тѣмъ же путемъ, какъ и вообще способность артикулировать слова, т. е. частымъ повтореніемъ рефлекса въ одномъ и томъ же направленіи.

Вкусовыя и обонятельныя ощущенія дробимы лишь въ очень ограниченной степени (различные вкусы и запахи). Что касается до мышечныхъ, то анализъ ихъ представляетъ, по нормѣ процесса, значительное уклоненіе отъ дробленія конкретныхъ зрительныхъ слуховыхъ ощущеній. Я разовью мою мысль на примѣрахъ. Первый примѣръ: человѣкъ умѣющій пѣть, знаетъ, какъ извѣстно, напередъ, т. е. ранѣе момента образованія звука, какъ ему поставить всѣ мышцы, управляющія голосомъ, чтобы произвести опредѣленный и заранѣе назначенный музыкальный тонъ; онъ можетъ даже мышцами, безъ помощи голоса, спѣть, такъ сказать, для своего сознанія, какую угодно знакомую пѣсню. Явно, что въ основѣ такого умѣнья долженъ лежать точно такой же анализъ мышечныхъ движеній во времени, какой существуетъ и для звука. Другой случай: всякій человѣкъ ощущаетъ и безъ помощи глазъ актъ сгибанія руки въ локтевомъ суставѣ; притомъ онъ можетъ сознавать различныя фазы этого процесса—моментъ, когда сгибаніе происходитъ медленно и когда оно совершается быстро; наконецъ, человѣкъ можетъ даже—и опять безъ помощи глазъ — узнать, на какой степени сгибанія остановилась его рука. Явно, что здѣсь человѣкъ способенъ анализировать мышечное ощущеніе не только во времени, но и въ пространствѣ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что мышечное чувство въ дѣлѣ анализа своихъ ощущеній соединяетъ въ себѣ и способности глаза, и свойства уха. Всякій пойметъ однако, что собственно мышечному чувству дана способность анализировать свои ощущенія только во времени, да и эта способность, какъ сейчасъ увидимъ, изощряется лишь при помощи слуха, зрѣнія и частаго упражненія мышцъ, т. е. пріобрѣтается заученіемъ. Это слѣдуетъ отчасти уже изъ того, что мышечное ощущеніе вообще, т. е. ощущеніе сокращающейся мышцы, само по себѣ до чрезвычайной степени неопредѣленно и слабо; по выразительности оно далеко уступаетъ даже любому обонятельному и вкусовому. Стало быть въ развитіи его характерности, существующей уже и въ дѣтскомъ возрастѣ (если судить по внѣшнему характеру мышечныхъ движеній), должны принимать участіе какіе нибудь посторонніе моменты. За неспособность мышечнаго чувства анализировать свои ощущенія въ пространствѣ говорятъ слѣдующіе общеизвѣстные факты. Въ актѣ дыханія, т. е въ

расширеніи и сжиманіи грудной полости, участвуютъ очень многія мышцы, анатомически совершенно отдѣльныя другъ отъ друга; и до сознанія доходитъ конкретное ощущеніе сокращающихся дыхательныхъ мышцъ, но нѣтъ человѣка, который могъ бы изъ этого общаго ощущенія выдѣлить то, которое соотвѣтствуетъ каждой изъ сокращающихся мышцъ отдѣльно.

То же самое относится ко всѣмъ движеніямъ, производимымъ не одною, а нѣсколькими мышцами разомъ. Дѣло другаго рода, если изъ массы мышцъ, дѣйствовавшихъ до настоящаго момента разомъ, т. е. совокупно, выдѣляется вдругъ дѣятельность одной и эта одинокая мышца часто упражняется въ одномъ и томъ же направленіи; тогда и ощущеніе, вызываемое сокращеніемъ ея, должно необходимо представляться сознанію съ болѣе и болѣе опредѣленнымъ характеромъ (прошу читателя воображать при этомъ выдѣленное сгибаніе одного пальца руки изъ общаго акта сжатія ея въ кулакъ). Такъ мышечный актъ сведенія зрительныхъ осей глаза, какъ одинъ изъ наиболѣе часто повторяющихся, даетъ сознанію едва ли не яснѣйшее изъ всѣхъ мышечныхъ ощущеній. Послѣ сказаннаго уже не трудно понять сущность процесса выдѣленія элементарнаго мышечнаго ощущенія изъ конкретнаго, или, что все равно, процессъ выдѣленія дѣятельности отдѣльныхъ мышцъ изъ совокупной дѣятельности многихъ: толчкомъ служитъ инстинктивное стремленіе ребенка подражать видимому и слышимому, средствомъ же — изощряемость ощущенія отъ частоты повторенія.

Приведенные примѣры нѣмаго пѣнія и сгибанія руки въ локтевомъ суставѣ вполнѣ объясняются съ этой точки зрѣнія. Въ основѣ перваго лежитъ мышечно-слуховая, а во второмъ—мышечно-зрительная ассоціація. На этомъ основаніи, въ послѣднемъ случаѣ мышца и одарена, повидимому, способностью узнавать пространственныя отношенія.

И такъ, при свойственной ребенку инстинктивной слуховой и зрительной подражательности, у него развиваются путемъ повторенія рефлекса въ одномъ и томъ же направленіи дѣятельности сочетанныхъ въ опредѣленныя группы мышцъ. Через это рѣчь ребенка получаетъ выразительность, и вообще всѣ внѣшнія движенія его тѣла принимаютъ опредѣленную осмысленную физіономію. Вотъ въ общихъ чертахъ результатъ анализа мышечныхъ ощущеній.

Въ заключеніе повторяю еще разъ: части конкретныхъ представленій изъ всѣхъ сферъ чувствъ могутъ ассоціироваться между собою и съ цѣльными представленіями совершенно также (т. е. путемъ привычнаго рефлекса), какъ сочетаются послѣднія. Читатель догадается, что чрезъ

это существовавшее уже число психическихъ актовъ увеличивается во многія-многія тысячи разъ.

Разобравши такимъ образомъ условія, процессъ и послѣдствія дробленія зрительныхъ, слуховыхъ и прочихъ представленій, мнѣ слѣдуетъ говорить объ анализѣ сочетанныхъ конкретныхъ представленій, т. е. о разложеніи ихъ на чистыя (процессъ дизассоціаціи). Для рѣшенія этого рода вопросовъ достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Въ актѣ зрѣнія ассоціированы, напримѣръ, всегда чисто зрительныя ощущенія съ мышечными, т. е. съ ощущеніями, происходящими отъ сокращенія мышцъ, управляющихъ движеніемъ глазнаго яблока и актомъ приспособленія глаза. То и другое ощущенія по характеру чрезвычайно различны. Чисто зрительное имѣетъ характеръ абсолютно объективный, т. е. внѣшніе предметы, дѣйствующіе на глазъ, хотя и производятъ измѣненіе въ состояніи зрительнаго нерва и мозга, т. е. въ частяхъ человѣка, однако чувствуются имъ всегда находящимися извнѣ. Напротивъ, мышечное ощущеніе чисто субъективно — оно доходитъ до сознанія въ формѣ какого-то усилія. Разобщить эти два ощущенія значитъ сознавать и то и другое отдѣльно. Для этого, какъ говорится обыкновенно, нужно вниманіе и къ тому и къ другому. Далѣе извѣстно, что вниманіе легче сосредоточивается на томъ ощущеніи, которое сильнѣе. Стало быть, для развитія дизассоціаціи нужно только, чтобы иногда въ сложномъ актѣ зрѣнія было сильнѣе или зрительное ощущеніе, или мышечное. Такія условія существуютъ. Днемъ, при разсматриваніи не слишкомъ далекихъ и не слишкомъ близкихъ предметовъ, зрительное ощущеніе вообще несравненно сильнѣе мышечнаго. При слабомъ же освѣщеніи, при неясности контуровъ предмета, наконецъ когда послѣдній лежитъ или очень близко къ глазу, или далеко отъ него, бываетъ наоборотъ. Слѣдовательно, процессъ разобщенія осложненнаго ощущенія вытекаетъ все-таки изъ часто повторяющагося акта зрѣнія при различныхъ условіяхъ. Послѣдній же происходитъ путемъ рефлекса.

Представленіе шероховатости есть зрительно-осязательное. И здѣсь процессъ разобщенія ощущеній достигается усиленіемъ одного на счетъ другаго. Шероховатые предметы попадаются подъ руку и днемъ и въ темнотѣ часто вовсе независимо отъ глазъ. Изъ яркости ощущенія въ послѣднемъ случаѣ и развивается то инстинктивное закрываніе глазъ, которое замѣчается на многихъ людяхъ, когда они хотятъ яснѣе ощупать предметъ.

Разобщеніе зрительно-слуховыхъ ассоціацій совершается, конечно, по тѣмъ же законамъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что у большинства лю-

дей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ. Разговоры съ матерью, разсказываніе дѣтямъ сказокъ и вообще то обстоятельство, что въ теченіе одного и того же времени можно слышать несравненно больше названій внѣшнихъ предметовъ, чѣмъ видѣть ихъ на самомъ дѣлѣ, ведутъ къ такому усиленію слуховыхъ ощущеній надъ зрительными. Отсюда-то и вытекаетъ, что большинство людей и въ большинствѣ случаевъ думаетъ словами, а не образами, также и то, что многія и многія вещи знаются людьми только по слуху, т. е. полузнаются.

При анализѣ ассоціированныхъ ощущеній человѣкъ встрѣчается впервые самъ съ собой. Отдѣленіемъ въ дѣлѣ ощущенія всего субъективнаго кладется начало самоощущенію, самосознанію. Я не стану слѣдить шагъ за шагомъ путь развитія самосознанія; укажу лишь на главнѣйшіе рычаги въ дѣлѣ его образованія и постараюсь убѣдить читателя, что и здѣсь въ основѣ явленій (самосознанія) лежитъ ни что иное какъ болѣе или менѣе сложный рефлексъ.

Все дѣло сводится здѣсь на то, какимъ образомъ ребенокъ выучивается отличать зрительныя, слуховыя и осязательныя ощущенія, получаемыя имъ отъ собственнаго тѣла, отъ зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ ощущеній, получаемыхъ имъ отъ внѣшняго міра и преимущественно отъ другихъ людей.

Начнемъ съ зрѣнія. Ребенокъ видитъ напримѣръ свою руку 10 разъ въ день и столько же разъ руку матери.

Чтобы видѣть свою руку ясно, ребенокъ долженъ поставитъ ее на опредѣленное разстояніе отъ глазъ. Онъ это и дѣлаетъ путемъ заученнаго рефлекса. У него ассоціируется такимъ образомъ зрительное ощущеніе своей руки съ ощущеніемъ ея движенія. Для разсматриванія же руки матери такого движенія вовсе не нужно, а нужно какое нибудь другое, напримѣръ подойти поближе. Пока подобныхъ, различныхъ по содержанію, ассоціацій мало, ребенокъ конечно не умѣетъ отличать своей руки отъ материнской. Но съ значительнымъ умноженіемъ ихъ, при разнообразныхъ условіяхъ, отличительные характеры ассоціацій должны выступать рѣзче и рѣзче—является отдѣленіе въ сознаніи двухъ сходственныхъ предметовъ. Процессъ идетъ далѣе: ребенокъ видитъ часто игрушку въ рукѣ матери и столько же часто въ собственной: первое ощущеніе остается простымъ, ко второму присоединяется осязательное и мышечное. Исторія снова повторяется тысячи и тысячи разъ. Оба акта отдѣлились другъ отъ друга, и въ сознаніи является уже собственная рука съ примѣсью самоощущенія.

Условія отличенія собственнаго голоса отъ голоса окружающихъ людей, не смотря на то, что оба ощущенія чисто субъективны, очень рѣзки. Свой голосъ сопровождается непремѣнно мышечнымъ ощущеніемъ въ голосовыхъ мышцахъ, посторонній же нѣтъ. Кромѣ того, звукъ извнѣ доходитъ до слуховаго нерва преимущественно путемъ потрясенія барабанной перепонки; тихіе звуки, напримѣръ, идутъ этимъ путемъ исключительно; наоборотъ, въ проведеніи собственныхъ слабыхъ голосовыхъ звуковъ къ слуховому нерву участвуетъ въ значительной степени и потрясеніе костей черепа, что уже само по себѣ придаетъ звуку особенный характеръ. Стало быть и здѣсь главное окончательное условіе для отличенія собственнаго голоса отъ посторонняго заключается въ анализѣ мышечно-слуховой ассоціаціи. По сколько же процессъ дизассоціаціи развивается путемъ повторительныхъ рефлексовъ, по столько основные элементы самосознанія суть послѣдствія тѣхъ же актовъ.

Прибавьте къ сказанному тьму мышечныхъ ощущеній, которая должна наполнять сознаніе ребенка и всегда съ субъективнымъ характеромъ, и вы поймете, что психическій актъ отдѣленія собственной особы отъ всего окружающаго долженъ развиваться въ человѣкѣ рано.

Къ разряду же явленій самосознанія относятся тѣ неопредѣленныя темныя ощущенія, которыя сопровождаютъ акты, совершающіеся въ полостныхъ органахъ груди и живота. Кто не знаетъ, напримѣръ, ощущенія голода, сытости и переполненія желудка? Незначительное разстройство дѣятельности сердца ведетъ уже за собою измѣненіе характера человѣка; нервность, раздражительность женщины изъ 10 разъ 9 зависитъ отъ болѣзненнаго состоянія матки. Подобнаго рода факты, которыми переполнена патологія человѣка, явнымъ образомъ указываютъ на ассоціацію этихъ темныхъ ощущеній съ тѣми, которыя даются органами чувствъ. Къ сожалѣнію, относящіеся сюда вопросы чрезвычайно трудны для разработки, и потому удовлетворительное рѣшеніе ихъ принадлежитъ будущему. А рѣшеніе было бы въ высокой степени важно, потому что разбираемыя ощущенія всегда присущи человѣку, повторяются, стало быть, чаще, чѣмъ всѣ остальныя, и представляютъ такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей въ дѣлѣ психическаго развитія.

Способностью органовъ чувствъ воспринимать внѣшнія вліянія въ формѣ ощущеній, анализировать послѣднія во времени и пространствѣ, и сочетать ихъ цѣльно или частями въ разнообразныя группы, исчерпывается запасъ средствъ, которыя управляютъ психическимъ развитіемъ человѣка. Гдѣ же, спроситъ читатель, знакомый съ психологическою

литературою, процессъ обобщенія представленій, переходъ отъ понятій низшихъ къ болѣе общимъ, гдѣ сочетаніе понятій въ ряды, наконецъ, что сталось съ продуктами такъ называемаго соизмѣренія психическихъ актовъ (сравненіе) въ сознаніи? Всѣ эти процессы заключаются, любезный читатель, въ сказанномъ. Вотъ для удостовѣренія нѣсколько примѣровъ:

1) „Животное" есть, какъ извѣстно, понятіе очень общее. Съ нимъ различные люди, смотря по степени своего развитія, соединяютъ однако очень разнообразныя представленія: одинъ говоритъ, что животное есть то, что дышетъ; другой съ понятіемъ о животномъ связываетъ неприкрѣпленность къ мѣсту и свободу движенія; третьи прибавляютъ къ движенію чувствованіе; наконецъ натуралисты еще недавно принимали за простѣйшую, слѣдовательно типическую, форму животнаго (protozoa) клѣточку—маленькую частицу, входящую какъ основа въ составъ всѣхъ тканей животнаго тѣла. Явно, что не смотря на различіе представленій, связываемыхъ съ понятіемъ „животное", въ нихъ есть и общая сторона: всѣ они суть ни что иное, какъ представленія какой нибудь части цѣлаго животнаго индивидуума - части цѣлаго, т. е продукты анализа.

2) Время, говорится обыкновенно, есть понятіе очень общее, потому что въ немъ чувствуется очень мало реальнаго. Но именно послѣднее обстоятельство и указываетъ на то, что въ основѣ его лежитъ лишь часть конкретнаго представленія. Въ самомъ дѣлѣ, только звукъ и мышечное ощущеніе даютъ человѣку представленія о времени, притомъ не всѣмъ своимъ содержаніемъ, а лишь одною стороною, тягучестью звука и тягучестью мышечнаго чувства. Передъ моими глазами двигается предметъ; слѣдя за нимъ, я двигаю постепенно или головой, или глазами, или обоими вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ зрительное ощущеніе ассоціируется съ тянущимся ощущеніемъ сокращающихся мышцъ, и я говорю: «движеніе тянется подобно звуку». Дневная жизнь человѣка проходитъ въ томъ, что онъ или двигается самъ, получаетъ тянущіяся ощущенія, или видитъ движеніе постороннихъ предметовъ—опять оно же, или наконецъ слышитъ тянущіеся звуки (и обонятельныя и вкусовыя ощущенія имѣютъ тоже характеръ тягучести). Отсюда выходитъ, что день тянется подобно звуку, 365 дней тянутся подобно звуку и. т. д Отдѣлите отъ конкретныхъ представленій движенія дня и года характеръ тягучести — и получится понятіе времени. Опять процессъ дробленія цѣлаго на части.

3) Понятіе величины разсматриваютъ обыкновенно какъ продуктъ

соизмѣренія въ сознаніи двухъ представленій и вводятъ въ процессъ особенную способность сравнивать и выводить заключенія. Дѣло объясняется однако проще. Дробя конкретное зрительное представленіе милліоны разъ, глазъ привыкаетъ къ различію ощущеній между цѣлымъ и частью во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и со стороны величины. Ассоціируя же эти акты съ слуховыми ощущеніями, служащими этимъ отношеніямъ именемъ, ребенокъ выучивается узнавать и говорить, что больше, что меньше. Представленія о цѣломъ и части со стороны величины уясняются потомъ различіемъ связательныхъ ощущеній, сочетающихся съ зрительными. Различіе стало наконецъ совершенно ясно. Моментъ этотъ характеризуется физіологически слѣдующимъ образомъ: ребенокъ выучился находить различіе между количествомъ зрительныхъ сферъ, которыя покрываются изображеніемъ цѣлаго предмета на сѣтчатой оболочкѣ и частію его. Тогда ребенокъ конечно можетъ уже отличать по величинѣ и два отдѣльныхъ предмета, рисующихся на его сѣтчатой оболочкѣ; тотъ будетъ больше, котораго изображеніе занимаетъ на ней больше мѣста, и наоборотъ. Ребенокъ знаетъ такимъ образомъ два предмета равныхъ по величинѣ и вдругъ видитъ разъ, два, десять разъ, милліоны разъ, что и изъ этихъ равныхъ предметовъ тотъ, который дальше отъ глаза, кажется всегда меньше. Если представленіе объ ихъ дѣйствительномъ равенствѣ крѣпко, то его не обманетъ кажущееся неравенство (напримѣръ ребенокъ лѣтъ 4 не смѣшаетъ свою высокую мать издали съ знакомой дѣвочкой, которая вблизи ровна по росту матери, разсматриваемой издалека); въ противномъ случаѣ онъ, конечно, ошибется.

И взрослый человѣкъ судитъ о величинѣ предметовъ такимъ же образомъ: онъ ощущаетъ послѣдовательно и очень рѣзко (вслѣдствіе многократнаго повторенія процесса) количество зрительныхъ сферъ сѣтчатой оболочки, покрытыхъ двумя изображеніями. Явно, что здѣсь, какъ говорится, обращается вниманіе лишь на одну сторону конкретнаго зрительнаго ощущенія, опять анализъ.

На вопросъ о сочетаніи понятій отвѣчать примѣромъ теперь уже нечего: они сочетаются какъ дробныя части конкретныхъ представленій.

Чтобы помирить читателя окончательно съ мыслью о томъ, какое неисчерпаемое богатство психическаго развитія скрывается и въ разобранныхъ нами доселѣ средствахъ къ нему, не смотря на ихъ кажущуюся бѣдность, я обращу его вниманіе на предѣлы ассоціаціи: каждая изъ нихъ начинается ежедневно въ моментъ просыпанія человѣка и кончается началомъ сна. Въ этотъ день, считая его въ 12 часовъ и поло-

живъ среднимъ числомъ на каждую новую фазу зрительнаго ощущенія по 5 секундъ, черезъ глазъ войдетъ больше 8000 ощущеній, черезъ ухо никакъ не меньше, а черезъ движеніе мышцъ несравненно больше. И вся эта масса психическихъ актовъ связывается между собою каждый день новымъ образомъ, сходство съ предъидущимъ повторяется лишь въ частностяхъ!

Теперь мнѣ слѣдовало бы, по порядку, говорить объ отношеніи ассоціаціи, какъ цѣлаго, къ каждому изъ внѣшнихъ чувственныхъ возбужденій, входящихъ въ составъ ея. Это было бы однако не понятно читателю, незнакомому еще съ такъ называемыми актами воспроизведенія въ сознаніи различныхъ ощущеній, то есть образовъ, звуковъ, вкусовъ и проч. Мы и займемся теперь этимъ вопросомъ. Вотъ его сущность: человѣкъ, какъ извѣстно, обладаетъ способностью *думать образами, словами и другими ощущеніями*, не имѣющими никакой прямой связи съ тѣмъ, что въ это время дѣйствуетъ на его органы чувствъ. Въ его сознаніи рисуются, слѣдовательно, образы и звуки безъ участія соотвѣтствующихъ внѣшнихъ дѣйствительныхъ образовъ и звуковъ. Но по скольку всѣ эти образы и звуки онъ прежде видѣлъ и слышалъ въ дѣйствительности, по стольку и способность думать ими, безъ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ субстратовъ, называется *воспроизводящею ощущенія способностью*.

Разъясненіе всего дѣла сводится очевидно на опредѣленіе условій, какимъ образомъ звукъ, образъ и вообще всякое ощущеніе сохраняются въ нервныхъ аппаратахъ въ скрытомъ состояніи между дѣйствительнымъ ощущеніемъ и моментомъ его воспроизведенія; потомъ въ опредѣленіи условій самаго воспроизведенія.

Мысль о скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ звуковъ и образовъ не прихоть: сохраненіе есть, такъ сказать, начало воспроизведенія. Еслибы дѣйствительное ощущеніе въ самомъ дѣлѣ совершенно кончалось съ удаленіемъ внѣшняго субстрата, тогда нечему было бы воспроизводиться. Читатель уже догадывается, что дѣло идетъ о памяти, то есть о той неизвѣстной для психологовъ силѣ, которая лежитъ въ основѣ всего психическаго развитія. Не будь въ самомъ дѣлѣ этой силы, каждое дѣйствительное ощущеніе, не оставляя по себѣ слѣда, должно было бы ощущаться и въ милліонный разъ своего повторенія точно такъ же, какъ въ первый — уясненіе конкретныхъ ощущеній съ его послѣдствіями и вообще психическое развитіе было бы невозможностью. Сила эта участвуетъ, слѣдовательно, уже въ происхожденіи каждаго втораго, третьяго и т. д. элементарнаго ощущенія въ первыя ми-

нуты жизни ребенка; и говорить о ней слѣдовало бы уже давнымъ давно, но ради большей связности разсказа я предпочелъ развить всю сферу дѣятельности этой способности разомъ. Черезъ это я долженъ былъ познакомить предварительно читателя съ тѣмъ, въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу, со стороны содержанія, ощущенія, представленія и понятія. Ученіе же о памяти покажетъ ему теперь, какимъ образомъ каждое чистое конкретное ощущеніе уясняется, связываясь съ предшествующими однородными: какимъ образомъ оно связывается потомъ съ чистыми ощущеніями изъ другихъ сферъ; наконецъ какимъ образомъ связываются между собою дробныя части конкретныхъ ощущеній. Ученіе о коренныхъ условіяхъ памяти есть ученіе о силѣ, сплочивающей, склеивающей всякое предъидущее со всякимъ послѣдующимъ. Такимъ образомъ дѣятельность памяти охватываетъ собою всѣ психическіе рефлексы, начиная отъ самыхъ простыхъ до ассоціированныхъ въ теченіе цѣлаго дня.

И такъ, что такое память въ простѣйшей первоначальной формѣ?

На этотъ вопросъ я отвѣчу примѣромъ. Новорожденный ребенокъ видитъ напримѣръ въ эту секунду столъ, потомъ не видитъ его 10 минутъ; опять столъ передъ глазами; опять болѣе или менѣе долгій промежутокъ; наконецъ ребенокъ заснулъ на цѣлую ночь. Завтра та же исторія. Казалось бы, что каждый день и даже каждый новый разъ одну и ту же вещь ребенокъ долженъ былъ бы ощущать точно такъ же, какъ при первой встрѣчѣ съ ней, а вѣковой положительный опытъ (надъ взрослыми, видящими какую нибудь вещь въ первый, во второй и т. д. разъ) говоритъ противное: ощущеніе дѣлается болѣе и болѣе яснымъ. Явно, что нервный аппаратъ послѣ каждаго новаго на него вліянія измѣняется все болѣе и болѣе и измѣненіе это задерживается имъ отъ всякаго предъидущаго вліянія до всякаго послѣдующаго болѣе или менѣе долго. Эта способность нервнаго аппарата должна быть врожденная, слѣдовательно лежать въ его матеріальной организаціи. Мы и посмотримъ, есть ли въ физіологіи нервовъ намеки на такія способности.

Есть, и свойство это изучено преимущественно на зрительномъ нервѣ и на двигательныхъ. Вотъ это свойство (я буду говорить только о зрительномъ): какъ бы коротко ни было свѣтовое возбужденіе зрительнаго нерва, оно всегда оставляетъ по себѣ ощутимый слѣдъ, длящійся въ формѣ дѣйствительнаго ощущенія болѣе или менѣе долго, смотря по продолжительности и силѣ дѣйствительнаго возбужденія [1]). При обык-

---

[1]) Читатель, интересующійся этими вопросами, можетъ найти изложеніе ихъ

новенныхъ, то есть при возбужденіяхъ средней силы (и по напряженности, и по продолжительности), свѣтовые слѣды (Nachbilder) длятся въ ощутимой формѣ однако лишь минуты; у ребенка же между послѣднимъ дневнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ и завтрашнимъ первымъ лежатъ долгіе часы зрительнаго покоя. При этомъ условіи свѣтовые слѣды не могутъ, повидимому, играть никакой роли въ объясненіи нашего вопроса. Такое заключеніе, не смотря на его кажущуюся непоколебимость, было бы однако очень поспѣшно. Чтобы склонить читателя къ смягченію своихъ приговоровъ, я первѣе всего напомню ему, что со времени появленія человѣка на землѣ и по первую половину нашего столѣтія, то есть до первыхъ работъ Пуркинье о свѣтовыхъ слѣдахъ, люди конечно носили эти слѣды въ своихъ глазахъ постоянно, а между тѣмъ ихъ нѣсколько тысячъ лѣтъ не замѣчали. Отсюда слѣдуетъ, что изъ отсутствія яснаго ощущенія (въ нашемъ случаѣ свѣтоваго слѣда) не слѣдуетъ еще заключать, что возбужденное состояніе нерва съ исчезаніемъ этого ощущенія и кончилось. Теоретически оно должно, уменьшаясь постепенно до безконечности, длиться очень долго. Одна, двѣ капли воды камню, какъ говорится совершенно несправедливо, ничего не дѣлаютъ, а капля по каплѣ точитъ тотъ же камень. Чтобы оставаться въ сферѣ глаза, я приведу поразительный примѣръ исправимости его недостатковъ ничтожными до безконечности вліяніями, если разбирать ихъ въ отдѣльности, но могучими по послѣдствіямъ, если они повторяются очень часто. Извѣстно, что близорукость можетъ быть до извѣстной степени исправлена тѣмъ, если человѣка заставлять смотрѣть долгое время постепенно дальше и дальше. Съ другой стороны всѣ знаютъ, что постоянныя занятія мелкими предметами дѣлаютъ человѣка близорукимъ. Явно, что здѣсь, не смотря на ночной покой глаза и болѣе или менѣе длинные промежутки между смотрѣніями днемъ, каждый актъ такого смотрѣнія долженъ производить измѣненіе въ глазу, не уничтожающееся до новаго. А кто можетъ опредѣлить величину каждаго такого измѣненія?

И такъ, мысль, что свѣтовой слѣдъ остается долгое время и по исчезаніи сопровождающаго его начала яснаго субъективнаго ощущенія, совершенно естественна.

Фактъ выясненія зрительныхъ ощущеній отъ частоты повторенія

въ любомъ нѣмецкомъ учебникѣ физіологіи, въ главѣ о глазѣ. Лучше же всего изложены относящіяся сюда явленія въ знаменитомъ сочиненіи физіологической оптики Гельмгольца, величайшаго физіолога нашего столѣтія.

ихъ въ одномъ и томъ же направленіи тоже доказанъ прямыми опытами, хотя сущность этого усовершенствованія глаза и остается еще совершенной загадкой. Найдено именно, что путемъ упражненія увеличивается въ значительной степени (конечно до извѣстнаго предѣла) способность глаза отличать другъ отъ друга двѣ чрезвычайно близко лежащія одна отъ другой точки или линіи—способность, лежащая въ основаніи яснаго видѣнія плоскостныхъ образовъ. И замѣчательно, что глазъ взрослаго человѣка совершенствуется при упражненіи несравненно быстрѣе, чѣмъ теряетъ пріобрѣтенное, когда упражненіе прекратить. — Выучивается въ часы, а не забываетъ дни. И въ этихъ фактахъ видна, слѣдовательно, способность зрительнаго аппарата сохранять ощущеніе въ скрытой формѣ.

Если же сохраненіе ощущенія въ скрытой формѣ въ теченіе ночи объяснимо, то становится объяснимымъ и сохраненіе его на годы. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, предметы ребенокъ помнитъ: только тѣ, которые вертятся у него часто передъ органами чувствъ; умретъ у него мать, онъ даже и ее скоро забываетъ. Но какъ же, спроситъ меня теперь читатель, случается, что взрослый человѣкъ видитъ иногда другаго нѣсколько часовъ въ жизни и потомъ, встрѣтившись съ нимъ чрезъ 10 лѣтъ, узнаетъ? Здѣсь, повидимому, и рѣчи быть не можетъ о сохраненіи слѣдовъ; а между тѣмъ оно есть и вотъ какъ: взрослый человѣкъ, встрѣчаясь съ другимъ и на короткое время, получаетъ отъ него тьму разнородныхъ дискретныхъ ощущеній: движеніе и черты лица, поза, походка, манера говорить, звукъ голоса, предметъ разговора и проч., все остается въ памяти болѣе или менѣе долго, смотря по силѣ впечатлѣнія; но наконецъ всѣ слѣды начинаютъ сильно ослабѣвать. Вдругъ встрѣчается другой человѣкъ, между дискретными ощущеніями отъ котораго есть одно очень схожее съ соотвѣтствующимъ отъ перваго. Послѣднее оживаетъ, освѣжается: я какъ будто снова стою передъ старымъ ощущеніемъ. Если такого рода условія время отъ времени повторяются, то слѣдъ не исчезаетъ. У ребенка же условія эти если и даны, то несравненно въ слабѣйшей степени.

Итакъ, отъ частоты повторенія реальнаго ощущенія или рефлекса, ощущеніе дѣлается яснѣе, а черезъ это и самое сохраненіе его нервнымъ аппаратомъ въ скрытомъ состояніи становится прочнѣе. Скрытый слѣдъ сохраняется долѣе и долѣе, ощущеніе труднѣе забывается.

Въ этихъ свойствахъ лежитъ вообще условіе усовершаемости зрительнаго аппарата. Если, въ самомъ дѣлѣ, какое бы то ни было ощущеніе сохраняется ясно и долго въ скрытомъ состояніи, то достаточно

самаго незначительнаго внѣшняго намека на него, чтобы оно нарисовалось въ сознаніи. Это говоритъ ежедневный опытъ, и отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ: упражнявшемуся долго въ одномъ направленіи зрительному аппарату достаточно самаго незначительнаго толчка, чтобы придти въ привычное возбужденіе.

То, что сказано для конкретныхъ зрительныхъ ощущеній, имѣетъ безъ сомнѣнія мѣсто и для частей ихъ, то есть для дробныхъ ощущеній, получаемыхъ путемъ анализа. Читатель вѣдь помнитъ, что и дробныя ощущенія, по своему происхожденію, тождественны съ конкретными.

Дальнѣйшіе характеры памяти, вытекающіе изъ ея главнаго свойства, сохраняя скрыто ощущенія, заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, что память къ яркому ощущенію сильнѣе, чѣмъ къ слабому; при томъ она вообще тѣмъ сильнѣе, чѣмъ недавнѣе реальное ощущеніе (свѣжесть впечатлѣнія). Оба эти характера вполнѣ объясняются съ точки зрѣнія способности зрительнаго нерва сохранять свѣтовые слѣды. Ограничиваясь въ самомъ дѣлѣ лишь явленіями начала свѣтоваго слѣда, когда онъ имѣетъ еще явственную форму реальнаго ощущенія, не трудно замѣтить, что съ усиліемъ внѣшняго вліянія рѣзче и слѣдъ; то же бываетъ, когда дѣйствительное раздраженіе, оставаясь одинаково рѣзкимъ, длится долѣе. Не трудно замѣтить и то, что свѣтовой слѣдъ тотчасъ за прекращеніемъ свѣтоваго возбужденія органа всего сильнѣе и съ удаленіемъ отъ этого момента постоянно ослабѣваетъ. Въ сходствѣ этихъ явленій заключается новое доказательство того, что память, какъ свойство чувствующихъ аппаратовъ, дѣйствительно заключается въ разобранной послѣдовательной измѣняемости нерва за дѣйствіемъ внѣшняго раздраженія.

Но какимъ же образомъ, спроситъ меня наконецъ читатель, происходитъ то, что свѣтовое ощущеніе задерживается именно въ реальной формѣ, то есть зеленый цвѣтъ зеленымъ, кругъ кругомъ, треугольникъ треугольникомъ и проч. Отвѣтить на это не трудно. Ощущеніе круга, треугольника вытекаетъ, какъ уже извѣстно читателю, изъ того, что различныя точки круга и треугольника возбуждаютъ разомъ отдѣльныя нервныя нити. Слѣдовательно, нужно только, чтобы это возбужденіе сохранилось лишь во всѣхъ этихъ нитяхъ. Это и бываетъ, потому что, на основаніи физическихъ законовъ, возбужденіе перейти съ дѣятельной нити на сосѣднюю, покоющуюся, не можетъ. Что касается до сохраненія зеленаго цвѣта въ формѣ слѣда, то какого бы физіологическаго воззрѣнія на процессъ перцепціи цвѣтовъ читатель ни придерживался, то

есть предполагаетъ ли онъ существованіе для зеленаго цвѣта отдѣльныхъ нервныхъ волоконъ, или принимаетъ разницу лишь въ самомъ процессѣ нервнаго возбужденія, соотвѣтственно физическому различію цвѣтныхъ лучей свѣта, во всякомъ случаѣ сохраненіе есть лишь продолженіе реальнаго возбужденія, только въ значительно слабѣйшей степени.

Но вотъ мысль, которая приходитъ теперь въ голову. На самое чувствительное къ свѣту мѣсто зрительной перепонки падаютъ, какъ сказано выше, у ребенка въ одинъ день тысячи свѣтовыхъ образовъ. Всѣ они въ формѣ скрытыхъ слѣдовъ должны удерживаться и въ результатѣ должна быть непомѣрная путаница. Какъ она распутывается? Отвѣтить можно лишь въ общихъ чертахъ. Сегодня я увидѣлъ, положимъ, 3,000 разъ зеленый цвѣтъ, 500—голубой и 25—желтый. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ результатѣ къ завтраму будетъ силенъ слѣдъ только зеленаго. Завтра же можетъ усилиться уже другой, но и зеленый не останется, конечно, во вчерашнемъ положеніи. А въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, послѣ которыхъ дитя еще плохо отличаетъ не яркіе цвѣта другъ отъ друга, есть время выясниться и всей радугѣ, то есть выучиться глазу ощущать любой изъ семи ньютоновскихъ цвѣтовъ при малѣйшемъ намекѣ о нихъ. То же можно сказать вообще и относительно очертаній и формъ.

Итакъ, *въ дѣлѣ чисто-зрительныхъ конкретныхъ и дробныхъ ощущеній связка между отдѣльными однородными ощущеніями есть слѣдъ; онъ же сплочиваетъ между собою и конкретное представленіе съ дробнымъ*, по скольку эти двѣ зрительныя фазы одного и того же акта повторяются въ одномъ и томъ же направленіи.

Въ сферѣ осязательныхъ ощущеній присутствіе слѣдовъ доказано сліяніемъ отдѣльныхъ осязательныхъ толчковъ въ одно общее ощущеніе при прикосновеніи пальцемъ къ вертящемуся зубчатому колесу. Извѣстенъ также и прямой результатъ существованія этихъ слѣдовъ — усовершаемость осязательнаго чувства, напримѣръ на людяхъ, сдѣлавшихся слѣпыми. Условія развитія осязательной памяти, слѣдовательно, тѣ же, что и въ зрѣніи.

Слѣды отъ мышечныхъ ощущеній доказать прямыми опытами (т. е. субъективными ощущеніями) нельзя, а косвенно можно. Стоитъ только помнить, что мышечное ощущеніе всегда сопутствуетъ какъ акту сокращенія мышцы, такъ и сокращенному состоянію послѣдней. Если лягушку обезглавить, повѣсить вертикально и щипнуть ей палецъ задней лапки, то она отдернетъ ногу кверху, т. е. согнетъ ее во всѣхъ сочлененіяхъ.

Когда движеніе прекратилось и нога снова повисла внизъ, легко замѣтить, что она остается согнутою во всѣхъ сочлененіяхъ, особенно сильно въ суставѣ между голенью и лапой. Сгибаніе это исчезаетъ постепенно въ теченіи получаса и указываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что въ спинномъ мозгу сохраняется весь рефлексъ съ кожи на мышцу какъ слѣдъ.

Вкусовые и обонятельные слѣды знаетъ всякій.

Одна слуховая память дѣлаетъ, повидимому, исключеніе. Слуховыя ощущенія такихъ явныхъ слѣдовъ, какъ зрительныя, не имѣютъ. И только при этомъ свойствѣ слухъ нашъ способенъ ощущать самые быстрые переливы звуковъ, т. е. анализировать ихъ во времени. Не смотря однако на это отсутствіе ощутимыхъ слѣдовъ, и слуховой нервъ, какъ всякое тѣло въ мірѣ, разъ измѣнившись подъ вліяніемъ звука, не можетъ не удерживать этого измѣненія болѣе или менѣе долгое время; слѣдовательно и здѣсь даны условія для суммированія повторительныхъ звуковыхъ эффектовъ. Съ другой стороны, слуховыя ощущенія имѣютъ передъ другими то важное преимущество, что они уже въ раннемъ дѣтствѣ ассоціируются самымъ тѣснымъ образомъ съ мышечными—въ груди, гортани, языкѣ и губахъ, т. е. съ ощущеніями при собственномъ разговорѣ. На этомъ основаніи слуховая память подкрѣпляется еще памятью осязательною. Когда ребенокъ думаетъ, онъ непремѣнно въ то же время говоритъ. У дѣтей лѣтъ пяти дума выражается словами или разговоромъ шопотомъ, или по крайней мѣрѣ движеніями языка и губъ. Это чрезвычайно часто (а можетъ быть и всегда, только въ различныхъ степеняхъ) случается и съ взрослыми людьми. Я по крайней мѣрѣ знаю по себѣ, что моя мысль очень часто сопровождается, при закрытомъ и неподвижномъ ртѣ, нѣмымъ разговоромъ; т. е. движеніями мышцъ языка въ полости рта. Во всѣхъ же случаяхъ, когда я хочу фиксировать какую нибудь мысль преимущественно передъ другими, то непремѣнно вышоптываю ее. Мнѣ даже кажется, что я никогда не думаю прямо словомъ, а всегда мышечными ощущеніями, сопровождающими мою мысль въ формѣ разговора. По крайней мѣрѣ я не въ силахъ мысленно пропѣть себѣ одними звуками пѣсни, а пою ее всегда мышцами; тогда является какъ будто и воспоминаніе звуковъ.

Какъ бы то ни было, а слуховая память есть даже у попугая, слѣдовательно въ основѣ ея не можетъ лежать ничего высокаго. Притомъ слуховой нервъ безъ скрытаго слѣда отъ звука немыслимъ.

И здѣсь, какъ въ сферѣ зрительныхъ ощущеній, роль слуховаго слѣда въ сущности та же. Имъ связывается однородное предъидущее

съ однороднымъ послѣдующимъ и сплочивается во времени часть съ цѣлымъ, по скольку лежащія въ основѣ всякаго анализа конкретнаго слуховаго ощущенія двѣ фазы одного и того же акта повторяются въ извѣстномъ направленіи. Отсюда память на слова, слоги и сочетанія словъ и слоговъ.

Память зрительную и чисто осязательную можно назвать пространственною.

Слуховую же и мышечную—памятью времени.

Читатель помнитъ въ самомъ дѣлѣ, что понятія пространства и времени, поскольку въ основѣ ихъ лежатъ реальныя представленія, суть дробныя части конкретныхъ зрительно-осязательныхъ и мышечно-слуховыхъ ощущеній.

Теперь слѣдуетъ показать, какимъ образомъ сливаются ассоціированныя ощущенія въ нѣчто цѣлое.

Первое условіе этого слиянія уже извѣстно читателю. Оно заключается въ томъ, что ассоціація представляетъ обыкновенно послѣдовательный рядъ рефлексовъ, въ которомъ конецъ каждаго предъидущаго сливается съ началомъ послѣдующаго во времени. Второе условіе упроченія этой ассоціаціи онъ то же знаетъ, но внѣшнимъ такъ сказать образомъ — это частота повторенія ассоціаціи въ одномъ и томъ же направленіи. Теперь же читатель можетъ заглянуть въ процессъ глубже.

Ассоціація есть, какъ сказано, непрерывный рядъ касаній конца предъидущаго рефлекса съ началомъ послѣдующаго. Конецъ рефлекса есть всегда движеніе; а необходимый спутникъ послѣдняго есть мышечное ощущеніе. Слѣдовательно, если смотрѣть на ассоціацію только въ отношеніи ряда центральныхъ дѣятельностей, то она есть непрерывное ощущеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждыхъ двухъ сосѣднихъ рефлексахъ средніе члены ихъ, т. е. ощущенія (зрительное, слуховое и пр.) отдѣлены другъ отъ друга только движеніемъ, а послѣднее въ свою очередь сопровождается ощущеніемъ. Слѣдовательно, ассоціація есть столько же цѣльное ощущеніе, какъ и любое чисто-зрительное, чисто-слуховое, только тянется обыкновенно дольше, да характеръ ея безпрерывно мѣняется. Явно, что законы памяти относительно ея должны быть тѣ же самые, что и для чисто-зрительныхъ и чисто-слуховыхъ конкретныхъ и дробныхъ ощущеній. Повторяясь часто и оставляя каждый разъ слѣдъ въ формѣ ассоціаціи, сочетанное ощущеніе должно выясниться какъ нѣчто цѣлое. Но вѣдь въ то же время выясняются и отдѣльные моменты ея; слѣдовательно отъ частоты повторенія цѣльной ассоціаціи, въ связи съ которою нибудь изъ частей, выясняется и зависимость первой отъ по-

слѣдней (разложеніе сочетанныхъ ощущеній на чистыя). Выясненіе же это ведетъ къ тому, что *малѣйшій внѣшній намекъ на часть влечетъ за собою воспроизведеніе цѣлой ассоціаціи.* Если дана, напримѣръ, ассоціація зрительно-осязательно-слуховая, то при малѣйшемъ внѣшнемъ намекѣ на ея часть, т. е. при самомъ слабомъ возбужденіи зрительнаго или слуховаго, или осязательнаго нерва формою или звукомъ, заключающимся въ ассоціаціи, въ сознаніи воспроизводится она цѣликомъ. Это явленіе встрѣчается на каждомъ шагу въ сознательной жизни человѣка и повторяется не только на ассоціаціяхъ изъ ощущеній, т. е. на полныхъ представленіяхъ, но и на сочетаніяхъ этихъ полныхъ представленій между собою и съ понятіями (дробными представленіями) въ ряды. Взрослый человѣкъ умѣетъ отличать случаи, когда внѣшнее чувственное возбужденіе вызываетъ у него одно соотвѣтствующее ощущеніе, представленіе, или ассоціированный рядъ послѣднихъ. Первое бываетъ, когда передъ глазами человѣка, очень сильно занятаго мыслью, стоитъ предметъ, неимѣющій отношенія къ мысли и человѣкъ, хотя не видитъ, собственно говоря, предмета, однако смутно ощущаетъ его присутствіе—это ощущеніе. При подобныхъ же условіяхъ ощущеніе часто выяснено на столько, что человѣкъ видитъ форму. Наконецъ, въ случаяхъ, когда внѣшній предметъ вызываетъ, какъ говорится, мысль, здѣсь явнымъ образомъ воспроизводится ассоціація.

Въ сферѣ зрительныхъ ощущеній есть факты, доказывающіе съ поразительною ясностью только что развитой законъ воспроизведенія сочетанныхъ ощущеній. Примѣры эти показываютъ въ тоже время очень наглядно, какое огромное психологическое значеніе имѣетъ сочетаніе ощущеній. Эти два обстоятельства заставляютъ меня развить одинъ изъ такихъ примѣровъ подробно.

Извѣстно, что изображенія на сѣтчатой оболочкѣ бываютъ отъ одного и того же предмета тѣмъ меньше, чѣмъ онъ больше удаленъ отъ глаза, и наоборотъ. Поэтому часто случается, что образъ на сѣтчаткѣ бываетъ отъ маленькаго, но очень близкаго предмета, больше, чѣмъ отъ большаго, но далекаго. На этомъ основаніи палецъ руки можетъ, наприм., казаться намъ длиннѣе церкви, если держать его близко отъ глаза, а на церковь смотрѣть издалека. Взрослый человѣкъ конечно не поддастся этому обману—онъ, какъ говорится, знаетъ изъ опыта, что церковь всегда длиннѣе его самого; слѣдовательно онъ составляетъ *правильныя умозаключенія* о величинѣ сравниваемыхъ предметовъ на основаніи опыта.—Такимъ образомъ понятіе о величинѣ различно удаленныхъ отъ глаза предметовъ есть, повиди-

мому, результатъ мышленія; а между тѣмъ слѣдующій очень простой опытъ доказываетъ противное: если въ темной комнатѣ, освѣщаемой одной свѣчкой, закрыть на нѣсколько мгновеній оба глаза, потомъ открывши одинъ изъ нихъ, посмотрѣть имъ пристально секунды 2, 3 на свѣчку и потомъ снова закрыть глазъ, то въ темномъ полѣ зрѣнія нѣсколько времени будетъ рисоваться еще образъ свѣчки — свѣтовой слѣдъ; пробуйте въ то время, пока онъ не пропалъ, вообразить себѣ, не открывая глазъ, что вы смотрите вблизь—свѣтовой слѣдъ становится меньше, смотрите вдаль — онъ расширяется. Вотъ объясненіе этому явленію: въ основѣ реальнаго представленія о величинѣ всякаго предмета, разсматриваемаго однимъ глазомъ, лежитъ реальная величина изображенія на сѣтчаткѣ и степень напряженія мышцъ, производящихъ приспособленіе глаза къ разстояніямъ; если при постоянствѣ первой величины (какъ въ нашемъ примѣрѣ) измѣняется вторая, то измѣняется и представленіе, вытекающее изъ сочетанія обоихъ ощущеній (зрительно-мышечной ассоціаціи). Приведенная въ примѣрѣ зрительно-мышечная ассоціація всю жизнь повторялась въ слѣдующемъ направленіи: при одной и той же величинѣ реальныхъ образовъ на сѣтчаткѣ отъ двухъ различно удаленныхъ предметовъ, дальнему — большему соотвѣтствовало смотрѣніе вдаль, ближнему — меньшему смотрѣніе вблизь. Оттого ассоціація (представленіе о величинѣ) и воспроизводилась въ формѣ большаго предмета, когда мы аккомодировали глазъ вдаль, и меньшаго при аккомодаціи вблизь.

Другой интересный примѣръ я приведу изъ сферы кожныхъ ощущеній.

Извѣстно, что чувство холода часто вызываетъ у людей такъ называемую гусиную кожу—сокращеніе особенныхъ маленькихъ мышцъ въ кожѣ. Явленіе это есть, очевидно, рефлексъ, осложненный сознательнымъ ощущеніемъ холода, и въ этомъ смыслѣ оно совершенно невольно. А между тѣмъ я знаю господина, который способенъ вызывать у себя гусиную кожу даже въ теплой комнатѣ—для этого онъ долженъ только вообразить, что ему холодно. Въ этомъ замѣчательномъ случаѣ воображеніе производитъ одинаковый эффектъ съ реальнымъ чувственнымъ возбужденіемъ.

И такъ, что такое актъ воспроизведенія психическихъ образованій? Со стороны сущности процесса это столько же реальный актъ возбужденія центральныхъ нервныхъ аппаратовъ, какъ любое рѣзкое психическое образованіе, вызванное дѣйствительнымъ внѣшнимъ вліяніемъ, дѣйствующимъ въ данный моментъ на органы чувствъ. Я утверждаю, слѣдо-

вательно, что со стороны процесса въ нервныхъ аппаратахъ въ сущности все равно—видѣть передъ собою дѣйствительно человѣка и вспоминать о немъ. Разница между обоими актами лишь слѣдующая: когда я человѣка дѣйствительно вижу, то между тьмою ощущеній, получаемыхъ мною отъ него, всего яснѣе и рѣзче зрительныя, потому что зрительное вниманіе постоянно поддерживается реальными зрительными возбужденіями (а если человѣкъ этотъ говоритъ чрезвычайно любопытныя вещи, то я его лучше слышу, чѣмъ вижу; о причинахъ этого будетъ говориться въ отдѣлѣ о страстяхъ). Когда же я этого человѣка вспоминаю, то первымъ толчкомъ бываетъ обыкновенно какое нибудь внѣшнее вліяніе въ данную минуту, существовавшее между множествомъ тѣхъ, при которыхъ я человѣка видѣлъ; толчокъ этотъ и вызываетъ весь рядъ ощущеній, существующихъ отъ этого человѣка въ формѣ слѣда, — въ сознаніи и начинаетъ мелькать то фигура этого человѣка, то его слова, то движеніе лица или рукъ и проч. При этомъ часто трудно разобрать, которое изъ представленій сильнѣе, на томъ основаніи, что вниманію нѣтъ возможности фиксироваться на какомъ нибудь одномъ очень долго. Всякій однако знаетъ, что напримѣръ человѣка съ очень рѣзкой внѣшностью и обыкновеннымъ голосомъ вспоминаютъ сильнѣе образами, чѣмъ звуками, и наоборотъ. Причина та, что скрытые слѣды, въ своей силѣ, вполнѣ зависятъ отъ рѣзкости дѣйствительныхъ впечатлѣній.

И такъ, повторяю еще разъ: между *дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ съ его послѣдствіями и воспоминаніемъ объ этомъ впечатлѣніи, со стороны процесса, въ сущности нѣтъ ни малѣйшей разницы*. Это тотъ же самый психическій рефлексъ съ одинаковымъ психическимъ содержимымъ, лишь съ разностію въ возбудителяхъ. Я *вижу человѣка*, потому что на моей сѣтчатой оболочкѣ дѣйствительно рисуется его образъ, и *вспоминаю потому*, что на мой глазъ упалъ образъ двери, около которой онъ стоялъ.

Теперь читателю становится, конечно, понятно значеніе частоты повторенія одного и того же акта въ дѣлѣ психическаго развитія. Повтореніе есть мать изученія, т. е. большаго уясненія всѣхъ психическихъ образованій.

Законы скрытыхъ слѣдовъ, въ приложеніи къ заучиванію мышечныхъ движеній вообще, очень просто объясняютъ и тотъ моментъ этого заучиванія, который мы назвали инстинктивнымъ обезьянничествомъ ребенка подъ слуховымъ и зрительнымъ контролемъ. Для ясности я разовью мою мысль на примѣрѣ заучиванія имени какой нибудь вещи. У

ребенка, какъ читатель знаетъ, рефлексы съ глаза и уха существуютъ, между прочимъ, и на голосъ: онъ кричитъ и при видѣ чего нибудь, и при звукахъ. Въ скрытомъ слѣдѣ у него остается въ первомъ случаѣ ассоціація зрительно-мышечно-слуховая, во второмъ слухо-мышечно-слуховая. Въ послѣдней, на основаніи закона выясненія ощущенія, слуховые члены могутъ выясниться всего скорѣе въ томъ случаѣ, когда между ними есть сходство. Они и выясняются, поскольку такое существуетъ. Ребенокъ слышитъ мычаніе коровъ и самъ кричитъ. Въ его крикѣ, по видимому совершенно безформенномъ, слѣдовательно и въ скрытомъ слѣдѣ отъ послѣдняго, есть однако звуковые элементы, сходные съ мычаніемъ—муу. Слухо-мышечно-слуховая ассоціація и должна необходимо видоизмѣниться при ея повтореніи въ томъ отношеніи, что сходные слуховые элементы становятся все яснѣе и яснѣе; вмѣстѣ съ этимъ упрочивается и то положеніе голосовыхъ аппаратовъ, которое соотвѣтствуетъ сходнымъ частямъ звуковъ. На этомъ основаніи всего скорѣе выясняется такая ассоціація, въ которой слуховые члены сходны.

Естественно послѣ этого, что ребенокъ, при видѣ коровы, мычитъ по коровьему—обезьянничаетъ слухомъ и вмѣстѣ съ этимъ учится называть вещи именами. Названію неодушевленныхъ беззвучныхъ предметовъ онъ выучивается, въ самомъ дѣлѣ, точно такъ же. Мать или кормилица ассоціируетъ въ его головѣ зрительный образъ вещи съ звукомъ, и эту ассоціацію нужно возобновлять въ головѣ ребенка сотни, тысячи разъ, чтобы въ его слухо-мышечно-слуховой ассоціаціи послѣдніе члены выяснились вполнѣ, т. е. чтобы онъ могъ выговаривать имя.

Зрительное обезьянничество ребенка съ его послѣдствіемъ, заученіемъ движеній, я уже не стану развивать на примѣрѣ. Скажу только, что все дѣло сводится здѣсь на выясненіе зрительныхъ членовъ въ зрительно-мышечно-зрительной ассоціаціи ребенка.

Такимъ образомъ ученіемъ о скрытыхъ слѣдахъ выяснились, вѣроятно, читателю и тѣ стороны психическаго развитія, которыя оставались для него неясными: уясненіе ощущеній, представленій и т. д. отъ частоты повторенія и процессъ заучиванія мышечныхъ движеній.

Въ заключеніе я прошу читателя обратить вниманіе на слѣдующую сторону воспроизведенія впечатлѣній.

Было сказано, что во всякомъ полномъ психическомъ рефлексѣ конецъ его, какъ мышечное движеніе, необходимо сопровождается ощущеніями (мышечными); слѣдъ отъ полнаго рефлекса, какъ скрытое ощущеніе, заключаетъ, стало быть, въ себѣ и начало, и продолженіе, и конецъ всего акта. Отсюда слѣдуетъ, что весь актъ выясняется въ сознаніи

вательно, что со стороны процесса въ нервныхъ аппаратахъ въ сущности все равно—видѣть передъ собою дѣйствительно человѣка и вспоминать о немъ. Разница между обоими актами лишь слѣдующая: когда я человѣка дѣйствительно вижу, то между тьмою ощущеній, получаемыхъ мною отъ него, всего яснѣе и рѣзче зрительныя, потому что зрительное вниманіе постоянно поддерживается реальными зрительными возбужденіями (а если человѣкъ этотъ говоритъ чрезвычайно любопытныя вещи, то я его лучше слышу, чѣмъ вижу; о причинахъ этого будетъ говориться въ отдѣлѣ о страстяхъ). Когда же я этого человѣка вспоминаю, то первымъ толчкомъ бываетъ обыкновенно какое нибудь внѣшнее вліяніе въ данную минуту, существовавшее между множествомъ тѣхъ, при которыхъ я человѣка видѣлъ; толчокъ этотъ и вызываетъ весь рядъ ощущеній, существующихъ отъ этого человѣка въ формѣ слѣда, — въ сознаніи и начинаетъ мелькать то фигура этого человѣка, то его слова, то движеніе лица или рукъ и проч. При этомъ часто трудно разобрать, которое изъ представленій сильнѣе, на томъ основаніи, что вниманію нѣтъ возможности фиксироваться на какомъ нибудь одномъ очень долго. Всякій однако знаетъ, что напримѣръ человѣка съ очень рѣзкой внѣшностью и обыкновеннымъ голосомъ вспоминаютъ сильнѣе образами, чѣмъ звуками, и наоборотъ. Причина та, что скрытые слѣды, въ своей силѣ, вполнѣ зависятъ отъ рѣзкости дѣйствительныхъ впечатлѣній.

И такъ, повторяю еще разъ: между дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ съ его послѣдствіями и воспоминаніемъ объ этомъ впечатлѣніи, со стороны процесса, въ сущности нѣтъ ни малѣйшей разницы. Это тотъ же самый психическій рефлексъ съ одинаковымъ психическимъ содержимымъ, лишь съ разностію въ возбудителяхъ. Я вижу человѣка, потому что на моей сѣтчатой оболочкѣ дѣйствительно рисуется его образъ, и вспоминаю потому, что на мой глазъ упалъ образъ двери, около которой онъ стоялъ.

Теперь читателю становится, конечно, понятно значеніе частоты повторенія одного и того же акта въ дѣлѣ психическаго развитія. Повтореніе есть мать изученія, т. е. большаго уясненія всѣхъ психическихъ образованій.

Законы скрытыхъ слѣдовъ, въ приложеніи къ заучиванію мышечныхъ движеній вообще, очень просто объясняютъ и тотъ моментъ этого заучиванія, который мы назвали инстинктивнымъ обезьянничествомъ ребенка подъ слуховымъ и зрительнымъ контролемъ. Для ясности я разовью мою мысль на примѣрѣ заучиванія имени какой нибудь вещи. У

ребенка, какъ читатель знаетъ, рефлексы съ глаза и уха существуютъ, между прочимъ, и на голосъ: онъ кричитъ и при видѣ чего нибудь, и при звукахъ. Въ скрытомъ слѣдѣ у него остается въ первомъ случаѣ ассоціація зрительно-мышечно-слуховая, во второмъ слухо-мышечно-слуховая. Въ послѣдней, на основаніи закона выясненія ощущенія, слуховые члены могутъ выясниться всего скорѣе въ томъ случаѣ, когда между ними есть сходство. Они и выясняются, поскольку такое существуетъ. Ребенокъ слышитъ мычаніе коровъ и самъ кричитъ. Въ его крикѣ, повидимому совершенно безформенномъ, слѣдовательно и въ скрытомъ слѣдѣ отъ послѣдняго, есть однако звуковые элементы, сходные съ мычаніемъ—муу. Слухо-мышечно-слуховая ассоціація и должна необходимо видоизмѣниться при ея повтореніи въ томъ отношеніи, что сходные слуховые элементы становятся все яснѣе и яснѣе; вмѣстѣ съ этимъ упрочивается и то положеніе голосовыхъ аппаратовъ, которое соотвѣтствуетъ сходнымъ частямъ звуковъ. На этомъ основаніи всего скорѣе выясняется такая ассоціація, въ которой слуховые члены сходны.

Естественно послѣ этого, что ребенокъ, при видѣ коровы, мычитъ по коровьему—обезьянничаетъ слухомъ и вмѣстѣ съ этимъ учится называть вещи именами. Названію неодушевленныхъ беззвучныхъ предметовъ онъ выучивается, въ самомъ дѣлѣ, точно такъ же. Мать или кормилица ассоціируетъ въ его головѣ зрительный образъ вещи съ звукомъ, и эту ассоціацію нужно возобновлять въ головѣ ребенка сотни, тысячи разъ, чтобы въ его слухо-мышечно-слуховой ассоціаціи послѣдніе члены выяснялись вполнѣ, т. е. чтобы онъ могъ выговаривать имя.

Зрительное обезьянничество ребенка съ его послѣдствіемъ, заученіемъ движеній, я уже не стану развивать на примѣрѣ. Скажу только, что все дѣло сводится здѣсь на выясненіе зрительныхъ членовъ въ зрительно-мышечно-зрительной ассоціаціи ребенка.

Такимъ образомъ ученіемъ о скрытыхъ слѣдахъ выяснились, вѣроятно, читателю и тѣ стороны психическаго развитія, которыя оставались для него неясными: уясненіе ощущеній, представленій и т. д. отъ частоты повторенія и процессъ заучиванія мышечныхъ движеній.

Въ заключеніе я прошу читателя обратить вниманіе на слѣдующую сторону воспроизведенія впечатлѣній.

Было сказано, что во всякомъ полномъ психическомъ рефлексѣ конецъ его, какъ мышечное движеніе, необходимо сопровождается ощущеніями (мышечными); слѣдъ отъ полнаго рефлекса, какъ скрытое ощущеніе, заключаетъ, стало быть, въ себѣ и начало, и продолженіе, и конецъ всего акта. Отсюда слѣдуетъ, что весь актъ выясняется въ сознаніи

какъ цѣлое. Но въ тоже время путемъ анализа ассоціированныхъ ощущеній, представленій и т д. выясняются и отдѣльные моменты всего акта — начало, продолженіе, конецъ; слѣдовательно въ сознаніи выясняется и сложность акта, зависимость движенія отъ представленія. Объ этихъ отношеніяхъ различныхъ моментовъ психическаго рефлекса будетъ еще упомянуто ниже, при разборѣ акта мышленія.

Теперь же я имѣю право резюмировать все до сихъ поръ сказанное въ слѣдующую общую формулу.

Всѣ безъ исключенія психическіе акты, не осложненные страстнымъ элементомъ (объ этихъ будетъ рѣчь ниже), *развиваются путемъ рефлекса. Стало быть и всѣ сознательныя движенія, вытекающія изъ этихъ актовъ, движенія, называемыя обыкновенно произвольными, суть въ строгомъ смыслѣ отраженныя.*

Такимъ образомъ вопросъ, лежитъ ли въ основѣ произвольнаго движенія раздраженіе чувствующаго нерва, рѣшенъ утвердительно. Вмѣстѣ съ этимъ стало уже понятно, отчего въ произвольныхъ движеніяхъ это чувствующее возбужденіе часто вовсе незамѣтно, по крайней мѣрѣ неопредѣлимо.

На это причинъ очень много, всѣ же онѣ сводятся на слѣдующія общія:

1) Очень часто, если не всегда, къ ясной по содержанію ассоціаціи, напримѣръ къ зрительно-слуховой, примѣшивается темная мышечная, обонятельная или какая другая. По рѣзкости первой, вторая или вовсе не замѣчается, или очень слабо. Тѣмъ не менѣе она существуетъ, и достаточно придти ей на мигъ въ сознаніе, чтобы вслѣдъ за тѣмъ выступило и зрительно-слуховое сочетаніе. Примѣръ: днемъ я занимаюсь физіологіей, вечеромъ же, ложась спать, думаю о политикѣ. При этомъ случается конечно подумать иногда и о китайскомъ императорѣ. Этотъ слуховой слѣдъ ассоціируется у меня, слѣдовательно, съ ощущеніями лежанія въ постели, мышечными, осязательными, термическими и пр. Бываютъ дни, когда или отъ усталости, или отъ нечего дѣлать, ляжешь въ постель и вдругъ въ головѣ—китайскій императоръ. Говорятъ обыкновенно, что это посѣщеніе ни съ того ни съ сего, а выходитъ, что онъ у меня былъ вызванъ ощущеніемъ постели. Теперь же, какъ я написалъ этотъ примѣръ, онъ будетъ и часто моимъ гостемъ, потому что ассоціируется съ болѣе рѣзкими представленіями.

2) Къ ряду логически связанныхъ представленій ассоціируется не имѣющее къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. Въ такомъ случаѣ человѣку

кажется страннымъ выводить рядъ мыслей, появившихся въ его головѣ, изъ этого представленія; а между тѣмъ оно-то и было толчкомъ къ этимъ мыслямъ.

3) Рядъ сочетанныхъ представленій длится иногда въ сознаніи очень долго. Выше было сказано, что идеальные предѣлы его — просыпаніе утромъ и засыпаніе ночью. Въ такихъ случаяхъ человѣку очень трудно припомнить, что именно вызвало въ немъ данный рядъ мыслей.

Какъ бы то ни было, а въ большинствѣ случаевъ и при внимательности человѣка къ самому себѣ, внѣшнее вліяніе, вызвавшее данный рядъ представленій, всегда можетъ быть подмѣчено.

§ 12. Обращаюсь теперь ко второму вопросу, играетъ ли въ процессѣ происхожденія произвольныхъ движеній какую нибудь роль механизмъ, извѣстный уже изъ исторіи рефлексовъ подъ именемъ задерживателя ихъ? Съ той минуты какъ процессъ произвольныхъ движеній, по своей сущности, отождествленъ съ развитіемъ рефлексовъ, вопросъ этотъ имѣетъ уже законное основаніе быть сдѣланнымъ.

И такъ, существуютъ ли факты въ сознательной жизни человѣка, указывающіе на задерживаніе движеній? Фактовъ этихъ такъ много и они такъ рѣзки, что именно на основаніи ихъ люди и называютъ движенія, происходящія при полномъ сознаніи, произвольными. Что лежитъ въ самомъ дѣлѣ въ основѣ обыкновеннаго воззрѣнія на такія движенія? То, что человѣкъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій, внѣшнихъ и нравственныхъ, можетъ произвести извѣстный рядъ движеній, можетъ не произвести ихъ вовсе и наконецъ можетъ произвести движенія совершенно противоположнаго характера. Люди съ сильной волей побѣждаютъ, какъ извѣстно, самыя неотразимыя, повидимому, невольныя движенія; напримѣръ при очень сильной физической боли одинъ кричитъ и бьется, другой можетъ переносить ее молча, покойно, безъ малѣйшихъ движеній, и наконецъ есть люди, которые могутъ даже производить движенія совершенно несовмѣстныя съ болью, напримѣръ шутить, смѣяться.

Въ сознательной жизни есть, слѣдовательно, случаи задержанія и такихъ движеній, которыя для всѣхъ кажутся невольными, и такихъ, которыя обыкновенно носятъ названіе произвольныхъ. Поскольку однако послѣднія слѣдуютъ въ процессѣ своего развитія основнымъ законамъ рефлекса, естественно думать, что и механизмъ задерживанія обоего рода движеній одинъ и тотъ же.

Въ 1-й главѣ, по поводу происхожденія невольныхъ движеній при ожиданности чувственнаго возбужденія, уже было замѣчено, что подоб-

наго рода явленія объясняются всего проще введеніемъ въ дѣятельность отражательнаго аппарата новаго элемента, задерживающаго эту дѣятельность. Были упомянуты и опыты, дѣлающіе присутствіе такихъ механизмовъ въ головномъ мозгу лягушки несомнѣннымъ, а у человѣка весьма вѣроятнымъ.

Намъ нужно теперь провѣрить эту гипотезу въ отношеніи произвольныхъ движеній.

Итакъ, выхожу изъ нея, какъ изъ истины: головной мозгъ человѣка заключаетъ въ себѣ механизмы, задерживающіе мышечныя движенія. Но почему же, спроситъ читатель, дѣятельность этихъ механизмовъ распредѣлена такъ неравномѣрно по людямъ? Еслибы въ основѣ акта задерживанія движеній лежала органическая причина, то казалось бы, что это явленіе не терпѣло бы на людяхъ такихъ страшныхъ колебаній, какъ показываетъ дѣйствительность (слабая нервная женщина и какой-нибудь отъявленный стоикъ), явленіе задерживанія движеній должно было бы существовать и въ ребенкѣ? Оно и существуетъ во всѣхъ случаяхъ, но управлять задерживаніемъ движеній нужно учиться точно также, какъ самымъ движеніемъ. Никто, напримѣръ, не сомнѣвается, что у ребенка при рожденіи его на свѣтъ есть уже всѣ нервные центры, которые управляютъ впослѣдствіи актомъ ходьбы, разговора и проч., а между тѣмъ и этимъ актамъ онъ долженъ прежде выучиться.

Мы и займемся теперь актомъ воспитанія въ ребенкѣ способности задерживать движенія, или, строго говоря, уничтожать послѣдній членъ цѣлаго рефлекса.

Дѣтскій возрастъ характеризуется вообще чрезвычайной обширностью отраженныхъ движеній при относительной слабости (для взрослаго человѣка) внѣшнихъ чувственныхъ возбужденій. Рефлексы съ уха и глаза распространяются, напримѣръ, чуть не на всѣ мышцы тѣла. Приходитъ однако время, когда движенія, какъ говорится, группируются; — изъ массы дѣйствовавшихъ безпорядочно мышцъ выдѣляется одна, двѣ цѣлыя групиы, и движеніе, становясь ограниченнѣе, принимаетъ уже опредѣленную физіономію. Вотъ въ этомъ-то ограниченіи и играютъ роль механизмы, задерживающіе движеніе. Для большей простоты прослѣдимъ актъ перехода отъ сгибанія всѣхъ пальцовъ руки разомъ къ сгибанію одного. Если въ организаціи ребенка даны первоначально условія (какъ это и есть на самомъ дѣлѣ) для сгибанія всѣхъ пальцовъ разомъ, то явно, что двигать однимъ можно только при способности удерживать отъ движенія остальные четыре. Другое объясненіе немыслимо.

Какъ же происходитъ это задерживаніе? Можно во первыхъ думать, что пальцы удерживаются отъ сгибанія дѣятельностью мышцъ, дѣйствующихъ противоположно сгибающимъ, т. е. сокращеніемъ разгибающихъ; въ этомъ предположеніи на первый разъ чрезвычайно много основательнаго. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы удержать четыре пальца въ покоѣ, нужно только, чтобы во все время сгибанія одного разгибатели остальныхъ четырехъ по своей дѣятельности имѣли самый незначительный перевѣсъ надъ сгибателями ихъ. Правда, что перевѣсъ этотъ долженъ былъ бы сопровождаться нѣкоторымъ мышечнымъ ощущеніемъ, потому что этотъ покой есть все-таки результатъ противоборства двухъ системъ мышцъ; но ощущеніе должно быть очень слабо, слѣдовательно можетъ быть и не замѣчено рядомъ съ яснымъ мышечнымъ ощущеніемъ отъ сгибающаго пальца. Дѣло объясняется, повидимому, безъ всякаго участія особенныхъ механизмовъ, задерживающихъ движеніе, и сводится на дѣятельность мышцъ-антагонистовъ. Принять однако этого объясненія вполнѣ нельзя. Вообразите себѣ въ самомъ дѣлѣ, что причина, вызывающая сгибаніе всѣхъ пальцевъ разомъ, очень сильна. Тогда при сгибаніи одного пальца и стремленіе къ согнутію остальныхъ четырехъ должно быть очень сильно, стало быть остаться въ покоѣ послѣдніе могутъ только при сильной дѣятельности мышцъ-антагонистовъ. Сгибаніе одного пальца сопровождалось бы тогда чрезвычайно рѣзкимъ мышечнымъ ощущеніемъ и въ другихъ. Этого-то и не бываетъ. Человѣкъ съ идеально-сильной волей можетъ выносить боль обсолютно покойно, т. е. безъ сокращенія мышцъ.

Слѣдовательно, нисколько не отвергая возможности задержанія движеній помощію сокращеній мышцъ-антагонистовъ, и принимая даже дѣйствительное существованіе этого акта при многихъ процессахъ уничтоженія сознательныхъ движеній, все-таки приходится допустить въ нѣкоторыхъ изъ этихъ актовъ дѣятельность механизма, дѣйствующаго на отраженное движеніе подобно бродячему нерву на сердце, т. е. дѣятельность, парализующую мышцы.

Какъ бы то ни было, а отсюда слѣдуетъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ сознательные психическіе акты остаются безъ всякаго внѣшняго выраженія, явленія эти сохраняютъ тѣмъ не менѣе природу рефлексовъ. Принимая въ самомъ дѣлѣ въ этихъ случаяхъ за основу уничтоженія даннаго движенія дѣятельность мышцъ-антагонистовъ, концомъ акта является чисто мышечное движеніе; при другомъ же объясненіи конецъ рефлекса есть актъ, вполнѣ эквивалентный возбужденію мышечнаго аппарата, т. е. двигательнаго нерва и его мышцы.

Что касается до пути развитія способности задерживать конецъ рефлексовъ, то первый случай подходитъ въ этомъ отношеніи вполнѣ къ исторіи развитіи группированныхъ мышечныхъ движеній вообще, и громадная разница во внѣшнемъ выраженіи обоихъ явленій (между движеніемъ дѣйствительно происходящимъ и задержаніемъ его) сводится здѣсь въ самомъ дѣлѣ лишь на различіе мышцъ, участвующихъ въ движеніи. Первый толчокъ есть, стало быть, инстинктивная подражательность ребенка, руководство – мышечное ощущеніе и анализъ его, а средства — частота повторенія. Когда ребенокъ выучился уже управлять своими мышцами, т. е. когда онъ ходитъ и говоритъ (слѣдовательно слышитъ слова), воспитаніе задерживающей способности продолжается развитіемъ въ его головѣ такого рода ассоціированныхъ понятій: „не дѣлай того-то и того-то, а то будетъ то-то и то-то". Часто къ этимъ увѣщаніямъ ассоціируютъ и теперь для вящшаго назиданія какія нибудь рѣзкія ощущенія и страшно грѣшатъ этимъ передъ будущностью ребенка: при такой системѣ воспитанія моральность мотива, которая должна быть одна положена въ основу дѣйствій ребенка, заслоняется для него болѣе сильнымъ ощущеніемъ страха, и такимъ-то образомъ разводится на свѣтѣ печальная мораль запуганныхъ людей.

Путь развитія способности, парализующей движеніе (прошу не забывать читателя, что для человѣка это гипотеза) чрезвычайно теменъ, потому что единственнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ можетъ служить лишь то ощущеніе, которое сопряжено съ покоемъ мышцъ. Читатель лучше всего познакомится съ сказаннымъ, произведя надъ собой слѣдующій опытъ: пусть онъ по окончаніи акта выдыханія задержитъ слѣдующее за тѣмъ невольно вдыханіе. Въ теченіе первыхъ секундъ онъ положительно ничего яснаго не ощущаетъ (сознаетъ лишь косвенными путями, что его мышцы въ покоѣ); потомъ является какое-то ощущеніе, но не въ мышцахъ, заставляющее вздохнуть.

Описанный примѣръ принадлежитъ безспорно къ такимъ, въ которыхъ задержаніе движенія происходитъ абсолютно безъ всякаго дѣятельнаго сокращенія мышцъ, можетъ, слѣдовательно, быть объясненъ лишь дѣятельностью аппарата, парализующаго невольныя дыхательныя движенія. И читатель видитъ въ этомъ типическомъ примѣрѣ какъ слабы въ самомъ дѣлѣ мышечныя ощущенія, сопровождающія задержаніе. Этому обстоятельству слѣдуетъ конечно приписать то, что педагоги не умѣютъ до сихъ поръ развивать въ людяхъ способности парализировать внѣшнія проявленія своей психической дѣятельности. Отъ того-же искусные въ этомъ отношеніи люди вообще рѣдки и считаются нѣ-

которымъ образомъ случайной игрой природы. Что касается до дальнѣйшихъ средствъ развитія этой способности, то и здѣсь, какъ при изученіи всякаго рода мышечныхъ движеній, главную роль играетъ частое повтореніе акта. Теперешній французскій императоръ отличается, какъ говорятъ, умѣньемъ скрывать до безстрастія всѣ внутренніе порывы, и это дается ему, какъ прибавляютъ далѣе, неутомимымъ изученіемъ своей физіономіи передъ зеркаломъ. Болѣе рѣзкія доказательства сказанному я имѣю впрочемъ на собакахъ. Чтобы читатель понялъ ихъ, мнѣ однако необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о пути возбужденія къ дѣятельности мозговыхъ механизмовъ, задерживающихъ рефлексы. У лягушки, гдѣ механизмы эти доказаны въ головномъ мозгу несомнѣннымъ образомъ, они возбуждаются, т. е. задерживаются рефлексы, каждый разъ, когда сильно раздражается чувствующій нервъ. Вѣроятно то же самое происходитъ и при слабомъ возбужденіи послѣдняго, но эффектъ въ этомъ случаѣ такъ слабъ, что не можетъ быть открытъ нашими тупыми средствами. У лягушки, слѣдовательно, механизмы, задерживающіе движеніе, возбуждаются путемъ рефлекса.

Принявъ существованіе подобныхъ механизмовъ, какъ логическую необходимость, и у человѣка, слѣдуетъ принять вмѣстѣ съ тѣмъ и возбуждаемость ихъ путемъ рефлекса. Отсюда вытекаетъ, что вообще, если человѣкъ или другое животное часто подвергается въ жизни рѣзкимъ внѣшнимъ вліяніемъ, дѣйствующимъ на его чувства, то для такого человѣка и животнаго есть много шансовъ сильно развить въ себѣ способность противостоять имъ.

Про нашъ простой народъ, ведущій суровую, трудовую жизнь, ходитъ молва, что онъ переноситъ страшныя боли совершенно спокойно и безъ всякой аффектаціи, т. е. безъ всякаго осложненія процесса страстными представленіями. Съ развитой точки зрѣнія этотъ такъ называемый признакъ грубости нервовъ понятенъ. Понятно также и то, что, при обычномъ воспитаніи дѣтей такъ называемаго развитаго класса, подобная грубость нервовъ и для взрослыхъ людей этого класса недостижима.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ развитое выше еще яснѣе. Я какъ физіологъ, часто поставленъ въ печальную необходимость дѣлать опыты надъ живыми животными, и мнѣ случалось видѣть между собаками-плебеями, т. е. живущими гдѣ попало и питающимися чѣмъ Богъ послалъ, истинныхъ героевъ: при самыхъ сильныхъ боляхъ онѣ позволяютъ себѣ лишь постонать. Съ комнатными же и особенно дамскими собачками это-

го никогда не бываетъ. У собаки-то ужъ конечно нѣтъ аффектаціи. Дѣло говоритъ за себя ясно.

Итакъ, рядомъ съ тѣмъ, какъ человѣкъ путемъ часто повторяющихся ассоціированныхъ рефлексовъ, выучивается группировать свои движенія, онъ пріобрѣтаетъ (и тѣмъ же путемъ рефлексовъ) и способность задерживать ихъ. Отсюда-то и вытекаетъ тотъ громадный рядъ явленій, гдѣ психическая дѣятельность остается, какъ говорится, безъ внѣшняго выраженія, въ формѣ мысли, намѣренія, желанія и пр.

Теперь я и покажу читателю первый и главнѣйшій изъ результатовъ, къ которому приводитъ человѣка искусство задерживать конечный членъ рефлекса. Этотъ результатъ резюмируется умѣньемъ мыслить, думать, разсуждать. Что такое въ самомъ дѣлѣ актъ размышленія? Это есть рядъ связанныхъ между собою представленій, понятій, существующій въ данное время въ сознаніи и не выражающійся никакими вытекающими изъ этихъ психическихъ актовъ внѣшними дѣйствіями. Психическій же актъ, какъ читатель уже знаетъ, не можетъ явиться въ сознаніи безъ внѣшняго чувственнаго возбужденія. Стало быть и мысль подчиняется этому закону. А потому въ мысли есть начало рефлекса, продолженіе его, и только нѣтъ, повидимому, конца— движенія.

Мысль есть первыя двѣ трети психическаго рефлекса. Примѣръ объяснитъ это всего лучше.

Я размышляю въ эту минуту совершенно покойно, безъ малѣйшаго движенія: „колокольчикъ, который лежитъ у меня на столѣ, имѣетъ форму бутылки; если взять его въ руку, то онъ кажется твердымъ и холоднымъ, а если потрясти, то зазвенитъ“. Это мысль, какъ и всякая другая. Разберемъ главныя фазы развитія этой мысли съ дѣтства.

Когда мнѣ было около года, тотъ же колокольчикъ производилъ во мнѣ слѣдующее: смотря на него, или смотря и беря его вмѣстѣ съ тѣмъ въ руки, или наконецъ просто беря безъ смотрѣнія, я махалъ руками и ногами, колокольчикъ у меня звенѣлъ, я радовался и прыгалъ пуще. Психическая сторона цѣльнаго явленія состояла въ ассоціированномъ представленіи, гдѣ сливалось зрительное, слуховое, осязательное, мышечное и наконецъ термическое ощущеніе.

Черезъ два года я стоялъ на ногахъ, трясъ въ рукѣ колокольчикъ, улыбался и говорилъ динь-динь. Здѣсь рефлексы со всѣхъ мышцъ тѣла перешли лишь на мышцы разговора. Психическая сторона акта ушла

уже далеко впередъ: ребенокъ узнаетъ колокольчикъ и по одной формѣ, и по звуку, и по ощущенію его въ рукѣ, онъ познакомился даже съ ощущеніемъ холода. Все это продукты анализа.

Ребенокъ развивается дальше: способность задерживать рефлексы явилась вполнѣ, а между тѣмъ и интересъ къ колокольчику притупляется больше и больше (разъ вѣдь было уже сказано, что всякій нервъ отъ слишкомъ частаго упражненія въ одномъ и томъ же направленіи устаетъ, притупляется). Приходитъ время, когда ребенокъ позвонитъ колокольчикомъ даже безъ улыбки. Тогда онъ конечно уже въ состояніи выразить мою мысль, поставленную въ началѣ примѣра, и словомъ. Здѣсь мысль выражается словомъ — рефлексъ остается лишь въ разговорныхъ мышцахъ.

Путемъ мышечно-слуховой дизассоціаціи ребенокъ уже и въ эти года можетъ отдѣлять въ сознаніи слуховыя ощущенія словъ, составляющихъ мысль, отъ мышечныхъ движеній разговора, выражающаго ее же. Кромѣ того, онъ владѣетъ уже и способностью задерживать разговоръ. Ясно, что даже ребенокъ можетъ мыслить о колокольчикѣ совершенно покойно.

Когда говорятъ, слѣдовательно, что мысль есть воспроизведеніе дѣйствительности, т. е. дѣйствительно бывшихъ впечатлѣній, то это справедливо не только съ точки зрѣнія развитія мысли съ дѣтства, но и для всякой мысли, повторяющейся въ этой формѣ хоть въ милліонъ первый разъ, потому что читатель уже знаетъ, что акты дѣйствительнаго впечатлѣнія и воспроизведенія его со стороны сущности процесса одинаковы.

Я остановлюсь нѣсколько на свойствахъ мысли, чтобы быть впослѣдствіи понятнымъ читателю, когда дѣло дойдетъ до обмановъ самосознанія.

Мысль одарена въ высокой степени характеромъ субъективности. Причина этому понятна, если вспомнить исторію развитія мысли. Въ основѣ ея лежатъ въ самомъ дѣлѣ ощущенія изъ всѣхъ сферъ чувствъ, которыя на половину субъективны; да и самыя зрительныя и осязательныя ощущенія, имѣющія, какъ извѣстно, вполнѣ объективный характеръ въ минуту своего происхожденія, могутъ дѣлаться въ мысли вполнѣ субъективными, потому что большинство людей думаетъ и объ осязательныхъ, и о зрительныхъ представленіяхъ словами, т. е. чисто субъективными слуховыми ощущеніями. Наконецъ, независимо отъ этого перевертыванія въ мысли объективныхъ ощущеній въ субъективныя (путемъ зрительно-осязательно-слуховой дизассоціаціи),

зрительныя и осязательныя ощущенія въ мысли, даже въ томъ случаѣ, если мы думаемъ образами, не имѣютъ обыкновенно реальной яркости, т. е. образы въ мысли не такъ ясны, какъ въ дѣйствительности. Причина этому заключается конечно въ томъ, что зрительныя и осязательныя ощущенія ассоціируются съ другими, слѣдовательно въ мысли вниманію нѣтъ причины остановиться именно на зрительномъ, а не на слуховомъ ощущеніи; при дѣйствительной же встрѣчѣ съ внѣшнимъ предметомъ глазами или рукой условіе для вниманія въ эту сторону дано. Какъ бы то ни было, а отсюда слѣдуетъ, что присутствіе образныхъ представленій въ мысли не можетъ мѣшать субъективности характера послѣдней.

Когда такимъ образомъ всѣ характеры мысли выяснились для читателя, ему уже становится понятно, какимъ образомъ человѣкъ пріучается отдѣлять въ сознаніи мысль отъ вытекающаго изъ нея внѣшняго дѣйствія, поступка. Въ каждомъ человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ какого нибудь чувственнаго возбужденія, разъ вслѣдъ за мыслью является поступокъ, другой разъ движеніе задерживается и актъ останавливается (повидимому) на мысли, наконецъ третій разъ подъ вліяніемъ той же мысли является поступокъ отличный отъ перваго. Явно, что мысль, какъ нѣчто конкретное, должна отдѣлиться отъ дѣйствія, являющагося тоже въ конкретной формѣ. Такъ какъ притомъ послѣдовательность двухъ актовъ принимается обыкновенно за признакъ ихъ причинной связи (post hoc ergo propter hoc), то мысль считается обыкновенно причиной поступка. Въ случаѣ же, если внѣшнее вліяніе, т. е. чувственное возбужденіе, остается, какъ это чрезвычайно часто бываетъ, незамѣченнымъ, то конечно мысль принимается даже за первоначальную причину поступка. Прибавьте къ этому очень рѣзко выраженный характеръ субъективности въ мысли, и вы поймете, какъ твердо долженъ вѣрить человѣкъ въ голосъ самосознанія, когда оно говоритъ ему подобныя вещи. Между тѣмъ это величайшая ложь. Первоначальная причина всякаго поступка лежитъ всегда во внѣшнемъ чувственномъ возбужденіи, потому что безъ него никакая мысль невозможна.

Кажущаяся возможность для одной и той же мысли выражаться у одного и того же человѣка различными внѣшними поступками вводитъ человѣческое самосознаніе въ новую сферу ошибокъ. Человѣкъ, какъ говорится, часто обдумываетъ подъ вліяніемъ какой нибудь мысли свой образъ дѣйствій и между различными возможными поступками выбираетъ какой нибудь одинъ. Это значитъ: у человѣка подъ вліяніемъ

извѣстныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій является средній членъ психическаго рефлекса (такъ я буду называть для краткости всякій цѣльный актъ сознательной жизни), къ которому въ формѣ же мысли присоединяется и представленіе о концѣ рефлекса. Если этихъ концовъ для одной и той же середины было нѣсколько (потому что рефлексъ происходилъ при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ), то естественно, что они являются одинъ вслѣдъ за другимъ. Какими же роковыми мотивыми обусловливается такъ называемый выборъ между концами рефлекса, т. е. предпочтеніе одного передъ другими, мы увидимъ далѣе.

Такимъ образомъ и на второй вопросъ данъ положительный отвѣтъ. Въ ряду психическихъ рефлексовъ много есть такихъ, гдѣ происходитъ задержаніе послѣдняго члена ихъ, движенія.

§ 13. Обращаюсь наконецъ къ третьему и послѣднему отдѣлу актовъ сознательной жизни, къ психическимъ рефлексамъ съ усиленнымъ концомъ. Сумма относящихся сюда явленій обнимаетъ всю сферу страстей.

Наша задача будетъ заключаться здѣсь исключительно въ стараніи доказать читателю, что страсть, съ точки зрѣнія своего развитія, принадлежитъ къ отдѣлу усиленныхъ рефлексовъ.

Начало страсти лежитъ, какъ уже сказано въ главѣ о невольныхъ движеніяхъ, въ элементарныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ ребенка. Ярко окрашенная вещь, звукъ колокольчика и т. п. вызываютъ у него несоразмѣрно обширныя отраженныя движенія. Это возбужденное состояніе относительно одного и того же предмета продолжается однако не долго: ребенка въ 3, 4 года уже не забавляетъ какой ни на есть предметъ краснаго цвѣта: онъ любитъ ярко раскрашенную картинку, нарядную куклу, жадно слушаетъ разсказы о всякаго рода блескѣ и пр. Явно, что у него, по мѣрѣ развитія конкретныхъ представленій, пріятныя ощущенія отъ нѣкоторыхъ изъ ихъ свойствъ сливаются, такъ сказать, съ цѣльнымъ представленіемъ, и ребенокъ наслаждается уже цѣлымъ образомъ, формой, рядомъ звуковъ. Цѣлое представленіе получаетъ такимъ образомъ характеръ страстности. Привязанность ребенка къ матери, кормилицѣ имѣетъ тотъ же источникъ: съ представленіями о нихъ у него постоянно ассоціируются наслажденія во всѣхъ сферахъ чувствъ, преимущественно же конечно наслажденіе отъ ѣды. Поэтому дѣтей не даромъ называютъ эгоистами.

Рядомъ съ развитіемъ страстныхъ психическихъ образованій, въ ребенкѣ появляются и желанія. Онъ любилъ, напримѣръ, образъ горящей

свѣчки и уже много разъ видалъ, какъ ее зажигаютъ спичкой. Въ головѣ у него ассоціировался рядъ образовъ и звуковъ, предшествующихъ зажиганію. Ребенокъ совершенно покоенъ и вдругъ слышитъ шарканье спички—радость, крики, протягиванье руки къ свѣчкѣ и пр. Явно, что въ его головѣ звукъ шарканья спички роковымъ образомъ вызываетъ ощущеніе, доставляющее ему наслажденіе, и отъ того его радость. Но вотъ свѣчки не зажигаютъ и ребенокъ начинаетъ капризничать и плакать. Говорятъ обыкновенно, что капризъ является изъ неудовлетвореннаго желанія.

Другой примѣръ: сегодня, при укладываніи ребенка въ постель, ему разсказали сказку, отъ которой онъ пришелъ въ восторгъ, т. е. въ головѣ его ассоціировали страстныя слуховыя ощущенія съ ощущеніями отъ постели. Завтра при укладываніи онъ непремѣнно потребуетъ сказки и будетъ ныть до тѣхъ поръ, пока не разскажутъ.

Очевидно, что воспоминаніе о наслажденіи, будучи страстнымъ, отличается однако отъ дѣйствительнаго наслажденія, подобно тому какъ голодъ, жажда, сладострастье въ формѣ желанія отличаются отъ наслажденія ѣды, питья и пр. Желаніе, какъ съ психологической, такъ и съ физіологической точки зрѣнія, можно вообще поставить рядомъ съ ощущеніемъ голода. Зрительное желаніе отличается отъ голода, жажды, сладострастья лишь тѣмъ, что съ томительнымъ ощущеніемъ, общимъ всѣмъ желаніямъ, связывается образное представленіе; въ слуховомъ, рядомъ съ томленіемъ, является представленіе звука и пр. Собственно же томительное ощущеніе вытекаетъ изъ особенной, до сихъ поръ необъяснимой, организаціи нервныхъ аппаратовъ, по которой недостаточность упражненія ихъ выражается всегда тоскливыми ощущеніями.

Теперь читателю понятенъ и механизмъ каприза. Всякаго рода желаніе, будучи столько же томительнымъ какъ голодъ и жажда, должно вызывать при долгомъ неудовлетвореніи ту же реакцію, какъ и послѣдніе. Отъ голода и жажды ребенокъ обыкновенно капризничаетъ и плачетъ, стало быть и тамъ должно быть то же.

Дальнѣйшее условіе развитія страсти, данное устройствомъ нервныхъ аппаратовъ, заключается въ томъ, что чѣмъ чаще (частотѣ и силѣ повторенія существуютъ однако опредѣленные предѣлы) дѣйствуютъ эти аппараты, тѣмъ настоятельнѣе и сильнѣе становится въ нихъ потребность къ дѣятельности. Три четверти обитателей Европы неумѣренностью въ пищѣ и питьѣ усиливаютъ и учащаютъ въ себѣ появленіе голода или жажды; та же самая исторія повторяется съ неумѣренными въ половыхъ наслажденіяхъ. Законъ этотъ, въ приложеніи къ наслажденіямъ въ сфе-

рахъ высшихъ чувствъ, т. е. къ зрѣнію и слуху, объясняется очень просто. Чѣмъ чаще въ самомъ дѣлѣ повторяется какой нибудь страстный психическій рефлексъ, тѣмъ съ большимъ и большимъ количествомъ постороннихъ ощущеній, представленій, понятій онъ ассоціируется, и тѣмъ легче становится, слѣдовательно, актъ воспроизведенія въ сознаніи страстнаго рефлекса въ формѣ мысли, т. е. желанія.

Отсюда слѣдуетъ, что процессъ развитія страсти подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ напримѣръ развитіе представленій изъ ощущеній. Толчокъ—инстинктивное стремленіе къ чувственному наслажденію, средства — частота повторенія его или, что все равно, психическаго рефлекса.

Но вотъ и разница между обоими актами. При частотѣ повторенія рефлекса въ одномъ и томъ же направленіи, психическая сторона его (ощущеніе, представленіе и пр.), независимо отъ примѣшаннаго къ ней страстнаго элемента, становится яснѣе и яснѣе (путемъ ассоціаціи и анализа); наоборотъ, страстность во многихъ случаяхъ исчезаетъ. Ребенку надоѣдаютъ однѣ и тѣ же игрушки; что его восхищало въ 2 года, къ тому онъ дѣлается равнодушнымъ въ 5, а взрослый человѣкъ бываетъ вообще равнодушнымъ зрителемъ дѣтскихъ забавъ и радостей. Изъ этого выводятъ обыкновенно слѣдующее заключеніе: человѣкъ устроенъ такъ, что одно и тоже впечатлѣніе, какъ бы пріятно оно ни было, современемъ пріѣдается; а отсюда многіе идутъ дальше и говорятъ: нервы наши устроены такъ, что одно и тоже пріятное впечатлѣніе, часто повторяясь, надоѣдаетъ имъ.

Вотъ единственные физіологическіе факты, которые могутъ говорить въ пользу того, что нерву прискучиваетъ одно и тоже впечатлѣніе. Если цвѣтные лучи свѣта, напр. красные, дѣйствуютъ долго на глазъ, то ощущеніе къ красному цвѣту притупляется больше и больше,—что казалось яркимъ, кажется подъ конецъ все блѣднѣе и блѣднѣе. Одинъ и тотъ же музыкальный тонъ дѣйствуетъ непріятно на ухо, если долго тянется. Наоборотъ, ухо можетъ слушать долго съ удовольствіемъ переходы изъ одного тона въ другой. Также и съ глазомъ: на игру цвѣтовъ можно смотрѣть дольше съ удовольствіемъ, чѣмъ на одинъ и тотъ же цвѣтъ. Факты эти ложатся въ основу разбираемыхъ явленій слѣдующимъ образомъ. Всякое внѣшнее вліяніе съ неподвижными свойствами при встрѣчѣ съ ребенкомъ должно было проходить въ его сознаніи всѣ фазы своего меркнущаго состоянія. При частомъ повтореніи его разница между яркостью начала и блѣдностью конца (между страстностью и безстрастіемъ) должна была выступать для сознанія рѣзче и рѣзче. Начало оставалось

страстнымъ въ положительную сторону, конецъ же пріобрѣталъ болѣе и болѣе отрицательно-страстный характеръ. Эти два ощущенія, будучи даны всегда вмѣстѣ, необходимо должны уравновѣшиваться. Въ пользу такого объясненія есть тьма фактовъ. Можно любить, напримѣръ, какое нибудь кушанье, ну хоть жареныхъ рябчиковъ, и очень долго ѣсть ихъ съ удовольствіемъ; всякій знаетъ однако, что первый рябчикъ, послѣ долгаго воздержанія отъ нихъ, несравненно вкуснѣе 10-го, а попробуйте угощать себя ими ежедневно нѣсколько мѣсяцевъ сряду, придетъ время, что смотрѣть на нихъ противно. Явно, что послѣднее состояніе въ сравненіи съ ощущеніями отъ перваго рябчика имѣетъ отрицательно-страстный характеръ, который въ приведенномъ примѣрѣ, постоянно усиливаясь, долженъ сначала уравновѣсить положительно-страстное ощущеніе, а потомъ пересилить его.

Въ процессѣ исчезанія страстности изъ многихъ психическихъ рефлексовъ играетъ впрочемъ роль и другое очень важное обстоятельство. При частомъ повтореніи одного и того же рефлекса съ примѣсью страстности, является наконецъ дробленіе конкретнаго впечатлѣнія. Послѣ минуты восторга отъ общаго вида куклы, попавшейся въ руки ребенку, онъ начинаетъ анализировать ее. Процессъ повторяется, и продукты анализа выступаютъ въ сознаніи ярче и ярче, другими словами, они воспроизводятся при всякомъ удобномъ случаѣ легче и легче. Стало быть, восторгъ отъ конкретнаго ощущенія уступаетъ мѣсто ясности спокойнаго представленія. Я не хочу этимъ сказать однако, что анализъ во всѣхъ случаяхъ убиваетъ наслажденіе: часто частями можно наслаждаться не меньше чѣмъ цѣлымъ; притомъ аналитикъ не теряетъ способности чувствовать конкретно.

Исчезанію страстности въ психическомъ рефлексѣ помогаетъ далѣе и замѣна стараго представленія подобнымъ же новымъ. Положимъ у ребенка всего одна очень плохая игрушка и онъ нигдѣ не видитъ другой лучшей. Своя игрушка доставляетъ ему, конечно съ промежутками, очень долго удовольствіе. Но вотъ онъ видитъ на мигъ другую, которая, положимъ, даже не лучше первой. Образъ ея надолго связывается въ его головѣ съ впечатлѣніями отъ старой игрушки, и послѣдняя уже не вполнѣ удовлетворяетъ его. Все новое дѣйствуетъ на ребенка и взрослаго, подобно всякой неожиданности, сильно. Удивленіе—родня страху. Имъ часто начинается и наслажденіе, и отвращеніе, и даже самый страхъ. Новорожденный ребенокъ, начинающій видѣть, слушать, вообще ощущать, конечно всему долженъ удивляться.

Наконецъ страстность психическаго рефлекса, какъ бы сильна она

ни была, исчезаетъ мало по малу съ уничтоженіемъ внѣшняго вліянія, лежащаго въ основѣ ея. Это законъ обратный тому, на основаніи котораго частота повторенія страстнаго психическаго рефлекса и въ дѣйствительности и въ мысли усиливаетъ до извѣстной степени страстность. Сущность процесса и здѣсь очень ясна. Подобно тому, какъ всякое представленіе въ мысли блѣднѣе, чѣмъ при дѣйствительной встрѣчѣ съ предметомъ, лежащимъ въ основѣ представленія, точно такъ же и дѣйствительная страстность ярче воображаемой. Уже по одному этому страстность, съ удаленіемъ реальнаго субстрата, должна уменьшаться. Но, кромѣ того, вмѣстѣ съ этимъ ослабленіемъ страстности самое воспроизведеніе страстнаго представленія въ мысли необходимо становится менѣе и менѣе частымъ—это вторая причина, ускоряющая уничтоженіе страстности. Наконецъ страстное представленіе въ мысли связывается, какъ извѣстно, съ томительными ощущеніями желанія, которыя всему психическому акту придаютъ особенный, хотя и страстный характеръ, но уже въ противоположную сторону.

Вотъ начало и условія развитія, равно какъ исчезанія страстности въ ребенкѣ. Прежде чѣмъ идти далѣе, резюмируемъ все сказанное.

Въ началѣ человѣческой жизни всѣ безъ исключенія психическіе рефлексы имѣютъ характеръ страстности, т. е. представляются съ усиленнымъ концомъ. Мало по малу сфера страстности начинаетъ однако съуживаться, съ блѣдныхъ и однообразныхъ образовъ переходитъ на болѣе яркіе и подвижные. Въ основѣ этого процесса лежитъ анализъ сходственныхъ, но болѣе и менѣе яркихъ, болѣе и менѣе подвижныхъ конкретныхъ ощущеній. Частота повторенія страстнаго впечатлѣнія до извѣстныхъ предѣловъ усиливаетъ страстность, потому что при этомъ условіи воспроизведеніе страстнаго представленія съ послѣдствіемъ его, желаніемъ, становится чаще и чаще. Въ обществѣ страсть мѣряется силой или глубиной и яркостью. Сила или глубина страсти то же, что ясность представленія — результатъ частаго повторенія рефлекса. Яркость же страсти поддерживается подвижностью впечатлѣнія, суммою возможныхъ въ теченіи даннаго времени наслажденій. Желаніе въ страстномъ психическомъ актѣ то же, что мысль въ обыкновенномъ — первыя двѣ трети рефлекса. Томительная сторона желанія есть въ свою очередь источникъ страсти, выражающейся лишь отлично отъ наслажденія. И отрицательная страсть въ своемъ развитіи подчиняется законамъ положительной— и здѣсь сила дана частотою повторенія, яркость—рѣзкостью томительнаго желанія. Къ счастію людей, въ природѣ ихъ мало условій для сильнаго наростанія отрицательныхъ страстей; желаніе, будучи мысленнымъ

воспроизведенiемъ реальнаго страстнаго акта, не можетъ имѣть той яркости, какъ послѣднiй; при вторичномъ воспроизведенiи яркость эта еще слабѣе, при третьемъ еще слабѣе и т. д. Сильное развитiе отрицательной страсти можетъ, слѣдовательно, поддерживаться долго лишь постоянными реальными недостатками чувственныхъ наслажденiй, или какъ говорится обыкновенно, постоянными неудачами въ жизни. Можно вѣдь привыкнуть и къ холоду, и къ голоду, и даже къ темной безгласной тюрьмѣ.

Изъ всего этого вытекаетъ слѣдующiй общiй характеръ страстности въ ребенкѣ: она отличается большою подвижностью.

При дальнѣйшемъ развитiи ребенка страстность переходитъ уже, какъ говорится, на понятiя, или правильнѣе на тѣ представленiя, которыя связаны съ этими понятiями. Всего же яснѣе можно характеризовать этотъ переходъ такъ: ребенокъ при настоящемъ образѣ его воспитанiя, съ игрушекъ переноситъ любовь преимущественно на богатырей, силу, храбрость и т. п. свойства. Явно, что въ основѣ страстности лежитъ у него больше всего представленiе о мечѣ, копьѣ, латахъ, шлемѣ съ перьями, о конѣ, однимъ словомъ въ головѣ ребенка опять прежнiя блестящiя картинки, только онѣ уже яснѣе и болѣе богаты формами. Этотъ переходъ, при натуральномъ стремленiи ребенка къ яркому свѣту, блеску и шуму и при способѣ воспитанiя нашихъ дѣтей, неизбѣженъ. Въ немъ, какъ увидимъ, есть и хорошiя стороны; но излишнее питанiе органовъ чувствъ рыцарскими образами ведетъ къ тому, что у насъ въ обществѣ въ чрезвычайно многихъ людяхъ страстность на всю жизнь преимущественно сосредоточивается на внѣшнемъ блескѣ. Люди эти были бы хороши для среднихъ вѣковъ, но къ настоящему трудовому времени безъ блеска они очень не пристали.

Какъ бы то ни было, а въ любви ребенка къ силѣ, мужеству и храбрости есть очень хорошая сторона. Вотъ она. Въ это время ребенокъ уже давно отдѣлилъ свою особу отъ внѣшняго мiра и, конечно безсознательно, уже очень любитъ себя, или правильнѣе сказать, любитъ себя въ наслажденiи. (Вообразите въ самомъ дѣлѣ и взрослаго человѣка, который никогда не испытываетъ никакого прiятнаго ощущенiя, а всегда только скверныя; явно, что онъ будетъ, какъ говорится, себѣ въ тягость, т. е. не будетъ любить себя). Не удивительно послѣ этого, что ребенокъ прикрѣпитъ себѣ саблю, надѣнетъ шлемъ и поѣдетъ на палочкѣ. Свою особу онъ ассоцiируетъ со всѣми проходящими черезъ его сознанiе героями и со всѣми ихъ свойствами, сначала, разумѣется, чисто внѣшними. Эта исторiя продолжается все время, пока представленiе о

его рыцарѣ путемъ повторныхъ слуховыхъ рефлексовъ (разсказами) наполняется все болѣе и болѣе высокими рыцарскими свойствами. Введите въ составъ рыцаря отвращеніе къ пороку, и ребенокъ, ассоціируя себя съ такимъ рыцаремъ, будетъ презирать порокъ, конечно по своему, т. е. на основаніи своихъ представленій о физіономіи порока. Заставьте вашего рыцаря помогать слабому противъ сильнаго и ребенокъ дѣлается донъ-Кихотомъ: ему случается дрожать отъ волненія при мысли о безващитности слабаго. Сливая себя съ любимымъ образомъ, ребенокъ начинаетъ любить всѣ его свойства; а потомъ путемъ анализа любитъ, какъ говорится, только послѣднія. Здѣсь вся моральная сторона человѣка.

Любовь къ правдѣ, великодушіе, сострадательность, безкорыстіе, равно какъ ненависть ко всему противоположному, развиваются конечно тѣмъ же путемъ, т. е. частымъ повтореніемъ въ сознаніи страстныхъ представленій (образныхъ или слуховыхъ—это все равно), въ которыхъ яркая сторона изображаетъ всѣ перечисленныя свойства. Удивительно ли послѣ этого, что ребенокъ въ 18 лѣтъ, съ горячей любовью къ правдѣ, не увлекаемый въ противоположную сторону тѣми мотивами, которые развиваются у большинства людей лишь въ зрѣлые годы, готовъ идти изъ-за этой правды на муку. Вѣдь онъ знаетъ, что его идеалы, его рыцари терпѣли за нее, а онъ не можетъ быть не рыцаремъ, потому что былъ имъ съ 5 до 18 лѣтъ.

Читатель, внимательно слѣдившій за развитіемъ этого примѣра, легко убѣдится, что въ основѣ нашего страстнаго поклоненія добродѣтелямъ и отвращенія отъ порока лежитъ ни что иное, какъ чрезвычайно многочисленный рядъ психическихъ рефлексовъ, гдѣ страстность съ яркой краски какой нибудь вещи переходила на яркую мантію рыцаря на картинѣ, отсюда переносилась на себя въ рыцарскомъ костюмѣ, переходила потомъ съ конкретнаго впечатлѣнія то къ частному представленію, т. е. къ свойству рыцаря, то къ конкретному образу въ новыхъ формахъ, и, покинувши наконецъ рыцарскую оболочку, перешла на подобныя же свойства то въ мужикѣ, то въ солдатѣ, то въ чиновникѣ, то въ генералѣ. Послѣ этого читателю уже понятно, что рыцаремъ можно остаться и въ зрѣлые годы. Страстности конечно много поубавится, но на мѣсто ея явится то, что называютъ обыкновенно глубокимъ убѣжденіемъ. Эти-то люди, при благопріятной обстановкѣ, и развиваются въ тѣ благородные высокіе типы, о которыхъ была рѣчь въ началѣ этой главы. Въ своихъ дѣйствіяхъ они руководятся только высокими нравственными мотивами, правдой, любовью къ человѣку, снисходительностью къ его

слабостямъ, и остаются вѣрными своимъ убѣжденіямъ, на перекоръ требованіямъ всѣхъ естественныхъ инстинктовъ, потому что голосъ этотъ блѣденъ при яркости тѣхъ наслажденій, которыя даются рыцарю правдой и любовью къ человѣку. Люди эти, разъ сдѣлавшись такими, не могутъ конечно перемѣниться: ихъ дѣятельность—роковое послѣдствіе ихъ развитія. И въ этой мысли страшно много утѣшительнаго, потому что безъ нея вѣра въ прочность добродѣтели невозможна.

Въ заключеніе трактата о страстяхъ я разберу еще для примѣра любовь къ женщинѣ, имѣя преимущественно въ виду то обстоятельство, что о ней въ публикѣ распространены большею частію чрезвычайно неосновательныя понятія.

Въ любви къ женщинѣ есть инстинктивная сторона—половое стремленіе. Это ея начало, потому что любовь начинается, какъ извѣстно, въ мальчикѣ лишь во время созрѣванія половыхъ органовъ. Вопросъ, ассоціируетъ ли мальчикъ уже первыя половыя ощущенія съ образомъ женщины невольно, или эта ассоціація подготовлена знаніемъ напередъ, рѣшить я не берусь. Извѣстно только, что при нашемъ воспитаніи дѣтей, послѣднее случается навѣрно въ $^9/_{10}$ всѣхъ мальчиковъ. Какъ бы то ни было, а эта ассоціація существуетъ уже рано, и какимъ бы путемъ она ни пріобрѣталась, во всякомъ случаѣ въ основѣ ея нѣтъ конечно ничего произвольнаго. Равнымъ образомъ трудно указать на условія, почему раннія половыя ощущенія ассоціируются непремѣнно вотъ съ образомъ такой-то женщины, а не съ другой, или не со всѣми. Понятно только, что имъ трудно сочетаться съ представленіями о такихъ женщинахъ, которыя постоянно окружаютъ мальчика. Этихъ онъ давно знаетъ, слѣдовательно съ представленіями о нихъ у него связаны уже крѣпко ощущенія, хотя и страстныя по природѣ, но имѣющія характеръ совершенно отличный отъ половыхъ, при томъ ощущенія уже рѣзкія отъ частаго повторенія рефлексовъ, въ которыхъ эти женщины дѣйствуютъ на его органы чувствъ возбудителями. Явно, что образъ такихъ женщинъ вызываетъ въ его головѣ каждый разъ рѣзкія ощущенія; половыя же, если они и ассоціировались съ первыми, по своей сравнительной блѣдности, не могутъ быть замѣчаемы (мы напримѣръ ничего не знаемъ о томъ, какія именно мысли у каждаго изъ насъ ассоціированы съ рефлексами отъ желудка, а эти ассоціаціи навѣрное существуютъ). На этомъ-то основаніи мальчики и влюбляются сначала въ какіе-то туманные, неопредѣленные образы — ихъ идеалы. Этотъ туманный образъ для мальчика тотъ же рыцарь, только сопровождается иными ощущеніями. Понятно, что встрѣчи съ дѣйствительною жизнью могутъ вкла-

дывать въ такую эластическую форму какія угодно свойства въ формѣ образовъ и звуковъ. Процессъ этотъ остается, не смотря на его крайнюю видимую поэтичность, все-таки частымъ повтореніемъ рефлекса съ женскимъ идеаломъ какъ содержимымъ, подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ встрѣчъ съ женщинами. Въ такой идеалъ, когда онъ начинаетъ сильно занимать воображеніе, вкладывается обыкновенно все, что любишь не только въ женщинахъ, но даже и въ рыцаряхъ. Когда же наконецъ идеалъ болѣе или менѣе опредѣлился, и мальчику случилось встрѣтить женщину, похожую по его мысли на этотъ идеалъ, то онъ, какъ говорится, переноситъ свою мечту на эту женщину, и начинаетъ ее любить въ ней. По нашему, онъ ассоціировалъ свой страстный идеалъ съ реальнымъ образомъ. Это и есть такъ называемая платоническая любовь. Въ ней половой характеръ чрезвычайно блѣденъ на томъ основаніи, что рядомъ съ яркими, слѣдовательно страстными, зрительными и слуховыми ощущеніями, лежатъ неопредѣлившіяся еще темныя половыя желанія. На этомъ же основаніи, не смотря на страшную субъективность любви, какъ сумму страстныхъ ощущеній, она преимущественно передъ другими страстями объективируется. Въ этомъ-то и заключается благородная сторона любви къ женщинѣ: человѣкъ научается не быть эгоистомъ, любить хоть кого нибудь столько же, какъ самого себя, иногда даже больше. Слова эти требуютъ поясненія. Любя женщину, человѣкъ любитъ въ ней, собственно говоря, свои наслажденія; но, объектируя ихъ, онъ считаетъ всѣ причины своего наслажденія находящимися въ этой женщинѣ, и такимъ образомъ въ его сознаніи, рядомъ съ представленіемъ о себѣ, стоитъ сіяющій всякими красотами образъ женщины. Онъ долженъ любить ее больше себя, потому что въ свой идеалъ я никогда не внесу изъ собственныхъ страстныхъ ощущеній тѣхъ, которыя для меня непріятны. Въ любимую женщину вложена только лучшая сторона моего наслажденія. Читателю нечего кажется и доказывать, послѣ сказаннаго, что такая страсть ведетъ роковымъ образомъ ко всякимъ такъ называемымъ самопожертвованіямъ, т. е. можетъ въ человѣкѣ идти на перекоръ всѣмъ естественнымъ инстинктамъ, даже голосу самосохраненія.

Но вотъ мужчина начинаетъ обладать своимъ идеаломъ. Страсть его вспыхиваетъ еще живѣе, ярче, потому что мѣсто темныхъ, неопредѣленныхъ, половыхъ стремленій заступаютъ теперь яркія, трепетныя ощущенія любви, да и самая женщина является въ небываломъ дотолѣ блескѣ. Проходятъ мѣсяцы, годъ, много два, и обыкновенно страсть уже потухла, даже въ тѣхъ счастливыхъ случаяхъ, когда съ обѣихъ

сторонъ дѣйствительность соотвѣтствовала идеаламъ. Отчего это? Да на основаніи закона, по которому яркость страсти поддерживается лишь измѣнчивостью страстнаго образа. Въ годъ, въ два, при жизни очень близкой другъ къ другу, сумма возможныхъ перемѣнъ и съ той и съ другой стороны давнымъ давно исчерпалась, и яркость страсти исчезла. Любовь однако не уничтожилась: отъ частаго повторенія рефлекса, въ которомъ психическимъ содержаніемъ является представленіе любовницы съ тѣми или другими, или со всѣми ея свойствами, образъ ея сочетается, такъ сказать, со всѣми движеніями души любовника, и она стала дѣйствительно половиной его самого. Это любовь по привычкѣ—дружба.

Человѣкъ, разъ пережившій всѣ эти натуральныя фазы полной любви, едва ли можетъ любить страстно во второй разъ. Повторныя страсти—признакъ неудовлетворенности предшествовавшими.

Этимъ я и заканчиваю исторію развитія страстей. Изъ разобранныхъ примѣровъ читатель легко могъ убѣдиться, что и этого рода явленія въ сущности суть рефлексы, только осложненные примѣсью страстныхъ элементовъ, и потому выражающіеся извнѣ движеніемъ болѣе или менѣе усиленнымъ противъ обыкновеннаго. Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, служащее осязательнымъ характеромъ страсти, я и назвалъ послѣднюю психическимъ рефлексомъ съ усиленнымъ концомъ. Страхъ, о которомъ была рѣчь въ главѣ о невольныхъ движеніяхъ, и со стороны психическаго содержанія, и по внѣшнему виду всего явленія, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ отдѣлу страстей. Слѣдовательно извѣстная уже читателю гипотетическая схема испуга есть вмѣстѣ съ тѣмъ анатомическій образъ аппарата, котораго дѣятельность есть страсть.

Мнѣ остается упомянуть теперь о внѣшнихъ проявленіяхъ высшихъ степеней страсти—восторга, экстаза, которыя, повидимому, уклоняются отъ нормы, потому что отличаются неподвижностью. Состояніе это, не смотря однако на его внѣшнюю физіономію и на даваемыя ему имена замиранія, остолбенѣнія и проч., не есть отсутствіе движенія. Напротивъ, послѣднее существуетъ,— иначе у восторга не было бы физіономіи,—и даже въ усиленной степени въ томъ отношеніи, что сокращеніе мышцъ имѣетъ здѣсь форму болѣе или менѣе продолжительнаго столбняка. Послѣднимъ и объясняется неподвижность, окаменѣлость внѣшняго выраженія восторга. Процессъ совершенно тотъ же, что въ высшихъ степеняхъ ужаса. Механизмъ задержанія движеній не играетъ здѣсь, слѣдовательно, никакой роли.

§ 14. Кончивъ разбирать процессъ задерживанія отраженныхъ движеній и показавши читателю главнѣйшій результатъ этихъ актовъ — психическій рефлексъ безъ конца — мысль, я обратилъ за тѣмъ его вниманіе на свойства послѣдней, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ отдѣляетъ въ своемъ сознаніи мысль отъ поступка, даже въ томъ случаѣ, если и поступокъ является въ формѣ мысли. При этомъ было сказано, что знаніе этихъ отношеній будетъ впослѣдствіи необходимо, когда дойдетъ рѣчь до обмановъ самосознанія. Теперь я постараюсь сдѣлать то же самое относительно желанія и поступка.

Читателю уже извѣстно, какое мѣсто занимаетъ желаніе въ процессѣ страстнаго рефлекса. Оно является каждый разъ, когда страстный рефлексъ остается безъ конца, безъ удовлетворенія. Съ этой точки зрѣнія желаніе и мысль тождественны. Но такъ какъ у взрослаго человѣка въ большинствѣ случаевъ желаніе вытекаетъ, какъ говорится, изъ какого нибудь представленія, или ряда ихъ — мысли, то здѣсь желаніе есть конечно ни что иное, какъ страстная сторона мысли. А отсюда уже явнымъ образомъ слѣдуетъ, что условія для различенія желанія отъ вытекающаго изъ него поступка, т. е. акта удовлетворенія желанія, даже въ случаѣ если послѣдній является въ формѣ мысли, суть тѣ же самыя, которыя были развиты выше. Здѣсь даже условія эти осязательнѣе, потому что желаніе, какъ ощущеніе, имѣетъ всегда болѣе или менѣе томительный, отрицательный характеръ; напротивъ, ощущенія, сопровождающія поступокъ, т. е. удовлетвореніе страстнаго желанія, имѣютъ всегда яркій, положительный характеръ. Такимъ образомъ понятно, что я могу въ формѣ мысли желать болѣе или менѣе страстно чего нибудь, т. е. удовлетворенія своего желанія. Внѣшнимъ образомъ актъ этотъ выражается словами: „человѣкъ задумался“. Спросите, что онъ дѣлаетъ? Отвѣтъ — думаю. О чемъ? „Я намѣренъ, я желаю, я хочу, я страстно хочу сдѣлать вотъ то-то“. Разница словъ сводится во всѣхъ этихъ случаяхъ на большую или меньшую страстность мысли. Желать и хотѣть въ сущности стало быть одно и то же, а между тѣмъ желанію и хотѣнію придаютъ очень часто чрезвычайно различныя значенія. Про желанія говорятъ обыкновенно, что они очень капризны и, какъ все страстное, болѣе или менѣе противятся волѣ. Наоборотъ, хотѣніе очень часто принимаютъ за актъ самой воли: „я хочу и не исполню своего желанія; я усталъ и сижу, мнѣ хочется лечь, а я остаюсь сидѣть“. Хотѣніе сидѣть, наперекоръ желанію лечь, считается актомъ совершенно безстрастнымъ. Человѣкъ, если захочетъ (безстрастно), можетъ, какъ обыкновенно дума-

ютъ, поступить даже на изворотъ своему желанію: я усталъ и сижу, мнѣ хочется (неправильность языка, если хотѣніе безстрастно) лечь, а я встаю и начинаю ходить. Здѣсь конечно безстрастное хотѣніе встать сильнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Вообще же въ языкѣ народовъ и въ ихъ сознаніи безстрастное хотѣніе — воля, по своей мощи, безгранична. Французы, одинъ изъ самыхъ подвижныхъ и страстныхъ народовъ Европы, и тѣ говорятъ: vouloir c'est pouvoir, другими словами, что власти воли, безстрастнаго хотѣнія, нѣтъ предѣловъ.

Читатель ясно видитъ, что тутъ какая-то путаница или въ способахъ выражать словами свои ощущенія, или даже въ самыхъ ощущеніяхъ и связанныхъ съ ними понятіяхъ и словахъ.

Мы и займемся теперь распутываніемъ.

Первѣе всего нужно условиться въ выраженіяхъ. Если въ сознаніи, въ формѣ мысли, данъ почти безстрастный психическій рефлексъ, то страстную стремительную сторону его къ концу, т. е. къ удовлетворенію страсти, я назову хотѣніемъ. Я хочу сдѣлать то-то.

При ясно выраженной страстности, та же сторона рефлекса пусть будетъ желаніе.

Условившись такимъ образомъ, разберемъ случаи, когда безстрастное хотѣніе можетъ, какъ говорится, побѣдить желаніе.

Я усталъ и сижу. Ощущеніе усталости роковымъ образомъ приглашаетъ меня лечь (я желаю). Спрашивается, если въ этотъ мигъ нѣтъ абсолютно никакой причины, чтобы остаться на мѣстѣ, есть ли возможность усидѣть? Нѣтъ. Явно, что безстрастному хотѣнію остаться на мѣстѣ должна быть какая нибудь причина. Она навѣрное есть уже потому, что по нашему опредѣленію хотѣніе есть стремительная сторона какой нибудь мысли. Даже въ томъ случаѣ, если человѣкъ остается на мѣстѣ наипроизвольнѣйшимъ образомъ, просто по капризу, и тутъ причина есть: всякій скажетъ вѣдь, что этотъ господинъ не очень усталъ, и что капризы у него сильнѣе усталости.

Та же самая исторія и въ томъ случаѣ, если человѣкъ захочетъ сдѣлать наизворотъ своему желанію, и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ. Результатъ, т. е. поступокъ, есть роковое послѣдствіе хотѣнія болѣе сильнаго, чѣмъ желаніе.

Но какимъ же образомъ, спроситъ читатель, мысль менѣе страстная можетъ побѣдить болѣе страстную. Дѣло въ томъ, что безстрастіе первой часто только кажущееся. Когда я усталъ, то ощущеніе усталости конечно во мнѣ яснѣе, чѣмъ все остальное, а между тѣмъ, я могу

не идти въ постель напримѣръ изъ страха заснуть и быть ужаленнымъ змѣей. При другихъ условіяхъ послѣдняя мысль заставила бы меня трепетать, а теперь она ведетъ только къ тому, что я очень покойно остаюсь сидѣть и рядомъ съ этой мыслью ощущаю ясно только усталость. Дѣло другаго рода, когда я, будучи усталымъ и боясь змѣи, вдругъ увижу ее около себя: тогда страхъ явнымъ образомъ затмитъ ощущеніе усталости, я пущусь бѣжать безъ оглядки. Но вотъ случай, гдѣ совершенно безстрастное хотѣніе побѣждаетъ страстную мысль. Я привыкъ точно сдерживать данное разъ обѣщаніе, и не ложусь усталый въ постель, потому что боюсь заснуть и не придти въ назначенный срокъ къ пріятелю, хотя и знаю, что въ этомъ бѣды никакой нѣтъ. Здѣсь сила мысли, удерживающей отъ постели, заключается въ привычкѣ быть точнымъ, т. е. въ частомъ повтореніи рефлекса въ этомъ направленіи. Что дѣлалось тысячи разъ, то легко дѣлается и въ тысячу первый.

Читатель ясно видитъ, что во всѣхъ подобныхъ разобраннымъ случаямъ всегда найдется причина хотѣнію, и если оно сильнѣе желанія, всегда побѣда будетъ на сторонѣ перваго. Рефлексъ черезъ это нисколько не теряетъ природы рефлекса. Опредѣленными внѣшними вліяніями вызываются послѣдовательно ряды ассоціированныхъ мыслей, и конецъ рефлекса вытекаетъ логически изъ сильнѣйшей. Есть однако много случаевъ, гдѣ до причины хотѣнія добраться нѣтъ никакой возможности, а отъ того и кажется, что оно является само собою. Вотъ по моему мнѣнію самый рѣзкій изъ этихъ случаевъ.

Мнѣ хотятъ доказать, что, мотивируя безстрастное хотѣніе, я говорю вздоръ, и требуютъ разъясненія слѣдующаго случая. Мой противникъ говоритъ: „я въ эту секунду имѣю мысль, хочу согнуть черезъ минуту палецъ руки и дѣйствительно сгибаю его (онъ дѣйствительно сгибаетъ черезъ 1'); при этомъ сознаю самымъ непоколебимымъ образомъ, что начало всего акта выходитъ изъ меня, и сознаю столько же непоколебимо, что я властенъ надъ каждымъ моментомъ всего акта. Въ доказательство выхожденія всего акта изъ себя онъ приводитъ, что то же самое можетъ повторить во всякое время года, днемъ и ночью, на вершинѣ Монблана и на берегахъ Тихаго океана, стоя, сидя, лежа и т. д., однимъ словомъ при всѣхъ мыслимыхъ внѣшнихъ условіяхъ, только, разумѣется, въ минуты сознанія. Отсюда онъ выводитъ независимость хотѣнія отъ внѣшнихъ условій. Власть его надъ каждымъ отдѣльнымъ моментомъ всего акта для него ясна изъ того, что если онъ захочетъ, то можетъ послѣ мысли о сгибаніи пальца

согнуть его не черезъ 1-ну, а черезъ 2, 3, 4, 5... минутъ, притомъ сгибать палецъ медленно, скорѣе и скорѣе.

Я постараюсь, на сколько возможно, показать читателю, что мой почтенный противникъ, не смотря на столько доводовъ, говорящихъ въ пользу его мнѣнія, сгибаетъ однако свой палецъ передо мной машинообразно.

Во первыхъ разговоръ мой съ противникомъ о безстрастномъ хотѣніи не можетъ начаться ни съ того, ни съ сего, ни въ Лапландіи, ни въ Петербургѣ, ни днемъ, ни ночью, ни стоя, ни лежа, однимъ словомъ ни гдѣ бы, ни когда бы то ни было. Всегда причина такому разговору есть. Мнѣ возразятъ: но вѣдь разговоръ въ волѣ вашего противника: онъ можетъ говорить и нѣтъ. На это отвѣтить легко: для обоихъ этихъ случаевъ должны быть особенныя причины. Если одна изъ нихъ сильнѣе другой, то на ея сторонѣ и будетъ перевѣсъ. Противникъ заговорилъ, значитъ—не могъ не заговорить.

Заговоривши же разъ, онъ можетъ говорить о занимающемъ насъ предметѣ и безъ всякаго дальнѣйшаго внѣшняго вліянія, можетъ закрыть глаза, заткнуть уши и проч. Въ этомъ положеніи все равно, находится ли онъ въ Европѣ, или Азіи, на вершинѣ горы, или у себя на постели. однимъ словомъ, говорить онъ въ сущности будетъ вездѣ одинаково. А на это какая причина? Очень простая: онъ въ свою жизнь дѣлалъ руками, ногами, языкомъ милліоны произвольныхъ движеній, въ стольких же милліонахъ случаевъ не дѣлалъ ихъ опять по произволу, тысячи разъ называлъ эти движенія, или думалъ о нихъ, какъ объ актахъ воли; слѣдовательно представленіе обо всемъ актѣ и объ его имени въ моемъ противникѣ связано чуть не со всѣми возможными объективными внѣшними вліяніями, такъ что на это психическое образованіе уже не можетъ вліять ни видъ окружающей природы, ни холодъ, ни положеніе тѣла, однимъ словомъ, никакое внѣшнее вліяніе. И такъ, мысль противника явилась у него въ головѣ въ данной формѣ роковымъ образомъ. Но какая причина тому, спросятъ меня теперь, что онъ мысль свою выразилъ именно сгибаніемъ пальца, а не другимъ какимъ нибудь движеніемъ. На это отвѣтить я могу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Человѣкъ дѣлаетъ больше всего движеній, глазами, языкомъ, руками и ногами. Однако въ обществѣ, со словомъ движеніе человѣка, всякій несравненно чаще представляетъ себѣ движеніе рукъ, ногъ, чѣмъ языка и глазъ; это происходитъ конечно отъ того, что языкъ не видѣнъ при разговорѣ, глаза же дѣлаютъ слишкомъ быстрыя и маленькія движенія, чтобы быть замѣчаемыми; напротивъ, движеніе рукъ и ногъ очень

рѣзко бросается въ глаза. Какъ бы то ни было, а когда дѣло дошло до произвольности движенія, то несравненно легче представить примѣръ, идущій къ мысли, на рукѣ или ногѣ, чѣмъ другимъ образомъ. Далѣе, руки имѣютъ надъ ногами то преимущество, что онѣ несравненно подвижнѣе и всегда свободнѣе, т. е. менѣе заняты, чѣмъ ноги. Люди, разговаривающіе съ азартомъ, только въ крайнихъ случаяхъ двигаютъ ногами, руками же всегда. Явно, что рука скорѣе подвернется для выраженія мысли, чѣмъ нога. Въ рукѣ, какъ въ цѣломъ членѣ, кисть опять-таки имѣетъ преимущество подвижности и частоты употребленія предъ прочими частями. Въ большинствѣ движеній всею рукою пальцы двинутся десять разъ, а рука согнется въ локтѣ или повернется около продольной оси одинъ разъ. Стало быть пояснить мысль, подобную разбираемой, движеніемъ пальца, и именно сгибаніемъ, какъ актомъ наиболѣе частымъ, въ высокой степени естественно. А что это значитъ естественно? То, что за мыслью движеніе пальца слѣдуетъ само собою, т. е. невольно. И такъ, мой противникъ, вовсе не замѣчая, или правильнѣе, замѣчая противное, совершенно непроизвольно, роковымъ образомъ и подумалъ, и сказалъ, и двинулъ пальцомъ. Но отчего онъ сначала подумалъ, потомъ именно черезъ минуту двинулъ? Думаютъ обыкновенно раньше движенія. Почему между мыслью и движеніемъ положенъ промежутокъ, на то есть причина въ свойствѣ всего акта моего противника. Онъ хочетъ показать власть надъ временемъ движенія (самъ говоритъ). А почему выбрана именно одна минута, а не двѣ, три, пять и т. д., на это отвѣтить можно совершенно такъ же, какъ на вопросъ, почему для выраженія мысли выбрано движеніе пальца, а не другаго члена: минута больше мига и недолго тянется. Противникъ мой вѣдь очень хорошо знаетъ, что былъ бы только промежутокъ, а тамъ чѣмъ скорѣе двигать, тѣмъ лучше.

И такъ, противникъ мой дѣйствительно обманутъ самосознаніемъ: весь его актъ есть въ сущности ни что иное, какъ психическій рефлексъ, рядъ ассоціированныхъ мыслей, вызванныхъ первымъ толчкомъ къ разговору и выразившійся движеніемъ, вытекающимъ логически изъ мыслей наиболѣе сильныхъ.

И такъ, безстрастное хотѣніе, какимъ бы независимымъ отъ внѣшнихъ вліяній оно ни казалось, въ сущности столько же зависитъ отъ нихъ, какъ любое ощущеніе. Тамъ гдѣ причина, лежащая въ основѣ его, какъ въ только что разобранномъ примѣрѣ, неуловима — результатъ хотѣнія не носитъ характера силы. Наоборотъ, въ борьбѣ съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, изъ которой безстрастное хотѣніе вы-

ходитъ побѣдителемъ, въ основѣ послѣдняго всегда лежитъ или мысль съ очень страстнымъ субстратомъ, или мысль очень крѣпкая отъ частоты повторенія рефлекса — привычка. Высокій нравственный типъ, о которомъ была рѣчь въ началѣ главы о произвольныхъ движеніяхъ, можетъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, только потому, что руководится высокими нравственными принципами, которые воспитаны въ немъ всею жизнью. Разъ такіе принципы даны—дѣятельность его не можетъ имѣть инаго характера: она есть роковое послѣдствіе этихъ принциповъ.

Нужно ли послѣ всего сказаннаго разбирать еще по пунктамъ типически-произвольную дѣятельность человѣка, характеры которой выставлены въ началѣ главы о произвольныхъ движеніяхъ? Для читателя, усвоившаго мою точку зрѣнія, это уже не нужно, а другихъ я не въ силахъ былъ бы убѣдить и дальнѣйшими разсужденіями.

И такъ, вопросъ о полнѣйшей зависимости наипроизвольнѣйшихъ изъ произвольныхъ поступковъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій человѣка рѣшенъ утвердительно. Отсюда же роковымъ образомъ слѣдуетъ, что **при однихъ и тѣхъ же внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ человѣка, дѣятельность его должна быть одна и та же.** Выборъ между многими возможными концами одного и того же психическаго рефлекса слѣдовательно положительно невозможенъ, а кажущаяся возможность есть лишь обманъ самосознанія. Сущность этого сложнаго акта заключается въ томъ, что въ сознаніи человѣка, въ формѣ мысли, воспроизводится одинъ и тотъ же (повидимому) рефлексъ со стороны психическаго содержанія, происходившій однако при условіяхъ болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга и выразившійся, слѣдовательно, на нѣсколько ладовъ. Страстность одного конца ярче — хочется сдѣлать такъ: мелькнетъ представленіе менѣе страстное, но болѣе сильное тянущее въ другую сторону—рефлексъ въ мысли имѣетъ уже другое окончаніе и т. д. А встрѣтились условія, чтобы рефлексу выразиться въ дѣйствительности, смотришь—въ половинѣ случаевъ планы разлетѣлись, и человѣкъ дѣйствуетъ вовсе не такъ, какъ думалъ. Даже люди, безусловно вѣрующіе въ голосъ самосознанія, говорятъ тогда, что человѣкъ не совладалъ съ внѣшними условіями. По нашему же отсюда явно вытекаетъ, что **первая причина всякаго человѣческаго дѣйствія лежитъ внѣ его.**

Задача моя, собственно говоря, кончена. Актами мышленія въ самомъ широкомъ смыслѣ и вытекающею изъ нихъ внѣшнею дѣятельностью исчерпывается, въ самомъ дѣлѣ, содержаніе самой богатой сознательной

жизни. На всѣ заданные напередъ вопросы даны притомъ, на сколько можно, ясные отвѣты.

Мнѣ остается теперь указать читателю на страшные пробѣлы въ изслѣдованіи и опредѣлить тѣмъ ничтожность значенія сдѣланнаго мною въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ когда нибудь сдѣлано въ далекомъ будущемъ.

1) Въ предлагаемомъ изслѣдованіи разбирается только внѣшняя сторона психическихъ рефлексовъ, такъ сказать одни пути ихъ; о сущности самаго процесса нѣтъ и помина. Каждый знаетъ, напримѣръ, ощущеніе краснаго цвѣта; но нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы указалъ, въ чемъ состоитъ сущность этого ощущенія; мы не знаемъ даже, что дѣлается въ нервѣ, чувствующемъ или движущемъ, когда онъ приходитъ въ возбужденное состояніе. Тѣмъ больше нельзя имѣть понятія о сущности болѣе высокихъ психическихъ актовъ. Но какъ же послѣ этого толковать о путяхъ? спроситъ читатель. Вотъ на какомъ основаніи. Не зная что дѣлается въ нервахъ, мышцахъ и мозговыхъ центрахъ при ихъ возбужденіи, я однако не могу не видѣть законовъ чистаго рефлекса и не могу не считать ихъ истинными. Разъ же допустивши это, всякому конечно позволительно открывать между какимъ ни на есть явленіемъ, напримѣръ сознательнымъ актомъ человѣка и рефлексомъ, сходство. Найдешь его (я въ этомъ убѣжденъ, но конечно мое убѣжденіе ни для кого не есть абсолютная истина) и говоришь, что процессъ сознательнаго акта человѣка и процессъ рефлекса одинаковы. Больше я ничего и не дѣлаю.

2) Принимая за исходную точку изслѣдованія явленія чистаго рефлекса, я конечно принимаю вмѣстѣ съ тѣмъ и гипотетическія стороны ученія о немъ. Напримѣръ мысль, что нервный центръ, связывающій чувствующій нервъ съ движущимъ, есть нервная клѣтка, представляетъ въ высшей степени вѣроятную, но все таки гипотезу. Принимая далѣе у человѣка центры, задерживающіе и усиливающіе рефлексы, я опять дѣлую гипотезу, потому что съ лягушки прямо переношу явленіе на человѣка. Присутствіе это въ высшей степени вѣроятно, но все-таки еще не положительно доказано. Но что же тогда все ваше ученіе? спросятъ меня. Чистѣйшая гипотеза, въ смыслѣ обособленія у человѣка трехъ механизмовъ, управляющихъ явленіями сознательной и безсознательной психической жизни (чисто отражательнаго аппарата, механизма, задерживающаго и усиливающаго рефлексы), отвѣчаю я. Кому гипотеза въ этомъ смыслѣ кажется слабой, плохо доказанной, или просто не нравится, тотъ можетъ конечно отвергнуть ее и дѣло черезъ это въ сущ-

ности ни сколько не пострадаетъ, потому что моя главная задача заключается въ томъ, чтобы доказать, что всѣ акты сознательной и безсознательной жизни, по способу происхожденія, суть рефлексы. Объясненія же, почему концы этихъ рефлексовъ въ однихъ случаяхъ ослаблены до нуля, въ другихъ, напротивъ, усилены, представляютъ вопросы уже второстепенной важности. Кто найдетъ лучше объясненіе, я первый порадуюсь.

3) Въ изслѣдованіи не упомянуто объ индивидуальныхъ особенностяхъ нервныхъ аппаратовъ у ребенка по рожденіи его на свѣтъ. Они безъ малѣйшаго сомнѣнія есть (племенныя и наслѣдственныя отъ ближайшихъ родныхъ), и особенности эти конечно должны отзываться во всемъ послѣдующемъ развитіи человѣка. Уловить ихъ однако нѣтъ никакой возможности, потому что въ неизмѣримомъ большинствѣ случаевъ характеръ психическаго содержанія на $^{999}/_{1000}$ дается воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ слова и только на $^{1}/_{1000}$ зависитъ отъ индивидуальности. Этимъ я не хочу конечно сказать, что изъ дурака можно сдѣлать умнаго: это было бы все равно, что дать человѣку, рожденному безъ слуховаго нерва, слухъ. Моя мысль слѣдующая: умнаго негра, лапландца, башкира, европейское воспитаніе въ европейскомъ обществѣ дѣлаетъ человѣкомъ, чрезвычайно мало отличающимся со стороны психическаго содержанія отъ образованнаго европейца. Вдаваться въ эти очень интересные сами по себѣ вопросы я, слѣдовательно, не могъ. Да въ этомъ съ моей точки зрѣнія не было и необходимости. Развивая ученіе объ актахъ сознательной жизни со стороны ихъ способа происхожденія, я имѣлъ передъ глазами очень совершенный психическій типъ. И если высказанныя мною основныя мысли приложимы къ дѣятельности такого типа, то онѣ тѣмъ паче имѣютъ значеніе для типовъ менѣе совершенныхъ.

4) Въ основу памяти и явленій воспроизведенія психическихъ образованій положена также гипотеза о скрытомъ состояніи нервнаго возбужденія. Гипотеза эта по своей сущности никому изъ натуралистовъ не покажется странною, тѣмъ болѣе, что явленія памяти въ главнѣйшихъ чертахъ имѣютъ, какъ показано, чрезвычайно много сходства съ явленіями ощутимыхъ свѣтовыхъ слѣдовъ, появляющихся вслѣдъ за каждымъ дѣйствительнымъ зрительнымъ возбужденіемъ. Въ пользу этого сходства можно привести, сверхъ сказаннаго въ текстѣ, еще слѣдующее. Извѣстно, что свѣтовой слѣдъ ощущается тѣмъ яснѣе, чѣмъ меньше свѣта дѣйствуетъ на глазъ послѣ его возбужденія внѣшнимъ предметомъ. Взглянувши на свѣчку, нужно закрыть глаза вѣками и при-

крыть ихъ еще рукою, чтобы свѣтовой слѣдъ отъ свѣчки былъ ясенъ. Это же условіе существуетъ и для воспроизведенія образовъ въ мысли. Мы всего яснѣе ощущаемъ ихъ во снѣ, когда на глазъ дѣйствуетъ очень мало свѣта и когда при томъ покоятся и другія чувства. Мечтать образами, какъ извѣстно, всего лучше въ темнотѣ и совершенной тишинѣ. Въ шумной, ярко освѣщенной комнатѣ мечтать образами можетъ развѣ только помѣшанный, да человѣкъ страдающій зрительными галлюцинаціями, болѣзнью нервныхъ аппаратовъ.

Какъ бы то ни было, а гипотеза о скрытомъ нервномъ возбужденіи, ни сколько не выходя изъ области физическихъ возможностей, объясняетъ самыя тонкія стороны психическихъ актовъ.

5) Наконецъ я долженъ сознаться, что строилъ всѣ эти гипотезы, не будучи почти вовсе знакомъ съ психологической литературой. Изучалъ только систему Бенеке, да и то во время студенчества. Изъ его же сочиненій познакомился, конечно въ самыхъ общихъ чертахъ, съ ученіемъ французскихъ сенсуалистовъ. Спеціалисты, т. е. психологи по профессіи, вѣроятно и укажутъ мнѣ вытекающіе отсюда недостатки моего труда. Я же имѣлъ задачей показать имъ возможность приложенія физіологическихъ знаній къ явленіямъ психической жизни, и думаю, что цѣль моя хотя отчасти достигнута. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и лежитъ оправданіе, почему я рѣшился писать о психическихъ явленіяхъ, не познакомившись напередъ со всѣмъ, что объ нихъ было писано, а зная лишь физіологическіе законы нервной дѣятельности.

Прочитавши этотъ длинный перечень гипотезъ, введенныхъ въ основу воззрѣній о происхожденіи психическихъ актовъ, читатель спроситъ себя, можетъ быть, еще разъ: да во имя чего же откажусь я отъ вѣры въ голосъ самосознанія, когда онъ говоритъ мнѣ донельзя ясно десятки разъ въ день, что импульсы къ моимъ произвольнымъ актамъ вытекаютъ изъ меня самого и не нуждаются, слѣдовательно, ни въ какихъ внѣшнихъ возбужденіяхъ, исключая развѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя поддерживаютъ жизнь тѣла.

Если сказаннаго до сихъ поръ было недостаточно, чтобы отстранить отъ головы моего читателя вопросъ такого рода, то я попрошу его вдуматься въ слѣдующія общеизвѣстныя явленія. Когда человѣкъ, сильно утомившись физически, засыпаетъ мертвымъ сномъ, то психическая дѣятельность такого человѣка падаетъ съ одной стороны до нуля—въ такомъ состояніи человѣкъ не видитъ сновъ,—съ другой, онъ отличается чрезвычайно рѣзкой безчувственностью къ внѣшнимъ раздраженіямъ: его не будитъ ни свѣтъ, ни сильный звукъ, ни даже самая

боль. Совпаденія безчувствія къ внѣшнимъ раздраженіямъ съ уничтоженіемъ психической дѣятельности встрѣчается далѣе въ опьяненіи виномъ, хлороформомъ и въ обморокахъ. Люди знаютъ это и никто не сомнѣвается, что оба акта стоятъ въ причинной связи. Разница въ воззрѣніяхъ на предметъ лишь та, что одни уничтоженіе сознанія считаютъ причиной безчувственности, другіе наоборотъ. Колебаніе между этими воззрѣніями однако невозможно. Выстрѣлите надъ ухомъ мертво-спящаго человѣка изъ 1, 2, 3, 100 и т. д. пушекъ, онъ проснется и психическая дѣятельность мгновенно появляется; а еслибы слуха у него не было, то можно выстрѣлить теоретически и изъ милліона пушекъ—сознаніе не пришло бы. Не было бы зрѣнія—было бы то же самое съ какимъ угодно сильнымъ свѣтовымъ возбужденіемъ; не было бы чувства въ кожѣ—самая страшная боль оставалась бы безъ послѣдствій. Однимъ словомъ, человѣкъ мертво-заснувшій и лишившійся чувствующихъ нервовъ, продолжалъ бы спать мертвымъ сномъ до смерти.

Пусть говорятъ теперь, что безъ внѣшняго чувственнаго раздраженія возможна хоть на мигъ психическая дѣятельность и ея выраженіе—мышечное движеніе.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ Г. КАВЕЛИНА:

„ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ".

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ Г. КАВЕЛИНА:

„ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ".

Принадлежа, подобно г. Кавелину, къ числу людей, считающихъ психологію неустановившейся наукой, и будучи, какъ онъ, убѣжденъ, что время для ея научной разработки уже наступило, я принимаю съ особеннымъ удовольствіемъ его любезное приглашеніе дѣлать замѣчанія на его книгу; — тѣмъ болѣе, что при этомъ случаѣ мнѣ удастся, можетъ быть, хоть нѣсколько разсѣять тѣ превратныя понятія, которыя существуютъ, къ сожалѣнію, въ публикѣ, и между прочимъ у самого г. Кавелина, относительно тѣхъ конечныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ современная физіолого-психологическая школа. При этомъ смѣю надѣяться, что какъ бы рѣзки ни показались г. Кавелину мои нападки на его основныя положенія (конечно, не по тону, а по сути дѣла), онъ не припишетъ ихъ ничему другому, кромѣ искренняго и горячаго желанія служить правдѣ. Въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, руководящимъ мотивомъ можетъ быть только желаніе выяснить истину. Имъ однимъ я и руководствуюсь.

I.

Между всѣми отраслями человѣческихъ знаній едва ли найдется наука, судьба которой была бы до такой степени странна, какъ судьба психологіи. Матеріалъ, надъ которымъ она работаетъ, —продукты самосознанія или самонаблюденія, провѣряемые подобными же наблюденіями

другихъ людей или собственными и чужими поступками — доступенъ ежеминутно человѣку, чуть не со времени его появленія на землѣ. Это не то, что, напр., кропотливый вѣковой трудъ химіи, которая должна была создать и до сихъ поръ продолжаетъ создавать себѣ самый матеріалъ изслѣдованія (всѣ почти газы, за исключеніемъ газовъ воздуха и немногихъ другихъ, вырывающихся изъ земли, всѣ почти металлы, за исключеніемъ благородныхъ, находимыхъ въ чистомъ состояніи, были найдены искусственнымъ путемъ). И нельзя сказать, чтобы психологическій матеріалъ, собранный путемъ самонаблюденія и наблюденій надъ другими, оставался неутилизированнымъ балластомъ, сбродомъ безсвязныхъ наблюденій и выводовъ. Нѣтъ, человѣкъ уже въ древности сталъ изучать свою духовную сторону, выходя изъ продуктовъ самонаблюденія. Онъ подмѣтилъ и самое внѣшнее выраженіе психическихъ движеній у человѣка, доказательствомъ чего служатъ великія произведенія древней скульптуры. Далѣе, знаніе человѣческаго сердца лежитъ въ основѣ всѣхъ законодательствъ и всѣхъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ; и какими глубокими знатоками этого сердца являются по временамъ моралисты въ родѣ Конфуція и поэты въ родѣ Шекспира! Всякій, читавшій произведенія великихъ художниковъ, конечно чувствовалъ, какой глубокой жизненной правдой дышатъ создаваемые ими типы. И вѣдь созданія эти не фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности; — нѣтъ, художникъ задумываетъ характеръ сначала лишь въ общихъ чертахъ, и уже потомъ, на основаніи психологическихъ знаній, вкладываетъ въ него извѣстныя чувства, мысли и заставляетъ его дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Съ виду это своего рода предсказаніе будущихъ явленій на основаніи знакомства съ производящими причинами — этотъ пробный камень истиннаго знанія.

Но и этимъ дѣло не ограничивается: надъ психологіей, какъ наукой, работали умы изъ самыхъ крупныхъ отъ Аристотеля до Канта...

И между тѣмъ психологія до сихъ поръ неустановившаяся наука, и доказать это можно очень наглядно въ нѣсколькихъ словахъ.

Если взять любого изъ патентованныхъ психологовъ, напр., какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по совѣсти, устроиваетъ ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ его наукой, или же руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой, — всякій долженъ будетъ отвѣтить, что онъ живетъ на послѣдній ладъ. Да и можетъ ли быть иначе? Еслибы психологи жили по-научному, то

результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, выработываемыя гигіеной и діэтетикой, хотя эти науки принадлежатъ тоже къ крайне мало развитымъ. Кромѣ того, попробуйте поговорить объ одномъ и томъ же предметѣ съ психологами разныхъ школъ,—что ни школа, то новое мнѣніе; а заведите для сравненія рѣчь хоть напр. о звукѣ, свѣтѣ, электричествѣ съ любымъ физикомъ любой страны — отъ всѣхъ въ сущности получите одинаковые отвѣты.

Что же за причина, что психологію до сихъ поръ нельзя назвать наукой? Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ въ своей книгѣ:

Человѣческое сознаніе переполнено такими фактами, выводы изъ которыхъ постоянно противорѣчатъ себѣ: человѣкъ сознаетъ себя цѣльнымъ, единичнымъ и въ тоже время отличаетъ въ себѣ два совершенно различныхъ начала, духовное и тѣлесное, онъ сознаетъ свою духовную свободу, и рядомъ съ этимъ видитъ, какое громадное вліяніе оказываютъ тѣло и вообще внѣшнія условія на душу; власть души надъ тѣломъ представляется ему съ неудержимою ясностью, но въ тоже время онъ сознаетъ, что послѣднее дѣйствуетъ по непреложнымъ законамъ, роковымъ образомъ (стр. 14 и 15).

Изъ этихъ противорѣчій, продолжаетъ г. Кавелинъ, родились, какъ желаніе объяснить ихъ, три главнѣйшихъ формы философскихъ ученій: дуализмъ, спиритуализмъ и матеріализмъ. Послѣдніе два силились объяснить всѣ явленія духовнаго и матеріальнаго міра изъ одного общаго начала — идеалисты изъ духовнаго, а матеріалисты изъ матеріальнаго (стр. 15). Идеализмъ, перетолковавшій и исказившій глубокія наблюденія Канта, быстро развился и быстро угасъ, договорившись въ ученіи Гегеля до несообразностей и нелѣпостей, которыя открыли наконецъ всѣмъ глаза на ложность основнаго начала идеалистическихъ воззрѣній (стр. 16).

Матеріализмъ же, въ свою очередь ошибочно истолковавшій геніальныя изслѣдованія Локка, оказался живучѣй. Въ настоящее время онъ старается примкнуть къ положительному знанію и естественнымъ наукамъ (стр. 16); но изъ критики его основныхъ доводовъ (стр. 27—35) оказывается, что дни и этого ученія уже сочтены, такъ какъ положительныя науки подкопали мало по малу всѣ основанія, на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, и непрочный обманчивый союзъ его съ естествознаніемъ только ускоритъ его паденіе.

Такъ какъ, по словамъ г. Кавелина, мы живемъ на развалинахъ этихъ противоположныхъ другъ другу, но одинаково фальшивыхъ, взглядовъ (стр. 16), то и понятно, что психологіи, какъ науки, не существуетъ.

Ниже я постараюсь показать, что къ этому разъясненію дѣла слѣдуетъ прибавить очень многое, притомъ крайне существенное; теперь же перехожу къ описанію средствъ, предлагаемыхъ г. Кавелинымъ для возведенія психологіи на степень положительной науки.

И въ его научной постройкѣ краеугольнымъ камнемъ всего зданія являются тѣ многочисленные факты, собранные житейской мудростью, которыми съ одной стороны для сознанія опредѣляются рѣзкія разницы между матеріальными и психическими явленіями, съ другой—выясняется тѣсная связь, существующая между душой и тѣломъ. Фактами этого рода, извѣстными впрочемъ всякому образованному человѣку, переполнена вся его книга. Но одними такими показаніями голоса сознанія г. Кавелинъ не довольствуется. Рядомъ съ тѣмъ, какъ онъ критикуетъ основные доводы матеріализма, направленные противъ *души, какъ отличнаго отъ тѣла, самостоятельнаго, самодѣятельнаго и свободнаго начала* (стр. 27—35), душа съ сказанными свойствами вытекаетъ у него, какъ логическій выводъ, изъ несостоятельности отрицающихъ ее доводовъ. Дальнѣйшій ходъ мысли у г. Кавелина таковъ:

„Хотя душа и тѣло отличны другъ отъ друга, но въ виду многочисленныхъ фактовъ, указывающихъ на ихъ тѣсную связь и глубокое взаимнодѣйствіе, они не могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть разсматриваемы, какъ *видоизмѣненія одного и того же начала* (стр. 55)“. (Этимъ г. Кавелинъ очевидно думаетъ устранить тотъ давній предлогъ къ спору о началахъ, который, по его мнѣнію, до сихъ поръ раздѣляетъ психологовъ на два враждебныхъ лагеря, на идеалистовъ и матеріалистовъ).

Затѣмъ у г. Кавелина идетъ вопросъ о способѣ разработки психологіи, который сдѣлалъ бы изъ нея положительную науку.

Признавая съ одной стороны заслуги физіологіи въ дѣлѣ изученія матеріальныхъ субстратовъ психическихъ явленій, съ другой находя, что душа и тѣло связаны въ человѣкѣ *непосредственнымъ, тѣснѣйшимъ органическимъ* образомъ, онъ полагаетъ, что психологія должна созидаться совмѣстными усиліями психологовъ, изучающихъ чисто психическіе факты, и физіологовъ, изучающихъ матеріальную подкладку ихъ (стр. 53). Такое раздѣленіе труда опредѣляется, по г. Кавелину,

тѣмъ, что психическіе факты, будучи недоступны реальному изслѣдованію, открыты одному лишь психическому зрѣнію (стр. 50).

Вопроса о разработкѣ матеріальныхъ субстратовъ психическихъ явленій г. Кавелинъ конечно не касается; но по отношенію къ изслѣдованію психическихъ фактовъ, при помощи психическаго зрѣнія, у него встрѣчаются слѣдующія соображенія:

Такъ какъ внѣшній міръ извѣстенъ намъ только по производимымъ имъ на насъ впечатлѣніямъ, которыя представляютъ явленія психическаго свойства (стр. 22), поэтому различіе, предполагаемое между матеріальнымъ и психическимъ міромъ, на самомъ дѣлѣ сводится къ различію между психическими данными, хотя и различныхъ порядковъ, но по существу своему однородными (стр. 52).

Такъ какъ, съ другой стороны, внѣшнія проявленія человѣческаго духа въ наукѣ, исторіи, искусствахъ, промышленности и проч. издавна подвергаются научной обработкѣ, подобно матеріальнымъ объектамъ естествовѣдѣнія, т.-е. проявленія эти устанавливаются въ ихъ объективной дѣйствительности, очищаются отъ постороннихъ примѣсей, произвольныхъ толкованій и пр. (стр. 23); поэтому психическіе факты совсѣмъ не такъ шатки и недоступны для *положительнаго* изученія, какъ многіе думаютъ, и такъ-называемыя положительныя точныя науки не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ науками о психической сторонѣ человѣка. Какъ тѣ, такъ и другія основываютъ свои выводы на критически-обработанныхъ впечатлѣніяхъ (стр. 24). Отсюда уже ясно видно, что главнѣйшимъ матеріаломъ для изученія психическихъ фактовъ г. Кавелинъ считаетъ проявленія человѣческаго духа въ наукахъ, искусствахъ, промышленности и пр.; методъ же разработки долженъ быть такъ-называемый критическій.

Понятно также, что на основаніи только-что приведенныхъ выдержекъ, относительно характера такого изученія, психологія, какъ наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ (стр. 11), должна сдѣлаться *положительной* наукой.

Здѣсь мы пока и остановимся, чтобы разобрать по порядку всѣ элементы психологической системы г. Кавелина, т.-е. исходныя точки, приводящія его къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ, и затѣмъ его взглядъ на способъ разработки психическихъ фактовъ.

Теперь я постараюсь доказать: 1) что исходные пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина (а слѣдовательно и у

отжившихъ идеалистовъ и у отживающихъ матеріалистовъ) не аксіомы и требуютъ строгой научной провѣрки; 2) что г. Кавелинъ, переходя отъ конкретныхъ фактовъ сразу къ общимъ началамъ, впадаетъ въ ту же громадную ошибку, которая погубила всю философію. Такимъ образомъ, здѣсь вмѣстѣ съ разборомъ исходныхъ пунктовъ системы г. Кавелина, у меня будутъ разъяснены причины, почему философскія ученія, на обломкахъ которыхъ мы живемъ, рушились и оставили психологію непочатой наукой.

Главнѣйшихъ поводовъ къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина три (о прочихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ): 1) различіе для сознанія между чисто психическими актами, какъ мысль, и впечатлѣніями отъ своего тѣла, подобными впечатлѣніямъ отъ внѣшняго міра; 2) сознаніе человѣкомъ духовной свободы по отношенію къ мыслямъ, чувствамъ и 3) къ поступкамъ.

Послѣдніе два рода фактовъ ведутъ къ разбираемому выводу на томъ основаніи, что тѣло сознается въ то же время подчиненнымъ непреложнымъ законамъ матеріальнаго міра.

Г. Кавелинъ конечно согласится, что если имѣть въ виду только *сознаваемыя* человѣкомъ отличія между чисто психическими фактами и такъ-называемыми впечатлѣніями отъ внѣшняго міра, то отличія эти во всякомъ случаѣ будутъ *продуктами одного только собственнаго самосознанія*. Что же касается до увѣренности въ томъ, что всякій человѣкъ сознаетъ эти различія одинаковымъ образомъ, то она основывается на двухъ фактахъ: а) на словесныхъ показаніяхъ людей, что реально-видимое, слышимое, осязаемое и проч. выражается болѣе рѣзкими признаками въ сознаніи, чѣмъ представленія, въ формѣ мысли, о тѣхъ же видѣнныхъ и слышанныхъ предметахъ; б) на томъ, что люди вообще розно реагируютъ на реальныя впечатлѣнія и на воспроизведенія ихъ въ формѣ мысли. Человѣкъ, видя на землѣ камень, который ему нравится, подниметъ его съ земли, а вспоминая объ этомъ самомъ камнѣ, онъ не сдѣлаетъ никакого движенія. Есть, правда, еще и третій критерій, которымъ человѣкъ пользуется для отличенія мысли отъ реальнаго впечатлѣнія — это сравненіе условій происхожденія того и другаго акта, приводящее къ заключенію, что реальное впечатлѣніе всегда предполагаетъ реальный объектъ, какъ производящую причину, а дума о видѣнной вещи возможна и безъ того, чтобы послѣдняя была передъ глазами. Но если вдуматься хоть немного въ дѣло, то легко убѣдиться, что этотъ

критерій не усиливаетъ, а наоборотъ ослабляетъ различіе, давая сознанію возможность какъ-будто объяснить его [1]).

Изъ голоса самосознанія, при помощи приведенныхъ провѣрокъ на другихъ людяхъ, и выводится *убѣжденіе*, что между чисто психическими фактами мышленія и реальными впечатлѣніями существуетъ *громадное* различіе.

Посмотримъ однако, можно ли довѣряться безусловно приведеннымъ провѣрочнымъ фактамъ.

Если человѣкъ говоритъ вамъ, что въ одномъ случаѣ ощущеніе у него ярко, въ другомъ значительно слабѣе, то на этомъ дѣло и кончается; насколько оно одинъ разъ ярче, другой слабѣе, судить мы не можемъ. Знаемъ только изъ общежитія, что есть люди способные очень рѣзко вообразить себѣ видѣнное или слышанное и есть такіе, которые на воображеніе тупы. Стало быть, въ дѣлѣ *яркости*, единственномъ *сознаваемомъ* отличіи между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ, существуютъ крайнія градаціи, отъ случая тупаго воображенія до болѣзненныхъ галлюцинацій. Гдѣ же та пропасть, которая отдѣляетъ, по мнѣнію г. Кавелина, физическія ощущенія отъ воспроизведеній ихъ въ формѣ мысли?

Но, можетъ быть, критерій для ихъ различенія данъ разницами въ реакціяхъ человѣка на реальныя и воспроизводимыя впечатлѣнія?

И въ этомъ отношеніи между людьми оказываются такія же, притомъ совершенно параллельныя различія, какъ и въ дѣлѣ яркости воспроизведенія. У живаго человѣка воспоминаніе объ отвратительномъ можетъ вызвать тошноту, или по крайней мѣрѣ гримасу, соотвѣтствующую тошнотѣ; воспоминаніе объ ужасномъ вызываетъ дрожь въ тѣлѣ; когда живой человѣкъ разсказываетъ о событіи, онъ невольно повторяетъ тѣ движенія глазъ, рукъ и ногъ, которыя дѣйствительно имѣли мѣсто [2]).

---

[1]) При этомъ я считаю необходимымъ слѣдующую оговорку. Для того, чтобы дѣло различенія психическихъ фактовъ отъ реальныхъ впечатлѣній не было пустой забавой, слѣдуетъ сравнивать между собой однородныя величины: реально видимое съ образными представленіями, реально слышимое на словахъ съ мыслями въ формѣ словъ и пр. Если же сравнивать между собой видимое глазами съ представленіями о томъ же на словахъ, а тѣмъ болѣе съ какимъ-нибудь отвлеченнымъ мышленіемъ о предметѣ, неимѣющимъ ничего общаго съ видѣннымъ, напр., сравнивать впечатлѣніе отъ дерева съ мыслью о китайскомъ императорѣ, то это будетъ случай сопоставленія несоизмѣримыхъ величинъ.

[2]) Не могу не вспомнить по этому поводу слѣдующаго случая: разъ ко мнѣ приходитъ незнакомый мнѣ врачъ и проситъ меня объяснить явленіе, которое онъ

Итакъ, обѣ провѣрки не указываютъ тѣхъ глубокихъ различій, которыми руководствуется г. Кавелинъ вслѣдъ за отжившими философскими школами. Если же эти различія кажутся ему очень рѣзкими, то это или особенность его личной организаціи, или результатъ сопоставленія между собою несоизмѣримыхъ случаевъ. Послѣдняго я, конечно, не допускаю, и потому мнѣ остается думать, что г. Кавелинъ послушался голоса самосознанія; о самосознаніи же онъ самъ говоритъ (стр. 21) такъ: *„еслибы одно только сознаніе установляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи“*.

Первый доводъ къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ такимъ образомъ устраненъ.

Второй пунктъ есть власть человѣка надъ мыслью и чувствомъ, неимѣющая никакой аналогіи во внѣшнемъ мірѣ и тѣлѣ.

Г. Кавелинъ принадлежитъ къ философской школѣ, принимающей существованіе такой власти, но самъ же онъ упоминаетъ, на стр. 126-й своей книги, что существуетъ и противоположное мнѣніе, притомъ довольно распространенное.

Ясно, что по словамъ самого же г. Кавелина второй пунктъ шатокъ.

Критиковать здѣсь третій пунктъ было бы слишкомъ долго, поэтому я отсылаю читателя къ концу этого сочиненія, гдѣ весь вопросъ разобранъ систематически, и гдѣ я стараюсь показать, что довѣряться голосу самосознанія и въ этомъ послѣднемъ пунктѣ опасно.

Но, положимъ даже, что не только этотъ третій пунктъ, но и оба предыдущіе — аксіомы, и тогда г. Кавелинъ все-таки погубилъ бы всю свою систему своимъ дальнѣйшимъ шагомъ, именно переходомъ сразу, съ-плеча, отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, съ цѣлью разъяснить первые послѣдними. Всѣ предшествовавшія философскія системы погибли не оттого только, что онѣ силились вывести весь міръ изъ

умѣетъ воспроизвести на себѣ передъ моими глазами. Я попросилъ сдѣлать опытъ. Онъ, засучивъ рукавъ, подержалъ голую руку съ полминуты передъ моими глазами и на ней появилась мало по малу гусиная кожа, какъ отъ холода, хотя въ комнатѣ было тепло. Зная, что мышцы кожи, производящія это явленіе, не подчинены волѣ, я сказалъ ему, что онъ вѣроятно умѣетъ ясно представить себѣ, что ему холодно. Врачъ отвѣтилъ, что онъ именно такъ и дѣлаетъ, когда хочетъ произвести свой опытъ. Тогда я сказалъ ему, что въ смыслѣ процесса между реальнымъ впечатлѣніемъ отъ холода и яснымъ представленіемъ о холодѣ существуетъ сходство; оттого и внѣшнія послѣдствія одинаковы.

какого-нибудь одного начала, но еще и оттого, что онѣ считали вообще возможнымъ *объяснить* что̀ бы то ни было общимъ началомъ.

Ошибочность такого пріема я постараюсь выяснить примѣрами изъ естественныхъ наукъ, успѣхи которыхъ признаетъ самъ г. Кавелинъ.

Физика и химія занимаются, какъ извѣстно, матеріальными явленіями, слѣдовательно для нихъ матерія есть тоже общее начало. Онѣ и признаютъ его, перенося на матерію тѣ общія свойства, которыя выработаны изученіемъ матеріальныхъ конкретныхъ явленій Въ этомъ смыслѣ говорится: матерія всегда занимаетъ пространство, измѣримое въ трехъ направленіяхъ, имѣетъ вѣсъ, неразрушима, непроницаема, можетъ дробиться до безконечности и инертна. Говоря все это, никакой натуралистъ однако ни на минуту не забываетъ, что перечисленныя свойства суть отвлеченія отъ реальныхъ фактовъ, повторяющихся на каждомъ шагу, тогда какъ за общимъ понятіемъ „матерія" скрывается съ одной стороны чисто логическое отвлеченіе, съ другой — выводъ изъ противуположенія всего матеріальнаго пространствамъ, ненаполненнымъ матеріальнымъ веществомъ, напр. безвоздушному пространству въ барометрѣ и колоколѣ воздушнаго насоса, или небесному пространству за предѣлами нашей атмосферы и пр. Первая половина сказаннаго становится сразу понятной, если попробовать отнести такъ-называемыя общія свойства матеріи къ какой угодно конкретной матеріальной формѣ, напр. камню, объему воды или воздуха. Здѣсь эти свойства, такъ-сказать, осязательны, тогда какъ въ приложеніи къ родовому понятію, т.-е. матеріи, они становятся необходимыми аттрибутами ея только въ силу логическаго мышленія. Вотъ, еслибы натуралисты открыли вдругъ такое тѣло, свойства котораго исчерпывались бы протяженіемъ въ трехъ направленіяхъ: вѣсомъ, неразрушаемостью, непроницаемостью и пр., т.-е. одними общими свойствами матеріи, — тогда матерія перестала бы быть одною логической формой. На этомъ-то основаніи въ упомянутыхъ мною наукахъ, успѣхами которыхъ человѣчество не только гордится, но и пользуется, нѣтъ ни единаго объясненія, ни единаго вывода, ни единаго открытія, которое выходило бы изъ представленій о матеріи, какъ общемъ началѣ. Наоборотъ, всякій натуралистъ, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, постоянно опирается на такъ-называемыя общія свойства матеріи, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, или отношенія.

Дѣло другаго рода, когда вы коснетесь интимныхъ вѣрованій, чаяній натуралистовъ; химикъ можетъ сказать вамъ тогда, что современемъ многія изъ веществъ, считаемыхъ теперь простыми, вѣроятно окажутся сложными, а физикъ станетъ предвѣщать, что современемъ всѣ физи-

ческія проявленія матеріи вѣроятно сведутся на чисто механическія движенія. Стремленія къ такому упрощенію явленій, естественно ведущія за собой переходъ отъ большаго къ меньшему многообразію, чрезвычайно рѣзко развиты какъ въ физикѣ, такъ и въ химіи, хотя въ послѣдней наукѣ это достигается съ виду и парадоксальнымъ путемъ, именно ежедневнымъ умноженіемъ конкретныхъ фактовъ. И если позволительно судить о будущихъ успѣхахъ обѣихъ наукъ въ названномъ направленіи по полученнымъ уже ими результатамъ, то можно предполагать, что общее понятіе „матерія" будетъ становиться все болѣе и болѣе реальнымъ. Полной же реальностью она можетъ стать лишь въ то время, когда всѣ выводы физики и химіи сольются въ единичномъ законѣ.

Понятно поэтому, что никто изъ натуралистовъ не посягаетъ на „матерію", какъ общее начало. Она представляетъ идеальную точку, въ сторону которой направлены ихъ усилія; но точка эта для нихъ еще въ густомъ туманѣ, и идутъ они къ ней, руководясь не ею, а тѣми ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которые раскрываются передъ наукой при ея медленномъ, послѣдовательномъ движеніи впередъ.

Философы же древняго закала, и вслѣдъ за ними г. Кавелинъ, сразу махаютъ въ своей области съ почвы конкретныхъ фактовъ въ густѣйшій туманъ общаго начала. Оставьте душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ! вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: г. Кавелинъ выходитъ въ своей философской системѣ изъ фактовъ шаткихъ, непровѣренныхъ, и дѣлаетъ вслѣдъ затѣмъ тотъ самый шагъ, который главнѣйшимъ образомъ погубилъ философію. Ниже, впрочемъ, мы увидимъ, что была еще третья причина, способствовавшая ея паденію.

На эти разсужденія я ожидаю однако возраженія, что мною разобраны до сихъ поръ только главнѣйшіе поводы къ отличенію двухъ началъ въ человѣкѣ. Поэтому и перехожу теперь къ критикѣ г. Кавелина, направленной противъ матеріализма, изъ которой душа выходитъ у него какъ *отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣятельное и свободное начало* (стр. 17—40).

Общее знамя, подъ которымъ ходятъ, по мнѣнію г. Кавелина, ма-

теріалисты всѣхъ временъ (конечно, только научные; о салонныхъ говорить здѣсь не мѣсто) заключается въ стремленіи *объяснять духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала.* О матеріалистахъ прошлаго времени я спорить не стану; что же касается до современныхъ, къ которымъ онъ очевидно относитъ физіологовъ по профессіи, то смѣю увѣрить г. Кавелина, что его утвержденіе — горькая ошибка. Всякій натуралистъ, мало-мальски знакомый съ естественными науками, особенно физикой и химіей, очень ясно сознаетъ смыслъ слова „*объяснить*", чтобы написать на своемъ психологическомъ знамени такую нелѣпость. Тѣмъ болѣе физіологъ, который знаетъ, что вся существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже настолько, чтобы сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ. Такія капитальныя ошибки, какъ утвержденіе г. Кавелина, происходятъ именно оттого, что не-натуралисты слишкомъ играютъ словомъ „объяснить". Напримѣръ, найдетъ натуралистъ какую-нибудь чисто внѣшнюю аналогію со стороны происхожденія между актомъ завѣдомо психическимъ и соматическимъ, у не-натуралистовъ выходитъ тотчасъ же изъ этого, что *все* психическое явленіе сведено на матеріальныя условія.

Могу завѣрить г. Кавелина, что психическія явленія составляютъ для натуралиста несравненно большую загадку, чѣмъ для гуманистовъ, и это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго.

Детальная критика доводовъ матеріализма начинается у г. Кавелина (стр. 27) съ разсужденій чисто логическаго свойства, изъ которыхъ онъ самъ не выводитъ ничего рѣшительнаго, такъ какъ къ выводамъ прибавляется, то „*мы думаемъ*", то „*развѣ*", или же напередъ говорится „*о непредубѣжденномъ умѣ*".

Второй пунктъ, напротивъ, очень важенъ (стр. 27—8). Матеріалисты, по словамъ г. Кавелина, отвергаютъ *самостоятельность* и *самодѣятельность* души на основаніи того, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ. Контръ-аргументъ г. Кавелина заключается въ слѣдующемъ: растенія и животныя тоже вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю *самобытности* и *самодѣятельности.* Не знаю, что хотѣлъ сказать г. Кавелинъ словомъ *самобытность,* но если это эквивалентъ самостоятельности, то онъ очевидно впалъ въ противорѣчіе съ собой, утверждая въ то же время, что организмы *вполнѣ зависятъ* отъ окружающей среды. Что же касается до *самодѣятельности,* то подъ этимъ нельзя разу-

мѣть ничего иного, кромѣ способности развивать изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность. Если это такъ, то г. Кавелинъ ошибается—наука строго доказываетъ въ отношенiи животнаго, что оно не творитъ силъ, а вѣдь всякая дѣятельность предполагаетъ силу. Единственная кажущаяся независимость животнаго отъ окружающей среды,—это фактъ продолженiя жизни при голоданiи; но онъ обусловливается лишь тѣмъ, что всякое животное носитъ въ своемъ тѣлѣ избытокъ вещества, который и расходуется на дѣятельность во время голоданiя.

Эта же ошибочная мысль повторяется у г. Кавелина и на стр. 31-й, по поводу сравненiя души съ животными и растенiями относительно привхожденiя въ нихъ чуждыхъ имъ по природѣ элементовъ (почему воздухъ и минеральныя вещества чужды по природѣ веществамъ растенiя, или растительная и минеральная пища чужда веществамъ животнаго тѣла, остается при этомъ загадкой).

Третiй аргументъ въ пользу самодѣятельности (вѣрнѣе, своеобразности?) души формулированъ такъ: „будь психическiя явленiя въ непосредственной зависимости отъ условiй и законовъ внѣшней природы, представленiя были бы фотографическими оттисками впечатлѣнiй внѣшняго мiра". Рѣчь идетъ очевидно о своеобразности той переработки, которой подвергается сырой матерiалъ внѣшнихъ впечатлѣнiй. На такую общую аргументацiю всякiй натуралистъ можетъ отвѣтить примѣрно слѣдующимъ образомъ: если взять два разныхъ металла, напр. цинкъ и мѣдь, и опустить ихъ однимъ концомъ въ какую-нибудь кислоту, хоть уксусъ, а свободные, то-есть непогруженные концы соединить проволокой, то въ послѣдней происходятъ явленiя, непохожiя ни на свойства металловъ, ни на свойства уксуса: — если проволоку перерѣзать, то въ мѣстѣ перерыва появляется искра; если въ мѣсто перерыва вставить тонкую платиновую проволоку, она раскаляется до-красна; если проволокой, соединяющей мѣдь съ цинкомъ обмотать кусокъ желѣза, то онъ дѣлается магнитомъ и пр. Отсюда видно, что, говоря вообще, своеобразность результирующихъ явленiй и ихъ отличiе отъ производящихъ нисколько не указываетъ еще на различiе между тѣми и другими *по существу*. Съ этой точки зрѣнiя уже становится излишнимъ останавливаться на приводимыхъ г. Кавелинымъ созданiяхъ воображенiя въ формѣ головы медузы, минотавра и пр., тѣмъ болѣе, что эти образы представляютъ, говоря словами самого же г. Кавелина, лишь съ маленькой подчеркнутой прибавкой, „небывалыя въ мiрѣ сочетанiя *бывалыхъ* впечатлѣнiй". Вотъ, еслибы человѣкъ въ состоянiи былъ творить такiя соче-

танія, въ которыхъ былъ бы по крайней мѣрѣ хоть одинъ *дѣйствительно неземной* элементъ, тогда самостоятельное творчество души было бы конечно доказано.

Сверхъ этого, смѣю завѣрить г. Кавелина, что въ книгѣ Вундта есть указанія на то, что между организаціей, напр., глаза и уха съ одной стороны и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній съ другой, существуетъ несомнѣнная связь. Я постараюсь съ своей стороны привести впослѣдствіи нѣсколько примѣровъ подобнаго рода.

Четвертый аргументъ (стр. 30) въ пользу самодѣятельности души формулированъ такъ: „разнообразная масса психическихъ явленій и вытекающихъ изъ нихъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка происходятъ безъ всякихъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, подъ однимъ лишь вліяніемъ психическихъ мотивовъ“,—и только.

Такими голословными утвержденіями научныя истины очевидно не доказываются. Что же кромѣ голоса самосознанія говоритъ въ подобныхъ случаяхъ, что внѣшняго толчка не было? а потомъ нужно вѣдь еще доказать, что его не было и по отношенію къ возникновенію психическаго мотива.

Пятый аргументъ трактуетъ о произвольности движеній, то-есть опять о третьемъ пунктѣ изъ основныхъ доводовъ для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ, поэтому опять отсылаю читателя къ концу статьи. Здѣсь же считаю необходимымъ лишь маленькое личное объясненіе по поводу начала пятаго аргумента (стр. 31) у г. Кавелина. Онъ говоритъ: „матеріализмъ не отрицаетъ всѣхъ этихъ фактовъ, но объясняетъ ихъ по-своему. То, что мы называемъ психическимъ процессомъ, то въ его глазахъ нервный или головной рефлексъ, который не предполагаетъ ни особой психической среды, ни участія воли и совершается механически“. Г. Кавелинъ разумѣетъ здѣсь, очевидно, меня; но онъ впадаетъ въ большую ошибку, приписывая мнѣ полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Въ книгѣ моей, извѣстной подъ именемъ „Рефлексовъ головнаго мозга“, дѣйствительно выставляется гипотеза о рефлексо-образномъ (слѣдовательно, машино-образномъ) способѣ происхожденія типическихъ формъ психическихъ процессовъ мысли и страсти; но о сущности психическихъ процессовъ, въ смыслѣ объясненія ихъ, напримѣръ, устройствомъ нервныхъ центровъ, нигдѣ нѣтъ и помину. Г. Кавелинъ введенъ въ ошибку очевидно заглавіемъ книги. Происхожденіе же этого заглавія слѣдующее: когда статья была представлена въ цензуру, ея истинное имя было таково: „*Попытка свести способъ происхожденія психическихъ явленій на физіологическія основы*“; но

цензура нашла это заглавіе неудобнымъ и потребовала отъ меня новаго. Долго я придумывалъ и наконецъ остановился на извѣстномъ всѣмъ имени, и не предчувствуя, сколько недоразумѣній вызовутъ эти слова, казавшіяся мнѣ невинными.

Послѣ этого г. Кавелинъ переходитъ къ ссылкѣ матеріалистовъ въ ихъ отрицаніяхъ психическаго начала на то обстоятельство, что психическая сфера животныхъ заключаетъ будто бы въ себѣ зачатки всѣхъ душевныхъ способностей человѣка. По мнѣнію г. Кавелина, у животныхъ существуютъ зачатки мышленія, или по крайней мѣрѣ соображенія, зачатки рѣчи, стремленіе къ общественности, чувство и умѣнье приспособлять внѣшнюю природу къ своимъ нуждамъ и потребностямъ. Но онъ говоритъ, что ни у одного животнаго нѣтъ и намека на способность изваять статую, нарисовать картину, начертать планъ или фасадъ, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу.

Еслибы подобный вопросъ былъ предложенъ Дарвину, занимавшемуся болѣе другихъ вопросами объ отношеніи животныхъ къ человѣку, то онъ, вѣроятно, попросилъ бы, во-первыхъ, г. Кавелина разложить каждую изъ приведенныхъ имъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ милліоны разъ. Кто знаетъ, можетъ быть зачатки этихъ элементарныхъ способностей и оказались бы на лицо. По крайней мѣрѣ данныя въ пользу присутствія эстетическаго чувства у нѣкоторыхъ животныхъ есть. Напримѣръ, въ Австраліи живетъ птица, плащеносецъ, которая украшаетъ очень прихотливо мѣсто любовныхъ свиданій; самки соловья и вообще всѣхъ пѣвчихъ птицъ любятъ пѣніе самцовъ и пр. Съ другой стороны, самъ г. Кавелинъ не отказываетъ животнымъ въ умѣ, а я полагаю, что для рисованья, черченья и писанья едва ли что нужно съ психической стороны, кромѣ развитаго до человѣческой степени ума и эстетическаго чувства.

Итакъ, и второй пріемъ, употребленный г. Кавелинымъ для установленія двухъ началъ въ человѣкѣ и для квалификаціи одного изъ нихъ, оказался неудавшимся.

Затѣмъ, г. Кавелинъ пытается, какъ онъ самъ говоритъ, опредѣлить строеніе души болѣе подробнымъ образомъ, и плодомъ этихъ исканій является *сознательность*, *идеальность* всего психическаго и способность души раздвояться. Но разбирать эти доводы будетъ удобнѣе въ другомъ мѣстѣ, когда мы будемъ говорить о результатахъ, достигнутыхъ г. Кавелинымъ.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о мысли, что *духъ* и *матерія суть видоизмѣненія одного и того же начала*, и затѣмъ обратимся

подробно къ разбору способа обработки психическихъ явленій, рекомендуемаго г. Кавелинымъ.

Выше было уже замѣчено, что разбирая общеизвѣстные факты, указывающіе на тѣсную связь души и тѣла, г. Кавелинъ чисто логически былъ наведенъ на мысль, что при такомъ условіи они не могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть видоизмѣненіями одного и того же начала. Мысль эта по сущности не представляетъ ни малѣйшей важности, потому что и общее начало, видоизмѣняющееся въ душу и тѣло, и самыя видоизмѣненія его остаются у г. Кавелина пустыми абстрактами. Она не важна и съ логической стороны, потому что, сколько я знаю, противоположными другъ другъ бываютъ обыкновенно только однородныя вещи. Но важно то, что подобная мысль высказывается человѣкомъ, воспитавшимся на преданіяхъ идеалистическихъ школъ. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ громадную уступку вѣянію новаго времени. Особенно, еслибы г. Кавелинъ призналъ, что между причинами, побудившими его формулировать такую мысль, играютъ нѣкоторую роль признаваемые имъ самимъ нерѣдкіе случаи, когда нормально-свободная душа вдругъ становится подчиненной законамъ физической природы, или когда произвольныя движенія переходятъ, какъ онъ выражается, въ непроизвольныя. Когда психическіе факты проанализированы уже до этой степени, они могутъ не составлять довода для всякаго серьезнаго ума, что между свободой и несвободой должны быть постепенныя градаціи.

Способъ разработки психическихъ фактовъ заключается у г. Кавелина въ томъ, что орудіемъ является у него психическое зрѣніе; матеріаломъ—проявленія человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусства и проч.; методомъ—критическое умозрѣніе.

Что касается до психическаго зрѣнія, то хотя г. Кавелинъ и нигдѣ не квалифицируетъ его (разъ, на стр. 101, онъ говоритъ, впрочемъ, что психическое познается *непосредственно*; стало быть, онъ, очевидно, считаетъ, что познаваемое и познающее сливаются другъ съ другомъ), но такъ какъ въ психологіи оно уже давнишній гость, то говорить о немъ можно и безъ этого.

Въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія кладется преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки (послѣдніе, конечно, въ формѣ мысли), нашептываемая ему голосомъ самосознанія. Всякій знакомъ съ этимъ явленіемъ по собствен-

ному опыту, и потому распространяться о самомъ фактѣ нечего; для насъ важно только разъясненіе его.

Мои доказательства противъ существованія особаго психическаго органа для анализа будутъ троякія: первое взято у *метафизика* Гербарта, второе принадлежитъ мнѣ, третье почерпнуто у самого г. Кавелина.

Первое доказательство.—Представимъ себѣ, что человѣкъ анализируетъ свои поступки (прошлые или будущіе — это пока все равно) словами. Анализъ можетъ имѣть, очевидно, только такую форму, даже въ самомъ сложномъ случаѣ: пошелъ я туда-то,—*и зачѣмъ это меня понесло туда?*—прихожу; онъ дѣлаетъ то-то; *еслибы не моя разсѣянность, я конечно замѣтилъ бы, что дѣлать того-то не слѣдуетъ,* и пр., и пр., въ этомъ родѣ.

Если относиться къ этой рѣчи самосознанія непосредственно, безъ всякой предвзятой мысли, то выходитъ, что анализирующимъ субъектомъ будетъ не какой-нибудь особенный психическій органъ, а цѣлое *я*. Допустимъ это. Черезъ минуту я могу анализировать, какъ показываетъ только что высказанная выше мысль, свой собственный анализъ, т.-е. отдѣлять анализатора отъ анализируемаго; и въ этомъ анализѣ второй степени анализирующее *я* будетъ уже одной степенью выше, чѣмъ *я* въ первомъ случаѣ.

То же самое выйдетъ, если, наперекоръ прямому голосу самосознанія, поставить между *я* и анализируемымъ особый психическій органъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что онъ по существу однороденъ съ *я* и, слѣдовательно, сливается съ нимъ.

Еслибы, вмѣсто анализа поступковъ, я взялъ случай анализа мыслей, то степень послѣдняго *я* была бы еще выше. Такимъ образомъ выходило бы, что у насъ не одно, а три психическихъ зрѣнія, несмотря на то, что объекты для всѣхъ трехъ органовъ въ сущности одинаковы.

Къ этому Гербартъ прибавляетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „внѣшніе органы чувствъ служатъ намъ пока могутъ, а если служить отказываются, то мы знаемъ почему; внутреннее же чувство повременамъ прислушивается ко всему, что происходитъ въ тайникахъ нашего сердца (многое, впрочемъ, присочиняя отъ себя), а въ другой разъ оказывается такимъ тупымъ и лѣнивымъ, что иногда, напр., мы хотя и сознаемъ, что въ головѣ у насъ была мысль, а вспомнить ее не можемъ“.

Второе доказательство.—Первый случай, когда анализируется прошлое.

Въ этомъ случаѣ весь психическій актъ, который мы называемъ анализомъ, состоитъ частью изъ *прямаго воспоминанія* случившагося, частью изъ придаточныхъ мыслей, *новыхъ* по отношенію къ анализируемому случаю, но *старыхъ* потому, что онѣ уже бывали въ сознаніи и прежде, и притомъ въ сочетаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя содержатся въ анализѣ. Въ приведенкомъ выше примѣрѣ половина фразъ, напечатанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ, составляетъ простое воспоминаніе, а фразы, напечатанныя курсивомъ, — придаточныя разсужденія; и конечно всякій согласится безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что появленіе какъ первыхъ, такъ и вторыхъ въ сознаніи вполнѣ объясняется, *какъ воспроизведеніе ряда ассоціацій.*

Второй случай—когда анализируется будущее.

Этотъ случай отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что здѣсь на мѣсто прошлаго ставится имѣющійся въ виду поступокъ, предстоящее рѣшеніе какой-нибудь задачи и пр., другая же половина остается прежняя. Но вѣдь, конечно, для всякаго обдумываемаго будущаго поступка, послѣдній, какъ психическій фактъ, долженъ быть данъ сознаніемъ напередъ, т.-е. передъ обдумываніемъ или анализомъ; стало быть здѣсь актъ обдумыванія есть опять-таки воспроизведеніе психическаго факта, уже до этого бывшаго въ сознаніи. Объясненіе это одинаково легко прилагается какъ къ обыденнымъ случаямъ анализа мыслей и поступковъ со стороны ихъ правильности, полезности и пр., такъ и къ примѣрамъ научнаго анализа мыслей и поступковъ, хоть, напр., психологическаго, потому что даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ обдумываетъ дѣйствительно въ первый разъ, что такое мысль или чувство, всѣ элементы для анализа готовы у него напередъ.

Высказанное объясненіе приложимо и къ тому случаю, когда изъ анализа представленій вытекаетъ что-нибудь совершенно новое, напр. случай научнаго творчества. И здѣсь открытіе, въ формѣ какого-нибудь научнаго вывода, никогда не является какъ deus ex machina сразу: всѣ элементы его уже напередъ были въ сознаніи, но только не группировались еще, до момента открытія надлежащимъ образомъ.

Объясненіе наше приложимо наконецъ и къ такимъ случаямъ, когда между обсуждаемымъ объектомъ и данными нашего сознанія не можетъ существовать со стороны содержанія, повидимому, ни малѣйшей связи; когда, напр., ребенокъ, вообразивъ себя королемъ или полководцемъ,

начинаетъ думать о томъ, какъ онъ будетъ предводительствовать народами и войсками,—вѣдь даже въ этихъ случаяхъ король и полководецъ выкраиваются по мѣркѣ, даваемой сознаніемъ ребенка.

Третье доказательство. — Г. Кавелинъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что мы не можемъ знать внѣшняго міра независимо отъ впечатлѣній, производимыхъ имъ на насъ. Съ другой стороны, на стр. 101-й онъ говоритъ, что психическіе факты мы сознаемъ *непосредственно,* при помощи внутренняго зрѣнія. Далѣе, изъ процесса раздвоенія души (стр. 102 и т. д.) у него выходитъ, что подъ непосредственностью сознанія онъ долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ психическихъ фактовъ по существу. Этотъ рядъ мыслей встрѣчается и у Бенеке; но тотъ, вѣруя въ непосредственность познанія всего психическаго и въ то же время думая, что по методу психологія, какъ опытная наука, стоитъ на ряду съ естествовѣдѣніемъ, заключаетъ изъ этого совершенно логически, что она уже теперь въ существенныхъ пунктахъ не отстала *ни отъ одной* изъ естественныхъ наукъ, а въ будущемъ обѣщаетъ и превзойти всѣхъ ихъ (Lehrb. d. Psychologie als Naturwissenschaft. 3 Aufl. Berl. 1861, см. введеніе). Какъ же можетъ послѣ этого г. Кавелинъ утверждать, что психологія, какъ наука, не существуетъ? Что-нибудь одно: или весь его трактатъ о внутреннемъ зрѣніи негоденъ, или г. Кавелинъ непослѣдователенъ.

Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ; а существуетъ „дѣйствительно“ такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія.

Но, можетъ быть, ключъ къ разумѣнію психическихъ процессовъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ въ томъ широкомъ историческомъ изученіи всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія, о которомъ говоритъ г. Кавелинъ?

При той осторожности, съ которой долженъ быть сдѣланъ выборъ между способами изслѣдованія, обходить такой крупный вопросъ невозможно.

Къ сожалѣнію, мое образованіе въ этомъ направленіи крайне ничтожно, и потому я принужденъ пользоваться лишь небольшимъ числомъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ, чтобы сдѣлать выводы.

При этомъ задача моя будетъ заключаться единственно въ томъ, чтобы выяснить на нѣсколькихъ рѣзкихъ примѣрахъ, до какихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ историческаго изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности.

Понятно, что по важности въ этомъ отношеніи должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ памятники, оставленные по себѣ древнѣйшимъ человѣкомъ, и продукты психической дѣятельности современныхъ дикарей, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ зачатками психической дѣятельности. Поэтому мы и начнемъ съ фактовъ, относящихся до такъ-называемаго ископаемаго человѣка, открытыхъ геологами новѣйшаго времени, освѣщая ихъ, гдѣ нужно, данными изъ жизни современныхъ дикарей (все, относящееся до ископаемаго и вообще до-историческаго человѣка, взято мною изъ сочиненія: „L'homme fossile en Europe, son industrie, ses moeurs et ses oeuvres d'art, par H. Le Hon).

Древнѣйшая эпоха въ Европѣ, въ которой, рядомъ съ костями человѣка, встрѣчаются уцѣлѣвшіе памятники его дѣятельности, соотвѣтствуетъ времени, когда въ Европѣ жилъ такъ называемый пещерный медвѣдь, мамонтъ, покрытый волосами носорогъ и пр. Эпоха эта считается удаленной отъ насъ не менѣе, чѣмъ на 20,000 лѣтъ. За весь этотъ первый періодъ существованія человѣка, длящійся тысячи лѣтъ, вмѣстѣ съ его останками находятъ въ землѣ слѣдующіе продукты его дѣятельности (я нарочно выписываю *всѣ*, безъ пропусковъ):

1) Каменное оружіе: топоры, ножи, дротики, наконечники копьевъ; 2) оружіе изъ кости и рога: наконечники стрѣлъ; 3) заостренныя иголки изъ кости (для шитья одежды?); 4) родъ ножей изъ рога; 5) просверленные насквозь зубы медвѣдя (эти находки, объясняемыя какъ предметы самоукрашенія, еще крайне рѣдки); 6) обломки грубой глиняной посуды (чрезвычайно еще рѣдки). Кромѣ того изъ другихъ находокъ выводятъ заключеніе, что человѣкъ охотился даже на такихъ большихъ звѣрей, какъ мамонтъ и носорогъ; 8) зналъ употребленіе огня; и наконецъ 9) дѣлалъ приношенія умершимъ (предположеніе Ларте относительно значенія грота въ Ориньякѣ).

Факты эти показываютъ, что человѣкъ уже той отдаленной эпохи изобрѣлъ оружіе для дѣйствія вблизь и вдаль, придавая ему форму наиболѣе удобную для рѣзанья и колотья; изобрѣлъ орудія для грубой механической домашней работы (топоры и ножи) и глиняную посуду; выучился добывать искусственно огонь и, наконецъ, имѣлъ представ-

ленія о загробной жизни. Все же вмѣстѣ показываетъ въ немъ существо разумное, стоящее, наприм., несравненно выше всѣхъ обезьянъ.

Посмотримъ, однако, какъ объясняется происхожденіе всѣхъ этихъ примитивныхъ изобрѣтеній. Для изобрѣтенія оружія, дѣйствующаго вблизь и вдаль, особаго ума, какъ это показываютъ обезьяны, не нужно; извѣстно, что онѣ дерутся палками, бросаютъ въ непріятеля камни и скатываютъ ихъ съ горъ. Извѣстно также, что онѣ разбиваютъ камнями кокосовые орѣхи и потому мысль употреблять матеріаломъ для различныхъ орудій камень—тоже крайне элементарна. Но человѣкъ ушелъ значительно впередъ въ томъ отношеніи, что онъ сталъ придавать орудіямъ извѣстную форму, то колющую, то форму лезвея. Легко понять, что на эту мысль онъ могъ быть наведенъ въ теченіи тысячи лѣтъ случаями пораненія себя или другихъ острыми осколками камней, шипами растеній и пр. Также легко понять и то, что кромѣ камня онъ сталъ употреблять для подѣлокъ обглоданныя кости и рога убитыхъ животныхъ, являвшіеся столько же подручнымъ матеріаломъ, какъ камень.

Что касается до наклонности къ самоукрашенію, то источники ея навѣрно столько же инстинктивны, какъ вкусы ребенка ко всему яркоокрашенному и блестящему. Дарвинъ приводитъ въ исторіи происхожденія человѣка чрезвычайно многочисленные примѣры кокетства животныхъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ природныхъ качествъ. Отсюда до самоукрашенія, очевидно, небольшой шагъ (татуированіе дикарей, продѣваніе колецъ черезъ ноздри, украшеніе головы перьями птицъ и пр. и пр.). Относительно хода изобрѣтенія глиняной посуды, Ле-Гонъ приводитъ въ высшей степени остроумное, и притомъ крайне вѣроятное, соображеніе. Вотъ его слова: Глина съ перваго же времени должна была служить для человѣка средствомъ дѣлать занасы воды въ пещерахъ (гдѣ человѣкъ жилъ). Простая яма въ глыбѣ глины служила бассейномъ, который наполнялся водою, приносимою съ рѣки въ звѣриныхъ кожахъ. Впослѣдствіи, чтобы сдѣлать этотъ снарядъ подвижнымъ, его стали очищать отъ излишка глины и сушить на солнцѣ, для приданія ему твердости. Еще позднѣе, выдѣланныя грубыя формы стали подвергаться дѣйствію огня, такъ какъ онъ придавалъ имъ большую крѣпость, чѣмъ теплота солнца. Таковъ-то былъ корень...“.

Какимъ способомъ ископаемый человѣкъ этого періода добывалъ огонь, неизвѣстно; но познакомиться съ нимъ онъ могъ, во-первыхъ, изъ вулканическихъ явленій; во-вторыхъ, изъ искръ при обработкѣ кремневаго оружія. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что процессъ добыванія огня могъ быть только болѣе или менѣе близкимъ воспроиз-

веденіемъ условій или какого-нибудь натуральнаго, или случайнаго явленія, сопровождавшихся развитіемъ огня.

Что касается, наконецъ, существовавшаго уже у этихъ первобытныхъ людей обряда приношенія различныхъ предметовъ умершимъ, предполагающаго вѣру въ загробную жизнь, то явленіе это можетъ, очевидно, объясняться только по аналогіи съ соотвѣтствующими вѣрованіями современныхъ дикарей. Въ послѣднемъ же отношеніи знаменитое сочиненіе Тэйлора: „Primitive culture", одинаково поражающее и глубиною свѣдѣній, и здравостью мысли, и ясностью выводовъ, представляетъ указанія, вполнѣ исчерпывающія вопросъ. Онъ доказываетъ, во-первыхъ, что представленіе о загробной жизни принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ; во-вторыхъ, что оно является результатомъ сновидѣній и сравненія соннаго состоянія здороваго человѣка или забытья въ болѣзняхъ, со смертью. Подобно тому, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ душа временно отлетаетъ отъ тѣла и встрѣчается въ своихъ странствованіяхъ съ умершими друзьями, родственниками и пр., такъ и въ смерти душа отлетаетъ въ область тѣней или умершихъ, но уже съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ тѣло.

Все же, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что ископаемый древнѣйшій человѣкъ умѣетъ не только подмѣчать условія явленій, но и объяснять ихъ на основаніи аналогіи, равно какъ отыскивать между ними причинную связь, и наконецъ комбинировать эти условія въ форму опыта. Другими словами уже ископаемый человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ главнѣйшіе умственные элементы творчества.

Чрезъ 5000 лѣтъ послѣ описанной эпохи, въ періодъ, соотвѣтствующій распространенію сѣвернаго оленя по Европѣ, ископаемый европейскій человѣкъ сдѣлалъ лишь слѣдующіе успѣхи: 1) усовершенствовалъ выдѣлку оружія; 2) къ орудіямъ домашней работы прибавилъ пилу (каменную) и молотокъ; 3) научился сшивать звѣриныя шкуры иголками изъ рога и фибрами сухожилій, вмѣсто нитокъ; 4) сталъ ясно заботиться о самоукрашеніи, дѣлая ожерелья изъ цѣльныхъ раковинъ, зубовъ животныхъ и бѣлыхъ кружковъ, искусственно выточенныхъ изъ морскихъ раковинъ; наконецъ, 5) сталъ заниматься свободными искусствами. Памятниками послѣдняго являются: грубое скульптурное изображеніе женщины изъ слоновой кости; рисунокъ цѣлаго мамонта, выгравированный на пластинкѣ изъ того же матеріала, рисунки лося, лошади, зубра и наконецъ даже бой двухъ оленей.

Изобрѣтеніе пилы и молотка относится, очевидно, въ категорію изобрѣтенія рѣжущихъ и колющихъ снарядовъ. Въ основѣ портняжнаго

искусства лежитъ, конечно, умѣнье скрѣплять или связывать предметы какимъ-нибудь гибкимъ тѣломъ, напр. прутьями, пучками травы и пр. Для развитія же послѣдняго искусства природа представляетъ бездну поучительныхъ примѣровъ, въ формѣ вьющихся растеній, скрѣпленія и подвѣшиванія птичьихъ гнѣздъ, паутины пауковъ, коконовъ гусеницъ и пр. Въ этихъ натуральныхъ фактахъ есть элементы не только для грубаго портняжнаго искусства, но и для фабрикаціи веревокъ и тканей, и мы встрѣчаемъ въ самомъ дѣлѣ первые слѣды того и другаго уже въ періодъ свайныхъ построекъ, который считается удаленнымъ отъ насъ по крайней мѣрѣ на 5000 лѣтъ. Объ инстинктивности наклонности къ самоукрашенію мы уже говорили; здѣсь же я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, придравшись къ искусственнымъ кружкамъ съ отверстіемъ въ серединѣ, употреблявшимся какъ украшеніе. Извѣстно, что колесо и рычагъ, конечно въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, служатъ основными элементами всѣхъ нашихъ машинъ, а между тѣмъ оба они изобрѣтены человѣкомъ въ до-историческія времена; про употребленіе рычага разсказываютъ даже путешественники, что его знаютъ обезьяны. И какъ, повидимому, легко было человѣку дойти до употребленія колеса, какъ средства передвиженія: стоило вложить въ отверстіе какого-нибудь игрушечнаго кружка палецъ и прокатить колесо по плоскости; а между тѣмъ прошли тысячи лѣтъ прежде чѣмъ человѣкъ додумался до утилизированія такого простаго факта.

Что касается, наконецъ, до примитивныхъ произведеній скульптуры и живописи, то корни этого искусства кроются въ непонятной для насъ, но явственно присущей человѣку инстинктивной наклонности подражать видимому и слышимому. Мы очень хорошо сознаемъ, что еслибы ребенокъ воспитался среди коровъ, не видя кромѣ нихъ никакого другаго живаго существа, то онъ вѣроятно сталъ бы ходить на четверенькахъ и навѣрно мычать по-коровьему, хотя мы и не понимаемъ, почему это. Извѣстно далѣе, что дикари большіе мастера подражать голосу и тѣлодвиженіямъ животныхъ; подражанія же послѣдняго рода есть уже своего рода живопись и скульптура. Придайте къ этому только развитую человѣческую руку, вооружите ее самымъ грубымъ орудіемъ, и въ результатѣ навѣрно явится линейное очертаніе или скульптурное воспроизведеніе предмета, дѣйствующаго на воображеніе. Толкованіе это станетъ еще понятнѣе, если сравнить физіологическія условія, имѣющія мѣсто съ одной стороны при процессѣ перцепціи линейнаго контура предмета, съ другой при воспроизведеніи этого контура рукой. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ, какъ извѣстно, группы мышцъ, и оба орга-

на, глазъ и рука, двигаются параллельно другъ другу, обводя, такъ сказать, весь контуръ предмета. Все дѣло значитъ въ томъ, чтобы рука пріучилась слѣдовать за глазомъ; такіе же случаи, при самыхъ грубыхъ механическихъ работахъ, представляются на каждомъ шагу.

Если отъ этихъ зачатковъ индустріи и искусства у человѣка мы обратимся къ чисто интеллектуальной сферѣ первобытныхъ людей, напр. современныхъ дикарей, и именно къ ихъ философскимъ воззрѣніямъ на себя и на окружающую природу, то встрѣчаемся, по Тэйлору (Primitive culture), на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры съ слѣдующими двумя главными фактами: 1) человѣкъ отличаетъ въ себѣ душу отъ тѣла, вкладывая въ первую все психическое содержаніе своей жизни, все свое нравственное *я*; 2) это воззрѣніе онъ распространяетъ на всѣ предметы внѣшняго міра, отъ животныхъ и растеній, до палки и камня включительно. Такое *одушевленіе* всѣхъ внѣшнихъ предметовъ является до такой степени всеобщимъ, что Тэйлоръ считаетъ его, или, какъ онъ выражается, *анимизмъ*, самымъ первобытнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

Главнѣйшимъ поводомъ къ отличенію души отъ тѣла въ человѣкѣ Тэйлоръ признаетъ то обстоятельство, что дикари считаютъ сновидѣнія реальностями; и если вдуматься хорошенько въ тотъ длинный путь, какимъ человѣкъ доходитъ до убѣжденія, что грёзы настолько же не имѣютъ реальной подкладки, какъ воспоминанія, то такое объясненіе является крайне вѣроятнымъ, потому что даже для насъ, при обиходномъ воззрѣніи на дѣло, независимость души отъ тѣла нигдѣ не проявляется съ такою ясностью, какъ въ фактахъ сновидѣній.

Выработавъ разъ такое воззрѣніе на собственную природу, дикарь поступаетъ уже совершенно логично, перенося его цѣликомъ на всѣ остальные предметы внѣшняго міра, потому что другой мѣрки для философскаго познанія послѣдняго у него нѣтъ. Восходя по ступенямъ культуры выше и выше, Тэйлоръ приходитъ къ заключенію, что изъ этого общаго корня произошли всѣ послѣдующія философскія міросозерцанія.

Такимъ образомъ, *корень всѣхъ философскихъ ученій о тѣлѣ, душѣ и предметахъ внѣшняго міра* основывается (по словамъ Тэйлора) на дѣйствительныхъ, но ложно-истолкованныхъ фактахъ. Къ этому, ради нашихъ спеціальныхъ цѣлей, можно было бы прибавить еще: „на фактахъ, взятыхъ изъ обыденной жизни и ложно истолкованныхъ потому, что дикарь слишкомъ непосредственно относится къ голосу самосознанія“.

Въ сущности же и въ дѣлѣ философіи первобытный человѣкъ является съ тѣми же основными психическими задатками, какъ и современный мыслитель, руководящійся единственно голосомъ самосознанія.

Въ заключеніе, разберемъ съ психологической стороны исторію какихъ-нибудь естественно-научныхъ вопросовъ, напримѣръ, дарвинизма, гальванизма, и вопросъ о переходѣ механическаго движенія въ теплоту.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ резюмируется, какъ извѣстно, слѣдующею мыслью: виды образуются черезъ постепенное уклоненіе недѣлимыхъ отъ общаго имъ всѣмъ типа, путемъ естественнаго подбора. Подъ послѣднимъ же разумѣется слѣдующее: между недѣлимыми одного и того же типа, населяющими данную мѣстность, идетъ непрерывная борьба за существованіе — соперничество въ дѣлѣ обезпеченія всѣхъ нуждъ матеріальнаго существованія, — и изъ этой борьбы выходятъ побѣдителями тѣ, которые или сильнѣе, или ловчѣе, или быстрѣе, словомъ тѣ, которые, вслѣдствіе маленькихъ отличій въ организаціи, могутъ лучше примѣняться къ условіямъ данной мѣстности. Побѣдители, въ силу закона наслѣдственности, производятъ въ цѣломъ потомство уже болѣе принаровленное къ данной мѣстности, и слѣдовательно болѣе уклонившееся по организаціи отъ первоначальнаго типа. На членахъ этого поколѣнія повторяется та же исторія: побѣдителями остаются опять наиболѣе способные, и дѣло, продолжаясь изъ рода въ родъ, ведетъ наконецъ за собою уже столь рѣзкія уклоненія организаціи отъ первоначальнаго типа, что разница становится равнозначущей видимому отличію.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ сложилась эта теорія. Самъ Дарвинъ говоритъ, что въ основѣ ея лежитъ извѣстное всякому изъ общежитія улучшеніе домашнихъ породъ путемъ искусственнаго подбора недѣлимыхъ на племя. Второй же элементъ его теоріи, то-есть борьбу за существованіе, ему могла бы дать, хоть, наприм., картина людскаго общества. Что касается до первой половины, то въ основѣ ея лежатъ крайне-элементарныя наблюденія, принадлежащія къ категоріи фактовъ въ родѣ того, что у большихъ ростомъ отца и матери и дѣти бываютъ большія, отъ рыжихъ родителей родятся и дѣти рыжія и проч. Отъ того-то эти факты, составляющіе въ совокупности законъ наслѣдственной передачи признаковъ, извѣстны и утилизируются уже давно даже простымъ народомъ. Вторая половина, то-есть мысль о борьбѣ за существованіе, принадлежитъ, правда, къ выводамъ несравненно высшаго порядка, но все же всякій согласится, что въ основѣ ея лежатъ наблюденія, выхваченныя изъ обыденной жизни; поэтому мысль эту вѣрнѣе

считать продуктомъ житейскаго опыта, чѣмъ научнымъ отвлеченіемъ. И выходитъ, стало-быть, что одна изъ самыхъ плодотворныхъ и блистательныхъ гипотезъ новѣйшаго времени сложилась въ сущности изъ элементовъ, выработанныхъ опытомъ обыденной жизни.

Гальванизмъ родился, какъ извѣстно, изъ слѣдующаго опыта: Гальвани, желая изучить вліяніе атмосферическаго электричества на сокращеніе мышцъ (необходимо замѣтить, что сокращеніе мышцъ отъ пропусканія чрезъ нихъ разрядовъ электричества, напр., разрядовъ лейденской банки, было тогда уже извѣстно), привѣсилъ разъ обнаженныя отъ кожи заднія ноги лягушки къ горизонтальной перекладинѣ желѣзной рѣшетки своего балкона; крючокъ, которымъ онѣ были подвѣшены, былъ мѣдный и проходилъ черезъ кусокъ спиннаго мозга, оставшійся въ связи съ ногами. При этомъ Гальвани замѣтилъ, что каждый разъ, какъ свободные концы ногъ, раскачнувшись отъ вѣтра, прикасались къ желѣзу, происходило вздрагиваніе мышцъ. Подмѣтивъ условія этого явленія, онъ воспроизвелъ его въ слѣдующей, болѣе чистой формѣ: отпрепарировалъ мышцу съ нервомъ, взялъ металлическій прутъ, согнутый въ дугу, и сталъ прикасаться концами прута одновременно къ мышцѣ и нерву—вздрагиваніе происходило и теперь, и было особенно рѣзко, когда концы прута были не изъ одного, а изъ двухъ разныхъ металловъ. Накладываніе металлической дуги на нервъ и мышцу въ этой формѣ съ виду очень напоминало прикладываніе металлическаго разрядника къ лейденской банкѣ, и такъ какъ въ то время было уже извѣстно, что при разрядахъ послѣдней черезъ мышцу, или черезъ мышцу и нервъ, происходитъ вздрагиваніе, то Гальвани поступилъ и послѣдовательно и научно, выведя изъ этого опыта заключеніе, что мышца съ своимъ нервомъ представляетъ подобіе лейденской банки, именно, что мышца соотвѣтствуетъ ея наружной обкладкѣ, а нервъ внутренней. Вольта, повторяя эти наблюденія, скоро однако замѣтилъ, что Гальвани въ своемъ объясненіи факта не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что удача опыта зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ металлической разнородности концовъ дуги, — разнородности, которая, по отношенію къ разряднику лейденской банки, не имѣетъ никакого значенія. Зоркій глазъ Вольты быстро увидалъ послѣ этого, что въ явленіе должны быть замѣшаны три фактора: два разныхъ металла, въ соприкосновеніи съ тѣломъ, пропитаннымъ жидкостью, — и плодомъ этой геніальной догадки былъ, какъ извѣстно, Вольтовъ столбъ.

Исторія этого открытія особенно интересна въ томъ отношеніи, что она начинала собою совершенно новый рядъ фактовъ, по крайней мѣрѣ

со стороны производящихъ причинъ, и потому казалось бы, что здѣсь нужно ожидать рѣзкихъ указаній на психологическую сторону творчества. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ слѣдующее: вся заслуга Вольты (я разумѣю съ психологической стороны) передъ Гальвани заключается въ томъ, что онъ, не успокоившись, какъ тотъ, уже на готовомъ объясненіи, взглянулъ на дѣло прямо, безъ всякой задней мысли, и потому вѣрно оцѣнилъ условія явленія. Главная психологическая работа этимъ у него заканчивалась, потому что затѣмъ ему оставалось воспроизвесть условія явленія, т. е. сочетать два металла и жидкость такимъ же образомъ, какъ они сочетались въ опытѣ Гальвани — работа уже чисто подражательная.

Перехожу, наконецъ, къ третьему примѣру. Извѣстно, что фактъ развитія теплоты при треніи знаютъ даже дикари, потому что они пользуются имъ для искусственнаго добыванія огня. Не смѣю утверждать, что они ставятъ горѣніе и развитіе теплоты въ причинную связь между собой, но нужно полагать, что — да, потому что для этого достаточно потереть хоть разъ въ жизни рука объ руку. Какъ бы то ни было, но мысль эта, ставящая треніе какъ причину, а теплоту какъ послѣдствіе, исповѣдывалась людьми съ незапамятныхъ временъ до настоящаго столѣтія, т. е. ужъ по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ лѣтъ. И въ такой-то длинный промежутокъ времени люди забывали слѣдующее простое обстоятельство: такъ какъ треніе необходимо предполагаетъ движеніе, т. е. движущую силу, — слѣдовательно цѣлое явленіе слагается не изъ двухъ факторовъ, какъ въ приведенномъ выше объясненіи, а изъ трехъ. Когда эта недомолвка была наконецъ исправлена, то причиной, производящей теплоту, и оказалась механическая сила, а треніе низошло на степень условія, способствующаго переходу послѣдней въ первую.

Фактъ этотъ опять показываетъ, что элементы научныхъ истинъ иногда цѣликомъ подготовляются дикарями, и тогда нужна только извѣстная группировка этихъ элементовъ, чтобы изъ нихъ вышло болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Не могу не вспомнить по этому случаю одного факта, видѣннаго мною въ Кенсингтонскомъ музеѣ и поразившаго меня въ высшей степени. Въ отдѣленіи музыкальныхъ инструментовъ, между прочими первообразами ихъ, находится слѣдующій снарядъ, принадлежащій какому-то африканскому племени негровъ: висятъ двѣ веревки, расходясь нѣсколько книзу, между ними укрѣплены, какъ перекладины въ веревочной лѣстницѣ, деревянныя дощечки, которыя имѣютъ, такимъ образомъ, разную длину и соотвѣтствуютъ дощечкамъ общеизвѣстныхъ деревянныхъ или

стеклянныхъ гармоникъ. Характерная же сторона инструмента заключается въ томъ, что позади каждой дощечки, въ одномъ уровнѣ съ нею, но отдѣльно отъ нея, укрѣплены разной величины глиняные горшечки— очевидно резонаторы, настроенные на тотъ изъ тоновъ каждой доски, который слышится при постукиваніи ея всего сильнѣе. Такимъ образомъ оказывается, что африканскіе негры предвосхитили одну изъ блистательнѣйшихъ мыслей Гельмгольца—употреблять рядъ полыхъ сферическихъ резонаторовъ, настроенныхъ на разные тоны.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ примѣровъ я позволю себѣ слѣдующіе два вывода:

1) Если обратиться съ психическимъ анализомъ даже къ самымъ зачаточнымъ проявленіямъ цивилизаціи въ человѣческомъ обществѣ, то мы встрѣчаемъ уже человѣка одареннымъ всѣми тѣми умственными средствами, которыя дѣлаютъ изъ него наблюдателя, мыслителя, ученаго и художника. Трудно думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы на изобрѣтеніе, напр., искусственнаго способа добыванія огня, или способа выработки изъ рудъ желѣза, мѣди и пр. потрачено было менѣе умственной энергіи, чѣмъ на любое изъ новѣйшихъ техническихъ или научныхъ открытій. Притомъ, психическіе факторы, работавшіе въ томъ и другомъ случаѣ, мы не можемъ не признать за тождественные. Мысль эту можно, я полагаю, скрѣпить слѣдующимъ соображеніемъ: еслибы до-историческихъ изобрѣтателей искусственнаго огня и приготовленія бронзы перенести съ дѣтства въ XIX-е столѣтіе, то изъ нихъ вышли бы знаменитые физики, химики или техники.

2) Хотя психолого-историческое изученіе памятниковъ человѣческой дѣятельности и не открыло бы для насъ тайны психическихъ процессовъ, но оно дѣйствительно было бы въ высшей степени важно въ томъ отношеніи, что имъ опредѣлился бы на точныхъ основаніяхъ преемственный ходъ развитія всего психическаго содержанія человѣка, по мѣрѣ накопленія знаній. Плоды такого изученія можно наглядно представить въ слѣдующемъ примѣрѣ: оно выяснило бы ту преемственную цѣпь аналогій, при посредствѣ которыхъ умъ человѣческій сдѣлалъ изъ телѣги локомотивъ и желѣзную дорогу, или какимъ образомъ изъ мечты человѣка (можетъ быть, ребенка ископаемаго періода) летать подобно птицѣ, развилось и совершенствуется искусство летать по воздуху. Особенно важно было бы такое изслѣдованіе по отношенію къ языкамъ первобытныхъ народовъ и ихъ философскимъ ученіямъ, потому что только этимъ путемъ окончательно устранилось бы злоупотребленіе словами и абстрактными понятіями, какъ психическими реальностями.

Признаюсь откровенно, имѣя въ рукахъ такой бѣдный запасъ фактовъ, какъ приведенный, я не посмѣлъ бы отказать способу изученія психическихъ явленій, рекомендуемому г. Кавелинымъ, въ способности открыть тайны психическихъ процессовъ, еслибы, помимо приведенныхъ примѣровъ, не руководствовался слѣдующимъ общимъ соображеніемъ,

Всякій психологъ, встрѣчаясь съ любымъ памятникомъ умственной дѣятельности человѣка и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости долженъ подкладывать изобрѣтателю памятника и собственную мѣрку наблюдательности, и собственныя представленія о способности пользоваться аналогіями, дѣлать выводы и пр. Внѣ этой мѣрки анализъ, очевидно, невозможенъ. Поэтому-то и выходитъ, что древній изобрѣтатель огня представляется намъ по силѣ творчества не ниже какого-нибудь Лавуазье. Дѣло другаго рода, еслибы изъ памятниковъ разныхъ эпохъ можно было съ увѣренностью заключить, что вотъ тогда-то человѣкъ не умѣлъ еще наблюдать, тогда-то онъ еще не пользовался аналогіями и проч.; но вѣдь это, очевидно, невозможно; въ самомъ крайнемъ случаѣ можно только сказать, что тогда-то онъ наблюдалъ плохо, въ этотъ періодъ лучше и проч.

Итакъ, не отрицая важности матеріала, рекомендуемаго г. Кавелинымъ, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что не въ немъ лежитъ средство къ разсѣянію тьмы, окружающей психическіе процессы.

Не могу не закончить этого пункта слѣдующими гадательными соображеніями о неупомянутыхъ г. Кавелинымъ мотивахъ, вѣроятно заставившихъ его предлагать для созданія психологіи столь обширный матеріалъ, взамѣнъ обыкновенно-употребляемыхъ наблюденій изъ обыденной жизни. Ему не могли быть неизвѣстны слѣдующія два обстоятельства: психическій матеріалъ, выработанный обыденной жизнью, лежалъ въ неизмѣнной противъ настоящаго формѣ передъ рядомъ такихъ великихъ умовъ, какъ Декартъ, Лейбницъ и Кантъ; орудіе изслѣдованія было у нихъ то же самое — психическое зрѣніе; аналитическая сторона ума у нихъ была громадная... и между тѣмъ психологію они оставили неустановившейся наукой. Значитъ, долженъ былъ соображать г. Кавелинъ, матеріалъ, которымъ они пользовались, былъ или негоденъ, или плохо разработанъ. Признаюсь откровенно, разсуждая только такимъ образомъ, мнѣ становятся понятными со стороны г. Кавелина рѣзкіе отзывы о голосѣ самосознанія тамъ, гдѣ онъ говоритъ о матеріалѣ, изъ котораго должна черпать психологія, и слѣпая вѣра въ тотъ же самый голосъ (когда онъ говоритъ, напр., объ *я*, раздвоеніи души и пр.), въ мѣстахъ удаленныхъ отъ этой главы.

Перехожу, наконецъ, къ третьему пункту, т. е. къ методу изслѣдованія.

Въ виду того, что историческое изученіе памятниковъ дѣятельности человѣческой приводитъ изслѣдователя по необходимости къ изученію обыденной психической жизни, вопросъ этотъ становится роковымъ для всего зданія г. Кавелина. Слѣдовать открыто и со стороны метода за отжившею школою идеалистовъ, т. е. употреблять въ дѣло съ начала до конца дедукцію, онъ, очевидно, не рѣшается; а съ одной умозрительной индукціей сдѣлать изъ сырого психическаго матеріала обыденной жизни ничего нельзя, какъ это показываетъ вѣковой опытъ. При этомъ условіи психологія на вѣчныя времена останется сборомъ вѣрныхъ наблюденій, рядомъ съ обманами голоса сознанія. Впрочемъ, еслибы даже изученіе памятниковъ дѣятельности человѣческой и не приводило изслѣдователя къ столь печальнымъ для г. Кавелина результатамъ, изъ его воззрѣнія на методъ все-таки не вытекало бы его радужныхъ ожиданій, что въ дѣлѣ разработки матеріала естественныя науки не имѣли бы преимущества передъ психологіей, и послѣдняя стала бы положительной наукой о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

Въ дѣлѣ всякаго изученія важно собственно не то, будетъ ли методъ индуктивный, или дедуктивный а употребленіе такихъ пріемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрять полученный результатъ. Одна только чистая и прикладная математика составляютъ, повидимому, исключеніе изъ этого правила, такъ какъ здѣсь истины, притомъ абсолютныя, могутъ быть достигаемы и безъ провѣрки, путемъ одного математическаго умозрѣнія. Но дѣло въ томъ, что между всѣми родами умозрѣній математическое, поскольку оно выражается выкладками или геометрическими построеніями, есть самое вынужденное: отыскивая новую истину, математикъ не только выходитъ изъ аксіомъ или истинъ, но и въ теченіи всего развитія вопроса каждый свой шагъ опираетъ на истину. Понятно, что такое умозрѣніе не можетъ не быть безгрѣшнымъ, и потому выводы его не требуютъ никакой дальнѣйшей провѣрки. Но за предѣлами простыхъ пространственныхъ и количественныхъ отношеній, въ области сложныхъ явленій, куда не могъ еще проникнуть математическій анализъ, наиболѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрочнымъ орудіемъ является опытъ. Умозрѣніе, какъ справедливо говоритъ г. Кавелинъ на стр. 4-й, играетъ, конечно, роль и здѣсь, но дѣло въ томъ, что въ опытныхъ наукахъ на него наложена узда данными опыта, конечно, менѣе крѣпкая, чѣмъ узда математическихъ истинъ, но все же непозволяющая умозрѣнію зарвать-

ся далеко отъ почвы дѣйствительности. Спускаясь ниже въ област явленій, уже недопускающихъ опыта, умозрѣніе съ его аттрибутами дѣйствительно становится полновластнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умаляется въ громадныхъ размѣрахъ и степень достовѣрности выводовъ, такъ что человѣчество было принуждено призвать ему на помощь въ новѣйшее время статистическій методъ. Послѣдній, къ сожалѣнію, крайне трудно приложимъ къ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ человѣкѣ; но при возможности приложенія онъ несомнѣнно повелъ бы и въ этой области къ несравненно болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ анализъ при посредствѣ одного психическаго зрѣнія. И добро бы умозрѣніе довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ фактовъ; нѣтъ, вѣрное древнимъ философскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, общія начала, забывая при этомъ, что всѣ философскія системы, построенныя по типу дедукціи, дискредитировали самое имя философіи.

Неужели всѣ эти общеизвѣстные факты недостаточно еще осязательны для людей, которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ, съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой темной области, какъ психическая, гдѣ нѣтъ аксіомъ и только одни неразрѣшенные вопросы! Ужъ конечно такого запаса было слишкомъ довольно у великихъ математиковъ, работавшихъ надъ философіей; а между тѣмъ, что вышло изъ ихъ усилій? Впрочемъ, ихъ великая память нисколько не страдаетъ отъ этихъ ошибокъ, обусловленныхъ временемъ: въ ту пору, когда они дѣйствовали, не существовало еще тѣхъ отраслей знанія, которыя однѣ даютъ твердыя точки опоры для первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ.

Знанія эти, какъ будетъ показано ниже, создались только на нашей памяти, и потому понятно, что психологія остается еще непочатой наукой.

Итакъ, 1) исходныя точки системы г. Кавелина шатки; 2) внезапный переходъ его отъ конкретныхъ фактовъ къ общему началу составляетъ ничѣмъ неоправдываемый въ настоящее время научный промахъ; 3) рекомендуемое имъ спеціальное орудіе для психическаго изслѣдованія оказывается фикціей; 4) въ матеріалѣ, который онъ рекомендуетъ для разработки, не заключается условій для разгадки тайны психическихъ процессовъ; безъ особенной же, совершенно непредвидимой, помощи со стороны этого матеріала, 5) весь его способъ сводится на чистое умозрѣніе. И потому, 6) психологія не можетъ стать на этихъ основаніяхъ на степень положительной науки.

Лучшимъ доказательствомъ приведенныхъ выводовъ можетъ служить вторая часть сочиненія г. Кавелина, въ которой онъ пробуетъ примѣнять свои общія начала къ разработкѣ частныхъ вопросовъ, а именно: 1) явленій, стоящихъ на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ (стр. 59 — 69); 2) чувства (стр. 69 — 86); 3) актовъ мышленія (стр. 127 — 136 и стр. 140 — 147), и 4) произвольной дѣятельности души (178 — 207). Правда, система его прилагается не вполнѣ; свои выводы онъ основываетъ не на томъ обширномъ историческомъ матеріалѣ, который рекомендуется имъ въ общей части, а на разборѣ обыденныхъ психическихъ фактовъ; но выше мы видѣли, что и при употребленіи матеріала перваго рода положеніе дѣла существенно не могло бы измѣниться; притомъ, если самъ основатель системы считаетъ возможнымъ дѣлать пробы безъ соблюденія сказаннаго условія, значитъ, проба возможна.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разбору этой части труда г. Кавелина, считаю нужнымъ оговориться. Разбирать я буду лишь главные выводы и стану касаться аргументаціи г. Кавелина лишь тамъ, гдѣ это неизбѣжно, иначе мнѣ пришлось бы повторять извѣстныя всякому общежитейскія воззрѣнія на мысль, чувство и пр., которыя, какъ уже сказано, лежатъ въ основѣ всѣхъ выводовъ г. Кавелина.

Хотя онъ и не даетъ нигдѣ ключа къ общему ходу своей мысли во второй части своего труда, но подмѣтить главныя руководящія мысли все-таки возможно. Вотъ онѣ:

1) Психологія есть наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

2) Законами душевныхъ проявленій опредѣляются свойства души.

3) Главнѣйшія формы душевныхъ проявленій суть: a) психическіе факты, стоящіе на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ; b) чувство; c) акты мышленія и d) воля. Всѣ эти проявленія разбираются критически, выводятся законы и соотвѣтственно послѣднимъ придаются душѣ тѣ или другія свойства (сознательность, идеальность, свобода, способность раздваиваться и пр.).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ я приведу для примѣра лишь слѣдующія: значеніе для психологіи галлюцинацій и сновъ, свободу мысли и актъ раздвоенія души.

Явленія, стоящія на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, г. Кавелинъ разбираетъ лишь настолько, чтобы выяснить отношеніе психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ условія и особенности психической жизни (стр. 58—59).

Первое, что онъ разсматриваетъ — галлюцинаціи. Упомянувъ о

главнѣйшихъ признакахъ ихъ (отсутствіе внѣшнихъ вліяній и извращеніе впечатлѣній, доходящее до фантастичности), г. Кавелинъ приходитъ къ слѣдующему общему соображенію: „всѣ данныя галлюцинацій указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или тока, идущихъ въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одинъ несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другой какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ. Еслибъ не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы доказать существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, *хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма*".

Галлюцинаціи *всегда* производятся болѣзненнымъ состояніемъ мозга: зрительныя — ненормальнымъ возбужденіемъ зрительныхъ центровъ, слуховыя — слуховыхъ и пр. То же обстоятельство, что человѣкъ выноситъ возбужденія зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а наоборотъ, — норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое. Стало быть, галлюцинаціи не доказываютъ того, что думаетъ г. Кавелинъ.

За этимъ онъ находитъ, что при галлюцинаціяхъ представленія непроизвольны, тогда какъ при нормальномъ состояніи душа сама вырабатываетъ представленія и относится къ нимъ свободно. Та же мысль перефразирована у него на стр. 68-й, при анализѣ сновидѣній, гдѣ говорится, что въ актахъ мышленія и воли выражается одна дѣятельная, активная сторона души, а въ сновидѣніяхъ пассивная, страдательная. Этими выводами и исчерпывается весь его трактатъ.

Теорія свободнаго отношенія человѣка къ своимъ представленіямъ и мыслямъ имѣетъ у г. Кавелина абсолютную форму — тѣ и другія находятся, по его мнѣнію, въ нашей волѣ и власти (стр. 71). Теорія проводится во всей второй половинѣ книги, и только разъ, мелькомъ, на стр. 126, онъ упоминаетъ о *довольно распространенномъ* мнѣніи, что только дѣйствія и поступки могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ слова, произвольны, тогда какъ чувства и мысли не зависятъ отъ нашей воли. Отъ разбора этого мнѣнія онъ отдѣлывается нерѣшительной фразой „но это едва ли справедливо", и затѣмъ оставляетъ *довольно распространенное* мнѣніе безъ всякаго разбора. Это тоже едва ли справедливо. Въ виду важности вопроса, эту задачу приходится взять на себя.

Дѣло идетъ о томъ, дѣйствительно ли человѣкъ властенъ вызывать мысли по произволу.

Г. Кавелинъ, конечно, согласится со мной, что для образованнаго человѣка даже въ подробныхъ лексиконахъ не встрѣчается почти ни одного незнакомаго слова. Стало быть, въ головѣ у такого человѣка заключенъ запасъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько тысячъ мыслей. Если г. Кавелинъ согласится съ этимъ, то я приглашаю его сдѣлать надъ собой слѣдующій опытъ: сказать въ теченіи одного часа хоть, напр., 200 различныхъ существительныхъ (конечно, изъ опыта нужно исключить подобные случаи, какъ напр., заученныя на память съ дѣтства цѣлыя ассоціаціи различныхъ словъ, въ родѣ исключеній изъ правилъ латинской грамматики, ряда чиселъ, спряженія разныхъ глаголовъ и пр.). При этомъ я беру на себя смѣлость предсказать слѣдуюшій результатъ: если передъ опытомъ г. Кавелинъ думалъ, напр., о психологіи вообще, то его первыми словами будутъ приблизительно: психологія, душа, тѣло, идеализмъ, матеріализмъ, Кантъ, Гегель и пр., и очень возможно, что опытъ ему удастся; но еслибы, при тѣхъ же условіяхъ, потребовать отъ него невзначай, чтобы онъ говорилъ извѣстныя ему существительныя, относящіяся, напр., къ поваренному искусству, огородничеству и пр., то дѣло пошло бы уже значительно труднѣе, несмотря на то, что и въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ готовыя ассоціаціи, выражающіяся, напр., въ томъ, что вслѣдъ за капустой уже очень легко сказать: морковь, картофель, горохъ и пр. Но, положимъ, что результатъ и въ этомъ случаѣ былъ бы удаченъ. Тогда пусть г. Кавелинъ попробуетъ сказать, напр., по два слова изъ психологіи, изъ кухоннаго искусства, огородничества и пр. Здѣсь результатъ будетъ уже навѣрно отрицательный, несмотря на то, что передъ каждымъ отдѣломъ существительныхъ стоитъ родовое понятіе, обнимающее собою въ ассоціаціяхъ десятки видовыхъ представленій.

Если, наоборотъ, онъ станетъ по командѣ дѣлать разныя движенія головой, глазами, руками, ногами и пр., то опытъ ему легко удастся.

Отсюда слѣдуетъ уже съ очевидностью, что если мы, какъ говорится, и можемъ вызывать по произволу представленія и мысли, то сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно тѣ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ мыслями, занимавшими насъ передъ этимъ, яко бы произвольнымъ вызываніемъ ихъ. При этомъ не нужно забывать, что власть человѣка надъ мыслями была бы доказана вполнѣ только въ томъ случаѣ, еслибы человѣкъ могъ въ самомъ дѣлѣ вызвать произвольно въ головѣ *весь* рядъ извѣстныхъ ему

словъ, подобно тому, какъ онъ легко можетъ воспроизвесть весь рядъ извѣстныхъ ему движеній.

Но и эта ограниченная власть оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, иллюзіей. Въ приведенныхъ опытахъ приглашеніе къ нимъ составляетъ уже мотивъ, опредѣляющій появленіе въ сознаніи ассоціированныхъ между собой существительныхъ; до тѣхъ поръ, пока всякое предыдущее легко тянетъ за собой послѣдующее, ассоціація еще не исчерпана—рядъ словъ льется легко; но за предѣлами ея начинаются уже точки претькновенія, несмотря на то, что мотивъ продолжаетъ дѣйствовать пришпоривающимъ образомъ.

Что касается до фактовъ обыденной жизни, когда человѣкъ, повидимому, произвольно вызываетъ въ себѣ мысли, то мотивъ къ этому вызыванію *всегда* опредѣляется занятіями или данной минуты, что всего чаще, или какими-нибудь дѣлами, обстоятельствами, существующими для человѣка помимо его настоящей работы. Доказать это крайне легко не только на примѣрахъ, но даже съ общей точки зрѣнія. Когда человѣкъ что-нибудь придумываетъ или усиливается что-нибудь вспомнить (все это фигурныя выраженія), значитъ мысль, которой онъ ищетъ, нужна ему для какого-нибудь дѣла, иначе онъ былъ бы сумасшедшій; *дѣло* и есть, стало быть, мотивъ, опредѣляющій тѣ темные процессы, которые мы фигурно называемъ поисками или стараніемъ придумать, припомнить.

Акты эти родятся, слѣдовательно, въ сознаніи *всегда, какъ послѣдствіе, никогда—произвольно*. Да и результатъ этихъ поисковъ, какъ говоритъ ежедневный опытъ, чисто случайный — удача нисколько не идетъ параллельно усиліямъ, часто бываетъ даже наоборотъ: забытое припоминается, когда человѣкъ уже отказался отъ желанія вспомнить. Но можетъ быть произвольность выражается въ самыхъ поискахъ забытой мысли?—Сознаніе говоритъ, что человѣкъ дѣлаетъ при этомъ какія-то умственныя усилія, и процессъ имѣетъ даже опредѣленную физіономію, выражающуюся хмуреніемъ бровей и треніемъ лба. Процессъ припоминанія, очевидно, реальный, но до такой степени темный, что отличить въ немъ можно съ нѣкоторой ясностью только два пункта: 1) сознаніе внезапнаго перерыва въ той ассоціаціи (когда человѣкъ во время разсказа или думы про себя вдругъ забываетъ слово), которая проходила въ головѣ,—перерыва, который всегда дѣйствуетъ на человѣка какъ толчокъ (если человѣкъ даже спитъ подъ чтеніе или музыку, то отъ внезапнаго перерыва ихъ онъ просыпается), переводящій, по общежитейскому выраженію, его мозги на новые рельсы; 2) затѣмъ, желаніе вернуть утраченное, выражающееся въ томъ, что при неудачѣ

является даже досада. Въ этихъ элементахъ произвольнаго ничего нѣтъ, другихъ же мы не отличаемъ; стало-быть, о произвольности, какъ и вообще о качествахъ процесса придумыванія, воспоминанія, и рѣчи быть не можетъ.

Другой аргументъ противъ свободы мышленія заключается въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. На это конечно можно было бы возразить, что двоякое вліяніе воли на поступки не доказываетъ еще, что она должна дѣйствовать двоякимъ же образомъ и по отношенію къ мыслямъ, такъ какъ самыя воли могутъ быть различны; но тогда послѣднее слѣдовало бы доказать, иначе трактатъ не имѣетъ научнаго смысла; или по крайней мѣрѣ, въ видахъ логичности, слово „свобода" слѣдовало замѣнить словомъ „полу-свобода".

По счастію для человѣчества, оно не имѣетъ надъ своими мыслями и этой полу-власти, и только благодаря этому условію, мышленіе наше получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга. Самъ г. Кавелинъ опредѣляетъ (стр. 108—109) состоянія, когда мы забываемся, грезимъ на яву, какъ случаи несвободнаго мышленія; но вѣдь глубокая научная дума, поглощающая человѣка до забвенія всего окружающаго, *по всѣмъ признакамъ*, похожа на эти грезы. А между тѣмъ изъ этихъ научныхъ мечтаній родятся самыя высокія открытія; и для этого вовсе не нужно, чтобы грезы были съ запятыми, то-есть непремѣнно прерывались произвольнымъ придумываніемъ новыхъ мыслей; наоборотъ, какъ при всякомъ сосредоточенномъ мышленіи, теченіе ихъ обыкновенно бываетъ плавное. Всякій человѣкъ, испытавшій на себѣ минуты зарожденія соображеній, поведшихъ къ новой научной истинѣ, можетъ засвидѣтельствовать справедливость моихъ словъ.

Всѣ перечисленныя соображенія еще легче приложимы къ чувству, которое г. Кавелинъ тоже считаетъ свободнымъ, хотя и менѣе, чѣмъ мысль.

Но вѣнцомъ его философскихъ изысканій все-таки остается выводъ раздвоенія души.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ (стр. 103—104): „Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвояться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся въ то же время единой, даетъ

намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они находятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что видишь себя, а не другаго. Еслибъ душа не имѣла способности раздвояться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человѣкъ не могъ бы видѣть того, что заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибъ душа, раздвояясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человѣкъ не могъ бы сознавать самого себя, думать или говорить о себѣ: *я*; раздвоившись внутренно, онъ психически распался бы на двѣ посторонія другъ другу половины и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое—онъ самъ, то отсюда видно, что, несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣлой.

„Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ... Еслибъ мы вздумали объяснить способность психическаго раздвоенія и ея послѣдствія *примѣрами изъ матеріальнаго міра*, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная *часть можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ*, или что *цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части;* но всѣ подобныя представленія въ примѣненіи къ матеріальному міру совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенные и безспорные факты, которые каждый можетъ наблюдать на себѣ и на другихъ—*такъ они просты и очевидны*... Психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, *какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе или животныя на растенія*“.

Всю эту теорію я разберу только съ логической стороны.

Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе примѣрами изъ матеріальнаго міра, г. Кавелинъ цитируетъ такія отвлеченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами*, то есть истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и *для всякаго логическаго мышленія*. Поэтому всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются всѣми людьми *тайнами*, то-есть предметами, которые умъ человѣческій постичь не можетъ. Г-нъ же Кавелинъ въ первой половинѣ приведенной выписки *выводитъ эту тайну* логически (!!!), другими словами, *онъ познаетъ тайну*. Очевидный абсурдъ.

Далѣе. По его словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простые* факты;

стало быть: фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ.

Въ-третьихъ. Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признаютъ, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныя, управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, *между ними не существуетъ такихъ страшныхъ различій, какъ между раздвояющимся и все-таки цѣльнымъ психическимъ и любымъ физическимъ организмомъ.* Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснить раздвоенія нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра.

Этимъ я заканчиваю разборъ философской системы г. Кавелина, чтобы въ свою очередь попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, такъ какъ время для нея, повторяю еще разъ, уже наступило.

КОМУ и КАКЪ
РАЗРАБОТЫВАТЬ ПСИХОЛОГІЮ?

КОМУ и КАКЪ

РАЗРАБОТЫВАТЬ ПСИХОЛОГІЮ?

I.

Психическая жизнь подчинена непреложнымъ законамъ; въ этомъ смыслѣ психологія можетъ быть положительной наукой. — Но она дѣлается ею только тогда, когда найдена возможность доказать непреложность законовъ не только въ отношеніи къ цѣлому, но и къ частностямъ.—Въ ряду всѣхъ міровыхъ явленій только два отдѣла ихъ могутъ быть сопоставлены по сходству съ фактами психической жизни человѣка: психическая жизнь животныхъ и нервныя дѣятельности въ тѣлѣ, какъ самого человѣка, такъ и въ тѣли животныхъ, изучаемыя физіологіею. — Оба ряда явленій, будучи по содержанію проще психическихъ явленій у человѣка, могутъ служить средствомъ къ разъясненію послѣднихъ. — Сопоставленіе конкретныхъ психическихъ явленій у животныхъ и человѣка есть сравнительная психологія. — Сопоставленіе же психическихъ явленій съ нервными процессами его собственнаго тѣла кладетъ основу аналитической психологіи, такъ какъ тѣлесныя нервныя дѣятельности до извѣстной степени уже расчленены.—Такимъ образомъ, оказывается, что психологомъ-аналитикомъ можетъ быть только физіологъ.

Всякій, кто признаетъ психологію неустановившейся наукой, долженъ неизбѣжно признать вмѣстѣ съ этимъ, что у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ умственныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ внутренняго чувства или психическаго зрѣнія, которое, сливаясь съ познаваемымъ, познавало бы продукты сознанія непосредственно, по существу. Въ самомъ дѣлѣ, обладая такимъ громаднымъ преимуществомъ передъ науками о матеріальномъ мірѣ, гдѣ объекты познаются посредственно, психологія, какъ наука, не только дол-

жна была бы идти впереди всего естествознанія, но и давно сдѣлаться безгрѣшною въ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ. А на дѣлѣ мы видимъ еще нерѣшеннымъ споръ даже о томъ, *кому* быть психологомъ и *какъ* изучать психическіе факты?

Кто признаетъ психологію неустановившейся наукой, долженъ признать далѣе, что объекты ея изученія, психическіе факты, должны принадлежать къ явленіямъ въ высшей степени сложнымъ. Иначе, какъ объяснить себѣ ужасающую отсталость психологіи въ дѣлѣ научной разработки своего матеріала, несмотря на то, что разработка эта началась съ древнѣйшихъ временъ,—раньше, чѣмъ, напр., стала развиваться физика и особенно химія?

Съ другой стороны, всякій, кто утверждаетъ, что психологія, какъ наука, возможна, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что психическая жизнь вся цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы ея должны быть подчинены столько же непреложнымъ законамъ, какъ явленія матеріальнаго міра, потому что только при такомъ условіи возможна *дѣйствительно научная* разработка психическихъ фактовъ.

По счастію, этотъ жизненный вопросъ психологіи рѣшается утвердительно даже такими психологическими школами, которыя считаютъ духовный міръ отдѣленнымъ отъ матеріальнаго непроходимою пропастью. Да и можно-ли въ самомъ дѣлѣ думать иначе? Основныя черты мыслительной дѣятельности человѣка и его способности чувствовать остаются неизмѣнными въ различныя эпохи его историческаго существованія, не завися въ то же время ни отъ расы, ни отъ географическаго положенія, ни отъ степени культуры. Только при этомъ становится понятнымъ сознаніе нравственнаго и умственнаго родства между всѣми людьми земнаго шара, къ какимъ бы расамъ они ни принадлежали; только при этомъ становится для насъ возможнымъ понимать мысли, чувства и поступки нашихъ предковъ въ отдаленныя эпохи. Единственный камень преткновенія въ дѣлѣ принятія мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью, составляетъ такъ-называемая произвольность поступковъ человѣка. Но статистика новѣйшаго времени бросила неожиданный свѣтъ и въ эту запутанную сферу психическихъ явленій, доказавъ цифрами, что нѣкоторыя изъ дѣйствій человѣка, принадлежащихъ къ разряду наиболѣе произвольныхъ (напр., вступленіе въ бракъ, самоубійство и пр.), подчинены опредѣленнымъ законамъ, если разсматривать ихъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на массахъ, притомъ за болѣе или менѣе значительные промежутки времени.

Впрочемъ, и независимо отъ этихъ драгоцѣнныхъ указаній статистики, не трудно убѣдиться съ общей точки зрѣнія, что даже по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ произвольность никогда не достигаетъ размѣровъ, нарушающихъ опредѣленную правильность, законность человѣческихъ дѣйствій. Прислушайтесь, напр., къ суду общественнаго мнѣнія о поступкахъ отдѣльныхъ личностей—одинъ приписывается средѣ, другой воспитанію, третій характеру, и только въ поступкахъ сумасшедшаго часто бываетъ трудно отыскать тѣ мотивы, изъ которыхъ дѣйствіе вытекало бы какъ послѣдствіе; но и здѣсь такіе мотивы конечно есть, только связь ихъ съ дѣйствіями другая, чѣмъ у нормальнаго, и потому поступокъ лишенъ характера разумности. Подчиненность людскихъ дѣйствій опредѣленнымъ законамъ очень рѣзко высказывается еще въ нашей способности создавать художественные литературные типы самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Типы эти отъ того именно и кажутся намъ истинными, правдивыми, что всѣ ихъ дѣйствія строго вытекаютъ изъ данныхъ ихъ характера, изъ условій среды и пр.

Итакъ, основное условіе для того, чтобы психологія могла сдѣлаться положительной наукой, не только дѣйствительно существуетъ, но уже издавна сознается всякимъ мыслящимъ человѣкомъ.

Этимъ дана однако только возможность науки, дѣйствительное же ея возникновеніе начинается съ того момента, когда непреложность явленій можетъ быть доказана, а не только предчувствуема, притомъ не только по отношенію къ цѣлому, т.-е. въ общихъ чертахъ, но и къ частностямъ. Всякій простолюдинъ сознаетъ, напр., роковую связь между пламенемъ и сгораніемъ при его посредствѣ горючихъ предметовъ; но это не научное знаніе, а лишь сырой матеріалъ для науки. Послѣдняя должна расчленить цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложныя отношенія на болѣе простыя, и если ей это удается въ значительной степени, тогда предчувствуемая непреложность превращается въ научную очевидность. Этимъ же путемъ должна идти и психологія. Прежде всего она должна выработать общіе принципы, какъ расчленять, анализировать психическое явленіе.

Такъ какъ мы признали психологію наукой неустановившейся, то для выясненія способа рѣшенія ея первой задачи удобнѣе всего будетъ встать на такую точку зрѣнія, какъ будто бы научной разработки психическихъ фактовъ не существовало вовсе. Вставъ на такую точку

зрѣнія, читатель долженъ глубоко проникнуться аксіомой, лежащей въ основѣ всякаго *созидающагося* человѣческаго изученія (этимъ путемъ шла даже математика),—восходить съ цѣлью изученія отъ простаго къ сложному, или что то же, объяснять сложное болѣе простымъ, но никакъ не наоборотъ. Затѣмъ ему уже станетъ самому ясно, что дальнѣйшимъ шагомъ изученія должно быть сопоставленіе, сравненіе изучаемыхъ сложныхъ фактовъ съ другими, болѣе простыми, но похожими на нихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Пусть же читатель переберетъ въ своемъ умѣ самъ всѣ разнообразные роды и виды явленій на земной поверхности, въ сферѣ неорганическаго міра, въ растеніяхъ, животныхъ и наконецъ въ средѣ человѣческаго общества, и попытается сравнить психическія проявленія человѣка съ каждой изъ группъ явленій поочередно. Всякій мыслящій человѣкъ найдетъ, что психическая жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ нѣчто похожее на себя только въ психическихъ проявленіяхъ у животныхъ, и затѣмъ пойметъ, что элементами психической жизни отдѣльныхъ людей опредѣляются явленія ихъ общественной жизни. Нечего и говорить, что первая группа явленій (т.-е. психическія проявленія у животныхъ), въ смыслѣ сложности, стоятъ книзу отъ психической жизни человѣка, какъ единицы, а вторая, наоборотъ, кверху.

Явно, что исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны служить, какъ простѣйшія, психическія проявленія у животныхъ, а не у человѣка.

Но, можетъ быть, сходство между психическими проявленіями у человѣка и животныхъ есть лишь чисто внѣшнее, въ сущности же разница между ними такъ громадна, что приравнивать ихъ другъ къ другу невозможно? Такое убѣжденіе у множества людей существуетъ и по сіе время, и оно конечно совершенно основательно, пока дѣло касается, такъ сказать, количественной стороны явленій—здѣсь разница въ самомъ дѣлѣ неизмѣримо велика. Но убѣжденіе въ качественномъ различіи между психической организаціей человѣка и животныхъ нельзя считать научно доказаннымъ; это продуктъ предчувствія, а не научнаго анализа фактовъ, такъ какъ у насъ нѣтъ, какъ науки, ни сравнительной психологіи животныхъ, ни психологіи собственно человѣка.

Но положимъ даже, что сходство въ психической организаціи человѣка и животныхъ идетъ лишь до извѣстнаго предѣла, за которымъ между ними начинаются различія по существу. И въ этомъ случаѣ ра-

ціональный путь для изученія психическихъ явленій у человѣка долженъ былъ бы заключаться въ разработкѣ сходныхъ сторонъ и въ предоставленіи рѣшенія дальнѣйшихъ вопросовъ будущему, если въ настоящемъ не имѣется на лицо никакихъ прицѣпокъ для анализа ихъ.

Въ этомъ отношеніи очень поучительнымъ примѣромъ можетъ служить историческое развитіе физіологіи.

Сходства и различія явленій человѣческаго тѣла съ явленіями матеріальнаго міра аффицировали умъ человѣческій приблизительно такимъ же образомъ, какъ аффицируютъ его въ настоящее время сходства и различія психическихъ и соматическихъ проявленій у человѣка; и результатомъ этого было возникновеніе физіологическихъ школъ, не менѣе противоположныхъ другъ другу по направленію, чѣмъ школы идеалистовъ и матеріалистовъ въ психологіи. Одинъ аффицировался преимущественно двигательною стороною въ жизненныхъ проявленіяхъ тѣла и примыкалъ къ стану ятро-механиковъ, объяснявшихъ всю жизнь чисто механически; другой поражался химическою стороною явленій и переходилъ въ лагерь ятро-химиковъ; наконецъ, были люди, которые останавливались предпочтительно передъ тѣми сторонами жизни, которыми она рѣзко отличается съ виду отъ всего видимаго въ матеріальномъ мірѣ, и эти образовали третью группу физіологовъ, такъ-называемыхъ виталистовъ, которые считали животное тѣло одареннымъ особыми „живыми силами", неимѣющими ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Первыя два направленія, возникнувъ въ формѣ, доходившей въ деталяхъ часто до смѣшнаго, были тѣмъ не менѣе родоначальниками современнаго опытнаго физико-химическаго направленія физіологіи, тогда какъ второе не играетъ въ этой наукѣ уже ни малѣйшей роли. И это становится сразу понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ грубыхъ представленіяхъ ятро-механиковъ и ятро-химиковъ скрывались все-таки здоровые зачатки научнаго направленія, стремящагося *объяснить сложное простѣйшимъ*, тогда какъ изъ воззрѣній виталистовъ, выдѣлявшихъ природу человѣческаго тѣла изъ сферы всего болѣе простаго, могло выдти развѣ одно удивленіе передъ фактомъ, но никакъ не расчлененіе его на простѣйшіе элементы. И въ настоящее время еще очень многія изъ физіологическихъ явленій тѣла остаются абсолютно загадочными (напр. оплодотвореніе яйца, развитіе зародыша, передача видовыхъ и индивидуальныхъ особенностей по наслѣдству и пр.); но ни единому физіологу и въ голову не приходитъ *объяснять* ихъ принятіемъ особыхъ силъ,—рядомъ съ такими

нерѣшаемыми вопросами ставятъ обыкновенно лаконическое „не знаемъ“.

Такъ бы слѣдовало поступать, очевидно, и въ разбираемомъ нами случаѣ. Къ сожалѣнію, представить хотя бы приблизительную оцѣнку важности сравнительнаго изученія психическихъ проявленій у животныхъ и человѣка въ настоящее время невозможно, потому что сырой матеріалъ для этого хотя уже и готовъ (съ одной стороны, сумма наблюденій надъ животными, собранныхъ подъ общимъ именемъ „нравы и обычаи животныхъ“, съ другой—такъ-называемая практическая психологія), но серьезныя попытки къ сравнительной разработкѣ едва лишь начались. Легко понять, впрочемъ, что такое изученіе было бы особенно важно въ дѣлѣ классификаціи психическихъ явленій, потому что оно свело бы можетъ быть многія сложныя формы ихъ на менѣе многочисленные и простѣйшіе типы, опредѣливъ кромѣ того переходныя ступени отъ одной формы къ другой. Возможно, напр., что сравнительная психологія внесла бы болѣе естественную систему въ классификацію различныхъ видовъ чувства (чувство въ тѣсномъ смыслѣ, аффектъ, страсть) и изгладила бы ту глубокую пропасть, которая отдѣляетъ для человѣческаго сознанія разумъ отъ инстинкта, обдуманное дѣйствіе отъ невольнаго и проч.

Но, съ другой стороны, легко понять, что путемъ сравненія между собою конкретныхъ фактовъ большей и меньшей сложности въ самомъ счастливомъ случаѣ можно достичь лишь полнаго сведенія сложной конкретной формы на простую, но никакъ не расчленять послѣднюю. Значитъ, въ нашемъ случаѣ передъ изслѣдователемъ возникалъ бы новый вопросъ о способахъ расчленять конкретныя, психическія явленія у животныхъ. Средствъ для этого, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляетъ физіологія для анализа явленій животнаго тѣла, къ сожалѣнію у насъ нѣтъ, и главнѣйшая причина этому заключается въ томъ, что одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій, — сознательный элементъ, можетъ подлежать изслѣдованію только на самомъ себѣ, при помощи самонаблюденія.

Итакъ, сравнительно-психологическій методъ не можетъ заключать въ себѣ исходныхъ точекъ для *аналитическаго* изученія психическихъ явленій, и мы принуждены обратиться за ними къ другимъ источникамъ.

Но съ чѣмъ же сравнивать психическія явленія человѣка? Идти кверху, къ болѣе сложному, — нельзя; книзу, рядомъ съ ними, стоитъ нерасчленяемая для человѣка психическая жизнь животныхъ, а за нею начинается уже область матеріи. Неужели сравнивать психическую жизнь съ жизнью камней, растеній, или даже тѣла человѣка?—Извѣстно, что въ прошломъ величайшіе умы сравнивали тѣлесную и духовную жизнь человѣка и находили обыкновенно только глубокія различія между ними, а не сходства. Дѣло, дѣйствительно, было такъ; философы прежнихъ временъ стояли—и совершенно законно — по отношенію къ психическимъ фактамъ на точкѣ зрѣнія виталистовъ по отношенію къ явленіямъ тѣла; но это происходило оттого, что физіологіи въ то время не существовало, и тѣлесныя явленія не были настолько расчленены, чтобы аналогія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ психическими дѣятельностями могла броситься въ глаза. Теперь же другое дѣло: физіологія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ такъ-называемыми нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто-соматическими.

Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ (не нужно забывать, что когда какая-нибудь мысль доказывается цѣлымъ рядомъ доводовъ, то доказательность нужно искать въ суммѣ доводовъ, а не въ отдѣльныхъ фактахъ!):

1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго времени и тѣмъ бóльшаго, чѣмъ сложнѣе актъ (см. учебники физіологіи).

2) Психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія анатомо-физіологической цѣлости головнаго мозга (общеизвѣстно) [1]).

3) Зачатки, или по крайней мѣрѣ, зачатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно, изъ чисто-матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени (общеизвѣстно).

4) Черезъ посредство этихъ же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наслѣдственность извѣстныхъ талантовъ (общеизвѣстно).

5) Ясной границы между завѣдомо соматическими, т.-е. тѣлесны-

---

[1]) Сопоставивъ 1-й и 2-й пунктъ, выходитъ, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во времени и пространствѣ.

ми, нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи.

6) Физіологія, оставаясь на своей почвѣ, т.-е. изучая явленія въ тѣлѣ въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій и устройствомъ соотвѣтствующихъ, чувствующихъ снарядовъ или органовъ чувствъ (см. учебники физіологіи).

Изъ этихъ пунктовъ только 5-й требуетъ детальнаго развитія, всѣ же прочіе давно стали или достояніемъ науки, или даже проникли въ публику. Чтобы доказать 5-й пунктъ, мнѣ будетъ достаточно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому что дѣятельности эти уже со временъ Локка признаются всѣми если не исключительными, то главными источниками психическаго развитія.

Съ дѣятельностями органовъ чувствъ можно сопоставлять только тѣ изъ нервныхъ процессовъ тѣла, которые происходятъ по типу такъ-называемыхъ рефлексовъ, потому что только послѣдніе имѣютъ общую существенную сторону съ первыми — возникать не иначе, какъ изъ внѣшняго возбужденія чувствующей поверхности, всегда входящей въ составъ дѣйствующаго аппарата. По счастію, нервные акты рефлекторнаго типа представляютъ огромнѣйшее большинство случаевъ въ тѣлѣ (немногіе случаи уклоненія отъ этого типа принадлежатъ къ разряду фактовъ наименѣе изслѣдованныхъ), такъ что аналогія можетъ быть проведена въ очень широкихъ размѣрахъ.

Въ рефлексѣ физіологія отличаетъ, соотвѣтственно устройству рефлекторнаго аппарата, три главныхъ момента: возбужденіе чувствующей поверхности, дѣятельность центра и проявленіе возбужденія въ сферѣ рабочихъ органовъ тѣла, мышцъ и железъ. Первый моментъ я буду называть иногда для краткости началомъ акта, второй серединой, а внѣшнее проявленіе концомъ. При такой тройственности состава явленія, рефлексы можно сопоставлять съ дѣятельностями органовъ чувствъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) со стороны общей физіономіи актовъ; 2) со стороны ихъ общаго значенія въ тѣлѣ (сравненіе общее); 3) со стороны осложненія явленія новыми элементами помимо трехъ основныхъ; и, наконецъ 4) со стороны связи между началомъ и серединой актовъ съ одной стороны, серединой и концомъ съ другой (частныя сравненія, которыми опредѣляется въ то же время относительное значеніе всѣхъ трехъ элементовъ рефлекса въ отдѣльности).

Внѣшняя физіономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и

концомъ ихъ, такъ какъ середина недоступна непосредственному наблюденію. Щипните, напр., лапку обезглавленной лягушкѣ, она тотчасъ же отдернетъ ногу—это рефлексъ; влейте въ ротъ сильно наркотированной собакѣ немного уксусу, у нея тотчасъ же начинаетъ отдѣляться слюна; махните рукой передъ глазомъ животнаго — произойдетъ миганіе; вставьте палецъ въ ротъ новорожденнаго — онъ начинаетъ сосать и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ за внѣшнимъ толчкомъ на чувствующую поверхность (въ приведенныхъ примѣрахъ по порядку слѣдуютъ: кожа, слизистая оболочка рта, слизистая оболочка глаза, слизистая оболочка губъ), *неизбѣжно* слѣдуетъ проявленіе въ мышцахъ или железахъ, выражающееся движеніемъ или отдѣленіемъ сока; притомъ во всѣхъ случаяхъ внѣшнее проявленіе является актомъ, цѣлесообразнымъ въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь положительныхъ услугъ. Такъ, отдѣленіе слюны не иначе какъ вслѣдъ за раздраженіемъ поверхности той полости, въ которую поступаетъ пища, есть актъ полезный въ экономическомъ отношеніи—имъ предотвращается безполезное расходованіе пищеварительнаго сока; отраженное миганіе служитъ средствомъ для охраны глаза; отраженное сосаніе служитъ для ребенка средствомъ къ принятію пищи и пр. Подъ эту рамку укладываются всѣ безъ исключенія извѣстные случаи рефлексовъ, напр., отраженное чиханіе и кашель, какъ средство выталкивать постороннія тѣла, попавшія въ носъ или горло; рвота, какъ средство опоражнивать переполненный желудокъ; сокращеніе зрачка, какъ средство умѣрять силу свѣта, падающаго въ глазъ; отраженное сокращеніе жома въ концѣ прямой кишки, какъ средство задерживать въ кишкѣ ея содержимое, и пр. и пр. Такимъ образомъ, рефлексъ въ его типической формѣ является цѣлесообразнымъ движеніемъ (въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ), вытекающихъ роковымъ образомъ изъ внѣшняго толчка на опредѣленную часть снаряда, носящую названіе чувствующей поверхности.

Поднимаясь отсюда кверху, мы переносимся въ область низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ. Отнеситесь опять совершенно объективно къ самымъ обычнымъ продуктамъ дѣятельности этихъ органовъ. Что же мы видимъ?—Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ — самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія. Голодъ заставляетъ животное идти на добычу, но

направленіе его поискамъ даютъ органы чувствъ. Стóитъ хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ (такъ какъ они общеизвѣстны, то я считаю безполезнымъ вдаваться въ примѣры), совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей, вытекающихъ изъ чувства самосохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ тѣ же элементы, какъ въ рефлексахъ: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снарядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліянія на глазъ, уши и носъ), а конецъ — движенія. Какъ въ первомъ случаѣ движеніе цѣлесообразно въ смыслѣ доставленія тѣлу пользъ, такъ и здѣсь пользами тѣла, его охраной отъ всякихъ невзгодъ, исчерпывается всеобщее значеніе движеній. Разница между приведенными выше случаями рефлексовъ и продуктами чувства самосохраненія лишь та, что тамъ движеніе служитъ, такъ-сказать, розничнымъ цѣлямъ организма — запираетъ какую-нибудь одну трубку или, наоборотъ, прочищаетъ ее, съуживаетъ и расширяетъ отверстіе (зрачекъ, гортанная щель), сохраняетъ чистымъ или прозрачнымъ то, что должно быть таковымъ (отдѣленіе слезъ и миганіе по отношенію къ сохраненію прозрачности роговой оболочки), тогда какъ здѣсь, т. е. дѣятельностями, вытекающими изъ голода, холода, зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ ощущеній, обезпечиваются валовыя выгоды тѣла, сохраненіе его цѣликомъ.—Разница очевидно количественная и уже никакъ не существенная; а между тѣмъ, кто усомнится въ томъ, что изъ чувства самосохраненія родятся дѣятельности со всѣми существенными характерами психическихъ актовъ? Беру въ примѣръ случай, когда человѣкъ бѣжитъ съ испуга, завидѣвъ какой-нибудь страшный для него образъ, или заслышавъ угрожающій ему звукъ. Если разобрать весь актъ, то въ немъ оказывается зрительное или слуховое представленіе, затѣмъ—сознаніе опасности, и наконецъ — цѣлесообразное дѣйствіе: всѣ элементы разсужденія, умозаключенія и разумнаго поступка; а между тѣмъ это очевидно психическій актъ низшаго разряда, имѣющій вполнѣ характеръ рефлекса.

Значитъ, со стороны внѣшней физіономіи и общаго значенія въ тѣлѣ, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ могутъ быть приравнены другъ другу.

Но вѣдь въ сравниваемыхъ нами явленіяхъ кромѣ начала и конца есть еще середина, и возможно, что именно изъ-за нея они и не могутъ быть приравнены другъ другу. Если въ самомъ дѣлѣ сопоставить другъ съ другомъ, напр., миганіе и только что упомянутый случай испуга, то можно, пожалуй, даже расхохотаться надъ такимъ сопоставленіемъ. Въ миганіи мы ни сами на себѣ, ни на другихъ не видимъ ничего, кро-

мѣ движенія, а въ актѣ испуга, если его приравнивать рефлексу, серединѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ психическихъ дѣятельностей. Разница между обоими актами, какъ крайними членами ряда, дѣйствительно громадна, но есть очень простое средство убѣдиться, что и въ нормальномъ миганіи есть всѣ существенные элементы нашего примѣра испуга, не исключая и середины. Дуньте человѣку или животному потихоньку въ глазъ — оно мигнетъ сильнѣе нормальнаго, а человѣкъ ясно почувствуетъ дуновеніе на поверхность своего глаза. Это ощущеніе и будетъ среднимъ членомъ отраженнаго миганія. Онъ существуетъ и при нормальныхъ условіяхъ, но такъ слабъ, что не доходитъ, какъ говорится, до сознанія. Значитъ, чувствованіе является среднимъ членомъ уже въ крайне элементарныхъ простыхъ случаяхъ рефлексовъ, и наблюденія даютъ поводъ думать, что у нормальнаго, необезглавленнаго, животнаго вообще едва ли есть въ тѣлѣ рефлексы, которые при извѣстныхъ условіяхъ не сопровождались бы чувствованіемъ. Слѣдовательно. послѣднее, какъ средній членъ рефлексовъ, есть правило, и въ этомъ смыслѣ сопоставленіе ихъ съ дѣятельностями высшихъ органовъ чувствъ и серединами становится съ общей точки зрѣнія тоже законнымъ—и тамъ и здѣсь средніе члены акта, какъ виды чувствованія, по природѣ сродны другъ съ другомъ. Права на такое сопоставленіе выясняются еще болѣе, если обозрѣть сразу всю массу рефлексовъ и распредѣлить ихъ въ группы по значенію чувствованія въ процессѣ и по степени его сложности. Въ первомъ отношеніи рефлексы распадаются на двѣ большія группы. Въ однихъ сознательное чувствованіе не играетъ въ актѣ, повидимому, никакой существенной роли, что доказывается уже тѣмъ, что они могутъ происходить и при безсознательномъ состояніи человѣка, а у животныхъ и послѣ обезглавленія — это простѣйшія формы нервныхъ актовъ, цѣль которыхъ (служеніе тѣлу) достигается вполнѣ уже при такой организаціи снаряда, которой обезпечивается лишь роковое появленіе цѣлесообразнаго движенія. Въ другихъ рефлексахъ чувствованіе является наоборотъ необходимымъ факторомъ, опредѣляющимъ то начало, то ходъ, то конецъ всего акта. Достаточно будетъ напомнить читателю въ видѣ примѣровъ позывъ на выведеніе мочи и кала, какъ моментъ, опредѣляющій опорожненіе пузыря и прямой кишки; голодъ и жажду, какъ обезпеченіе періодическаго поступленія въ тѣло пищи и питья; чувство насыщенія, какъ моментъ, опредѣляющій величину пищеваго прихода и пр. При полномъ отсутствіи сознанія всѣ эти акты невозможны, и слѣдовательно сознательный элементъ является въ самомъ дѣлѣ необходимымъ факторомъ. Отсюда до средняго члена въ низшихъ формахъ

дѣятельностей органовъ чувствъ уже одинъ шагъ, потому что именно здѣсь опредѣляющее значеніе чувствованія для движенія и выражается съ наибольшею яркостью. Глаза, уши и носъ, какъ мы уже сказали выше, суть ни что иное, какъ регуляторы движеній. Стало быть и въ этомъ направленіи отъ самыхъ низкихъ формъ рефлексовъ до дѣятельностей органовъ чувствъ существуютъ переходы, градаціи, а не противуположности.

Та же самая постепенность высказывается и со стороны сложности, или правильнѣе, расчленяемости чувствованія. Начинаясь почти безсознательными проявленіями (ощущеніями при миганіи и нормальномъ отдѣленіи слезъ, мышечное чувство, нормальныя ощущенія изъ полости живота и пр.), оно переходитъ въ ясносознаваемыя, но способныя лишь къ количественнымъ колебаніямъ формы (перхота при кашлѣ, щекотаніе въ носу при чиханіи, позывъ на мочу и калъ, чувство голода, холода и жажды и пр.). Затѣмъ, въ сферѣ низшихъ органовъ чувствъ является уже расчленяемость ощущенія, выражающаяся въ томъ, что оно видоизмѣняется съ измѣненіемъ импульсовъ, дѣйствующихъ на чувствующій снарядъ не только количественно, но и качественно; и эти измѣненія отражаются даже на характерѣ двигательной реакціи. Кто не знаетъ, что мы отличаемъ разные запахи и вкусы и что они вызываютъ, смотря по качеству, различныя реакціи? — Такъ, отвратительный вкусъ или запахъ могутъ вызвать рвоту, а пріятное ощущеніе—улыбку удовольствія. Кто не знаетъ, далѣе, специфическую гримасу отъ кислаго вкуса? Въ высшихъ органахъ чувствъ эта качественная видоизмѣняемость ощущеній соотвѣтственно видоизмѣненію внѣшнихъ импульсовъ достигаетъ наконецъ громадныхъ размѣровъ. Не даромъ человѣкъ говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ двухъ песчинокъ, совершенно похожихъ другъ на друга. До такихъ страшныхъ размѣровъ можетъ доходить эта способность глаза! А между тѣмъ въ чемъ тутъ дѣло?—Соотвѣтственно разбираемымъ различіямъ между дѣятельностями разныхъ чувствующихъ снарядовъ, анатомія открываетъ страшныя различія въ самой организаціи послѣднихъ. Тамъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ расчлененію, чувствующая поверхность устроена сравнительно очень просто, въ носу и полости рта посложнѣе, а въ глазѣ и ухѣ мы имѣемъ до такой степени сложную механику, что многое остается въ нихъ еще неразгаданнымъ и доселѣ.

До сихъ поръ проводимая мною аналогія оказывается, какъ читатель видитъ, серьезною; но посмотримъ, не прекратится ли она, какъ только мы переступимъ въ сферѣ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ ту черту, которая отдѣляетъ инстинктивныя дѣйствія, вытека-

ющія изъ чувства самосохраненія, отъ дѣйствій болѣе высокаго порядка, въ которыя замѣшивается воля. Извѣстно, что этотъ агентъ придаетъ дѣятельностямъ человѣка характеръ, всего менѣе похожій на машинообразный характеръ, который выраженъ особенно рѣзко на высшихъ степеняхъ психическаго развитія; и потому можно думать, что этотъ агентъ властвуетъ исключительно въ высшихъ сферахъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ только въ нихъ свои корни. Для рѣшенія этого вопроса возьмемъ миганіе. Представимъ себѣ, что человѣку попадаетъ въ глазъ соринка. Спрашивается, можетъ ли это усиленное раздраженіе слизистой оболочки глаза, вызывающее нормально лишь миганіе, служить источникомъ произвольныхъ дѣйствій человѣка, которыя приписываются волѣ? Конечно да. Отсюда могутъ вытечь, во-первыхъ, сознательно-разумныя движенія съ цѣлью удаленія соринки—продукты активной стороны воли, съ другой стороны, человѣкъ опять-таки сознательно-разумно можетъ побѣдить спазмъ глазныхъ вѣкъ (усиленное мигательное движеніе) изъза мысли, что глазъ всего лучше оставить въ покоѣ — продукты подавляющей стороны воли. Подобные примѣры всякому легко выстроить самому для случая кашля, чиханія, позыва на мочу и проч. Не явно ли послѣ этого, что передъ волей рефлексъ и продуктъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ равны, и что она столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка?

Значитъ, и со стороны вмѣшательства въ акты единственнаго посторонняго имъ агента, воли, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ не представляютъ существенныхъ различій, а однѣ лишь количественныя градаціи.

По изложеннымъ до сихъ поръ даннымъ уже легко выстроить три ряда градацій соотвѣтственно тремъ членамъ рефлекторнаго акта.

Въ сферѣ рефлексовъ натуральные толчки, вызывающіе явленіе, отличаются крайнимъ однообразіемъ, потому что цѣли, которыя достигаются отраженнымъ движеніемъ, сравнительно очень просты (захлопнуть входное отверстіе, куда не должны попадать постороннія тѣла, задержать на время жидкое содержимое въ какомъ-нибудь мѣшкѣ, прочистить трубку и проч.). Сообразно съ этимъ, устройство чувствующихъ поверхностей часто разсчитано только на то, чтобы она возбуждалась однимъ механическимъ соприкосновеніемъ. И въ этихъ предѣлахъ всѣ мыслимые раздражители могутъ быть, конечно, очень разнообразны, потому что прикасаться могутъ не только твердыя и жидкія тѣла, но даже газы. Но однообразіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается не въ

этомъ, а въ томъ, что—попадетъ ли, напримѣръ, въ глазъ соринка каменная, деревянная, стеклянная или желѣзная, а между жидкостями и газами щелочь, кислота, эѳиръ, хлоръ и проч. — ощущеніе и его двигательный эффектъ всегда будутъ одинаковы. Въ сферѣ же органовъ чувствъ натуральные толчки являются, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, все болѣе и болѣе разнообразными. Напримѣръ, тѣ же самыя соринки, дѣйствуя на глазъ зрительнымъ образомъ, уже очень рѣзко отличаются другъ отъ друга; глазъ найдетъ разницу не только между желѣзной и деревянной соринкой, но даже между двумя однородными со стороны состава. И тѣмъ не менѣе, всѣ внѣшніе толчки, вызываютъ ли они рефлексъ, или дѣятельность высшаго органа чувствъ глаза, остаются одинаковыми и по природѣ, и по своему значенію Въ первомъ отношеніи это физическія, химическія или смѣшанныя вліянія на чувствующія поверхности нашего тѣла, а во второмъ—производящія причины явленій.

Относительно среднихъ членовъ мы уже прямо можемъ сказать, что это продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ, такъ какъ данныя для такого вывода выяснены были выше; но установка значенія ихъ по отношенію къ крайнимъ членамъ акта требуетъ небольшихъ разъясненій. Извѣстно изъ обыденной жизни, что не всякое впечатлѣніе на высшіе органы чувствъ доходитъ до сознанія, — для этого, какъ говорится, нужно вниманіе. Изъ этого можно было бы, пожалуй, заключить, что средній членъ не всегда роковымъ образомъ слѣдуетъ за первымъ, но это было бы большой ошибкой. Анализъ условій невнимательности всегда показываетъ, что въ ту минуту, какъ глазъ долженъ былъ бы видѣть или ухо слышать,—или сознаніе занято какимъ-нибудь болѣе сильнымъ представленіемъ, или не существуетъ условій для того, чтобы глазъ могъ присматриваться или ухо прислушиваться. Это доказывается еще и тѣмъ, что совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ. Когда человѣкъ занятъ, напримѣръ, сильно какимъ-нибудь дѣломъ или мыслью, онъ можетъ не ощущать позыва на мочу, голода, соринки въ глазу и проч., но стоитъ, какъ говорится, обратить вниманіе въ сторону этихъ простыхъ голосовъ, и ощущеніе сознается совершенно отчетливо. Значитъ, связь между первымъ и вторымъ членами роковая. Что же касается до связи втораго съ третьимъ, то она исчерпывается слѣдующею мыслью: чувствованіе повсюду имѣетъ значеніе регулятора движенія, другими словами, первое вызываетъ послѣднее и видоизмѣняетъ его по силѣ и направленію. Для случаевъ, когда возбужденіе чувствующаго снаряда кончается движеніемъ, такое значеніе втораго члена относительно третьяго вытекаетъ съ очевидностью изъ изложенныхъ выше данныхъ.

Въ низшихъ формахъ рефлексовъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ качественнымъ видоизмѣненіямъ, регуляція эта можетъ быть только количественная, а въ высшихъ формахъ, сверхъ того, и качественная. Но какъ понимать тѣ случаи, когда возбужденіе чувствующаго снаряда, давая средній членъ, не выражается, однако, извнѣ никакимъ движеніемъ? Тутъ, повидимому, извращается самая природа рефлекса, остающагося безъ третьяго члена. Ничуть не бывало—и здѣсь, за среднимъ членомъ, остается все-таки значеніе регулятора движенія, потому что въ этихъ случаяхъ изъ ощущенія родится возбужденіе не двигательныхъ снарядовъ тѣла, а наоборотъ, ихъ тормазовъ. Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что безъ существованія тормазовъ въ тѣлѣ, и съ другой стороны безъ возможности приходить этимъ тормазамъ въ дѣятельность путемъ возбужденія чувствующихъ снарядовъ (единственныхъ возможныхъ регуляторовъ движенія!), было бы абсолютно невозможно выполненіе плана той *„самодвижности“*, которою обладаютъ въ столь высокой степени животныя. Тормазы эти, какъ показываетъ физіологія, существуютъ, и они-то и приходятъ въ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда рефлексъ или низшая форма дѣятельности органа чувствъ остается какъ-бы безъ третьяго члена. Управленіе этими снарядами сознаніе приписываетъ, какъ извѣстно, волѣ.

Что касается, наконецъ, до градаціи въ характерахъ трехъ членовъ, то она опредѣляется изъ слѣдующаго. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ вся двигательная механика родится уже готовой на свѣтъ (новорожденный умѣетъ уже сосать, чихать, кашлять и проч.), а въ высшихъ формахъ нашего ряда третьими членами являются, по крайней мѣрѣ у человѣка, лишь заученныя движенія, напримѣръ, движеніе глазъ при смотрѣніи, ходьба, употребленіе рукъ, какъ хватательныхъ орудій или рычаговъ и проч. Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія родятся готовыми на свѣтъ, но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна. Насколько велика разница между ними мы увидимъ впослѣдствіи, теперь же замѣтимъ, что и въ средѣ рефлексовъ есть такіе, которые способны къ извѣстнаго рода культурѣ, обученію. Такъ, извѣстно, что новорожденныхъ можно дрессировать въ дѣлѣ сосанія груди и испусканія мочи, пріучивъ ихъ совершать эти отправленія въ опредѣленное время, при опредѣленныхъ условіяхъ; значитъ въ дѣлѣ заучаемости движенія высшаго разряда все-таки не стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Послѣднее, что намъ приходится сказать, касается общаго значенія

третьихъ членовъ рефлекса. Его мы уже знаемъ—это движенія сплошь цѣлесообразныя въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ; но въ низшихъ формахъ пользы эти, такъ сказать, розничныя, а въ высшихъ—валовыя, служащія всему тѣлу разомъ.

Итакъ, нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла,—всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства. Отсюда же необходимо слѣдуетъ, что соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ.

Если встать теперь на точку зрѣнія Локка относительно источниковъ психической жизни, раздѣляемую лишь съ немногими ограниченіями всѣми современными психологическими школами, то выходило бы, что соматическіе нервные процессы родственны со всѣми вообще психическими явленіями, имѣющими корни въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, къ какому бы порядку явленія эти ни принадлежали. Но на пути къ этому строго-логическому и въ то же время вѣрному заключенію стоитъ одинъ очень распространенный предразсудокъ, и его необходимо устранить. Спросите любого образованнаго человѣка, что такое психическій актъ, какова его физіономія, — и всякій, необинуясь, отвѣтитъ вамъ, что психическими актами называютъ тѣ неизвѣстныя по природѣ душевныя движенія, которыя отражаются въ сознаніи ощущеніемъ, представленіемъ, чувствомъ и мыслью. Загляните въ учебники психологіи прежнихъ временъ —то же самое: психологія есть наука объ ощущеніяхъ, представленіяхъ, чувствахъ, мысли и пр. Убѣжденіе, что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психическій актъ начинается съ момента его появленія въ сознаніи и кончается съ переходомъ въ безсознательное состояніе, — до такой степени вкоренилось въ умахъ людей, что перешло даже въ разговорный языкъ образованныхъ классовъ. Подъ гнетомъ этой привычки и мнѣ случалось иногда говорить о среднемъ членѣ того или другаго рефлекса, какъ о психическомъ элементѣ или даже какъ о психическомъ осложненіи рефлекторнаго процесса, а между тѣмъ я, конечно, былъ далекъ отъ мысли обособлять средній

членъ цѣльнаго акта отъ его естественнаго начала и конца. Но можетъ быть въ психической жизни, за предѣлами ея низшей инстанціи, чувственности, психическіе акты и въ самомъ дѣлѣ принимаютъ форму процессовъ, происходящихъ исключительно въ сознаніи?—Вѣдь не даромъ же человѣкъ способенъ мыслить, закрывши глаза, заткнувъ уши, не употребляя, однимъ словомъ, въ дѣло ни одного изъ органовъ чувствъ. А слѣпой, потерявъ зрѣніе въ зрѣлые годы, развѣ лишается способности думать образами, вспоминать все видѣнное въ жизни? Психологи прежнихъ временъ, а за ними и всѣ образованные люди, повидимому, правы—психическіе акты высшаго порядка и начинаются, и кончаются въ сознаніи.

Еслибы это было такъ, то выводъ, поставленный выше, былъ бы очевидно невозможенъ или по крайней мѣрѣ поспѣшенъ; но по счастью не трудно убѣдиться, что въ смысли, о которой теперь идетъ рѣчь, должно лежать величайшее заблужденіе [1]). Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что мысль эта справедлива. Какое значеніе пріобрѣтаютъ тогда рѣчь и письмена, служащія внѣшнимъ выраженіемъ мысли, и вся вообще внѣшняя дѣятельность человѣка, выражающаяся движеніями, или, какъ принято говорить, поступками? Съ нашей точки зрѣнія эти явленія могутъ быть безъ малѣйшей натяжки приравнены тремъ членамъ психическихъ актовъ низшаго порядка; а съ точки зрѣнія разбираемой мысли это будутъ случаи воздѣйствія души на тѣло. Что дѣлается съ тѣмъ легіономъ случаевъ въ практической жизни, изъ которыхъ даже обыденное сознаніе выводитъ заключеніе, что такой-то сознательный поступокъ человѣка есть продуктъ его матеріальной обстановки или нравственной среды, въ которой онъ живетъ, другой—продуктъ вліянія окружающихъ лицъ или голоса чувственности? Въ виду того, что всѣ эти вліянія такъ или иначе, но въ концѣ концовъ входятъ въ человѣка все-таки черезъ посредство чувствующихъ снарядовъ, по нашему это будутъ импульсы къ актамъ, эквивалентные первымъ членамъ низшихъ формъ психической дѣятельности, а по мнѣнію „обособителей психическаго“ это случаи воздѣйствія матеріи и тѣла на душу.

Что же разумнѣе, попытаться ли проводить нашу аналогію и за предѣлы чувственности, въ виду того, что есть тьма случаевъ, когда психическая дѣятельность является похожей, ну, хоть даже съ виду, на рефлекторные акты (въ виду особенно того, что психологи прежнихъ временъ не имѣли возможности проводить такой аналогіи, за отсутствіемъ

[1]) Детальныя доказательства см. ниже, въ 3-й главѣ.

физіологіи въ ряду знаній!) или, остановясь на какой-нибудь отдѣльной формѣ психической дѣятельности, въ родѣ приведенныхъ примѣровъ, разорвать изъ-за ея внѣшняго вида на части то, что связано природой (т. е. оторвать сознательный элементъ отъ своего начала, внѣшняго импульса, и конца — поступка), вырвать изъ цѣлаго середину, обособить ее и противупоставить остальному, какъ „психическое“ „матеріальному“? И добро бы эта противуестественная операція производилась уже послѣ того, какъ были истощены всѣ средства сохранить цѣлое — ничуть не бывало—сначала производилась операція, а потомъ начинались поиски, какъ бы склеить разорванное. И чего-то не придумывалось съ этой цѣлью. Одинъ говорилъ, что между психическими и матеріальными процессами, связанными между собою во времени, не существуетъ причинной связи, а только параллельность, соотвѣтствіе;—другой, что нервная система есть органъ однихъ матеріальныхъ проявленій души; — третій, что духовное и матеріальное начала хотя и различны, но не противуположны другъ другу и пр. Нужно ли говорить, что все это не болѣе, какъ логическія или даже діалектическія увертки, которыми можно въ самомъ счастливомъ случаѣ удовлетворить только спекулятивный умъ, но никакъ не разрѣшать такіе яркореальные вопросы, какъ факты, такъ-называемыя взаимодѣйствія души и тѣла. Въ смысли же о родственности нервныхъ и психическихъ процессовъ всѣ эти факты содержатся, наоборотъ, какъ часть въ цѣломъ.

Итакъ, еслибы даже половина, три-четверти, девять-десятыхъ случаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности не имѣло съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $^1|_{10}$ сходныхъ случаевъ аналогія должна была бы проводиться за предѣлы чувственности—это требованіе разума, науки. Но мы знаемъ, что это не такъ: воззрѣніе Локка, что корни всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, какъ сказано было, съ незначительными ограниченіями всѣми психологическими школами. Значитъ, для аналогіи и здѣсь широкое поле.

Но что же пріобрѣтетъ отъ этого психологія, какъ наука? То, что пріобрѣтается вообще умомъ человѣческимъ изъ сопоставленія *неизвѣстнаго сложнаго* съ болѣе простымъ и болѣе извѣстнымъ (т. е. расчлененнымъ) *схожимъ*; — то, что вообще даетъ аналогія въ наукѣ. А кто же не знаетъ могучести этого умственнаго средства? Кому, какъ не аналогіи обязаны мы, напр., самыми блестящими теоріями физики, при-

равнявшими тепло свѣту, то и другое чисто механическому движенію частичекъ? Въ нашемъ случаѣ аналогія есть единственное средство расчленить конкретные психическіе факты, отнестись къ нимъ аналитически. Правда, физіологія нашла средство подступить къ изученію психическихъ фактовъ и болѣе прямымъ образомъ, изслѣдуя строеніе органовъ чувствъ и сопоставляя съ анатомическими данными различныя стороны ощущеній, производимыхъ этими органами; но понятно, что это частный случай въ общей системѣ приложенія физіологическихъ данныхъ къ разработкѣ психическихъ явленій—случай, который выясняетъ лишь связь извѣстныхъ характеровъ втораго члена рефлекса съ устройствомъ чувствующаго снаряда. Въ предлагаемой же мною системѣ заключаются элементы для всесторонняго изученія цѣльныхъ актовъ съ ихъ началами, серединами и концами.

Дѣло идетъ, какъ читатель, конечно, понимаетъ, на то, чтобы передать аналитическую разработку психическихъ явленій въ руки физіологіи. Права ея въ этомъ направленіи уже настолько выяснены всѣмъ предыдущимъ, что въ данную минуту мнѣ остается подвести развѣ одни итоги.

Всѣ психическіе акты, совершающіеся по типу рефлексовъ, должны *всецѣло* подлежать физіологическому изслѣдованію, потому что въ область этой науки относится непосредственно начало ихъ чувственное возбужденіе извнѣ, и конецъ — движеніе; но ей же должна подлежать и середина—психическій элементъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что последній оказывается очень часто, а можетъ быть и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, какъ думали прежде, но интегральной частью процесса. Въ болѣе общей формѣ мысль эта имѣетъ слѣдующій видъ: наука, вѣдѣнію которой подлежатъ моменты, опредѣляющіе психическіе акты и внѣшнія проявленія послѣднихъ, должна очевидно заниматься и выясненіемъ условій зависимости психическихъ явленій отъ опредѣляющихъ моментовъ съ одной стороны, и внѣшнихъ проявленій отъ психическихъ элементовъ съ другой.

Согласно такой программѣ, вѣдѣнію физіологіи должны подлежать и случаи психическихъ актовъ, уклоняющіеся по внѣшнему характеру болѣе или менѣе рѣзко отъ типа рефлексовъ, потому что, на основаніи опыта всѣхъ наукъ (по крайней мѣрѣ естественныхъ), причину всякаго уклоненія явленія отъ основнаго типа естественно искать прежде всего не въ вмѣшательствѣ новыхъ факторовъ, а въ формѣ зависимости уже

извѣстныхъ, особенно если эта форма такъ сложна, какъ въ психическихъ процессахъ. Возможно, конечно, что изученіе явленія съ этой точки зрѣнія поведетъ къ отрицательнымъ результатамъ, или даже приведетъ изслѣдователя къ выводамъ прямо противоположнымъ ожидаемымъ; но такой пріемъ въ дѣлѣ изученія остается все-таки единственно-раціональнымъ, а слѣдовательно неизбѣжнымъ.

Что касается до надежности тѣхъ рукъ, въ которыя попадетъ психологія, то въ нихъ, конечно, никто не усомнится;—порукой въ этомъ тѣ общія начала и та трезвость взгляда на вещи, которыми руководится современная физіологія. Какъ наука о дѣйствительныхъ фактахъ, она позаботится прежде всего отдѣлить психическія реальности отъ психологическихъ фикцій, которыми запружено человѣческое сознаніе по сіе время. Вѣрная началу индукціи, она не кинется сразу въ область высшихъ психологическихъ проявленій, а начнетъ свой кропотливый трудъ съ простѣйшихъ случаевъ; движеніе ея будетъ черезъ это, правда, медленно, но за то выиграетъ въ вѣрности. Какъ опытная наука, она не возведетъ на степень непоколебимой истины ничего, что не можетъ быть подтверждено строгимъ опытомъ; на этомъ основаніи въ добытыхъ ею результатахъ гипотетическое будетъ строго отдѣльно отъ положительнаго. Изъ психологіи исчезнутъ, правда, блестящія, всеобъемлющія теоріи; въ научномъ содержаніи ея будутъ, наоборотъ, страшные пробѣлы; на мѣсто объясненій въ огромномъ большинствѣ случаевъ выступитъ лаконическое „не знаемъ“; сущность психическихъ явленій, насколько они выражаются сознательностью, останется во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ непроницаемой тайной (подобно, впрочемъ, сущности всѣхъ явленій на свѣтѣ);—и тѣмъ не менѣе психологія сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ. Въ основу ея будутъ положены вмѣсто умствованій, нашептываемыхъ обманчивымъ голосомъ сознанія, положительные факты, или такія исходныя точки, которыя въ любое время могутъ быть провѣрены опытомъ. Ея обобщенія и выводы, замыкаясь въ тѣсные предѣлы реальныхъ аналогій, высвободятся изъ-подъ вліянія личныхъ вкусовъ и наклонностей изслѣдователя, доводившихъ психологію иногда до трансцендентальныхъ абсурдовъ, и пріобрѣтутъ характеръ объективныхъ научныхъ гипотезъ. Личное, произвольное и фантастичное замѣнится чрезъ это болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Однимъ словомъ, психологія пріобрѣтетъ характеръ положительной науки.

И все это можетъ сдѣлать одна только физіологія, такъ какъ она одна держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ истинно-научному анализу психическихъ явленій.

II.

Критическая оцѣнка матеріала, изъ котораго должна строиться психологія.— Выясненіе общихъ критеріевъ для отличенія психическихъ реальностей отъ психическихъ фикцій.—Классификація психологическихъ задачъ.

Показавъ, кому быть психологомъ, я обращаюсь теперь къ другой половинѣ своей задачи—къ выясненію пути, которому нужно слѣдовать въ разработкѣ психическихъ фактовъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, вопросъ о матеріалѣ, изъ котораго должна строиться психологія.

Такимъ матеріаломъ всегда служила и служитъ по преимуществу та сумма психологическихъ самонаблюденій и наблюденій надъ другими людьми изъ сферы обыденной жизни, которая извѣстна всякому подъ общимъ именемъ практической или обыденной психологіи. При скромности тѣхъ цѣлей, которыми задается физіолого-психологъ, матеріалъ этотъ болѣе чѣмъ достаточенъ со стороны обширности; кромѣ того, онъ обладаетъ двумя очень рѣдкими свойствами,—общедоступностью и сподручностью, дѣлающими его крайне удобнымъ для употребленія. Расширять въ настоящее время сферу изслѣдованія за его предѣлы было бы, по моему мнѣнію, дѣломъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, потому что опытъ всѣхъ положительныхъ наукъ, да, полагаю, и опытъ обыденной жизни указываютъ на то, что прочность всякихъ выводовъ зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, главнѣйшимъ образомъ не отъ богатства матеріала, а отъ степени его разработанности, такъ какъ послѣднею прямо опредѣляется его пригодность для употребленія. Разработанностью же нашъ матеріалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вообще не отличается.

Если присмотрѣться внимательнѣе къ тому, что собрано человѣкомъ въ дѣлѣ самонаблюденій, при сравнительно маленькой помощи со стороны науки (или правильнѣе, со стороны лицъ, лишь болѣе настойчиво размышлявшихъ о психическихъ явленіяхъ чѣмъ другіе), то оказывается, что весь матеріалъ носитъ на себѣ всѣ признаки *самоизученія.* Въ самомъ дѣлѣ, житейская или практическая психологія, во первыхъ, устанавливаетъ, на основаніи ясно-сознаваемыхъ различій, не только виды, но и роды психическихъ явленій; другими словами, она выясняетъ объекты познанія и классифицируетъ ихъ. Затѣмъ практическая психологія подмѣчаетъ всѣ главнѣйшія условія, которыми опредѣляется возникновеніе, ходъ и конецъ психическихъ актовъ, т. е. уже *изучаетъ* психическія явленія; — наконецъ, дѣло завершается теоріей или, правильнѣе, нѣ-

сколькими теоріями происхожденія психическихъ явленій. Объяснимъ все это примѣрами.

Уже простолюдинъ умѣетъ отличать психическій актъ, происходящій при смотрѣніи на что-нибудь, отъ размышленій о томъ же предметѣ, что выражается въ словахъ *видѣть* и *думать*. Немного образованія нужно и для того, чтобы понять, что между актомъ реальнаго видѣнія предмета и воспоминаніемъ о немъ должно существовать родство. Еще маленькое усиліе мысли, и третьей родственной формой является представленіе объ общихъ признакахъ родственныхъ предметовъ—понятіе. Рядомъ съ этими элементами всякаго мышленія, сознаніе отличаетъ душевныя движенія совершенно другаго характера, которымъ придаетъ родовое имя *чувства* (чувство удовольствія или отвращенія, ожиданіе, страхъ, радость, тоска, печаль, восторгъ и пр.), и въ то же время распредѣляетъ въ различныя группы, соотвѣтствующія видамъ и разновидностямъ, руководствуясь при этомъ то степенью ихъ напряженности (чувство и страсть), то большею или меньшею ясностью (спокойное чувство и аффектъ), то общимъ характеромъ реакцій, вызываемыхъ ими въ тѣлѣ (чувство возбуждающее и гнетущее) и пр. Въ деталяхъ эта классификація не можетъ не представлять, конечно, крупныхъ недостатковъ, такъ какъ непосредственное наблюденіе скользитъ лишь по самой поверхности явленій; но въ общемъ, особенно по отношенію къ установкѣ родовыхъ признаковъ, она вѣрна. Кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что чувство отличается отъ представленія или мысли стремительностью, субъективностью, неспособностью расчленяться, что на этомъ основаніи оно не поддается прямому описанію на словахъ, несмотря на рѣзкость, съ которою часто сознается и пр.

Этими двумя основными формами (умъ и чувство) резюмируется для самосознанія вся чисто духовная сфера человѣка, если отбросить въ сторону внѣшнее проявленіе ея, т. е. поступки. И нужно признаться, въ этой части своей задачи, т. е. въ установленіи родовъ и видовъ психическихъ процессовъ, практическая психологія оказывается часто очень тонкой наблюдательницей.

Съ неменьшимъ успѣхомъ подмѣчаетъ она условія происхожденія психическихъ явленій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ указать на *память*, какъ основное условіе всей психической жизни; на *вниманіе*, какъ необходимое условіе, чтобы актъ пришелъ въ сознаніе; на анализъ обстоятельствъ, вызывающихъ воспоминаніе, опредѣляющихъ сочетаніе представленій, большую или меньшую яркость чувства и пр. Сюда же относятся наблюденія надъ связью между различными психическими актами и поступками человѣка, выражающіяся главнѣйшимъ

образомъ въ томъ, что одинъ рядъ проявленій признается инстинктивнымъ, роковымъ, другой сознательно - разумнымъ, одинъ невольнымъ, другой произвольнымъ и пр.

До сихъ поръ практическій психологъ остается на почвѣ наблюденія, и если по временамъ съ нимъ и случаются грѣхи, то винить его можно развѣ лишь въ томъ, что онъ иногда слишкомъ довѣрчиво относится къ голосу самосознанія, забывая вѣчнопоучительный примѣръ вращенія вокругъ земли солнца. Но отсюда сознаніе начинаетъ уже теоретизировать, т. е. силится объяснить себѣ самую суть происхожденія психическихъ актовъ. Спросите, напримѣръ, любого человѣча, принадлежащаго къ такъ-называемому образованному сословію, но не занимающагося науками, что онъ думаетъ о происхожденіи мысли и чувства; и вы навѣрно получите отвѣтъ, что способностью мыслить мы обязаны *уму*, а способностью чувствовать—*чувству*, или чувствительности. А многіе прибавятъ, можетъ быть и теперь, что умъ сидитъ въ головѣ, а чувство въ сердцѣ. Спросите его далѣе, что ему извѣстно о связи между мыслями и желаніями съ одной стороны, поступками человѣка съ другой,— и онъ навѣрно отвѣтитъ вамъ, что такъ какъ человѣкъ воленъ поступать и согласно своимъ мыслямъ и желаніямъ, и наперекоръ имъ, — значитъ, между ними и поступками должна стоять особая *свободная сила*, которая и называется волей. Такою же *объясняющею* силою является у него въ теоретической части *воображеніе*, сочетающее, и иногда очень прихотливо, различныя представленія между собой; въ такую же силу превращается и *память*, бывшая до тѣхъ поръ неопредѣленнымъ условіемъ сохраненія впечатлѣній; то же продѣлывается съ *вниманіемъ* и проч. Въ концѣ же концовъ выходитъ, что образованный человѣкъ *объясняетъ* различныя стороны психическихъ актовъ совершенно также, какъ объясняетъ дикарь непонятныя ему явленія физической природы; вся разница между ними въ томъ, что у одного производящая причина есть созданная его воображеніемъ *сила*, а у втораго эта причина—какой-нибудь духъ.

Изъ такого взгляда на психологическій матеріалъ вытекаетъ уже сама собою необходимость строго отличать конкретные продукты наблюденій отъ всего, что носитъ на себѣ характеръ теоретическихъ умствованій или поползновеній объяснять суть дѣла. Но этимъ, къ несчастью, не дается еще возможности различать во всѣхъ случаяхъ обѣ категоріи фактовъ другъ отъ друга, такъ какъ въ основѣ теорій практической психологіи лежатъ часто вѣрно схваченные факты, а съ другой

стороны, теоріи эти нерѣдко имѣютъ на первый взглядъ очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что въ основѣ ихъ лежатъ положительныя фикціи. Главнѣйшимъ, если не исключительнымъ, источникомъ ошибокъ послѣдняго рода служитъ пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, т. е. *смѣшивать номинальное съ реальнымъ, логическое съ истиннымъ.* Чтобы сдѣлать для читателя понятными средства къ устраненію этихъ золъ, я принужденъ разобрать дѣло на примѣрахъ.

Очень нагляднымъ примѣромъ ложнаго толкованія вѣрныхъ фактовъ можетъ служить ученіе практической психологіи о волѣ. Въ основѣ его лежатъ слѣдующія наблюденія. У человѣка родится одинъ разъ извѣстное желаніе сдѣлать что-нибудь, и онъ, какъ-бы повинуясь его голосу, удовлетворяетъ это желаніе соотвѣтственнымъ поступкомъ; другой разъ это же самое желаніе, подъ вліяніемъ ли другихъ опредѣляющихъ мотивовъ или какъ будто по капризу, не выражается никакой внѣшней реакціей, никакимъ поступкомъ; и, наконецъ, въ третьемъ случаѣ за желаніемъ возникаетъ дѣйствіе не только несоотвѣтственное требованіямъ желанія, но даже прямо противоположное имъ. Въ послѣднемъ случаѣ характеръ поступковъ можетъ видоизмѣняться отъ человѣка къ человѣку (и даже у одного и того же человѣка при разныхъ условіяхъ) до чрезвычайности; но, во-первыхъ, видоизмѣняемость эта имѣетъ всегда для нормальнаго человѣка опредѣленныя границы, за которыми поступокъ становится уже безумнымъ, продуктомъ умопомѣшательства, невмѣняемымъ проявленіемъ несвободной воли; во-вторыхъ, случай, когда поступокъ прямо противорѣчитъ требованіямъ желанія, остается все-таки наиболѣ рѣзкимъ и рѣшительнымъ въ дѣлѣ установленія теоріи воли. Въ угоду этой теоріи я даже усилю факты, отбросивъ для послѣднихъ двухъ случаевъ вмѣшательство опредѣляющихъ мотивовъ, тогда воля становится очевидно еще независимѣе, являясь исключительнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ опредѣленія поступка. Въ этой формѣ нашъ примѣръ получаетъ слѣдующій видъ; въ первомъ случаѣ изъ желанія родится цѣлесообразное дѣйствіе, во второмъ—реакціи никакой не происходитъ, въ третьемъ—дѣйствіе противорѣчитъ по смыслу мотиву.

Если относиться къ этимъ фактамъ объективно (а это есть единственно-научный способъ относиться къ явленіямъ), то наблюденіе не открываетъ въ нихъ абсолютно ничего новаго, кромѣ только-что перечисленныхъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ я не дѣлаю ни малѣйшей натяжки, сопоставляя избранный мною психологическій примѣръ съ слѣ-

дующимъ рядомъ явленій изъ физическаго міра. Огонь, какъ извѣстно, можетъ согрѣвать тѣла, можетъ и не согрѣвать ихъ (напр., тающій ледъ или снѣгъ) и наконецъ можетъ производить охлажденіе, если между нимъ и тѣлами находится сильно испаряющаяся жидкость. Факты эти общеизвѣстны со стороны условій ихъ происхожденія, и потому никому не приходитъ въ голову снабжать огонь способностью видоизмѣнять изъ самого себя или при посредствѣ особаго свободнаго дѣятеля производимые имъ эффекты, но стоитъ вообразить себѣ, что человѣкъ не знаетъ этихъ промежуточныхъ условій, видя только съ одного конца огонь, а съ другаго его дѣйствіе, и аналогія между обоими примѣрами будетъ вовсе не шуточная. Дѣло и заключается именно въ томъ, что въ запутанныхъ явленіяхъ съ вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую ничего необъясняющую силу. Не естественнѣе ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія и его концомъ?

Съ этой точки зрѣнія всѣ теоріи обыденной психологіи, насколько въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, должны разсматриваться на ряду съ неопредѣленными условіями происхожденія той или другой формы явленій.

Такое отношеніе къ фактамъ, какъ ничего не предрѣшающее, нисколько не можетъ вредить разъясненію ихъ, а между тѣмъ, будучи принято какъ принципъ, оно сразу устраняетъ тьму недоумѣній въ дѣлѣ практической оцѣнки психическихъ фактовъ со стороны ихъ реальности.

Въ примѣръ же злоупотребленія рѣчью я возьму нѣсколько отрывковъ изъ философствованій обыденной психологіи о природѣ человѣка.

1) Человѣкъ, какъ отдѣльное звено въ мірозданіи, какъ замкнутое въ себя цѣлое, можетъ быть противоположенъ всему остальному въ мірѣ, обособленъ отъ всего, что находится внѣ его. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть особь, недѣлимое (цѣлое), единица.

2) Если обозрѣть всю сумму явленій, происходящихъ въ человѣкѣ, то онъ оказывается состоящимъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ не по однимъ и тѣмъ же законамъ.

3) Какъ существо тѣлесное, *онъ* подчиненъ законамъ матеріальнаго міра, какъ существо духовное, *онъ* стоитъ внѣ ихъ.

4) Тѣлесною стороною *онъ* рабъ матеріи, духовною — онъ властелинъ ея.

5) Человѣкъ властенъ не только надъ своимъ тѣломъ, управляетъ не только своими поступками, но власть его распространяется даже на мысли, желанія, страсти и пр.

6) Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если прочитать всѣ эти тирады, то сразу онѣ кажутся простыми, понятными, соотвѣтствующими цѣлому ряду общественныхъ фактовъ и даже нелишенными нѣкоторой послѣдовательности, насколько природа человѣка можетъ быть опредѣлена рядомъ афоризмовъ. Но стоитъ только вдуматься въ реальную подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соотвѣтствуютъ дѣлу, и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ. Въ самомъ дѣлѣ,—понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ, по самому смыслу этихъ наименованій не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ; стало быть, во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ цѣломъ, единицѣ, подъ словомъ *человѣкъ* нельзя разумѣть ничего другаго кромѣ его физической природы. Съ этой точки зрѣнія всѣ послѣдующіе афоризмы, въ которыхъ подлежащимъ является слово „человѣкъ", были бы очевидными абсурдами. Такъ, второе положеніе превратилось бы въ невозможное уравненіе: тѣлесная форма человѣка = самой себѣ + душа; а остальныя — въ непередаваемую на словахъ безсмыслицу. Но, положимъ, что понятію *человѣкъ* соотвѣтствуетъ сочетаніе души и тѣла; тогда уже во всѣхъ случаяхъ и слѣдуетъ принимать, что человѣкъ = душѣ + тѣло.

Съ этой точки зрѣнія 1-е положеніе было бы невозможно, 3-е и 4-е были бы нелѣпостью (потому что одно и то же *нѣчто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять внѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея); а 5-е имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и слѣдовательно въ нашемъ случаѣ пришлось бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать, въ качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой человѣка... по счастью только на словахъ!

Вообще же грѣхи, извѣстные всѣмъ подъ общимъ именемъ игры въ слова, проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ изъ того обстоятельства, что человѣкъ, будучи способенъ производить надъ словами, какъ символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, тѣ же самыя умствен-

ныя операціи, какъ надъ любымъ рядомъ реальныхъ предметовъ внѣшняго міра, переноситъ продукты этихъ операцій на почву реальныхъ отношеній. Бываютъ, напр., случаи, что въ психологію переносятся крайніе продукты отвлеченія или обобщенія, и тогда въ наукѣ появляются въ видѣ реальностей пустые абстракты въ родѣ „бытія", „сущности вещей" и пр. Другой разъ умъ, подкупаясь расчленяемостью рѣчи, безконтрольно принимаетъ соотвѣтственную расчленяемость и по отношенію къ реальнымъ процессамъ, обозначаемымъ словомъ; отсюда происходитъ столь частое смѣшеніе логическихъ сторонъ мышленія съ психологическими и вообще смѣшеніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ. Наконецъ, бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ, додумавшись, какъ говорится, до чортиковъ, начинаетъ прямо облекать въ психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, напр., знаменитая по наивности и распространенности игра въ „я". Понятно однако, что всѣ эти грѣхи становятся грѣхами только потому, что перенесеніе фактовъ и выводовъ изъ области именъ въ область реальныхъ предметовъ дѣлается безконтрольно, за неимѣніемъ у обыденнаго сознанія никакихъ общихъ критеріевъ для опредѣленія истинныхъ психическихъ реальностей. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки развиваются тоже при посредствѣ слова, облекающаго въ опредѣленную форму всѣ ихъ выводы и обобщенія, а между тѣмъ игра въ слова здѣсь почти невозможна, и этимъ онѣ обязаны конечно тому обстоятельству, что діагностическіе признаки матеріальныхъ реальностей прочно установлены.

Явно, что и въ нашемъ случаѣ слово перестанетъ быть источникомъ ошибокъ, какъ только наука установитъ ясно и опредѣленно общіе признаки психическихъ реальностей.

Такимъ образомъ, вопросъ объ общихъ пріемахъ критической оцѣнки матеріала, поставляемаго обыденной психологіей, заканчивается вопросомъ, что нужно разумѣть подъ психической реальностью, которая одна можетъ и должна быть объектомъ психологическаго изслѣдованія.

Этотъ вопросъ я раздѣлю на двѣ половины. Въ первой постараюсь показать, *что́ слѣдовало бы* изучать, какъ психическую реальность, а во второй—*что́ можно* изучать, какъ таковую.

Выше, проводя параллель между нервными и психическими актами, я старался доказать ихъ родство между собою, съ цѣлью доказать возможность разработки послѣднихъ, по аналогіи съ первыми. При этомъ

рѣчь шла почти исключительно о внѣшнихъ признакахъ актовъ, объ элементахъ явленій того и другаго рода; но за такой аналогіей проявленій предполагались, конечно, и болѣе существенныя сходства—аналогіи производящихъ причинъ. Другими словами, если въ нервномъ актѣ существеннымъ и единственно-реальнымъ является сумма тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы, то и въ психическихъ актахъ единственно реальнымъ можетъ быть только соотвѣтственная сторона фактовъ. Въ этомъ смыслѣ психическая реальность получила бы крайне опредѣленную, такъ сказать, осязательную форму и дѣло отличенія психической реальности отъ психологической фикціи сдѣлалось бы такимъ же легкимъ, какъ, напр., для физика дѣло отличенія свѣтоваго эфира отъ воздуха. Къ несчастью, свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ [1]), даже для случая наиэлементарнѣйшихъ рефлексовъ, почти равны нулю. Мы знаемъ лишь матеріальную форму, въ сферѣ которой происходитъ явленіе, нѣкоторыя изъ условій его нормальной видоизмѣняемости, умѣемъ воспроизводить явленіе искусственно съ тѣмъ или другимъ характеромъ, знаемъ какую роль играетъ въ цѣльномъ явленіи та или другая часть снаряда и т. д.; но природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, остается для насъ до сихъ поръ загадкой. Поэтому разработка, или по крайней мѣрѣ выясненіе, этой стороны нервныхъ и психическихъ явленій принадлежитъ отдаленному будущему; мы же осуждены вращаться въ сферѣ проявленій. Тѣмъ не менѣе мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности, предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣтствуетъ еще реальная сторона дѣла; во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она все-таки представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ; наконецъ, въ-третьихъ, потому, что этой мыслью опредѣляется основный характеръ задачъ, составляющихъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ. Въ первомъ смыслѣ, т. е. какъ основа научной психологіи,

[1]) Слово „нервный процессъ“ съ этой минуты не нужно смѣшивать съ словомъ „нервное явленіе“; послѣдній терминъ я буду употреблять для обозначенія внѣшнихъ проявленій нервной дѣятельности, а подъ первымъ стану разумѣть недоступный нашимъ чувствамъ частичный (молекулярный) процессъ въ сферѣ нервовъ и нервныхъ центровъ.

мысль о психической дѣятельности съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому, подобно тому, какъ въ современной химіи исходной истиной считается мысль о неразрушаемости матеріи. Принятая, какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологію вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ, движеніи. Если это удается по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ (конечно, сначала на простѣйшихъ примѣрахъ) психической дѣятельности, напр. по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями, значитъ исходная точка вѣрна. Въ этомъ случаѣ все наиболѣе сложное, неподходящее подъ принятую рамку, должно быть смѣло оставлено подъ вопросомъ для будущаго.

Наконецъ, въ смыслѣ опредѣленія общаго характера задачъ, нашъ принципъ требуетъ, чтобы психологія, подобно ея родной сестрѣ физіологіи, отвѣчала только на вопросы, *какъ* происходитъ то или другое психическое движеніе, проявляющееся чувствомъ, ощущеніемъ, представленіемъ, невольнымъ или произвольнымъ движеніемъ, *какъ* происходятъ тѣ процессы, результатомъ которыхъ является мысль и пр.

Теперь всѣ главнѣйшія орудія изслѣдованія у насъ на лицо, и можно уже приступить къ дѣлу. Съ чего однако начать, гдѣ копнуть въ томъ безконечно разнообразномъ матеріалѣ, который составляетъ психическую жизнь? Для перваго приступа казалось бы лучше всего взять психическую дѣятельность какого-нибудь одного человѣка за маленькій промежутокъ времени, напр. за одинъ день, и хоть присмотрѣться къ ея внѣшней физіономіи. Кто не знаетъ эту картину? Если имѣть въ виду только ту сторону ея, которою она отражается въ сознаніи, то психическая жизнь является родомъ волшебнаго фонаря съ безпрерывно мѣняющимися образами, изъ которыхъ каждый держится въ полѣ зрѣнія много-что секунду или доли ея, мелькая иногда какъ тѣнь и обыкновенно уступая мѣсто другому образу, безъ всякаго темнаго перерыва. Это есть непрерывная цѣпь смѣняющихъ другъ друга ощущеній, чувствъ, мыслей и представленій, принимающая то звуковую, то образную или другую форму, цѣпь до такой степени сплоченная, что сознаніе отличаетъ въ ней пустые промежутки лишь съ крайнимъ трудомъ, притомъ въ исключительныхъ случаяхъ. И цѣпь эта тянется въ такой формѣ ежедневно, отъ пробужденія до засыпанія; самый сонъ невсегда прерываетъ ее, замѣняя днев-

ные образы ночными грёзами. Если же присматриваться къ тѣмъ вліяніямъ, которыя дѣйствуютъ на человѣка въ теченіи дня извнѣ, и сопоставить ихъ съ продуктами сознанія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними можно открыть болѣе или менѣе легко причинную связь (когда, напр., человѣкъ думаетъ непосредственно о видѣнномъ, слышимомъ, озязаемомъ и пр.), но чаще, т. е. для большинства звеньевъ цѣпи, такой связи открыть непосредственно невозможно, такъ что они являются съ виду какъ-бы самобытными продуктами сознанія. Не менѣе сложнымъ и запутаннымъ представляется отношеніе между продуктами сознанія и явленіями въ двигательной сферѣ: въ теченіе всего дня въ тѣлѣ замѣчается непрерывный рядъ движеній, которыя тоже смѣняютъ другъ друга, обыкновенно безъ ощутимыхъ промежутковъ, и одни изъ нихъ появляются какъ-то безцѣльно, машинально, а между тѣмъ стоятъ въ очевидной связи съ душевными движеніями (мимика лица и тѣла); другія принадлежатъ явственно къ заученнымъ движеніямъ и цѣлесообразны по отношенію къ опредѣляющимъ ихъ въ данную минуту мотивамъ, а между тѣмъ и въ нихъ чувствуется какая-то машинальность (сюда относятся, напр., всѣ заученныя комбинаціи движеній ремесленника); третьи служатъ непосредственнымъ воплощеніемъ того, что происходитъ въ сознаніи (рѣчь); четвертыя появляются, наоборотъ, безъ всякаго повода и отношенія къ нему (привычныя движенія) и пр. и пр. Все же взятое вмѣстѣ представляетъ такую пеструю и запутанную картину безъ начала и конца, которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ крайне мало приглашающаго начать изслѣдованіе съ нея [1]). Въ самомъ счастливомъ случаѣ человѣкъ вынесетъ изъ разсматриваніи ея только недоумѣніе, представляетъ ли психическая жизнь одинъ цѣльный актъ, тянущійся безъ перерыва всю жизнь съ сравнительно маленькими промежутками ночнаго затмѣнія сознанія, или картина эта есть результатъ сплоченія въ цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ, совершавшихся нѣкогда въ тѣлѣ въ формѣ одиночныхъ актовъ.

Такое недоумѣніе не можетъ, по счастью, продолжаться долго. Есть очень простой способъ убѣдиться въ томъ, что изъ обоихъ воззрѣній вѣрно только послѣднее. Для этого стоитъ лишь разсматривать картину психической дѣятельности не за одинъ только день, а за большой промежутокъ времени. При этомъ оказывается, что въ ряду образовъ, повто-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе въ Германіи нашлись-таки люди (Гербартъ и его послѣдователи), которые приняли эту картину за исходный пунктъ изслѣдованія и взялись распутать ее.

ряющихся изо-дня въ день съ утомительнымъ однообразіемъ, выскакиваетъ вдругъ нѣчто новое, какое-нибудь образное представленіе, чувство мысль, положенная на слова, и т. д. Дѣлается провѣрка и выходитъ, что новый гость, втѣснившійся въ картину, есть пріобрѣтеніе дня—встрѣча новаго лица, вызванныя имъ ощущенія, новая мысль, прочитанная въ книгѣ и т. д. Еще поучительнѣе сравненіе картинъ психической дѣятельности у образованнаго человѣка и простолюдина: у перваго она богата и образами и красками, а у втораго все содержаніе ея вертится почти исключительно вокругъ вопросовъ о матеріальномъ существованіи. Еще одинъ шагъ книзу, и вы встрѣчаетесь съ сознаніемъ ребенка, которое, какъ извѣстно, представляетъ родъ канвы, на которой мало-по-малу выводятъ узоры реальныя встрѣчи съ внѣшнимъ міромъ и воспитаніе. Не ясно ли послѣ этого, что дневная картина психической дѣятельности взрослаго человѣка должна была слагаться мало-по-малу изъ отдѣльныхъ актовъ, возникавшихъ въ различные моменты существованія?

Послѣдній выводъ дѣлаетъ уже совершенно очевиднымъ, что дневная картина психической дѣятельности человѣка не можетъ быть взята за исходный объектъ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе взглядъ на нее все-таки полезенъ, потому что изъ него естественно вытекаетъ слѣдующая группировка задачъ нашей науки:

1) Психологія должна изучать исторію возникновенія отдѣльныхъ элементовъ картины;

2) изучать способъ сплоченія отдѣльныхъ элементовъ въ непрерывное цѣлое; и наконецъ—

3) изучать тѣ пружины, которыми опредѣляется каждое новое возникновеніе психической дѣятельности послѣ существовавшаго перерыва.

Или, переводя эти образы на болѣе научный языкъ:

1) Психологія должна изучать исторію развитія ощущеній, представленій, мысли, чувства и пр.

2) Затѣмъ, изучать способы сочетанія всѣхъ этихъ видовъ и родовъ психическихъ дѣятельностей другъ съ другомъ, со всѣми послѣдствіями такого сочетанія (приэтомъ нужно однако напередъ имѣть въ виду, что слово сочетаніе есть лишь образъ); и наконецъ—

3) изучать условія воспроизведенія психическихъ дѣятельностей.

Явленія, относящіяся во всѣ три группы, издавна разсматриваются

во всѣхъ психологическихъ трактатахъ [1]); но такъ какъ въ прежнія времена „*психическимъ*“ было только „*сознательное*“, т. е. отъ цѣльнаго натуральнаго процесса отрывалось начало (которое относилось психологами для элементарныхъ психическихъ формъ въ область физіологіи) и конецъ, то объекты изученія, не смотря на сходство рамокъ у насъ, все-таки другіе. Исторія возникновенія отдѣльныхъ психическихъ актовъ должна обнимать и начало ихъ, и внѣшнее проявленіе, т. е. двигательную реакцію, куда относится между прочимъ и рѣчь. Въ ученіи о сочетаніи элементовъ психической дѣятельности необходимо обращать вниманіе и на то, что дѣлается съ началами и концами отдѣльныхъ актовъ. Наконецъ, въ третьемъ ряду задачъ должны изучаться условія репродукціи опять-таки цѣльныхъ актовъ, а не одной середины ихъ.

Теперь читатель, конечно, въ правѣ ожидать отъ меня, чтобы я доказалъ на дѣлѣ примѣнимость изложенныхъ общихъ началъ къ аналитическому изученію *всѣхъ* главнѣйшихъ сторонъ психическихъ дѣятельностей; иначе меня справедливо можно было бы упрекнуть въ томъ, что я, колебля вѣру въ старые пути науки и какъ-бы указывая на новые не беру на себя однако труда доказать, что по этимъ новымъ путямъ наука дѣйствительно можетъ двигаться. Это я и постараюсь сдѣлать, но съ слѣдующей оговоркой.

Въ „Рефлексахъ головнаго мозга“ я уже пытался разъ примѣнить эти самые принципы къ разработкѣ всѣхъ главнѣйшихъ формъ психической дѣятельности, но такъ какъ въ сочиненіи много разъ настойчиво говорилось, что всѣ явленія разбираются только со стороны способа ихъ происхожденія, то у читателя, знакомаго съ содержаніемъ этой книги, могла до сей поры совершенно справедливо держаться въ головѣ мысль, что этотъ этюдъ въ самомъ счастливомъ случаѣ могъ доказать только приложимость физіологическихъ аналогій къ чисто внѣшней сторонѣ психическихъ дѣятельностей. Теперь же, когда выяснены причины, почему психологія, какъ наука, можетъ касаться въ настоящее время именно только этой стороны явленій, взглядъ на дѣло долженъ очевидно измѣниться. Научная психологія, по всему своему содержанію, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ рядомъ ученій о происхожденіи психическихъ дѣятельностей. Съ этой точки

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, во вторую группу задачъ относится такъ-назыв. процессъ ассоціаціи психическихъ дѣятельностей, а въ третью—процессъ репродукціи.

зрѣнія всѣ выводы въ „Рефлексахъ головнаго мозга“, которые я продолжаю считать вѣрными, получаютъ значеніе доказательствъ приминимости представленныхъ мною теперь общихъ началъ. Смотря на дѣло такимъ образомъ, я могъ бы, слѣдовательно, отвѣтить на совершенно законное требованіе читателя указаніемъ на то, что уже было прежде сдѣлано мною. Но я поступлю иначе.

Мысль о возможности подвести всѣ главнѣйшія формы психической дѣятельности подъ типъ рефлекторныхъ процессовъ я развивалъ въ „Рефлексахъ головнаго мозга“ на постепенно усложняющихся частныхъ примѣрахъ, причемъ моими руководящими мыслями были слѣдующія соображенія: очень многіе случаи психическихъ явленій носятъ явственный характеръ рефлексовъ, стало быть позволительно предположить, что когда психическій актъ является безъ всякаго выраженія извнѣ (движеніемъ), или, наоборотъ, двигательный конецъ его усиленъ, случаи эти могутъ быть подведены подъ рефлексы съ угнетеннымъ, или, наоборотъ, усиленнымъ концомъ. Первому случаю оказалось соотвѣтствующею мысль, второму — аффектъ, страстноедвиженіе. Когда эта цѣль была достигнута, мнѣ уже оставалось только выяснить на примѣрахъ понятіе о произвольности движеній, и основная цѣль была достигнута.

Ту же самую основную мысль я буду развивать и теперь, но иначе. Я стану слѣдить исторически за психическимъ развитіемъ человѣка (конечно, единичнаго), съ его рожденія на свѣтъ, постараюсь подмѣтить главнѣйшія фазы его (т. е. развитія) въ томъ или другомъ періодѣ и вывести всякую послѣдующую фазу изъ предыдущей. Такимъ образомъ, ходъ мысли, какъ болѣе общій, будетъ обнимать явленія полнѣе, и гипотетическіе выводы прежняго труда подкрѣпятся новыми доводами. При этомъ я считаю, однако, нужнымъ оговориться, что не коснусь здѣсь ни природы такъ-называемой ассоціаціи впечатлѣній, или, правильнѣе, рефлексовъ, ни природы репродукціи ихъ, такъ какъ эти явленія выяснены были мною прежде и прибавить въ этомъ отношеніи что-нибудь существенно новое я не могу. Прошу только читателя держать въ умѣ, что ассоціація есть результатъ частаго повторенія нѣсколькихъ послѣдовательныхъ рефлексовъ, а репродукція любаго психическаго акта — ни что иное, какъ фотографическое повтореніе одного и того же процесса при количественно измѣненныхъ условіяхъ возбужденія чувствующаго снаряда.

III.

Въ младенчествѣ и дѣтскомъ возрастѣ всѣ психическія явленія носятъ характеръ рефлексовъ.—Единственные, очень крупные переломы въ послѣдующемъ психическомъ развитіи составляютъ: развивающаяся мало-по-малу мыслительная способность и произвольность дѣйствій.—Анализъ мышленія, какъ процесса, въ связи съ его реальными субстратами, показываетъ, однако, что въ акты мышленія не привходитъ никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму; и такъ какъ опытъ ясно указываетъ на то, что начало процесса расчлененія ощущеній падаетъ на младенческій возрастъ и что процессъ идетъ отсюда безъ существенныхъ измѣненій вплоть до случаевъ отвлеченнаго мышленія, то этимъ доказывается, что мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго развитія человѣка.— Физіологическій анализъ произвольныхъ движеній и перенесеніе данныхъ этого анализа на психологическую почву приводитъ къ тому же результату и въ отношеніи произвольности человѣческихъ дѣйствій.

Вопросъ о томъ, происходятъ ли всѣ психическія дѣятельности по типу рефлексовъ или нѣтъ, рѣшается съ общей точки зрѣнія утвердительно, если можно доказать, что исходныя формы, изъ которыхъ выростаетъ вся психическая жизнь, представляютъ акты, совершающіеся по этому типу, и что природа процессовъ не извращается и во всѣ послѣдующія фазы психическаго развитія.

Чтобы рѣшить первую половину мысли, я приглашаю читателя вдуматься серьезно въ основное требованіе разума отъ всякой науки, *чтобы она изучала реальности*, и взглянуть съ этой точки зрѣнія, гдѣ и въ чемъ лежитъ начало психическаго развитія человѣка. Отвѣтъ ясенъ: начало падаетъ на младенческій возрастъ и можетъ лежать только въ различныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ чувствующихъ снарядовъ тѣла. Психологія, какъ наука о реальностяхъ, не можетъ отступать отъ такого воззрѣнія ни на іоту, потому что внѣ чувственныхъ вліяній съ ихъ двигательными послѣдствіями новорожденный не представляетъ ничего, кромѣ чистыхъ рефлексовъ (сосаніе, чиханіе, кашель, смыканіе глазъ и проч.). Никому, конечно, и въ голову не придетъ приписывать новорожденному даже настроеніе духа (не говоря уже о болѣе расчлененныхъ психическихъ образованіяхъ), когда онъ молчитъ или плачетъ; всякая кормилица знаетъ, что причина этому лежитъ или въ кишкахъ,

или въ кожныхъ ощущеніяхъ. Впрочемъ, защищаемая мною мысль извѣстна обыденному сознанію еще съ другой стороны: оно знаетъ, что нигдѣ зависимость психическаго содержанія отъ окружающей реальной обстановки не выражается съ такою поразительною яркостью, какъ на дѣтяхъ, и что зависимость эта длится не дни, а годы. Далѣе, всякому образованному человѣку извѣстно, что изъ реальныхъ встрѣчъ ребенка съ окружающимъ матеріальнымъ міромъ и складываются всѣ основы его будущаго психическаго развитія.

Стало-быть, исходныя психическія дѣятельности должны представлять со стороны начала актовъ (чувственное возбужденіе) сходство съ рефлексами.

О среднемъ членѣ акта, т. е. о сознательномъ элементѣ, у новорожденнаго не можетъ быть собственно и рѣчи, но ничто не говоритъ и противъ того, чтобы возбужденіе чувствующихъ снарядовъ не отражалось въ его сознаніи ощущеніями со всѣми основными дифференціальными характерами ихъ, присущими тому или другому чувствующему снаряду (качественныя различія боли, свѣта, звука и проч.); ощущенія эти не могутъ, однако, не быть слитыми, потому что новорожденный не умѣетъ ни смотрѣть, ни слушать, ни осязать и проч.

Но каковъ конецъ рефлексовъ у новорожденнаго? Казалось бы, что если у взрослаго движеніе можетъ вытекать изъ возбужденія любого органа чувствъ и нерѣдко выражается такими сложными актами, какъ ходьба, рѣчь и проч., то въ основѣ этихъ будущихъ проявленій должна лежать какая-нибудь преформированная связь между каждымъ чувствующимъ снарядомъ и чуть не всѣми двигательными аппаратами тѣла (нервно-мышечные снаряды). Она можетъ быть и есть уже при рожденіи, но даже у взрослаго связь эта не настолько пряма и непосредственна, какъ въ аппаратахъ, производящихъ чистые рефлексы, потому что при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, ходить заставляетъ взрослаго человѣка не ощущеніе свѣта, или звукъ самъ по себѣ, а зрительное или слуховое представленіе. Стало быть и удивляться нечего, что ребенокъ, неимѣющій представленій, не начинаетъ двигать руками или ногами, когда на него подѣйствуетъ звукъ или свѣтъ. Только у животныхъ, способныхъ ходить тотчасъ или вскорѣ по рожденіи, непрямая связь, о которой идетъ рѣчь, должна быть вполнѣ прирожденною, у человѣка же она можетъ быть въ этотъ періодъ много-что намѣченной. Поэтому-то возбужденія органовъ чувствъ у новорожденнаго и не выражаются извнѣ двигательными послѣдствіями ни въ туловищѣ, ни въ конечностяхъ. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной мас-

сы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности.

А между тѣмъ уже въ этотъ ранній періодъ въ тѣлѣ ребенка, и именно въ сферѣ глазъ, начинаетъ появляться особый родъ отраженныхъ движеній, вызываемыхъ свѣтомъ. Движенія эти быстро комбинируются въ стройную систему, и въ концѣ концовъ ребенокъ, какъ говорится, выучивается смотрѣть, т.-е. сводить зрительныя оси на предметѣ и передвигать глаза при такомъ положеніи осей вслѣдъ за движеніями предмета или съ одной точки неподвижнаго образа на другую. Это есть внѣшняя, видимая половина *умѣнья смотрѣть*, къ которой присоединяется еще умѣнье приспособлять глазъ къ разстояніямъ, невыражающееся извнѣ никакими ощутимыми признаками, но обусловливаемое, подобно первой половинѣ, дѣятельностью мышцъ. Такъ какъ эти движенія *заучиваются* ребенкомъ самостоятельно, лишь съ крайне малымъ участіемъ матери или кормилицы, то весь процессъ имѣетъ для насъ особенную важность.

Извѣстно, что если ребенокъ лежитъ постоянно въ свѣтлой комнатѣ такимъ образомъ, что свѣтъ падаетъ на его глаза съ боку, то онъ можетъ сдѣлаться косымъ, и именно въ сторону свѣта. Объяснить это можно только тѣмъ, что источникъ свѣта заставляетъ глазъ двигаться въ направленіи къ себѣ [1]). *Актъ*, очевидно *рефлекторный*, хотя уже на этой ступени развитія явленія умъ нашъ склоненъ видѣть въ немъ проявленіе *инстинктивнаго стремленія* ребенка къ свѣту. Еслибы ощущеніе свѣта оставалось неизмѣннымъ при возбужденіи имъ любой части сѣтчатки, то движенію глаза не было бы ни малѣйшей причины видоизмѣняться при продолжающемся вліяніи свѣта. Но этого условія нѣтъ; средняя часть сѣтчатки, лежащая прямо насупротивъ зрачка (такъ-называемое желтое пятно), ощущаетъ свѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ тоньше. Стало-быть, когда, при передвиженіи глаза, свѣтъ падаетъ на это мѣсто, возникаютъ условія для видоизмѣненія движенія. Видоизмѣненіе мыслимо только въ двухъ направленіяхъ: оно должно или усилиться, или ослабѣть. Природа выбрала послѣднее — глазъ останавли-

---

[1]) На лягушкахъ съ отнятыми полушаріями (часть головнаго мозга), непредставляющихъ ни одного изъ явленій съ характеромъ сознательно-произвольныхъ актовъ, я замѣчалъ очень часто слѣдующее: если такую лягушку посадить спиной къ окну и оставить въ покоѣ на нѣсколько часовъ, то спустя болѣе или менѣе долго, она повертывается лицомъ къ свѣту и остается въ этомъ положеніи уже неопредѣленное время.

вается въ движеніи. Второй рефлексъ, въ которомъ концомъ акта является торможеніе существовавшаго движенія.

На этой фазѣ явленіе однако можетъ и не остановиться. При продолжающемся вліяніи свѣта, вслѣдъ за покоемъ можетъ вѣроятно снова развиться движеніе, потому что всѣ хорошо изслѣдованные въ физіологіи случаи рефлексовъ показываютъ, что движенія этого рода, при непрерывно-продолжающемся возбужденіи чувствующаго нерва принимаютъ характеръ періодичности. При развившемся такимъ образомъ вторичномъ, третичномъ и т. д. движеніи могутъ повториться всѣ условія первичнаго, т.-е. опять сведеніе зрительныхъ осей на той же или на другой точкѣ свѣтоваго образа; и такимъ образомъ актъ будетъ представлять перерывистый рядъ послѣдовательныхъ сведеній осей на одну или нѣсколько точекъ предмета.

Но гдѣ же условіе для полнаго окончанія акта? Оно лежитъ въ утомляемости зрительнаго снаряда, прекращающей движеніе и дающей возможность проявиться въ сознаніи продуктамъ возбужденія другихъ органовъ чувствъ.

По тому же типу совершаются и аккомодативныя движенія, потому что и здѣсь для каждаго даннаго случая отстоянія предмета есть только одна степень сокращенія мышцъ, при которой образъ видится вполнѣ ясно. На этомъ моментѣ существовавшее движеніе вѣроятно временно и останавливается, чтобы развиваться затѣмъ вновь.

Вся эта картина, соотвѣтствуя конкретнымъ фактамъ, наблюдаемымъ на взросломъ человѣкѣ при актѣ смотрѣнія, имѣетъ въ свою пользу сверхъ того одну поразительную аналогію изъ сферы спинномозговыхъ рефлексовъ: если раздражать обезглавленной лягушкѣ чувствующій нервъ кожи умѣренно сильно, то вслѣдъ за началомъ раздраженія развивается сравнительно сильное и продолжительное движеніе, тогда какъ за усиленнымъ раздраженіемъ первымъ послѣдствіемъ бываетъ не движеніе, а покой въ положеніи, предшествовавшемъ раздраженію.

Передвиганіе сведенныхъ зрительныхъ осей вслѣдъ за двигающимся образомъ уже труднѣе поддается объясненію. Здѣсь впервые встрѣчается серьёзная необходимость прибѣгнуть къ какому-то активному стремленію со стороны ребенка сохранить, удержать въ ясности мелькающій въ полѣ зрѣнія образъ. Въ чемъ заключается это стремленіе, какова его физіологическая подкладка, мы не знаемъ; но всякій чувствуетъ конечно нѣкоторое родство этого факта съ приведеннымъ выше рефлек-

сомъ, который для обыденнаго сознанія представляется тоже инстинктивнымъ стремленіемъ къ свѣту. Разница между ними можетъ быть такая же, какъ между первымъ голодомъ новорожденнаго, когда онъ не сосалъ еще груди, и послѣдующими приступами того же чувства. Во всякомъ же случаѣ по аналогіи съ фактами послѣдующихъ періодовъ развитія можно предположить, что зрительныя ощущенія уже въ этотъ ранній періодъ начинаютъ заключать въ себѣ источникъ наслажденій для ребенка.

Легко понять однако, что представленный мною анализъ далеко не объясняетъ всего явленія (умѣнье смотрѣть) въ его совершенной формѣ. Анализъ коснулся лишь основныхъ чертъ факта, но изъ него нѣтъ ни малѣйшей возможности вывести тѣхъ сторонъ явленій, которыми такъ рѣзко характеризуется всякое *заученное движеніе*, именно легкости, быстроты и машинальной правильности (не только со стороны опредѣленности движенія, но и со стороны достиженія цѣли съ наименьшею затратою силы) его происхожденія; а между тѣмъ сочетанныя движенія глазъ характеризуются всѣми этими свойствами въ высшей степени, по крайней мѣрѣ уже никакъ не меньше сочетанныхъ движеній ходьбы, или любыхъ заученныхъ въ зрѣломъ возрастѣ (желающіе познакомиться подробнѣе съ этою стороною смотрѣнія могутъ обратиться къ учебникамъ физіологіи). Достаточно будетъ сказать, что присущая всякому, даже необразованному человѣку, легкость перцепціи всѣхъ пространственныхъ отношеній видимыхъ предметовъ, т.-е. ихъ очертанія, величины, отстоянія отъ глазъ и пр., опредѣляется именно *заученностью* глазныхъ движеній.

Въ основу всякаго заученія наблюденіе кладетъ, по аналогіи съ явленіями на взрослыхъ, частоту повторенія акта въ одномъ и томъ же направленіи и справедливо выводитъ отсюда, какъ послѣдствіе, легкость и машинальную правильность его происхожденія; но большую или меньшую приспособленность движенія къ его цѣли (снаровку, ловкость) оно приписываетъ для многихъ заученныхъ движеній (напр. ручная ремесленная техника) руководству разума. Послѣднее въ нашемъ случаѣ очевидно невозможно, и потому физіологія принуждена принять въ отношеніи глаза, что та сторона умѣнья смотрѣть, которая выражается умѣньемъ двигать глазами съ наименьшей затратой силы (эту сторону мы будемъ съ этой минуты повсюду называть *снаровкой*), есть продуктъ прирожденной организаціи двигательнаго снаряда.

Такимъ образомъ, почвой, условіемъ для полнаго развитія сочетанныхъ движеній глазъ является опредѣленная организація зрительнаго

снаряда, съ его двигательнымъ придаткомъ; моментомъ, вызывающимъ это развитіе, — способность глаза двигаться подъ вліяніемъ свѣта и, наконецъ, условіемъ усовершенствованія движенія — повтореніе фотомоторнаго акта (свѣтоваго рефлекса).

Я намѣренно вдался въ подробное описаніе такого маленькаго факта, какъ заученныя движенія глазъ, по слѣдующей причинѣ: развитіе ихъ, несмотря на то, что оно происходитъ безъ всякаго разумнаго руководства со стороны воспитателя, можетъ служить типическимъ примѣромъ всѣхъ заученныхъ движеній и въ то же время совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенные элементы развитія любой психической дѣятельности. Тутъ сказывается въ самомъ дѣлѣ и связь между матеріальнымъ устройствомъ снаряда и продуктами его дѣятельности, и вмѣшательство памяти, и наконецъ послѣдствія частой репродукціи актовъ; а между тѣмъ все дѣло состоитъ въ частомъ повтореніи рефлексовъ, гдѣ моментомъ, регулирующимъ движенія, является чувствованіе.

Теперь посмотрите на ребенка черезъ полгода по рожденіи, когда онъ выучился смотрѣть, слушать и дѣйствовать руками, какъ хватательнымъ орудіемъ. У него уже много успѣло сложиться привычныхъ ощущеній, которыми опредѣляется его настроеніе духа (акты рефлекторнаго характера); темное неопредѣленное стремленіе къ свѣту превратилось въ наслажденіе яркими образами и красками; видъ блестящаго предмета, вызывая радость, заставляетъ двигаться не только глаза, но и все тѣло; ребенокъ поворачиваетъ голову на звукъ, тянется къ звенящему колокольчику, прыгаетъ и кричитъ отъ радости, схватываетъ рукой все, что можетъ и всякую дрянь суетъ себѣ въ ротъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи начинаютъ проясняться, дифференцироваться, зрительныя и слуховыя ощущенія, въ центральной нервной системѣ какъ будто начинаютъ прокладываться новые пути отъ этихъ аппаратовъ ко всѣмъ двигательнымъ снарядамъ тѣла, не исключая и голоса. Можно ли не назвать всѣ эти акты рефлекторными?—а между тѣмъ только изъ нихъ и слагается жизнь ребенка въ эту эпоху развитія.

Но вотъ, ребенка начинаютъ учить ходить и въ немъ начинаютъ замѣчаться начатки рѣчи. Неужели и эти искусства пріобрѣтаются со стороны ребенка машинально?—относительно акта ходьбы это не подлежитъ сомнѣнію. Все обученіе со стороны воспитателя ограничивается тѣмъ, чтобы поддерживать сначала ребенка при его попыткахъ стоять, потомъ поддерживать его при попыткахъ двигать въ стоячемъ положеніи ногами, наконецъ прислонять ребенка къ неподвижнымъ предметамъ

какъ къ точкамъ опоры для туловища. Вся же существенная сторона механики передвиженія тѣла попеременной перестановкой ногъ принадлежитъ самому ребенку. Но откуда же берется у него способность къ такой механикѣ? Спросите себя, почему взрослый человѣкъ при свободной ходьбѣ машетъ совершенно безполезно, а между тѣмъ совершенно правильно и періодично обѣими руками, и почему движенія рукъ и ногъ смѣняются у него въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ движенія переднихъ и заднихъ ногъ при ходьбѣ у любого четвероногаго? — Отвѣтъ едва ли будетъ сомнителенъ: весь нервно-мышечный аппаратъ ходьбы долженъ быть данъ человѣку въ общихъ чертахъ готовымъ, и то, что мы называемъ заученіемъ, не есть созиданіе вновь цѣлаго комплекса движеній, а лишь регуляція прирожденныхъ, примѣнительно къ почвѣ, по которой происходитъ движеніе. Регуляція же эта, какъ показываетъ физіологическій анализъ, заключается въ выясненіи тѣхъ ощущеній, которыми сопровождается передвиженіе по твердой поверхности, служащей опорой для ногъ. Бываютъ болѣзненные случаи, когда человѣкъ теряетъ способность сознавать эти ощущенія, и ходьба становится невозможной.

И искусство произносить заученныя слова, когда ребенокъ видитъ предметъ или слышитъ знакомый звукъ, или вообще получаетъ знакомое уже ощущеніе, пріобрѣтается въ сущности тѣмъ же путемъ. Подобно тому какъ у попугая, котораго учатъ говорить, почвой для пріобрѣтенія искусства служитъ наклонность птицъ выражать ощущенія крикомъ, такъ и у ребенка основнымъ условіемъ способности къ рѣчи служитъ центральная связь между зрительнымъ и слуховымъ аппаратомъ, съ одной стороны, и всѣмъ комплексомъ движеній, участвующимъ въ образованіи голоса и рѣчи, съ другой. Но одна эта связь, какъ показываютъ глухонѣмые, можетъ вести лишь къ нестройнымъ отрывистымъ крикамъ; въ рѣчь же крики превращаются, какъ опять показываютъ тѣ же глухонѣмые, только подъ регулирующимъ контролемъ слуха. Правда, въ настоящее время, когда механическія условія рѣчи извѣстны, выучиваютъ говорить и глухонѣмыхъ, но при этомъ руководителями движеній зубъ, челюстей, языка и нёба служатъ для глухонѣмаго зрительныя впечатлѣнія; стало быть и въ этомъ случаѣ процессъ остается прежнимъ. Нужно однако замѣтить, что помимо всѣхъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется выясненіе слуховаго ощущенія и легкость переноса движеній съ зрительнаго и слуховаго аппаратовъ на органы голоса и рѣчи, въ процессѣ развитія способности говорить принимаетъ участіе со стороны ребенка еще одинъ важный факторъ: инстинктивная звукопод-

ражательность. Выясненный въ сознаніи звукъ или рядъ звуковъ служитъ для ребенка мѣркой, въ которой онъ подлаживаетъ свои собственные звуки и какъ будто не успокоивается до тѣхъ поръ, пока мѣрка и ея подобіе не станутъ тождественны. Физіологическихъ основъ этого свойства мы не знаемъ, но въ виду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всѣмъ безъ исключенія людямъ, притомъ пронизываетъ всю жизнь, и въ зрѣломъ возрастѣ, въ страшно сильной дозѣ (оно лежитъ въ основѣ общественности вообще, играетъ важную роль въ развитіи національнаго характера, ею обусловливается стадность людскихъ дѣйствій, рутина и пр.); легко понять, что для людей она имѣетъ всѣ характеры родоваго признака, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ обезьянамъ приписывается зрительно-мышечная, а птицамъ слухо-мышечная подражательность. Съ другой стороны, если принять, что, при извѣстныхъ условіяхъ, возбужденія высшихъ органовъ чувствъ стремятся неудержимо (въ сознаніи это обстоятельство должно отражаться именно въ формѣ какого-то стремленія) вылиться въ звукъ или слово, и основное условіе для того, чтобы движеніе могло произойти именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи, уже готово (я разумѣю въ нашемъ случаѣ выясненіе слуховаго ощущенія); если принять далѣе во вниманіе, что помимо ярко выяснившейся въ сознаніи слуховой мѣрки нѣтъ ничего, кромѣ смутныхъ измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ собственныхъ звуковъ, то становится до извѣстной степени понятнымъ, что ребенку ничего не остается болѣе, какъ подлаживаться подъ нее. Одна только эта мѣрка остается въ сознаніи яркою и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнною, все остальное смутно и измѣнчиво. Въ актѣ есть очевидно нѣкоторое сходство съ заученіемъ глазныхъ движеній подъ вліяніемъ условія доставленія сознанію наиболѣе свѣтлыхъ образовъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ актъ и не заключаетъ въ себѣ для обыденнаго сознанія никакихъ элементовъ подражательности.

Вооруженный умѣньемъ смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ, ребенокъ перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. черезъ органы чувствъ, слѣдовательно акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ; но вліянія падаютъ уже на иную почву. Уже одно то, что ребенокъ пріобрѣлъ подвижность тѣла, даетъ ему возможность анализировать впечатлѣніе, подобно тому, какъ въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ, желающій познакомиться съ какимъ-нибудь предметомъ, недоволь-

ствуется одним взглядомъ на него, а осматриваетъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ разными углами. Но къ этому присоединяется еще болѣе тонкая аналитическая способность глазъ, выучившихся смотрѣть, которая даетъ въ общихъ чертахъ то же самое, что подвижность всего тѣла. Въ этомъ отношеніи крайне поучительно прислушаться къ разсказамъ слѣпорожденныхъ, которымъ было возвращено зрѣніе въ зрѣлые годы, какъ они видѣли окружающій міръ въ первые дни послѣ операціи. Несмотря на то, что у этихъ людей были уже ясны въ головѣ всѣ пространственныя представленія объ окружающихъ ихъ предметахъ, добытыя путемъ осязанія, все поле зрѣнія казалось имъ наполненнымъ какимъ-то однимъ сплошнымъ образомъ, который какъ будто касался ихъ глазъ, и они даже боялись двигаться изъ опасенія наткнуться на тотъ или другой образъ. И передъ глазомъ, выучившимся смотрѣть, общая картина поля зрѣнія все та же; но она членораздѣльна, объекты вынесены на разныя отстоянія отъ глаза, пустые промежутки между предметами сознаются какъ таковые и пр. Однимъ словомъ, глазъ выучившійся смотрѣть, расчленяетъ плоскостную картину поля зрѣнія во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, въ высоту, ширину и глубь; и такая способность расчленять относится не только къ цѣльной картинѣ, но и къ каждому изъ ея образовъ въ отдѣльности. Помощникомъ глаза въ дѣлѣ пространственнаго анализа на близкихъ разстояніяхъ является рука. Хватательные рефлексы съ глаза развиты въ эту пору у дѣтей до несносной степени, но дѣло не ограничивается уже тѣмъ, чтобы схватить предметъ, рука повертываетъ его, обнаруживая такимъ образомъ передъ глазомъ разныя стороны предмета.

Гельмгольтцъ, одинъ изъ величайшихъ современныхъ умовъ, человѣкъ, которому психологическое ученіе о развитіи пространственныхъ представленій обязано едва ли не болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, резюмируя все, что можетъ дать наблюденіе относительно развитія пространственнаго видѣнія, говоритъ, что представленія о величинѣ, удаленіи, очертаніяхъ и тѣлесности предметовъ *развиваются* какъ-бы *путемъ безсознательныхъ умозаключеній*. И это не фигура, не образъ — впослѣдствіи мы убѣдимся въ этомъ, когда увидимъ, изъ какихъ реальныхъ элементовъ слагается то, что называется въ общежитіи умозаключеніемъ. Въ настоящую же минуту достаточно будетъ замѣтить, что реальная подкладка процесса развитія представленій изъ ощущеній есть лишь частое возбужденіе чувствующаго снаряда при мѣняющихся условіяхъ со стороны перцепирующаго органа.

Это единственно-возможное крайнее обобщеніе фактовъ, касающихся процесса развитія названныхъ образованій.

Таковы въ разбираемую эпоху развитія средніе члены психическихъ актовъ, поскольку послѣдніе вызываются реальными возбужденіями чувствующихъ снарядовъ. Но такимъ же являются они и въ репродуцированныхъ актахъ (когда ребенокъ вспоминаетъ видѣнное, слышанное и пр.), такъ какъ представленія не расчленились еще въ эту пору до степени понятій (не нужно забывать при этомъ, что всякій репродуцированный актъ, въ смыслѣ процесса, представляетъ лишь копію реальнаго возбужденія съ разницею только въ началахъ обоихъ актовъ, да и то количественною!).

Теперь посмотримъ, каковы крайніе члены процессовъ въ эту эпоху, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ среднимъ членамъ. Кто не знаетъ, что ребенокъ пускаетъ въ ходъ всѣ заученныя имъ движенія, и пускаетъ въ ходъ съ непостижимой для взрослаго энергіей? Въ эту минуту его тянетъ къ себѣ блестящій предметъ, и онъ бѣжитъ къ нему, но на дорогѣ промелькнула передъ глазами муха, и онъ ловитъ ее, тамъ пискнула птица, и это уважительный предлогъ, чтобы обратить энергію въ другую сторону; вдали замычала корова, и онъ останавливается, чтобы промычать и т. д. и т. д. И, однако, черезъ всю эту безтолковую и безустанную суетню тянется всегда одинъ и тотъ же мотивъ: ребенку *хочется* забрать себѣ въ руки все, что онъ ни видитъ и ни слышитъ, его *тянетъ* ко всѣмъ предметамъ то самое чувство, которое замѣчалось и тогда, когда онъ сидѣлъ еще на рукахъ у матери или няньки, только теперь это чувство опредѣлилось яснѣе, какъ слѣдъ отъ болѣе яркаго наслажденія. Хотите убѣдиться, насколько сильны эти стремленія въ ребенкѣ — уведите его съ прогулки и заставьте силкомъ просидѣть хоть часъ неподвижно. Долго неудовлетворяемое стремленіе къ движенію какъ будто заряжаетъ нервную систему, и тогда достаточно самаго ничтожнаго толчка, чтобы чувство перелилось, какъ говорится, черезъ край и выразилось криками, плачемъ, чуть не судорогами.

Переведя всѣ эти факты на физіологическій языкъ, выходитъ, что въ эту пору развитія продукты возбужденій высшихъ органовъ чувствъ имѣютъ по преимуществу страстный характеръ, что въ репродуцированной формѣ они оставляютъ на душѣ стремительный слѣдъ, въ видѣ желанія обладать источниками наслажденій и что стремленія эти представляютъ мотивы, опредѣляющіе внѣшнюю дѣятельность. Слѣдовательно, акты, начинаясь внѣшними возбужденіями чувствующихъ снарядовъ, проте-

жаютъ по знакомымъ уже намъ путямъ, связывающимъ чувствующіе аппараты съ механизмами ходьбы, ручныхъ движеній, голоса и рѣчи.

Дальнѣйшіе, но уже и единственные, крупные шаги въ психическомъ развитіи человѣка составляютъ первые проблески ума или мыслительной способности и зачатки свободной воли. Ребенокъ начинаетъ сознавать предметы внѣшняго міра не только въ ихъ обособленности, но и со стороны взаимныхъ отношеній, какъ цѣльныхъ предметовъ другъ къ другу, такъ и частей каждаго отдѣльнаго предмета къ своему цѣлому. Пониманію ребенка открываются чрезъ это тѣ пружины матеріальнаго бытія, которыми связываются объекты внѣшняго міра и которыя составляютъ всю основу какъ обыденнаго, такъ и научнаго міросозерцанія. Изъ элементарныхъ размышленій ребенка выростаетъ мало-по-малу та грандіозная цѣль знаній, которая, начинаясь самымъ поверхностнымъ расчлененіемъ конкретныхъ фактовъ матеріальнаго міра, увѣнчивается точнымъ, непогрѣшимымъ математическимъ знаніемъ. Другая же сторона развитія заключается въ томъ, что человѣкъ мало-по-малу эманципируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ непосредственныхъ вліяній матеріальной среды; въ основу дѣйствій кладутся уже не одни чувственныя побужденія, но мысль и моральное чувство; самое дѣйствіе получаетъ черезъ это опредѣленный смыслъ и становится поступкомъ. Для человѣка является возможность выбора между способами дѣйствія, и въ этомъ смыслѣ его называютъ въ теоріи всегда нравственно-свободнымъ существомъ,

Я постараюсь теперь опредѣлить, изъ какихъ именно элементовъ слагаются въ дѣйствительности акты мышленія, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія процессовъ.

За исходный пунктъ при рѣшеніи этого вопроса мы должны принять ту общую точку зрѣнія, съ которой логика смотритъ на мысль, или точнѣе, на словесный образъ ея, и затѣмъ стараться найти, какія реальныя подкладки соотвѣтствуютъ всѣмъ логическимъ элементамъ мысли поочередно. Съ логической стороны, во всякой мысли есть непремѣнно двѣ вещи, два объекта, сопоставленные другъ съ другомъ. Объектами этими могутъ быть крайне разнообразныя вещи въ психическомъ отношеніи: сопоставляться могутъ два дѣйствительно отдѣльныхъ предмета, или одинъ и тотъ же предметъ, но въ двухъ различныхъ состояніяхъ; далѣе — цѣльный предметъ съ своей частью и, наконецъ, части предметовъ другъ съ другомъ. Еще большее разнообразіе представляютъ тѣ направленія, въ которыхъ производится сопоставленіе и которыми опредѣляется весь

характеръ послѣдняго элемента мысли—умозаключенія, а черезъ него и такъ-называемое содержаніе всей мысли. Въ простѣйшихъ случаяхъ результатъ сопоставленія ограничивается *констатированіемъ* раздѣльности двухъ объектовъ мысли, въ другихъ случаяхъ изъ сопоставленія вытекаетъ или сходство, или различіе между ними—обширная категорія мыслей, содержаніемъ которыхъ является сравненіе; въ третьихъ случаяхъ сопоставленіе даетъ въ результатѣ каузальную связь между объектами, причемъ одинъ является причиной, а другой послѣдствіемъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ фразы въ родѣ „дерево зелено, камень твердъ, человѣкъ стоитъ, лежитъ, дышетъ, ходитъ“ и пр. заключаютъ въ себѣ уже всѣ существенные элементы мысли: 1) *раздѣльность двухъ объектовъ*; 2) *сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ* (въ сознаніи) и 3) *умозаключеніе* (въ приведенныхъ примѣрахъ оно останавливается на степени констатированія отдѣльности объектовъ мысли).

Главная задача наша должна, слѣдовательно, заключаться въ томъ, чтобы указать, какія психическія реальности соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ логическимъ элементамъ мысли.

Вопросъ этотъ я буду разбирать на одной только формѣ мышленія, именно на мысляхъ, содержаніемъ которыхъ является *сравненіе*, такъ какъ эта категорія наиболѣе обширна, реальныя подкладки мысли находить здѣсь всего легче, и такъ какъ, наконецъ, *сравненіе* играетъ первенствующую роль даже въ ряду научнаго мышленія [1]).

Образчикомъ мыслительныхъ процессовъ этого рода могутъ служить тѣ безчисленные случаи изъ обыденной практической жизни и даже науки, гдѣ человѣкъ прибѣгаетъ къ сопоставленію и сравненію предметовъ ради оцѣнки ихъ сходствъ и различій во всевозможныхъ отношеніяхъ. При этомъ оцѣночнымъ орудіемъ служатъ впечатлѣнія отъ предметовъ на органы чувствъ и сопоставляются другъ съ другомъ всегда однородныя впечатлѣнія—зрительныя съ зрительными, осязательныя съ осязательными и проч. Взрослый человѣкъ можетъ, впрочемъ, произво-

---

[1]) Не менѣе интересна и важна форма мыслительныхъ процессовъ, въ которыхъ содержаніемъ мысли является причинная связь между ея объектами. Но представить въ настоящую минуту картину ея развитія (конечно съ точки зрѣнія нашихъ принциповъ) невозможно, потому что въ основѣ ея лежитъ главнѣйшимъ, если не исключительнымъ образомъ, способность человѣка отдѣлять въ сознаніи с е б я отъ своихъ дѣйствій, способность, развивающаяся изъ сопоставленія с е б я въ состояніи покоя съ с о б о ю въ состояніи дѣйствія. Объ этихъ же частныхъ случаяхъ расчлененія конкретныхъ формъ рѣчь можетъ быть лишь въ трактатѣ о произвольныхъ движеніяхъ.

дить совершенно такую же оцѣнку предметовъ и при условіи, когда передъ нимъ въ данную минуту нѣтъ реальныхъ мѣрокъ, которыя онъ могъ бы прикладывать къ оцѣниваемому предмету (оцѣнка глазомъ формы, окрашенности предметовъ или ихъ величины, оцѣнка рукою вѣса и проч.); но и въ этихъ случаяхъ мѣрка есть только умственная, въ формѣ репродуцированнаго представленія о томъ самомъ реальномъ предметѣ, который выбранъ былъ бы за мѣрку, еслибы былъ на лицо. Извѣстно далѣе, что реальное сопоставленіе можно дѣлать не только между двумя, но и между множествомъ предметовъ; однако, процессъ отъ этого нисколько не измѣняется, потому что сравненіе дѣлается всетаки попарно, стало-быть вмѣсто одного акта является только цѣлый рядъ ихъ. При этомъ въ умственной сферѣ для случая, когда сопоставляются два реально-раздѣльныхъ предмета (напримѣръ, два камня, два дерева и проч.), *сопоставленію* въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ послѣдовательное происхожденіе двухъ впечатлѣній, раздѣленное между собою во времени и пространствѣ (глазъ переходитъ послѣдовательно съ одного предмета на другой!); значитъ, при этомъ не происходитъ никакого особаго умственнаго процесса. Но какъ понимать случаи, когда въ мысли сопоставляются другъ съ другомъ предметъ и его свойство (дерево зелено, большое и пр.)? И въ этихъ случаяхъ процессъ остается тѣмъ же. Въ самомъ дѣлѣ, непремѣннымъ, исходнымъ условіемъ для мыслей такого рода должна быть способность человѣка расчленять конкретное ощущеніе; эта способность должна быть уже готовой, прежде чѣмъ начинается мысль. Но она, какъ извѣстно, развивается въ очень ранній возрастъ — когда у ребенка ощущеніе, расчленяясь, переходитъ на степень представленія. Разъ же эта способность пріобрѣтена, тогда для сознанія уже все равно, лежатъ ли рядомъ два дѣйствительно отдѣльныя впечатлѣнія (по реальнымъ субстратамъ), или два однородныя, но полученныя при разныхъ условіяхъ перцепціи. Что касается наконецъ до случая, когда сопоставляется одно реальное впечатлѣніе съ репродуцированнымъ старымъ, то и здѣсь есть очевидно реальное условіе раздѣльности объектовъ мысли, такъ какъ репродуцированный актъ является вслѣдъ за реальнымъ. Теперь посмотримъ, что соотвѣтствуетъ второму элементу мысли, сравненію. И здѣсь случай сравненія двухъ реально-отдѣльныхъ предметовъ даетъ наиболѣе ясные отвѣты, особенно если имѣть въ виду сравненіе предметовъ зрительное. При этомъ глазъ продѣлываетъ на каждомъ предметѣ ту самую систему движеній, которая обыкновенно употребляется имъ въ дѣло съ цѣлью выясненія тѣхъ или другихъ сторонъ зритель-

ныхъ ощущеній; смѣривъ (движеніемъ) одинъ предметъ въ длину или ширину, глазъ перебѣгаетъ къ другому предмету съ тою же цѣлью, кривое очертаніе или уголъ сравниваетъ съ кривымъ очертаніемъ и угломъ, пятно съ пятномъ и пр. Однимъ словомъ, умственные образы предметовъ какъ-бы накладываются другъ на друга, подобно тому, какъ въ геометріи ученикъ накладываетъ фигуры треугольниковъ, чтобы доказать ихъ равенство.

Но то же самое имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ сопоставленія реальнаго впечатлѣнія съ репродуцированнымъ сходнымъ, хотя обыденное сознаніе и не въ силахъ открыть здѣсь этихъ реальныхъ субстратовъ. Дѣло въ томъ, что если ребенокъ можетъ уже думать, мыслить зрительно, это значитъ онъ уже умѣетъ смотрѣть и зрительныя ощущенія уже расчленены у него до степени представленій (такъ какъ оба акта, заучиванье смотрѣнія и расчлененіе ощущенія идутъ рядомъ; см. учебники физіологіи). При этомъ условіи, если взглядъ на реальный предметъ репродуцируетъ въ сознаніи сходный старый образъ (воспоминаніе о видѣнномъ прежде), то вмѣстѣ съ этимъ вторымъ членомъ рефлекса репродуцируется и его третій членъ, заключающійся въ движеніи глазъ (которое въ цѣломъ составляетъ умѣнье смотрѣть). Это-то репродуцированное, или что то же, привычное движеніе, вызванное въ 1001-й разъ, и есть реальный субстратъ сравненія при оцѣнкѣ свойствъ предметовъ, разсматриваемыхъ въ одиночку. Но сознанію извѣстенъ, сверхъ того, еще одинъ результатъ сопоставленія предметовъ—это выступаніе всѣхъ вообще несходствъ предметовъ тѣмъ болѣе рѣзкое, чѣмъ быстрѣе другъ за другомъ слѣдуютъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сравниваемыя впечатлѣнія. Это *явленіе* такъ-наз. *контраста*, въ силу котораго свѣтъ кажется свѣтлѣе послѣ тьмы, холодъ холоднѣе послѣ тепла, маленькое становится еще меньшимъ рядомъ съ большимъ, дурное дѣлается почти красивымъ и даже отвратительное можетъ превратиться въ источникъ наслажденія. Что касается до вывода, или умозаключенія, то самонаблюденіе не открываетъ никакого соотвѣтствующаго ему особаго процесса— сознаніе лишь констатируетъ найденныя сходства или различія. Другое дѣло, содержаніе умозаключенія — оно опредѣляется тѣмъ направленіемъ, которое принимаетъ въ данную минуту констатированіе. Констатируется, напр., различіе отдѣльнаго признака (части цѣлаго) въ связи съ цѣлымъ—это будетъ реальный субстратъ мыслей, которыми опредѣляется вообще качество или состояніе предмета: *дубъ* зеленъ, *алмазъ* твердъ, *Петръ* сидитъ, *Иванъ* ходитъ и пр. Констатируются, наоборотъ сходныя черты сравниваемыхъ предметовъ — являются реальные субстраты

мыслей, въ которыхъ всѣ члены по отношенію другъ къ другу прежніе, но гдѣ предметъ является уже болѣе расчлененнымъ, отъ него, какъ говорится, отвлечена часть и возведена на степень *понятія*; въ этомъ смыслѣ человѣкъ говоритъ: *дерево* зелено, *камень* твердъ, *человѣкъ* сидитъ, ходитъ. Но дробленіе можетъ идти и далѣе, оно можетъ коснуться не цѣльнаго предмета, но одного изъ его признаковъ. Сознаніе констатируетъ (не нужно забывать, что эти слова фигура!), напр., рядомъ съ различіями какого-нибудь признака (дерево зелено, желто, буро и пр.) сходныя черты въ самомъ признакѣ — это будетъ такое же отвлеченіе части отъ цѣлаго, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и реальные элементы мысли будутъ опять прежніе, но въ нихъ является расчлененнымъ уже и признакъ; въ этомъ смыслѣ говорится: дерево *окрашено* (второй членъ въ мысли *камень твердъ* остается неизмѣннымъ на томъ основаніи, что ощущеніе твердости, какъ продуктъ нерасчленяемаго чувства, дробиться не можетъ, подобно чувству холода, голода, позыва на мочу и пр.), человѣкъ *неподвиженъ* или *двигается*.

Сопоставленіе болѣе и болѣе раздробленныхъ представленій неизбѣжно ведетъ къ тому, что объектами сравненія становятся уже не конкретныя формы, а отдѣльные признаки ихъ. Отсюда же является возможность сравненія между собою крайне отличныхъ другъ отъ друга формъ (напр., человѣка съ деревомъ, камнемъ и пр.) Черезъ это рядъ мыслей выростаетъ до необозримыхъ размѣровъ, и единственный ясно сознаваемый предѣлъ подобныхъ сравненій можетъ лежать только въ устройствѣ тѣхъ орудій (въ нашемъ случаѣ, конечно, органовъ чувствъ), которыми дробится представленіе на отдѣльные элементы. Наука показываетъ однако, что и этотъ предѣлъ не абсолютенъ: гдѣ органъ чувствъ съ его природными свойствами отказывается отъ службы, она вооружаетъ его искусственными средствами анализа, и при помощи ихъ опять начинается исторія дробленія конкретныхъ фактовъ и сопоставленія цѣлаго съ частями, или однѣхъ только частей между собою. Исторія эта повторяется изъ вѣка въ вѣкъ въ наукѣ, и тамъ, гдѣ исчерпается предѣлъ сравненій, обусловленныхъ даже искусственнымъ изощреніемъ органовъ чувствъ и исчерпываются самыя средства къ дальнѣйшему изощренію орудій дробленія—тамъ предѣлъ науки о реальномъ мірѣ. И во всей этой безконечно-длинной цѣпи мыслей, добываемыхъ путемъ сравненія, реальные субстраты мышленія, какъ процесса, остаются очевидно одинаковыми; исходное условіе есть расчлененіе конкретнаго представленія, соотвѣтственно аналитической способности органа чувствъ, расчлененіе, которымъ дается возможность остановиться на какой-нибудь одной сторонѣ представленія;

а другой и послѣднiй моментъ можно обозначить словомъ соизмѣренiя расчлененнаго представленiя съ репродуцированнымъ по закону ассоцiацiи прежде бывшимъ сходнымъ представленiемъ (умственная мѣрка) или съ другимъ реальнымъ впечатлѣнiемъ, когда сравниваются между собою два реальные объекта. Первый случай есть основной, исходный, на которомъ у ребенка изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы и выводить умозаключенiя. Доказательствомъ этому служитъ то, что вся пространственная сторона видѣнiя (представленiя о величинѣ, удаленiи, тѣлесности предметовъ и пр.), которая можетъ быть выражена на словахъ рядомъ мыслей совершенно тождественныхъ съ приведенными примѣрами, развивается, какъ уже было упомянуто, по Гельмгольтцу, какъ-бы путемъ безсознательныхъ умозаключенiй.

Доведя анализъ разбираемой формы мышленiя до этой степени, я уже могу формулировать самую суть тѣхъ реальныхъ процессовъ, корорые лежатъ въ ея основѣ.

Повторенiе одного и того же рода возбужденiй чувствующаго снаряда при мѣняющихся условiяхъ перцепцiи ведетъ неизбѣжно къ расчлененiю ощущенiй, которымъ опредѣляется превращенiе ихъ въ *представленiя*. Рядомъ съ этимъ неизбѣжно умножаются условiя репродукцiи впечатлѣнiй по такъ-называемому закону сходства, а результатомъ каждой такой репродукцiи является сопоставленiе въ сознанiи сходственныхъ образованiй. Когда же въ тѣлѣ репродуцируется какой-нибудь психическiй актъ, это значитъ просто на-просто, что актъ повторяется весь цѣликомъ, слѣдовательно, для случая зрительнаго представленiя, воспроизводятся и тѣ движенiя, которыя обыкновенно употребляются глазомъ при разсматриванiи предмета. Эти-то движенiя, падая теперь на реальный образъ, и представляютъ реальный субстратъ того, что мы выражаемъ словомъ соизмѣренiя представленiй со стороны формы, длины предметовъ и пр. Со стороны процесса въ сознанiе не вносится этими актами абсолютно ничего новаго—они представляютъ повторенiе старыхъ прiемовъ смотрѣть, слушать, осязать въ приложенiи лишь къ данному новому реальному случаю; но понятно, что ни одно такое соизмѣренiе не можетъ остаться безъ результатовъ — мiровой опытъ показываетъ, что всякое детальное познанiе даже чисто внѣшнихъ признаковъ предмета всегда предполагаетъ частое повторенiе возбужденiй органа чувствъ сходственными объектами. Мы, напр., привыкли смотрѣть на лицо европейца и легко замѣчаемъ очень тонкiя черты въ выраженiи лица, а негры, напр., или китайцы, которыхъ мы видимъ рѣдко, кажутся намъ до такой степени похожими другъ на друга, что мнѣ по крайней мѣрѣ случалось

смѣшивать по лицу негритянку-дѣвушку съ негромъ-юношей; значитъ, отъ меня ускользнули даже тѣ крупныя черты, которыми отличаются лица различныхъ половъ въ юношескомъ возрастѣ.

Если принять только-что развитую точку зрѣнія, то оказывается, что случай сравненія двухъ реальныхъ объектовъ нисколько не отличается по содержанію отъ случая соизмѣренія реальнаго объекта съ репродуцированнымъ представленіемъ, принятымъ за мѣрку. Въ ту самую минуту, какъ я взглянулъ на первый предметъ, у меня уже репродуцируется прежній сходственный образъ со всею заученною механикою разсматриванія, и происходитъ первое соизмѣреніе; затѣмъ глазъ переходитъ ко второму предмету и въ сознаніи репродуцируется только-что пережитый актъ—второе соизмѣреніе. Черезъ это-то и становится понятнымъ, какимъ образомъ повтореніе реальныхъ впечатлѣній отъ отдѣльныхъ предметовъ, рядомъ съ репродукціей предшествовавшихъ сходныхъ, можетъ представлять шаблонъ, на которомъ изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы.

Итакъ, въ основѣ актовъ мышленія, содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе не открываетъ ничего кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями.

Прежде, чѣмъ перейти ко второму переломному пункту психическаго развитія, я считаю необходимымъ остановиться на приложеніи выработанныхъ точекъ зрѣнія къ двумъ частнымъ случаямъ наиболѣе отвлеченнаго мышленія, именно къ математическому и метафизическому мышленію.

Первый случай представляется особенно поразительнымъ съ слѣдующей стороны. Математика, какъ наука аналитическая о пространственныхъ и количественныхъ отношеніяхъ, не можетъ не дробить своихъ исходныхъ конкретныхъ представленій, и она дробитъ ихъ сильнѣе всякой естественной науки, доводя представленіе о пространствѣ до понятія о математической точкѣ, неимѣющей никакихъ измѣреній и вообще представленіе о величинѣ до понятія о безконечно-малыхъ величинахъ; а между тѣмъ операція дробленія совершается здѣсь безъ посредства всякаго вооруженія или изощренія нашихъ органовъ чувствъ, подобнаго, напр., микроскопу въ дѣлѣ изслѣдованія мелкихъ формъ, или магнитной стрѣлкѣ въ дѣлѣ опредѣленія электрическихъ движеній и пр. Операція

эта совершается очевидно въ умѣ (одна изъ многочисленныхъ причинъ, почему математика называется чисто умозрительной наукой), и стало быть умъ какъ-бы опережаетъ наши органы чувствъ, заходитъ глубже ихъ въ пространственныя и количественныя отношенія. Какъ же помирить подобные факты съ только-что развитымъ воззрѣніемъ, по которому исходнымъ матеріаломъ мышленія долженъ быть анализъ реальныхъ впечатлѣній подъ контролемъ органовъ чувствъ, и какъ объяснить себѣ особенно то обстоятельство, что именно математическое-то мышленіе, имѣющее дѣло съ чистыми абстрактами, и непогрѣшимо, тогда какъ предполагаемый корень его, реальное мышленіе (правильнѣе, мышленіе о реальностяхъ), кишитъ промахами и ошибками? Съ виду все это вѣрно, но на дѣлѣ всѣ корни математическаго мышленія въ сказанномъ направленіи лежатъ все-таки въ реальностяхъ. Не трудно замѣтить, во-первыхъ, что дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ вовсе не представляетъ операцій трудныхъ въ умственномъ отношеніи — на нихъ способны люди не только мало знакомые съ математикой (какъ, напр., я), но и дѣти. Съ другой стороны понятно, что съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значитъ и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Взятая въ отдѣльности, математическая точка понятна только со стороны ея *логическаго* происхожденія: это есть матеріальная точка безъ ея *существенныхъ* аттрибутовъ, т. е. измѣреній въ трехъ направленіяхъ, какъ будто пустая форма безъ содержанія (фигура!), но въ сущности антитезъ не только всему пространственному, но и всему реальному (понятіе „пространственное“ всегда заключается въ понятіи о „реальномъ“, какъ часть въ цѣломъ)—*ничто*. Логическое происхожденіе „математической точки“ особенно легко понять на томъ основаніи, что ее можно получить и прямымъ переносомъ процесса умственнаго дробленія съ реальныхъ объектовъ (разумѣется, пространственныхъ) на *словесный образъ* или *словесное опредѣленіе* матеріальной точки. Для математика послѣдняя есть такая величина, которая представляетъ одно только свойство или аттрибутъ — измѣримость въ трехъ направленіяхъ; аттрибуты вещей мы можемъ отдѣлить умственно отъ самой вещи (это выдѣленіе и выражается именно словомъ); — отдѣляемъ ихъ въ данномъ случаѣ и получается прежній (?!) объектъ—точка, но уже безъ аттрибута. Понятіе о „безконечно-маломъ“ еще болѣе обще, чѣмъ предыдущее, но происхожденіе его то же самое— это есть антитезъ всему конечному, реальному, въ сторону дробленія,

смѣшивать по лицу негритянку-дѣвушку съ негромъ-юношей; значитъ, отъ меня ускользнули даже тѣ крупныя черты, которыми отличаются лица различныхъ половъ въ юношескомъ возрастѣ.

Если принять только-что развитую точку зрѣнія, то оказывается, что случай сравненія двухъ реальныхъ объектовъ нисколько не отличается по содержанію отъ случая соизмѣренія реальнаго объекта съ репродуцированнымъ представленіемъ, принятымъ за мѣрку. Въ ту самую минуту, какъ я взглянулъ на первый предметъ, у меня уже репродуцируется прежній сходственный образъ со всею заученною механикою разсматриванія, и происходитъ первое соизмѣреніе; затѣмъ глазъ переходитъ ко второму предмету и въ сознаніи репродуцируется только-что пережитый актъ—второе соизмѣреніе. Черезъ это-то и становится понятнымъ, какимъ образомъ повтореніе реальныхъ впечатлѣній отъ отдѣльныхъ предметовъ, рядомъ съ репродукціей предшествовавшихъ сходныхъ, можетъ представлять шаблонъ, на которомъ изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы.

Итакъ, въ основѣ актовъ мышленія, содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе не открываетъ ничего кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями.

Прежде, чѣмъ перейти ко второму переломному пункту психическаго развитія, я считаю необходимымъ остановиться на приложеніи выработанныхъ точекъ зрѣнія къ двумъ частнымъ случаямъ наиболѣе отвлеченнаго мышленія, именно къ математическому и метафизическому мышленію.

Первый случай представляется особенно поразительнымъ съ слѣдующей стороны. Математика, какъ наука аналитическая о пространственныхъ и количественныхъ отношеніяхъ, не можетъ не дробить своихъ исходныхъ конкретныхъ представленій, и она дробитъ ихъ сильнѣе всякой естественной науки, доводя представленіе о пространствѣ до понятія о математической точкѣ, неимѣющей никакихъ измѣреній и вообще представленіе о величинѣ до понятія о безконечно-малыхъ величинахъ; а между тѣмъ операція дробленія совершается здѣсь безъ посредства всякаго вооруженія или изощренія нашихъ органовъ чувствъ, подобнаго, напр., микроскопу въ дѣлѣ изслѣдованія мелкихъ формъ, или магнитной стрѣлкѣ въ дѣлѣ опредѣленія электрическихъ движеній и пр. Операція

эта совершается очевидно въ умѣ (одна изъ многочисленныхъ причинъ, почему математика называется чисто умозрительной наукой), и стало быть умъ какъ-бы опережаетъ наши органы чувствъ, заходитъ глубже ихъ въ пространственныя и количественныя отношенія. Какъ же помирить подобные факты съ только-что развитымъ воззрѣніемъ, по которому исходнымъ матеріаломъ мышленія долженъ быть анализъ реальныхъ впечатлѣній подъ контролемъ органовъ чувствъ, и какъ объяснить себѣ особенно то обстоятельство, что именно математическое-то мышленіе, имѣющее дѣло съ чистыми абстрактами, и непогрѣшимо, тогда какъ предполагаемый корень его, реальное мышленіе (правильнѣе, мышленіе о реальностяхъ), кишитъ промахами и ошибками? Съ виду все это вѣрно, но на дѣлѣ всѣ корни математическаго мышленія въ сказанномъ направленіи лежатъ все-таки въ реальностяхъ. Не трудно замѣтить, во-первыхъ, что дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ вовсе не представляетъ операцій трудныхъ въ умственномъ отношеніи — на нихъ способны люди не только мало знакомые съ математикой (какъ, напр., я), но и дѣти. Съ другой стороны понятно, что съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значитъ и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Взятая въ отдѣльности, математическая точка понятна только со стороны ея *логическаго* происхожденія: это есть матеріальная точка безъ ея *существенныхъ* аттрибутовъ, т. е. измѣреній въ трехъ направленіяхъ, какъ будто пустая форма безъ содержанія (фигура!), но въ сущности антитезъ не только всему пространственному, но и всему реальному (понятіе „пространственное" всегда заключается въ понятіи о „реальномъ", какъ часть въ цѣломъ)—*ничто*. Логическое происхожденіе „математической точки" особенно легко понять на томъ основаніи, что ее можно получить и прямымъ переносомъ процесса умственнаго дробленія съ реальныхъ объектовъ (разумѣется, пространственныхъ) на *словесный образъ* или *словесное опредѣленіе* матеріальной точки. Для математика послѣдняя есть такая величина, которая представляетъ одно только свойство или аттрибутъ — измѣримость въ трехъ направленіяхъ; аттрибуты вещей мы можемъ отдѣлить умственно отъ самой вещи (это выдѣленіе и выражается именно словомъ); — отдѣляемъ ихъ въ данномъ случаѣ и получается прежній (?!) объектъ—точка, но уже безъ аттрибута. Понятіе о „безконечно-маломъ" еще болѣе обще, чѣмъ предыдущее, но происхожденіе его то же самое— это есть антитезъ всему конечному, реальному, въ сторону дробленія,

величина, какъ говорятъ, приближающаяся къ нулю, но въ сущности *самый нуль*, *ничто*. Но какъ же математика можетъ мыслить и мыслить непогрѣшимо, имѣя дѣло съ пустыми абстрактами? Дѣло въ томъ, что она никогда не употребляетъ эти понятія въ дѣло, взятыми отдѣльно, а вводитъ ихъ въ анализъ, какъ логическое условіе; въ этомъ смыслѣ говорится, что всякая конечная величина въ безконечное число разъ больше всякой безконечно-малой, математическая линія имѣетъ одно только измѣреніе, непрерывное движеніе есть безконечно быстрый рядъ безконечно малыхъ отдѣльныхъ толчковъ и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ умозаключеній непосредственно чувствуется отголосокъ реальности (напр., расчлененіе непрерывности движенія), а въ другихъ высказывается способность ума переносить продукты анализа, а черезъ это и самый анализъ, съ формъ болѣе сложныхъ или конкретныхъ на формы болѣе простыя, обобщенныя (напр., случай происхожденія линіи изъ движенія точки и пр.) Наиболѣе поразительные примѣры послѣдней способности представляетъ опять-таки математика. Раздѣливъ, напр., всѣ величины условно на двѣ категоріи, положительныхъ и отрицательныхъ, она чисто логически переноситъ всѣ дѣйствія съ одной категоріи на другую, и продуктомъ такого переноса является между прочимъ понятіе о мнимыхъ величинахъ, которое, будучи взято въ отдѣльности, представляетъ абсурдъ, невозможность, а принятое, какъ логическое условіе, представляетъ средство для анализа. Что касается до непогрѣшимости выводовъ математическаго мышленія, то условіе ея лежитъ очевидно не въ какой-нибудь особенности логическаго метода, употребляемаго математиками —наука представляетъ безчисленные примѣры абсурдовъ, до которыхъ умъ человѣческій доходилъ однако строго логически,—а въ свойствахъ матеріала, и именно въ чрезвычайной простотѣ его. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ случаи изъ области физическихъ конкретныхъ фактовъ, которые допускаютъ уже приложеніе къ нимъ математическаго анализа. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ явленіе должно быть расчленено до степени нерасчленяемыхъ болѣе факторовъ, и тогда они входятъ въ анализъ явленія въ формѣ *совершенно опредѣленныхъ* условій, которыя могутъ давать *только опредѣленные* выводы или умозаключенія. Условіемъ для того, чтобы погасить зажженную свѣчку, нужно, повидимому, только дунуть на нее; но въ этой общей формѣ условіе оказывается далеко неопредѣленнымъ въ смыслѣ роковой зависимости отъ него потуханія пламени—нужно дунуть съ извѣстной силой, съ извѣстнаго разстоянія, да еще, чтобы въ свѣтильнѣ не было такихъ веществъ, которыя примѣшиваютъ къ фосфорному составу обык-

новенныхъ спичекъ, если хотятъ сдѣлать ихъ способными горѣть на вѣтру и пр. Вотъ эти-то частныя условія и являются въ тематическомъ явленіи абсолютно-опредѣленными, вслѣдствіе ихъ дальнѣйшей нерасчленяемости.

Корни метафизическихъ ученій лежатъ въ совершенно естественномъ и потому совершенно законномъ стремленіи (мы даже знаемъ физіологическія основы его) человѣка выдѣлять умственно изъ конкретныхъ фактовъ отдѣльные признаки ихъ и классифицировать послѣдніе на болѣе или менѣе существенные, болѣе или менѣе постоянные. На этомъ зиждется всякая классификація въ наукѣ; а извѣстно, что если классификація раціональна, то она заключаетъ уже въ себѣ всѣ существенные выводы науки; слѣдовательно по цѣли, въ этихъ предѣлахъ, метафизика имѣла бы законное право быть. Но она дѣлаетъ, къ несчастью, огромный грѣхъ уже своимъ послѣдующимъ шагомъ: вмѣсто того, чтобы дробить свои объекты въ предѣлахъ реальнаго (подобно, напр., зоологу, создающему типъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ) и останавливаться въ своихъ заключеніяхъ на добытыхъ только такимъ образомъ фактахъ, она выходитъ изъ мысли, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, т.-е. по отношенію ко всѣмъ главнымъ отдѣламъ человѣческаго міросозерцанія (внѣшній міръ, душа человѣка и пр.) умъ человѣческій можетъ зайти за предѣлы познанія посредствомъ органовъ чувствъ (*познаніе посредственное* въ отличіе отъ *познанія непосредственнаго*—умомъ, или путемъ *чистаго умозрѣнія*), подобно тому, какъ математикъ чисто умозрительно доходитъ до понятій о математической точкѣ безконечности въ ту и другую сторону, о положительныхъ, отрицательныхъ и мнимыхъ величинахъ и пр. Задавшись такою мыслью, какъ возможностью, метафизикъ долженъ отвернуться отъ всего непосредственно видимаго, слышимаго и осязаемаго, т.-е. отъ міра реальныхъ впечатлѣній, и перенестись въ болѣе тонкую область *представленій* о реально-видѣнномъ, слышанномъ и пр. въ міръ мыслей. Что же это за міръ? Мысль всегда сохраняетъ въ большей или меньшей степени черты своего первоначальнаго образа, т.-е реальнаго впечатлѣнія, но она не фотографическій снимокъ съ него; - по мѣрѣ того, какъ мысль восходитъ по ступенямъ, удаляющимъ ее все болѣе и болѣе отъ первоначальнаго источника, она становится, такъ сказать, болѣе и болѣе неосязаемою, отъ нея какъ бы отваливается что-то постороннее и въ концѣ концовъ остается родъ квинтъ-эсенціи предмета. Этотъ абстрактъ отъ всего чувственнаго, уже не дѣлимый болѣе, идея, и есть *сущность вещей* метафизиковъ—коренное свойство предметовъ (родъ ихъ души), откры-

ваемое только путемъ *непосредственнаго познанія*, доступное только чистому умозрѣнію. Наука о подобнаго рода сущностяхъ и есть метафизика.

Прежде чѣмъ слѣдить по указанному пути за ходомъ метафизической мысли, я считаю необходимымъ привести два общеизвѣстныхъ историческихъ примѣра, чтобы показать, къ какимъ плодамъ приводитъ метафизика.

Извѣстно, что явленія внѣшняго міра издавна разработывались и опытно, и чисто-умозрительно, т.-е. съ философской стороны. Оба эти направленія, изъ которыхъ послѣднее всегда мѣтило проникнуть въ самую глубь вещей, а второе скромно ограничивалось тѣмъ, что дается болѣе или менѣе изощренными органами чувствъ, существовали рядомъ чуть не до нашихъ дней. Философское направленіе увѣнчалось и вмѣстѣ съ тѣмъ закончилось общеизвѣстной германской натуръ-философіей, а опытное продолжается и доселѣ. Натуръ-философія, по своему значенію для жизни человѣчества, едва ли превышаетъ бредъ больнаго, давно уже забытый всѣми, а опытное естествознаніе, врываясь въ жизнь и обусловливая часто самыя формы ея, представляетъ въ то же время яркую картину постепеннаго расширенія и углубленія нашихъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ.—Умозрительный методъ привелъ къ абсурду, а опытное направленіе мало-по-малу достигаетъ именно той цѣли, которую ставитъ себѣ метафизика — проникать болѣе и болѣе въ глубь явленій.

Въ исторіи разработки психическихъ явленій чисто умозрительный методъ господствовалъ, какъ извѣстно, еще сильнѣе, потому что основы для приложенія естественно-научнаго метода къ разработкѣ этой области въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ выяснились лишь въ самое недавнее время. Умозрѣніе работало въ Европѣ со временъ греческой цивилизаціи по наше время, а серьёзное положеніе естественнаго метода къ разработкѣ психическихъ фактовъ началось со времени открытія Уитстономъ стереоскопа, т.-е. съ 1838 года [1]). Метафизическая школа договорилась, въ лицѣ своихъ крупныхъ представителей послѣдняго времени, до нелѣпостей, принимаемыхъ за таковыя не одними натуралистами, а приложеніе естественно-научнаго метода доказало уже несомнѣннымъ образомъ, что развитіе представленій изъ ощущеній стоитъ въ прямой связи съ матеріальной организаціей чувствующихъ снаря-

---

[1]) Стереоскопъ открытъ имъ собственно въ 1833 г., но теорія стереоскопа, которая и имѣла то значеніе, о которомъ говорится здѣсь, появилась въ 1838 году.

довъ.—Шагъ громадный, если принять во вниманіе, что отсутствіе свѣдѣній именно относительно этого пункта и было главнѣйшею причиною процвѣтанія метафизическихъ воззрѣній на психическую жизнь.

Но въ чемъ же причина, что метафизическая разработка явленій приводитъ въ концѣ концовъ къ абсурду? — Лежитъ ли фальшъ въ самой логической формѣ метафизическаго мышленія, или только въ объектахъ его?

Логическую сторону мышленія мы уже знаемъ: она заключается въ сопоставленіи двухъ объектовъ (которыми могутъ быть или двѣ отдѣльныя конкретныя формы, или цѣлая форма съ своей частью, или наконецъ части одной и той же или двухъ отдѣльныхъ формъ) и въ соизмѣреніи ихъ со стороны сходства, различій, причинности и пр. Кромѣ того, мы умѣемъ узнавать какъ-бы чутьемъ всякую, по крайней мѣрѣ крупную, фальшъ въ логической сторонѣ мышленія, что выражается и словами: „выводъ нелогиченъ“, „мысль непослѣдовательна“ и т. п. Въ подобныхъ грѣхахъ метафизику упрекнуть нельзя: еслибъ они въ ней были, то ученія ея не могли бы такъ долго властвовать надъ умами — метафизическія системы поражаютъ, наоборотъ, именно своею логическою стройностью, рядомъ съ всеобъемлемостью задачъ. Значитъ, грѣхъ долженъ лежать въ самыхъ метафизическихъ объектахъ. Обстоятельство это для насъ въ высокой степени важно: оно показываетъ сразу, что р е а л ь н а я п о д к л а д к а у м с т в е н н ы х ъ п р о ц е с с о в ъ о с т а е т с я о д н а и т а ж е, м ы с л ю л и я, о с т а в а я с ь н а п о ч в ѣ р е а л ь н о с т и, и л и у н о ш у с ь в ъ м е т а ф и з и ч е с к і я о б л а с т и ч и с т ы х ъ а б с т р а к т о в ъ.

Но какая же фальшъ можетъ быть въ метафизическихъ объектахъ?

Когда метафизикъ, съ цѣлью болѣе глубокаго познанія, отворачивается отъ міра реальныхъ впечатлѣній, представляющихъ для него родъ оскверненія *сущностей предметовъ* нашими органами чувствъ, и бросается по необходимости (больше броситься некуда) въ міръ идей и понятій, притомъ съ мыслью, что *наиболѣе идеальное*, или что то же, *наименѣе реальное*, по содержанію и есть *самое существенное*, онъ по необходимости встрѣчается съ абстрактами, и забывая, что это дроби, т.-е. условныя величины, ни мало не задумываясь, объективируетъ или обособляетъ ихъ въ *сущности*. Поступая такимъ образомъ, метафизикъ—это я говорю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго преувеличенія — дѣлаетъ $1/2 = 1$, $1/10 = 1$, $1/20 = 1$ и т. д. Онъ поступаетъ абсолютно такъ же, какъ еслибы математикъ вздумалъ обо-

соблять математическую точку или мнимую величину, переставъ придавать имъ условное значеніе. Но это еще не все:—условныя величины въ математикѣ, даже въ обособленной формѣ, все-таки представляютъ ясно чувствуемыя отвлеченія отъ реальностей, тогда какъ предѣльные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ. Этотъ второй смертный грѣхъ метафизики, вѣрнымъ образомъ котораго можетъ быть случай смѣшенія имени, клички, простаго звука съ самой вещью—Петра съ человѣкомъ—имѣетъ корни въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ.

Какъ внѣшнее воспроизведеніе представленія или мысли, рѣчь представляетъ родъ звуковой фотографіи, которою воспроизводится, при посредствѣ опредѣленныхъ, но чисто условныхъ знаковъ, расчлененность представленій. Смотрю я, напр., на дерево, и изъ общаго впечатлѣнія выдѣлился въ сознаніи цвѣтъ его листьевъ — выраженіемъ этого расчлененія являются два условныхъ звуковыхъ знака *„дерево зелено“*. Вижу я далѣе, что дерево лежитъ на землѣ; въ этой цѣльной картинѣ выяснены четыре элемента: дерево, его положеніе, земля и касаніе дерева съ землей; стоитъ только нарисовать эту картину на бумагѣ, и всякій убѣдится, что дѣло опредѣляется дѣйствительно четырьмя элементами, и что всѣ они, въ смыслѣ частей картины, однозначущи другъ съ другомъ. Звуковой фотографическій снимокъ съ картины будетъ *„дерево лежитъ на землѣ“*—опять четыре члена, соотвѣтственно четыремъ опредѣляющимъ элементамъ картины. Фотографичность чувствуется далѣе въ самомъ расположеніи звуковъ: главная фигура стоитъ впереди, аттрибутъ ея на второмъ мѣстѣ, затѣмъ слѣдуетъ граница, отдѣляющая главную фигуру отъ побочной, и наконецъ вторая фигура. Теперь я подведу къ послѣднимъ двумъ образамъ любого смышленаго человѣка и попрошу его раздѣлить ихъ на главные составные элементы. Отвѣтъ въ самомъ удачномъ случаѣ будетъ таковъ: въ зрительной картинѣ есть только двѣ вещи, дерево и земля, потому что только ихъ можно отнять дѣйствительно другъ отъ друга, а въ звуковой фотографіи - четыре дѣйствительно отдѣльныхъ члена, четыре слова. Куда же дѣвалась фотографичность? Дѣло въ томъ, что расчлененіе всякаго зрительнаго представленія (выдѣленіе изъ цѣлаго представленія части въ формѣ свойства, положенія предмета и пр.) есть расчлененіе фиктивное, умственное, нисколько не соотвѣтствующее, напр., разрѣзыванію огурца на части, тогда какъ звуковая фотографія, или рѣчь, по самой природѣ своей членораздѣльна. Такую непараллельность между

реальною основою мысли и ея звуковой фотографіей, со стороны дѣйствительной раздѣльности объектовъ, очевидно слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, когда производятся умственныя операціи надъ мыслями, чтобы не смѣшать *реальное* съ *фиктивнымъ*; а между тѣмъ это обстоятельство очень часто, и конечно совершенно невольно, упускается изъ виду, вслѣдствіе нашей привычки (пріобрѣтаемой уже съ дѣтства) думать словами даже о такихъ предметахъ, которые дѣйствуютъ на насъ путемъ зрѣнія или осязанія. И это происходитъ тѣмъ легче, что есть множество случаевъ, гдѣ словесная мысль и ея реальная подкладка не параллельны между собой и со стороны умственной расчлененности (примѣръ: связка, copula, какъ логическій элементъ рѣчи, которой часто не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго, напр., въ фразѣ: кошка *есть* животное). Но и этимъ не исчерпывается еще источникъ заблужденій, данный свойствами рѣчи. Выше было замѣчено, что въ зрительной картинѣ дерева, лежащаго на землѣ, всѣ четыре опредѣляющіе элемента, *какъ части картины,* равнозначущи другъ съ другомъ; звуковые же элементы, *какъ части рѣчи*, нѣтъ. Для глаза всѣ элементы суть, такъ сказать, существительныя, а тѣ же элементы въ рѣчи суть: два существительныхъ, глаголъ и предлогъ. Новая разница, да, повидимому, капитальная! Спросите человѣка, наклоннаго къ метафизикѣ, отчего это? Онъ навѣрно заговоритъ такъ: „всякое реальное впечатлѣніе, въ сравненіи съ мыслью, грубо, неподвижно, а рѣчь есть родная дочь мысли; поэтому и она въ десятки разъ тоньше и подвижнѣе зрительныхъ образовъ. Посмотрите на литературу и живопись! Одна воспроизводитъ лишь крупныя черты психической жизни, а другая способна передавать малѣйшую складку, малѣйшій оттѣнокъ въ самой мысли!“ и пр. и пр. Цѣлый рядъ недомолвокъ, приравненій части цѣлому, и потому цѣлый рядъ ошибочныхъ заключеній. Дѣло заключается здѣсь въ слѣдующемъ.

Человѣкъ способенъ анализировать словесныя формы мыслей въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Раздѣляя мысль на отдѣльныя слова, онъ можетъ относиться къ послѣднимъ, какъ къ роду особей (звуковой анализъ первой степени), имѣющихъ по отношенію къ слуху то же самое значеніе, какъ камень, дерево, солнце и пр. къ глазу. Особи эти онъ можетъ расчленять съ чисто звуковой стороны (слоги и азбучные звуки, какъ продукта звуковаго анализа 2-й и 3-й степени), и затѣмъ сопоставлять ихъ другъ съ другомъ по ихъ смыслу въ рѣчи — грамматическая классификація словъ. Дальнѣйшій анализъ падаетъ уже на мысль, взятую цѣликомъ. Здѣсь можетъ изучаться самое построеніе мысли изъ словъ, содержаніе ея и пр. Анализъ послѣдняго рода вхо-

дитъ уже въ область логики. Но, помимо всѣхъ этихъ общеизвѣстныхъ по результатамъ операцій, умъ человѣческій способенъ еще обобщать клички предметовъ, или ихъ отношеній безъ малѣйшаго отношенія къ обобщенію самыхъ предметовъ и ихъ отношеній. Такъ, въ фразахъ: „стая птицъ, табунъ лошадей, стадо коровъ" — слова: *стая*, *табунъ* и *стадо* равнозначны и суть *видовыя* клички извѣстнаго отношенія, а слово *сборище*, которое можно приложить ко всѣмъ случаямъ, будетъ *родовой* кличкой того же отношенія. Иванъ, Сидоръ, Степанъ суть видовыя клички служителей въ какомъ-нибудь трактирѣ, а *человѣкъ* или *гарсонъ* суть родовыя клички тѣхъ же субъектовъ. Случаи эти, собственно говоря, всегда очень легко отличить отъ словъ, которымъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя обобщенія или понятія: здѣсь общее относится къ частному всегда, какъ часть къ цѣлому (напр., слову „животное," поскольку въ основѣ его лежитъ отвлеченіе части отъ цѣлаго,— „то, что дышетъ, что чувствуетъ, что самодвижно — есть животное" — соотвѣтствуетъ реальный процессъ отвлеченія), тогда какъ видовая и и родовая кличка по своему содержанію совершенно тождественны. Такъ, *человѣкъ* есть родовая кличка въ отличіе отъ Ивана, Петра; птица — родовая кличка въ отличіе отъ галки, воробья и пр. Правда, и въ этихъ случаяхъ есть какъ будто нѣчто въ родѣ отвлеченія — я могу нарисовать контурами: человѣка, птицу, рыбу, дерево, — но вѣдь всякій понимаетъ, что когда я говорю: человѣкъ ходитъ, птица летаетъ, рыба плаваетъ, съ объектами мыслей связываются никакъ не контуры предметовъ — отвлеченія формы отъ цѣлаго зрительнаго образа — а реальности, обозначаемыя условнымъ собирательнымъ именемъ.

Понятно, что изъ такого отношенія ума человѣческаго къ элементамъ могутъ вытекать крайне разнообразныя компликаціи, если хоть на минуту упустить изъ виду ея оригинальность, условность. Для разъясненія дѣла я приведу два примѣра, одинъ простой, а другой болѣе сложный.

Когда я говорю: „у Сидора Ивановича такого-то золотое сердце", —всякій понимаетъ сразу всю глубину безсмыслія, если понимать слова буквально: у клички сердца быть не можетъ, сердце не можетъ быть золотымъ и пр. Но если я сопоставлю, напр., такія мысли: „синее есть цвѣтъ, красное есть цвѣтъ и зеленое есть цвѣтъ", и вздумаю утверждать, что цвѣтъ есть понятіе по отношенію ко всякому частному случаю окрашенія, то это не будетъ уже казаться такимъ абсурдомъ, какъ вышеприведенная фраза, а между тѣмъ это абсурдъ — цвѣтъ есть лишь родовая кличка для всякаго частнаго случая окрашенія. Разсуждаю да-

лѣе: „на землѣ всѣ *предметы*, рядомъ съ цвѣтомъ, имѣютъ еще форму, величину“ и пр. Что такое здѣсь слово предметъ? Опять родовая кличка для зрительныхъ объектовъ, потому что *предмета* даже нарисовать нельзя, подобно *человѣку*, *птицѣ* и т. п. Иду далѣе: „форма, цвѣтъ и величина по отношенію къ *предмету* составляютъ его *свойства*. Мысль совершенно вѣрная и вполнѣ соотвѣтствующая дѣйствительности, если подъ словами „предметъ и свойства“ разумѣть не понятія, а родовыя клички; — но страшный абсурдъ, если разумѣть за этими словами продукты расчлененія реальностей.

Теперь попробуйте произвесть надъ фразой „всякій предметъ имѣетъ свойства“ такого рода умственныя операціи: всѣ свойства въ предметахъ, цвѣтъ, очертанія, величина, измѣнчивы, но самый предметъ отъ этого не измѣняется — большой и малый камень остаются камнемъ, сѣрый и голубой опять камнемъ, круглый и пирамидальный тоже и т. д. и т. д. — значитъ свойствами камня не исчерпывается все его содержаніе. Вся операція произведена, повидимому, логически, а между тѣмъ вы уже въ метафизикѣ; и весь грѣхъ произошелъ, во-первыхъ, отъ того, что вы въ самомъ началѣ фразы обособили свойства въ реальности и противупоставили ихъ предметамъ безъ свойствъ, т. е. абсурдамъ, опять какъ реальностямъ; другими словами, смѣшали Ивана съ Петромъ.

Но будто бы метафизики въ самомъ дѣлѣ до такой степени запутываются въ своихъ обобщеніяхъ, что теряютъ способность отличать номинальное отъ реальнаго? Между метафизиками было, какъ извѣстно, множество людей съ громаднымъ умомъ. Я и не утверждаю, что они были приведены къ описанному заблужденію исключительно свойствами рѣчи. Свойства эти только способствовали заблужденію, главный же грѣхъ метафизики заключается, какъ уже было сказано, въ убѣжденіи, что человѣкъ можетъ познавать окружающій его міръ помимо органовъ чувствъ и безусловно. Послѣднее убѣжденіе до того распространено между людьми и кажется до такой степени истиннымъ, что я принужденъ сказать нѣсколько словъ объ источникѣ этого самообмана.

Человѣкъ есть опредѣленная единица въ ряду явленій, представляемыхъ нашей планетой, и вся его даже духовная жизнь, насколько она можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, есть явленіе земное. Мысленно мы можемъ отдѣлять свое тѣло и свою духовную жизнь отъ всего окружающаго, подобно тому, какъ отдѣляемъ мысленно цвѣтъ, форму или величину отъ цѣлаго предмета, но соотвѣтствуетъ ли этому отдѣленію дѣйствительная отдѣльность? Очевидно нѣтъ, потому что это

значило бы оторвать человѣка отъ всѣхъ условій его земнаго существованія. А между тѣмъ исходная точка метафизики и есть обособленіе духовнаго человѣка отъ всего матеріальнаго—самообманъ, упорно поддерживающійся въ людяхъ яркой характерностью самоощущеній. Разъ этотъ грѣхъ сдѣланъ, тогда человѣкъ говоритъ уже логически: такъ какъ все окружающее существуетъ помимо меня, то оно должно имѣть опредѣленную физіономію существованія помимо той, въ которой реальность является передо мной при посредствѣ воздѣйствія ея на мои органы чувствъ. Послѣдняя форма, какъ посредственная, не можетъ быть вѣрна, истина лежитъ въ самобытной, независимой отъ моей чувственности формѣ существованія. Для познанія этой-то формы у меня и есть болѣе тонкое, нечувственное орудіе — разумъ. Въ этомъ ряду мыслей всѣ, за исключеніемъ послѣдней, абсолютно вѣрны, но послѣдняя и заключаетъ въ себѣ ту фальшъ, о которой идетъ рѣчь: отрывать разумъ отъ органовъ чувствъ, значитъ отрывать явленіе отъ источника, послѣдствіе отъ причины. Міръ дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самобытной жизнью, но познаніе его человѣкомъ помимо органовъ чувствъ невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники всей психической жизни.

Какъ резюме только-что оконченныхъ и нѣсколько растянувшихся разсужденій о реально-психической подкладкѣ актовъ мышленія, я выставляю слѣдующія положенія:

1) Начала мышленія совпадаютъ по времени съ процессомъ расчлененія слитыхъ ощущеній, даваемыхъ младенцу органами чувствъ, потому что и въ это уже время всѣ необходимые для мышленія реально-психическіе элементы, расчлененность конкретныхъ, слитыхъ ощущеній и акты репродукціи пережитаго, перечувствованнаго, совершаются уже въ тѣлѣ.

2) Когда ребенокъ выучился смотрѣть и слушать, дѣло расчлененія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній подвинулось уже значительно впередъ. Первыми объективными признаками расчлененности могутъ служить симптомы, по которымъ мать догадывается, что ребенокъ начинаетъ узнавать ея голосъ или лицо. На этой ступени развитія реально-психическіе элементы наипростѣйшихъ мыслей, содержаніемъ которыхъ служитъ констатированіе рѣзкихъ свойствъ въ предметѣ, вѣроятно уже готовы.

3) Но когда ребенокъ начинаетъ проявлять явные признаки способности различать разстоянія предметовъ (когда онъ, напр., хватаетъ мать за носъ, не вытягивая тѣла, и тянется къ болѣе удаленнымъ предметамъ), тогда въ немъ происходятъ уже акты, носящіе абсолютно всѣ

основные характеры зрительной мысли — тутъ есть и сравненіе, и умозаключеніе;—акты, про которые Гельмгольтцъ и сказалъ именно, что они носятъ на себѣ характеры безсознательныхъ умозаключеній [1]).

4) По мѣрѣ умноженія случаевъ возбужденія чувствующаго снаряда одними и тѣми же или сходственными предметами, различныя стороны ощущенія выясняются все болѣе и болѣе, такъ какъ при этомъ постоянно измѣняются въ какомъ-либо отношеніи условія перцепціи; черезъ это для сознанія получаются тѣ же самые результаты, которые даются взрослому разсматриваніемъ предмета не съ одной стороны, а съ многихъ.

5) Но рядомъ, или точнѣе вслѣдъ за каждымъ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ репродуцируется роковымъ образомъ предшествовавшій сходный актъ, слѣдовательно въ сознаніи происходитъ всякій разъ по необходимости сопоставленіе двухъ среднихъ членовъ, и изъ нихъ тотъ, который репродуцированъ, слѣдовательно болѣе старый, болѣе знакомый, принимается за родъ умственной мѣрки. Примѣръ.—Я привыкъ видѣть человѣка безъ пятнышка на носу, и вдругъ вижу это пятнышко; оно всегда крайне сильно аффицируетъ меня. Отчего это? Оттого, что я соизмѣряю старый знакомый образъ, принятый за норму, съ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ.

6) Въ зрительныхъ актахъ, представляющихъ субстратъ вполнѣ сформированной мысли, содержаніемъ которой бываетъ сравненіе, мы знаемъ и реальный субстратъ послѣдняго элемента.—Это есть репродуцированная мышечная механика смотрѣнія, являющаяся какъ конецъ репродуцированнаго акта. Она падаетъ теперь на реальный образъ, и происходитъ *реальное* соизмѣреніе, въ родѣ накладыванія треугольниковъ другъ на друга.

7) Умозаключенію не соотвѣтствуетъ никакого реальнаго субстрата;

---

1) Изъ физіологіи извѣстно, что въ дѣлѣ опредѣленія отстояній предметовъ отъ собственнаго тѣла, человѣкъ руководствуется даже при самомъ быстромъ взглядѣ на предметы степенью сведенія зрительныхъ осей, или прямѣе, силою мышечнаго ощущенія, сопровождающаго сокращеніе мышцъ, поворачивающихъ оба глаза кнутри. При этомъ къ чисто зрительному ощущенію присоединяется мышечное чувство, какъ оцѣночный элементъ, и величиною послѣдняго какъ-бы опредѣляется умозаключеніе о степени удаленія предмета. Сходство этого акта съ разумной оцѣнкой удаленія предметовъ высказывается еще рѣзче въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстный геометрическій способъ опредѣлять положеніе отдаленной точки по данной базѣ и угламъ, которые образуются прямыми, соединяющими точку съ концами базы, есть ни что иное, какъ маленькое видоизмѣненіе того же акта: база соотвѣтствуетъ прямой, соединяющей центры обоихъ глазъ, а эквивалентомъ силы мышечныхъ сокращеній являются углы при концахъ базы.

но содержаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе всей мысли, опредѣляется тѣмъ, какими сторонами сопоставляются другъ съ другомъ реальные факторы мысли (не нужно забывать, что этими факторами могутъ быть одинъ предметъ и то или другое его качество или состояніе, два цѣльныхъ предмета, или наконецъ качества или состоянія двухъ предметовъ). Сопоставляется, напр., реальное впечатлѣніе отъ цѣлаго образа съ репродуцированнымъ сходнымъ какимъ-нибудь признакомъ, выходитъ констатированіе послѣдняго въ цѣломъ; сопоставляются два несходныхъ факта, слѣдующихъ другъ за другомъ постоянно и неизбѣжно во времени,—содержаніемъ мысли является казуальная связь между объектами мысли и пр.

8) Процессъ мышленія не измѣняется ни на іоту, ни при сравненіи многихъ реальныхъ объектовъ между собой, ни при сопоставленіи объектовъ раздробленныхъ уже при помощи научныхъ средствъ, хотя продуктами такого мышленія является уже вся наука о реальномъ мірѣ.

9) Онъ не измѣняется и для случаевъ математическаго мышленія, въ которомъ объектами мысли часто являются даже такія абстракціи, которыя представляютъ продукты дробленія, заходящіе за предѣлы аналитической способности органовъ чувствъ.

10) Процессъ остается наконецъ неизмѣннымъ и для случаевъ даже ошибочнаго философскаго мышленія, когда объектами мысли являются не реальности, а чистѣйшія фикціи. Дѣло объясняется тѣмъ, что правильныя по себѣ операціи мышленія производятся здѣсь надъ правильно произведенными продуктами дробленія словесныхъ выраженій мысли, которымъ не соотвѣтствуетъ однако въ ихъ обособленности ничего реальнаго.

Для выясненія послѣдняго вопроса, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, вопроса о произвольности человѣческихъ дѣйствій, необходимо выяснить прежде всего тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ физіологія смотритъ на произвольныя движенія.

Наука эта до сихъ поръ дѣлитъ всѣ движенія, происходящія въ тѣлѣ, на двѣ большихъ группы: такія, которыя безусловно не подчинены волѣ, и движенія, на которыя воля можетъ дѣйствовать. Въ такой общей формѣ дѣленіе совершенно справедливо, потому что въ тѣлѣ существуютъ, напр., движенія кишекъ, сокращеніе желчнаго пузыря, мочеточниковъ, матки и пр., о самомъ существованіи которыхъ мы узнаемъ лишь путемъ научнаго изслѣдованія. Но дѣло становится далеко не

такимъ простымъ, если вы станете искать общихъ принциповъ такой классификаціи. Старый принципъ, анатомическій, по которому волѣ подчиняются однѣ рубчатыя мышцы, а гладкія нѣтъ, негоденъ: сердце выстроено, напр., изъ рубчатыхъ волоконъ и не подчинено волѣ, а мышца, выгоняющая мочу изъ мочеваго пузыря, относится къ разряду гладкихъ, а между тѣмъ подчиняется ей. Другой принципъ этой классификаціи могъ бы быть таковъ: въ категорію абсолютно неподчиненныхъ волѣ движеній должны относиться такія, которыми достигаются чисто растительныя цѣли организма, процессы, которыми обезпечивается матеріальная сохранность тѣла — такіе акты, какъ движеніе крови, передвиженіи пищи по длинѣ кишекъ, изліяніе въ кишечную полость пищеварительныхъ соковъ и пр. Такіе процессы выгодно въ самомъ дѣлѣ вырвать изъ-подъ вліянія воли и придать ихъ совершенію характеръ роковой машинообразности, потому что въ послѣдней лежитъ самая надежная порука, что процессы будутъ совершаться правильно и постоянно наперекоръ всякимъ пертурбаціямъ извнѣ. Какъ ни основательно кажется съ виду такое воззрѣніе, но и оно не можетъ быть возведено на степень безусловнаго принципа въ дѣлѣ классификаціи движеній. Въ самомъ дѣлѣ, дыхательная механика и акты такъ - называемаго принятія пищи (схватываніе ея руками, перенесеніе въ ротъ, жеваніе и пр.), какъ процессы, имѣющіе значительную долю въ дѣлѣ обезпеченія тѣлу всего его вещественнаго прихода, должны были бы совершаться съ этой точки зрѣнія абсолютно машинально, не подчиняясь волѣ нисколько, а между тѣмъ всякій знаетъ, что это не такъ. Третій и послѣдній изъ возможныхъ принциповъ упомянутой классификаціи можетъ быть формулированъ такъ: волѣ могутъ подчиняться такія только движенія, которыя сопровождаются какими - нибудь ясными признаками для сознанія. Съ этой точки зрѣнія движенія рукъ, ногъ, туловища, головы, рта, глазъ и пр., какъ акты, сопровождающіеся для сознанія ясными ощущеніями (смѣсь кожныхъ съ мышечными), притомъ какъ движенія доступныя видѣнію, могутъ подчиняться волѣ. Съ этой же точки зрѣнія можетъ быть объяснена подчиненность ей мочеваго пузыря, различныя состоянія котораго отражаются въ сознаніи ясными ощущеніями; далѣе подчиненность волѣ голосовыхъ связокъ, такъ какъ ихъ состояніямъ соотвѣтствуютъ различные характеры голосовыхъ звуковъ и пр.; однимъ словомъ, всѣ движенія, недоступныя непосредственному наблюденію черезъ органы чувствъ, но сопровождающіяся косвенно ясными ощущеніями.

Третій принципъ оказывается такимъ образомъ годнымъ; но изъ

него не вытекаетъ еще никакого яснаго представленія о томъ, — чѣмъ же отличается произвольное движеніе отъ непроизвольнаго?

Анализируя, наоборотъ, произвольныя движенія въ отдѣльности, физіологія наталкивается сразу на слѣдующій крупный фактъ. Число произвольныхъ движеній, производимыхъ человѣкомъ руками, ногами, головой и туловищемъ въ дѣйствительности, сравнительно съ числомъ возможныхъ движеній, опредѣляемымъ анатомическимъ устройствомъ скелета и его мышцъ, представляется до чрезвычайности ограниченнымъ. Есть въ тѣлѣ такія мышцы, которыя у громаднаго большинства людей вовсе не приходятъ въ дѣятельность, напр., мышцы, двигающія ушами или головной кожей. Въ другихъ мѣстахъ мышцы могутъ комбинироваться только въ извѣстномъ направленіи, но не наоборотъ; напр., сводить глаза легко, а разводить ихъ за предѣлы параллельности осей умѣютъ лишь рѣдкіе, двигать же одинъ глазъ кверху, а другой книзу едва ли кто умѣетъ вообще. Та же исторія съ круговымъ движеніемъ ноги въ одну сторону, а руки соотвѣтствующей стороны въ противоположную, или случай повертыванія предплечія кнаружи, а плеча внутрь и пр. При обособленности тѣхъ путей, которымм передаются волевые импульсы мышцамъ (нервныя волокна), слѣдовало бы ожидать, что одно и тоже простое движеніе, напр., сгибаніе руки или ноги, можетъ совершаться на множество разныхъ ладовъ, а мы видимъ совершенно противное. Кто не знаетъ, что воля властна надъ дыханіемъ, а между тѣмъ попробуйте произвесть вдыханіе или выдыханіе одной только половиной грудной клѣтки — анатомически это возможно, потому что встрѣчается въ дѣйствительности при болѣзняхъ, а воля не въ силахъ сдѣлать этого

Отчего же это происходитъ? Причинъ на это не одна, а нѣсколько. Жизнь не создаетъ для человѣка изъ рода въ родъ условій, чтобы онъ упражнялъ мышцы уха или подкожныя на головѣ, и онѣ остаются изъ рода въ родъ безъ упражненія, все равно какъ человѣкъ никогда бы не додумался до умѣнья плавать, еслибы не было воды на свѣтѣ. Наоборотъ, въ самомъ основномъ планѣ организаціи человѣка должна лежать идея самодвижности, способность схватывать предметы руками, отталкивать ихъ отъ себя и пр. Безъ этихъ способностей человѣкъ не могъ бы удержаться на землѣ; значитъ, уже при самомъ рожденіи на свѣтъ, въ его нервно-мышечныхъ снарядахъ должны лежать условія для развитія тѣхъ движеній, которыми обезпечивается его матеріальное существованіе. Въ этомъ смыслѣ выше и было сказано мною, что нервно-мышечный снарядъ смотрѣнья, ходьбы и даже рѣчи до извѣстной степени уже готовъ при рожденіи. На физіологическомъ языкѣ это значитъ: въ

тѣлѣ есть прирожденныя, опредѣленныя нервно-мышечныя сочетанія, которыя дѣйствуютъ сначала всегда цѣликомъ, т.-е. цѣлою группою нервовъ съ ихъ мышцами разомъ; но затѣмъ, подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью, группы эти могутъ расчленяться въ большей или меньшей степени. Такъ, сгибаніе всѣхъ пальцевъ руки разомъ можетъ перейти, подъ вліяніемъ схватыванія рукою болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, въ сгибаніе пальцевъ парами или каждаго въ отдѣльности; а подобнаго расчлененія дыхательной механики даже на двѣ половины можетъ и не случиться, такъ какъ въ жизни нѣтъ условій, при которыхъ человѣку было бы цѣлесообразно дышать одной половиной груди. Оттого-то и выходитъ, что совершенно параллельно цѣлямъ, достигаемымъ тою или другою формою движеній, одно совсѣмъ отсутствуетъ, хотя для движенія есть всѣ анатомическія условія, другія совершаются не иначе, какъ большими массами разомъ (дыхательныя движенія), третьи достигаютъ, наоборотъ, значительной расчлененности (движенія пальцевъ и голосовыя движенія при рѣчи и въ пѣніи), четвертыя происходятъ именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи (круженье рукою и ногою въ одну сторону, а не наоборотъ) и пр. И всѣ эти характеры относятся къ произвольнымъ движеніямъ? Не ясно ли послѣ этого, что всякое произвольное движеніе есть eo ipso движеніе, заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью. Въ такой общей формѣ послѣдній выводъ можетъ быть, впрочемъ, выведенъ и гораздо проще: у ребенка, при его рожденіи на свѣтъ, кромѣ абсолютно непроизвольныхъ движеній (сосаніе, глотаніе, дыханіе, кашель, чиханіе и пр.), нѣтъ никакихъ правильно комбинированныхъ движеній — всѣ они заучиваются въ дѣтствѣ мало-по-малу (смотрѣнье, ходьба, рѣчь, схватыванье всею рукою или отдѣльными пальцами, употребленіе руки, какъ рычага и пр.), и именно эти-то движенія и становятся по преимуществу произвольными, хотя взрослый человѣкъ имѣетъ возможность производить произвольно и невольные акты сосанья, глотанья, дыханія, кашля и пр.

Съ неменьшею яркостью выступаетъ и то обстоятельство, что воля властна далеко не въ одинаковой степени надъ разными формами произвольныхъ движеній. Иногда она является какъ-бы совсѣмъ полновластной; въ другихъ случаяхъ произвольное движеніе возможно, или по крайней мѣрѣ значительно облегчается только въ присутствіи какого нибудь привычнаго внѣшняго условія, при которомъ движеніе происходитъ нормально; и, наконецъ, есть случаи, гдѣ воля властна лишь надъ самою поверхностью явленія. Примѣрами перваго рода могутъ слу-

жить акты сгибанія и разгибанія туловища, рукъ и ногъ; примѣрами втораго — произвольное сведеніе зрительныхъ осей безъ и при посредствѣ реальнаго образа, также произвольное глотаніе, возможное только до тѣхъ поръ, пока есть что проглотить, именно слюну во рту и пр. Наконецъ, типическимъ примѣромъ послѣдняго рода можетъ служить отношеніе воли къ дыхательнымъ движеніямъ: мы можемъ, какъ всякій знаетъ, остановить ихъ въ любой моментъ и видоизмѣнять какъ со стороны глубины, такъ и ритма; но все это мы можемъ дѣлать лишь на очень короткое время, затѣмъ прерванныя или видоизмѣненныя дыхательныя движенія возстановляются въ нормальной формѣ наперекоръ всякимъ волевымъ усиліямъ съ нашей стороны. Между этими-то крайностями и лежатъ предѣлы произвольности нашихъ движеній. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ форма вліянія воли остается, однако, одинакова — она можетъ вызывать, прекращать, усиливать и ослаблять движеніе, — и только степень ея власти, повидимому, крайне различна. Какъ же объяснить себѣ подобныя разницы? На это физіологія въ силахъ дать самый опредѣленный отвѣтъ. Всѣ произвольныя движенія, какъ заученныя, или представляющія родъ искусственнаго воспроизведенія натуральныхъ актовъ (напр., произвольное глотаніе и произвольное дыханіе), пріобрѣтаютъ отъ частоты повторенія характеръ *привычныхъ движеній*, и черезъ это на нихъ отражаются всѣ условія привычки. Такъ, хотя сгибаніе пальцевъ рукъ и развивается подъ вліяніемъ реальнаго условія схватыванія болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, но актъ очень часто повторяется въ жизни и безъ существованія схватываемаго объекта, оттого и *пустое*, такъ сказать, сгибаніе пальца дѣлается мало-по-малу привычнымъ. Смотрѣть же и глотать мы привыкли исключительно подъ условіемъ существованія реальнаго субстрата для смотрѣнья и глотанья, все равно какъ мы привыкли ходить подъ вліяніемъ чувства опоры подъ собою; значитъ, когда этихъ реальныхъ руководителей нѣтъ, то и процессъ совершается или съ трудомъ, или не совершается вовсе. Что же касается до дыхательныхъ движеній, то здѣсь мы имѣемъ случай роковаго происхожденія явленія, которое можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ воли лишь незначительно, именно потому, что оно въ основѣ роковое.

Этою-то привычностью произвольныхъ движеній и объясняется для физіолога то обстоятельство, что внѣшніе импульсы къ нимъ становятся тѣмъ болѣе неуловимы, чѣмъ движенія привычнѣе. Эта же неуловимость внѣшнихъ толчковъ къ движенію и составляетъ, какъ всякій знаетъ, главный внѣшній характеръ произвольныхъ движеній. Послѣ этого

переверните предыдущую мысль, и изъ нея непоколебимо выйдетъ, что движенія пальцевъ руки, какъ наиболѣе привычныя, должны казаться намъ наиболѣе произвольными.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что воля относится поверхностнымъ образомъ не къ однимъ только дыхательнымъ движеніямъ, гдѣ дѣло объясняется тѣмъ, что основы явленія роковыя; такое же отношеніе существуетъ, строго говоря, для всѣхъ вообще случаевъ *сложныхъ* заученныхъ движеній, хотя бы послѣднія и не были вовсе связаны съ такими жизненными вопросами тѣла, какъ дыханіе. Возьмемъ, напр., ходьбу. Разъ она заучена (а заучается она въ дѣтствѣ!), воля властна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вызвать ее, останавливать на любой фазѣ, ускорять и замедлять, но въ детали механики она не вмѣшивается, и физіологи справедливо говорятъ, что именно этому-то обстоятельству ходьба и обязана своей машинальной правильностью. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только думать во время ходьбы о каждомъ моментѣ движенія, и ходьба становится несвободной, натянутой. Та же исторія повторяется, какъ извѣстно, на всѣхъ движеніяхъ, заучаемыхъ даже въ зрѣломъ возрастѣ (ручная ремесленная техника, игра на музыкальныхъ инструментахъ и пр.); она повторяется, наконецъ, на самой рѣчи. Въ виду особенной важности послѣдней въ психической жизни человѣка, я принужденъ здѣсь остановиться, прежде чѣмъ формулирую общій выводъ изъ только-что развитыхъ соображеній.

Съ цѣлью выясненія вопроса, я стану проводить параллель между рѣчью и ходьбой съ различныхъ точекъ зрѣнія. Извѣстно, что рѣчь всякаго человѣка представляетъ какую-нибудь звуковую характерность; одинъ растягиваетъ слова, другой говоритъ слишкомъ быстро, третій шепелявитъ, картавитъ, говоритъ вмѣсто *ш* — *с* и пр. Когда эти свойства сдѣлались отъ долгаго упражненія привычными, то воля уже не властна измѣнять ихъ въ рѣчи, хотя человѣкъ и остается способнымъ произносить отдѣльно *р* или *ш* правильнымъ образомъ. Совершенно то же замѣчаемъ мы и на ходьбѣ: походка можетъ быть тяжелая, медленная и быстрая, одинъ ходитъ плавно, другой подскакиваетъ, третій сѣменитъ ногами и пр. И здѣсь заставьте человѣка сдѣлать надъ собой усиліе въ теченіи двухъ-трехъ шаговъ, оказывается, что онъ можетъ избѣжать своихъ привычныхъ пороковъ въ ходьбѣ, но на короткое лишь время, потому что вмѣшательство воли связываетъ свободу движенія и превращаетъ въ положительный трудъ такую вещь, которая, будучи предоставлена самой себѣ, идетъ какъ по маслу. Извѣстно далѣе, что въ правильную рѣчь я могу вставлять по произволу какіе угодно звуки

(говорить, напр., по херамъ) или извращать слоги; аналогичное можно сдѣлать и съ походкой, напр., подпрыгивать или присѣдать въ опредѣленный тактъ при правильной ходьбѣ, встряхивать въ извѣстный періодъ шага ногою, ходить задомъ и пр. Ко всѣмъ такимъ вещамъ можно путемъ долгаго упражненія привыкнуть до такой степени, что трудно уже будетъ говорить и ходить правильно, но пока привычки не сдѣлано, подобное вмѣшательство воли прекращается обыкновенно очень быстро. Стало быть, съ чисто внѣшней стороны степень подчиненности волѣ рѣчи и ходьбы въ самомъ дѣлѣ одинакова. Но посмотримъ, идетъ ли такая параллельность между обоими процессами и вглубь отъ поверхности явленій. За этой поверхностью во всякомъ заученномъ движеніи лежитъ, какъ первая инстанція, та первая связь движенія съ регулирующимъ его чувствованіемъ, которая хотя и ускользаетъ отъ обыденнаго сознанія, но которую можно доказать самымъ очевиднымъ образомъ. Извѣстно, что человѣкъ можетъ заучить наизусть по слуху длинные стихи на совершенно непонятномъ ему языкѣ, все равно, какъ онъ заучиваетъ пѣсню безъ словъ. Когда человѣкъ декламируетъ эти стихи, реально онъ повторяетъ въ 1001-й разъ то, что дѣлалъ прежде; въ сознаніи при этомъ, рядомъ съ движеніемъ, нѣсколько опережая его, льется звуковой слѣдъ отъ стиховъ, сохраненный въ памяти. Пока слѣдъ этотъ безъ прорѣхъ, рѣчь льется плавно, но чуть въ звуковомъ слѣдѣ встрѣтился недочетъ въ звукахъ (забыто слово), происходитъ перерывъ и въ движеніи. Властна ли воля надъ этими забытыми звуками?—прямо, очевидно, нѣтъ: забытое мы вспоминаемъ всегда окольными путями. Теперь посмотримъ на ходьбу. Хожу я, напр., въ эту минуту. Это значитъ, я повторяю въ 1,000,001-й разъ то, что дѣлалъ прежде. При этомъ рядомъ съ ходьбой у меня тянется въ сознаніи тоже опредѣленная пѣсня, но выстроенная не изъ звуковъ, а изъ нѣмыхъ для слуха, но ясныхъ для сознанія, кожно-мышечныхъ ощущеній [1]). Пока въ этой пѣснѣ нѣтъ недочетовъ (чувственныхъ), движеніе идетъ правильно, но вотъ нога, размахнувшаяся впередъ, вмѣсто того, чтобы ступить въ данное мгновеніе на полъ, попадаетъ въ неглубокую яму—

---

[1]) Если вообразить себѣ, что сокращенія мышцъ при ходьбѣ сопровождались бы совершенно параллельными имъ звуковыми явленіями, какъ въ голосѣ, то самой знакомой намъ пѣсней была бы пѣсня ходьбы; и это доказывается ясно тѣмъ, что уже при той ограниченности звуковаго осложненія, которое представляетъ намъ ходьба при нормальныхъ условіяхъ (мы слышимъ звуки только въ моментъ ставленія ногъ на полъ), мы все-таки часто узнаемъ по звуку ходьбу знакомаго намъ человѣка.

недочетъ въ чувствованіи, и человѣкъ спотыкается. [1]). Неужели аналогія неполная? Разница только въ томъ, что если человѣкъ при ходьбѣ видитъ ту яму, въ которую ему приходится ступить, или то возвышеніе, черезъ которое нужно перешагнуть, то онъ способенъ принаровить ходьбу и къ этимъ случайностямъ. Дѣло здѣсь однако въ томъ, что ходьба заучивается и на такіе частные случаи, но уже подъ контролемъ глаза (а у слѣпыхъ посредствомъ осязанія, при помощи палки, ощупывающей землю), тогда какъ въ заучиваніи пѣсни или стиховъ глаза нипричемъ,—значитъ, выручать изъ бѣды слухъ не могутъ. Но вѣдь въ рѣчи и за предѣлами только-что разобранной инстанціи есть еще нѣчто —это связь ея съ мыслительными процессами. Когда человѣкъ разсказываетъ то, что онъ видѣлъ, или вообще, что у него отложено въ памяти въ формѣ мыслей, въ головѣ его должны идти параллельно голосовымъ движеніямъ мыслительные процессы. Этотъ случай, повидимому, совершенно отличенъ отъ случая декламаціи стиховъ на незнакомомъ языкѣ. И да, и нѣтъ. Если человѣкъ передаетъ въ первый разъ на словахъ только что пережитое имъ зрительное впечатлѣніе и говоритъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ отдѣльные члены видѣнной имъ картины ложились на его душу, это значитъ, что параллельно словамъ течется репродуцированное зрительное впечатлѣніе въ формѣ образовъ. Но когда человѣкъ сталъ разсказывать о томъ же самомъ, уже подумавъ о видѣнномъ,—а думать, какъ извѣстно, можно и словами,—то возможно, что при разсказѣ (о видѣнномъ!) въ сознаніи репродуцируется словесная фотографія образа, а не самый образъ. И, конечно, въ послѣднемъ случаѣ процессъ будетъ тотъ же, что и при ретицированіи непонятныхъ стиховъ, если отбросить въ сторону тѣ побочныя страстныя осложненія, которыми характеризуется разсказъ о прочувствованномъ и тотъ порядокъ разсказа, который управляется ходомъ мыслей. Этотъ-то ходъ мыслей и есть новый элементъ противъ случая декламаціи заученныхъ стиховъ, но надъ нимъ воля, какъ всякій знаетъ, не имѣетъ уже абсолютно никакой власти. Если мы обратимся теперь къ ходьбѣ, то въ ней не видимъ ничего подобнаго послѣднему элементу, и аналогія кончается на томъ, что какъ на рѣчи, такъ и на походкѣ могутъ отражаться лишь страстныя осложненія мысли, дѣлающія оба рода движеній то порывистыми или плавными, то быстрыми или медленными и пр.

И такъ, анализъ всѣхъ заученныхъ сложныхъ движеній показыва-

---

[1]) Говорятъ, что то же самое бываетъ съ музыкантами, когда они играютъ знакомую имъ вещь на разстроенномъ инструментѣ.

етъ въ самомъ дѣлѣ, что при условіи, когда они совершаются правильно — а это, конечно, норма въ жизни! — процессъ носитъ на себѣ такой характеръ, какъ будто пущена въ ходъ какая-нибудь опредѣленная, стройная механика (при этомъ уму невольно такъ и напрашивается, какъ образъ, органъ, наигрывающій музыкальную пьесу); при этомъ для воли остается, *какъ возможность*, только пусканье въ ходъ механики, замедленіе или ускореніе ея хода, или, наконецъ, остановка машины, но ничего болѣе.

Но какъ же помирить съ этимъ полновластіе воли надъ такими простыми формами движеній, какъ сгибаніе или разгибаніе, напр., пальцевъ рукъ? — Неужели эти случаи составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Очевидно, нѣтъ, потому что по способу развитія и они столько же заученныя движенія, какъ любое сложное; стало быть и здѣсь, во всѣхъ деталяхъ сгибанія и разгибанія пальца, опредѣляющую роль можетъ играть одна только привычность движенія, а за волей остается возможность лишь начинать и кончать движеніе или видоизмѣнять его быстроту.

Такая же схема дѣйствія воли приложима отъ *а* до *г* и къ тѣмъ произвольнымъ вставкамъ, которыя она можетъ дѣлать въ правильно-сочетанныя движенія (когда я говорю, напр., по херамъ, извращаю слоги, трясу при ходьбѣ ногами, хожу задомъ и проч.). Импульсы къ такимъ вставкамъ выходятъ изъ воли, но возможность вставки дается одной только привычкой, упражненіемъ. Всякій понимаетъ, напр., что вставлять въ рѣчь звукъ *херъ* гораздо легче между цѣльными словами, чѣмъ между слогами словъ, извратить слоги легче въ двусложныхъ словахъ, чѣмъ въ многосложныхъ и проч. Но, съ другой стороны, всякій знаетъ, что привычка побѣждаетъ и эти трудности; тогда же рѣчь съ вставками пріобрѣтаетъ опять тотъ самый характеръ машинообразной правильности и легкости, какою отличается нормальная рѣчь безъ вставокъ.

Такъ какъ на этомъ пунктѣ чисто-объективный или физіологическій анализъ обрывается, то я принужденъ резюмировать все до сихъ поръ сказанное, прежде чѣмъ перейти въ психологическую область явленій. Вотъ эти общіе выводы:

1) Всѣ элементарныя формы движеній рукъ, ногъ, головы и туловища, равно какъ всѣ комбинированныя движенія, заучаемыя въ дѣтствѣ, ходьба, бѣганье, рѣчь, движенія глазъ при смотрѣніи и пр., становятся подчиненными болѣе уже послѣ того, какъ они заучены.

2) Чѣмъ заученнѣе движеніе, тѣмъ легче подчиняется оно волѣ и

наоборотъ (крайній случай—полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія).

3) Но власть ея во всѣхъ случаяхъ касается только начала, или импульса къ акту, и конца его, равно какъ усиленія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли, будучи реально повтореніемъ того, что дѣлалось уже тысячи разъ въ дѣтствѣ, когда о вмѣшательствѣ воли въ актъ не можетъ быть и рѣчи.

Съ этими-то данными я и перехожу въ психическую область.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ ученіями о произвольности, или прямо противуположными нѣкоторымъ изъ только-что сдѣланныхъ выводовъ, или съ такими, къ которымъ наши выводы относятся, какъ глухіе, отрывистые отголоски къ цѣльной, стройной мелодіи. Кого увѣришь въ самомъ дѣлѣ, что первый нашъ выводъ всецѣло приложимъ и къ движеніямъ, заучаемымъ въ зрѣломъ возрастѣ, напр., къ ручной художественной или ремесленной техникѣ, гдѣ заученіе совершается подъ вліяніемъ ясно-сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей и гдѣ отъ *доброй воли* самого учащагося зависитъ весь успѣхъ дѣла. Какъ можно втиснуть безконечно-разнообразную картину произвольности человѣческихъ дѣйствій въ такую тѣсную безжизненную рамку, какъ нашъ третій выводъ? Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ, но любую изъ всѣхъ, которыя вообще извѣстны человѣку. Мнѣ хочется плакать, а я могу пѣть веселыя пѣсни и танцовать; меня тянетъ вправо, а я иду влѣво; чувство самосохраненія говоритъ мнѣ: „стой, тамъ тебя ожидаетъ смерть“, а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличный агентъ, распоряжающійся только движеніемъ — это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніемъ во имя того или другаго, и часто наперекоръ даже чувству самосохраненія. Притомъ, въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшивается ли она въ механическія детали заученнаго сложнаго движенія, а важна глубоко сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любой моментъ въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ, или по направленію. Эта-то ярко сознаваемая возможность, выражающаяся въ словахъ „я хочу и сдѣлаю“, и есть та неприступная съ виду цитадель, въ которой сидитъ обыденное ученіе о произвольности.

Я разберу всѣ три вопроса по порядку.

Чтобы рѣшить первый изъ нихъ, нужно очевидно съумѣть разложить весь процессъ заучиванія какого-нибудь ремесленнаго или худо-

жественнаго ручнаго производства на составные моменты, и затѣмъ смотрѣть, какое участіе принимаетъ воля въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. При всякомъ заучиваніи нужно: 1) чтобы рука предварительно обладала извѣстной степенью поворотливости, чтобы она умѣла повернуться въ любую сторону, сгибаться и разгибаться во всѣхъ сочлененіяхъ и пр.; 2) чтобы она слушалась во всѣхъ этихъ движеніяхъ глаза (что, впрочемъ, понимается само собою, такъ какъ всѣ движенія рукъ заучиваются всегда подъ контролемъ глаза); 3) чтобы человѣкъ умѣлъ подражать показываемой ему формѣ движенія; 4) чтобы онъ умѣлъ отличать хорошій результатъ правильнаго движенія отъ дурнаго результата неправильнаго, и, наконецъ, 5) чтобы онъ упражнялся какъ можно более подъ контролемъ достиженія нормальнаго результата. Относительно перваго пункта воля властна въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, какъ и относительно всѣхъ заученныхъ въ дѣтствѣ элементарныхъ движеній рукъ вообще (т.-е. она можетъ ихъ начать, остановить, усилить, ослабить, но не болѣе), потому что первый урокъ техническаго производства представляетъ по самой сути дѣла не болѣе какъ приложеніе уже заранѣе выработанной ручной механики къ новому частному случаю. Во второмъ и третьемъ пунктѣ воля ниприченъ; но она играетъ важную роль въ умѣньи произвесть болѣе или менѣе новую форму движенія, къ которому рука не была еще пріучена до начала уроковъ. Въ этихъ случаяхъ ей приходится очевидно дѣлать то же самое, какъ въ случаѣ, когда человѣкъ въ первый, второй и т. д. разъ въ жизни начинаетъ вставлять въ привычную рѣчь звукъ *херъ* между словами, или искусственно прискакивать во время ходьбы. Чѣмъ сложнѣе это непривычное движеніе, или чѣмъ оно быстрѣе, тѣмъ труднѣе заучиваніе, потому что контролирующему глазу при этомъ работы все больше и больше. Поэтому-то въ сложныхъ производствахъ существуютъ школы для рукъ, при посредствѣ которыхъ онѣ постепенно переходятъ отъ движеній простыхъ къ болѣе сложнымъ. Но разъ всѣ существенныя стороны движенія схвачены, другими словами, человѣкъ запомнилъ послѣдовательный рядъ ихъ, и глазъ, или глазъ вмѣстѣ съ слухомъ наметались въ дѣлѣ контролированія движеній — во все это воля не вмѣшивается однако ни на волосъ! — обученіе можно считать законченнымъ. Остальное довершается самостоятельной практикой, частотой упражненія, причемъ воля является опять таки агентомъ, управляющимъ началомъ упражненія, его остановками и степенью быстроты—не болѣе.

Итакъ, при заучиваньи сложныхъ движеній въ зрѣломъ возрастѣ,

въ самомъ процессѣ заучиванья [1]) воля хотя и принимаетъ участіе, но въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она относится у взрослаго человѣка къ любому заученному движенію. Другими словами, за ней и здѣсь остается сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любую минуту въ движеніе, и видоизмѣнить его въ томъ или другомъ отношеніи. Значитъ, нашъ 1-й пунктъ рѣшается, собственно говоря, ниже, вмѣстѣ съ 3-мъ.

Для выясненія 2-го пункта въ ученіи обыденной психологіи о произвольности человѣческихъ дѣйствій, я принужденъ разобрать дѣло на двухъ параллельныхъ примѣрахъ.

Представимъ себѣ двухъ стариковъ, мирно отживающихъ свой вѣкъ на отдыхѣ отъ практической дѣятельности. Оба они умны, добры, честны, получили одинаковое образованіе и смотрятъ даже на жизнь приблизительно одинаковымъ образомъ. Добро для одного — добро и въ глазахъ другаго, помощь ближнему въ нуждѣ для обоихъ пріятный долгъ, снисходительность къ маленькимъ слабостямъ окружающихъ — какъ для одного, такъ и для другаго привычная вещь и т. д. И живутъ эти старики приблизительно одинаковымъ образомъ, культивируя, какъ говорится, на практикѣ тѣ добродѣтели, которыя вытекаютъ изъ ихъ ясно-спокойныхъ міросозерцаній. Если судить объ этихъ старикахъ по ихъ дѣйствіямъ, это будутъ два совершенно равнозначущихъ въ нравственномъ отношеніи типа: всякій скажетъ, что черезъ всю ихъ жизнь проходитъ неизсякаемое доброжелательство къ людямъ. И такой приговоръ въ глазахъ всякаго мало-мальски умнаго человѣка не измѣнится и не можетъ измѣниться на волосъ, хотя бы характеры у обоихъ стариковъ были различны, и одинъ дѣлалъ бы добро мягко, деликатно, всегда съ добродушной улыбкой, а другой, дѣлая то же самое, оставался бы съ виду крайне равнодушнымъ, или даже хмурилъ брови. Нравственная однозначность обоихъ типовъ опредѣляется при сказанныхъ условіяхъ не формой, въ которой тотъ или другой дѣлаетъ добро, а тѣмъ ненарушимымъ постоянствомъ, съ которымъ оно дѣлается имъ обоими. Еслибы меня подвели къ обоимъ типамъ, то я, необинуясь, сказалъ бы, что для меня самое дорогое въ ихъ нравственномъ существѣ — ихъ привычка къ добру, потому что только она ясно говоритъ мнѣ, что эти старики добро не только дѣлали и дѣлаютъ, но будутъ и впредь дѣ-

---

[1]) Здѣсь рѣчь можетъ идти конечно только о томъ, какое участіе принимаетъ воля въ самомъ процессѣ развитія ручной техники, безъ отношенія заученія къ тѣмъ практическимъ цѣлямъ въ жизни, которыя достигаются ремесломъ.

лать. Въ этомъ-то отношеніи они и равны другъ другу. Но, положимъ, что старики дожились до такой прекрасной старости разными путями. Одинъ всю жизнь провелъ безъ бурь, въ довольствѣ, окруженный любовью, и выучился дѣлать добро на окружающихъ его примѣрахъ. Для этого человѣка то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое сопровождаетъ всякое доброе дѣло, было съ самаго дѣтства воспитателемъ его поступковъ, руководителемъ его дѣйствій. Мудрено ли, что при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ это чувство—безспорно, родъ нравственнаго наслажденія—превратилось мало-по-малу (отъ частаго воспроизведенія) въ потребность, и въ старости, на отдыхѣ, когда умъ освободился отъ милліоновъ практическихъ дрязгъ, оно стало господствующимъ въ дѣлѣ опредѣленія отношеній старика къ людямъ. У такого человѣка добрыя дѣла вытекаютъ изъ моральнаго чувства сами собою, роковымъ образомъ, безъ малѣйшихъ усилій съ его стороны. И если-бы меня спросили, насколько воля вмѣшивается въ поступки этого старика, я, признаюсь откровенно, былъ бы въ большомъ затрудненіи, какъ отвѣтить. Зачѣмъ ей сюда вмѣшиваться, когда поступокъ и имѣетъ цѣну въ глазахъ людей именно тѣмъ, что на его происхожденіи лежитъ печать привычности, печать роковой связи съ моральнымъ чувствомъ, изъ котораго онъ вытекаетъ? Конечно, еслибы старикъ захотѣлъ, онъ могъ бы и не дѣлать добра, но сталъ ли бы отъ такой возможности нравственный образъ его болѣе высокимъ? Сомнѣваюсь; по-моему идеалъ лежитъ въ сторону такого опредѣленія: „онъ не можетъ не дѣлать добра". Во всякомъ случаѣ и къ этому доброму старику очевидно приложимъ нашъ будущій 3-й пунктъ (т.-е. за старикомъ остается волевая возможность и не дѣлать того, что говоритъ моральное чувство), слѣдовательно мы распрощаемся съ нимъ позже, а теперь обратимся къ другому, болѣе суровому. Этотъ былъ, наоборотъ, искушенъ жизнью. Ему приходилось много бороться, добывая себѣ на ясную старость ту матеріальную обстановку, которая даетъ возможность культивировать мирныя добродѣтели. Жизнь развертывалась передъ нимъ болѣе отрицательной стороной, чѣмъ положительной. Первый старикъ воспитался на благословеніяхъ, улыбкахъ, слезахъ благодарности, а этотъ чаще видѣлъ слезы отъ голода и слышалъ проклятія. Тотъ зналъ о злѣ на землѣ больше по наслышкѣ, а этотъ испытывалъ его и на своихъ плечахъ; тамъ не было никакихъ искушеній въ сторону зла, здѣсь же приходилось рисковать чуть не жизнью, чтобы отстоять добро. И несмотря на все это, такой человѣкъ превращается подъ старость въ типъ нѣсколько угрюмаго, сдержаннаго, но въ сущ-

ности такого же добраго и хорошаго старика, какъ первый. Какъ могло это случиться? Въ обыденной жизни говорятъ такъ: человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать двумя вещами: сильно развитымъ моральнымъ чувствомъ (хорошимъ сердцемъ) и сильнымъ характеромъ или сильной волей; и къ этому прибавляютъ даже, что чѣмъ сильнѣе жизненная борьба, тѣмъ сильнѣе воля у человѣка, который выходитъ изъ нея нравственно читсымъ. Такъ толкуютъ люди, и мы до такой степени свыклись съ послѣдней мыслью, что она кажется намъ непоколебимою. Но правда ли это? Вѣдь если я вступаю въ борьбу нравственно-чистымъ и выхожу изъ нея такимъ же, не достаточно ли снабдить человѣка для достиженія этой цѣли, вмѣсто суммы: нравственное чувство + воля, однимъ только нравственнымъ чувствомъ въ усиленной степени. Вѣдь мы знаемъ, что когда человѣкъ идетъ на смерть, въ головѣ у него всегда какая-нибудь страшно-сильная мысль или какое-нибудь крѣпкое чувство, убѣжденіе, вѣрованіе, изъ-за которыхъ смерть становится не страшной, или по крайней мѣрѣ изъ-за которыхъ онъ мирится съ нею. Правда, бываютъ случаи, когда человѣкъ стоически встрѣчаетъ смерть изъ-за одного только чувства покорности судьбѣ; но, во-первыхъ, даже это чувство можетъ быть фанатизировано, во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ активнаго движенія на встрѣчу смерти, какъ въ случаѣ борьбы. Съ другой стороны, ни обыденная жизнь, ни исторія народовъ не представляютъ ни единаго случая, гдѣ одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвигъ. Рядомъ съ ней *всегда стоитъ, опредѣляя ее*, какой-нибудь нравственный мотивъ, въ формѣ ли страстной мысли или чувства. Значитъ, даже въ самыхъ сильныхъ нравственныхъ кризисахъ, когда по ученію обыденной психологіи волѣ слѣдовало бы выступить всего ярче, она одна, сама по себѣ, дѣйствовать не можетъ, а дѣйствуетъ лишь во имя разума или чувства. Другими словами, безличной холодной воли мы не знаемъ; то же, что считается продуктомъ ея совмѣстной дѣятельности съ чувствомъ и разумомъ, можетъ быть прямо выводимо изъ послѣднихъ. Но, конечно, и здѣсь, если обезличить волю, она принимаетъ характеръ присущей человѣку возможности дѣйствовать такъ или иначе. Нашъ второй старикъ борется, напр., съ искушеніемъ и выходитъ изъ него чистымъ; моральное чувство тянетъ его впередъ, а искушеніе назадъ; первое сильнѣе, и человѣкъ идетъ въ сторону морали — это моя философія. Обыденная же психологія говоритъ: нѣтъ, между моральнымъ чувствомъ и поступкомъ нужно вставить въ середину безличную волю, потому что голосъ самосознанія ясно говоритъ мнѣ, что я воленъ

слушаться и голоса искушенія, и голоса морали; иду я въ сторону послѣдней—воля сильна, иду въ противную—я слабъ... Опять 3-й пунктъ, къ разбору котораго мы наконецъ и приступаемъ.

Ребенокъ уже въ очень раннемъ возрастѣ выучивается отдѣлять себя въ сознаніи отъ всего окружающаго (процессъ развитія этого явленія изложенъ довольно обстоятельно въ „Рефлексахъ головнаго мозга“), видимаго глазами или осязаемаго руками. Когда онъ реагируетъ на ласки, обращенныя лично къ нему иначе, чѣмъ на ласки, обращенныя къ какому-нибудь стоящему по близости предмету, доступному его видѣнію, это значитъ, что раздѣленіе до извѣстной степени уже выяснилось. Этотъ аналитическій процессъ идетъ своимъ чередомъ впередъ, а между тѣмъ анализъ начинаетъ падать и на свою собственную особу, уже отдѣленную отъ окружающаго міра. Когда ребенокъ на вопросъ „что дѣлаетъ Петя?“ отвѣчаетъ отъ себя совершенно правильно, т.-е. соотвѣтственно дѣйствительности: „Петя сидитъ, играетъ, бѣгаетъ“, анализъ собственной особы ушелъ уже у него на степень отдѣленія *себя* отъ своихъ дѣйствій. Что это такое, и какъ это происходитъ? ребенокъ множество разъ получаетъ отъ своего тѣла сумму самоощущеній во время стоянья, сидѣнья, бѣганья и пр. Въ этихъ суммахъ, рядомъ съ однородными членами, есть и различные, спеціально характеризующіе стоянье, ходьбу и пр. Такъ какъ состоянія эти очень часто перемежаются другъ съ другомъ, то существуетъ тьма условій для ихъ соизмѣренія въ сознаніи. Продукты послѣдняго и выражаются мыслями: „Петя сидитъ или ходитъ“. Здѣсь *Петя* обозначаетъ, конечно, не отвлеченіе изъ суммы самоощущеній постоянныхъ членовъ отъ измѣнчивыхъ, потому что эта операція удается плохо даже взрослому, но мысли все-таки соотвѣтствуетъ ясное уже и въ умѣ ребенка отдѣленіе своего тѣла отъ своихъ дѣйствій. Затѣмъ, а можетъ быть и одновременно съ этимъ, ребенокъ начинаетъ отдѣлять въ сознаніи отъ прочаго тѣ ощущенія, которыя составляютъ позывъ на дѣйствія—ребенокъ говоритъ: „Петя хочетъ ѣсть, хочетъ гулять“ и пр. Въ первыхъ мысляхъ выражается безразлично состояніе своего тѣла, какъ цѣльное самоощущеніе; здѣсь же сознана раздѣльность уже двухъ самоощущеній, пищеваго голода и его удовлетворенія съ одной стороны, гуляльнаго голода и ходьбы на воздухѣ (съ массой ощущеній, отличныхъ отъ комнатныхъ) съ другой. Такъ какъ эти состоянія могутъ происходить при сидѣньи, при ходьбѣ и пр., то должно происходить соизмѣреніе и ихъ другъ другомъ въ сознаніи. Въ результатѣ выходитъ, что Петя то чувствуетъ пищевой голодъ, то гуляльный; то ходитъ, то бѣ-

гаетъ:—во всѣхъ случаяхъ *Петя* является тѣмъ общимъ источникомъ, внутри котораго родятся ощущенія и изъ котораго выходятъ дѣйствія. Еслибы тѣло ребенка было устроено такимъ образомъ, чтобы онъ могъ сознавать очень ясно тѣ внѣшніе импульсы, которые предшествуютъ ощущеніямъ, то онъ, конечно, пересталъ бы считать свое тѣло источникомъ ихъ, и не сталъ бы говорить: „Петя хочетъ гулять", а долженъ былъ бы сказать импульсъ *а*, *б* или *с* зоветъ Петю гулять, подобно тому, какъ онъ совершенно правильно говоритъ: „мама зоветъ гулять", когда импульсомъ къ желанію служитъ голосъ матери. Тогда сознаніе ребенка расчленяло бы совершающіеся въ немъ трехчленные рефлексы правильнымъ образомъ на внѣшній импульсъ, ощущеніе и дѣйствіе. Для него же внѣшній импульсъ ускользаетъ, и онъ анализируетъ только два послѣднихъ члена; но такъ какъ они всегда являются связанными для его сознанія съ его собственной особой, то онъ и ставитъ напередъ *себя*, Петю, какъ обозначеніе мѣста ощущенія или дѣйствія (совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ онъ говоритъ: „дерево стоитъ, собака бѣжитъ" и пр.).

Когда два послѣднихъ члена въ рефлексахъ такимъ образомъ расчленены, и вмѣсто перваго ошибочно поставлена собственная особа, для ребенка начинаетъ мало-по-малу выясняться та связь, которая существуетъ между членами; другими словами, слитое сначала ощущеніе отъ своего тѣла, повторяясь безпрерывно при мѣняющихся условіяхъ перцепціи (то сидитъ, то лежитъ, то ходитъ; то голоденъ, то ѣстъ и пр.), переходитъ мало-по-малу въ расчлененное представленіе; а когда начинаетъ выясняться и связь между членами представленія, послѣднее переходитъ въ мысль. Вотъ здѣсь-то и имѣетъ мѣсто случай развитія мыслительной формы, содержаніемъ которой является каузальная связь между объектами мысли, — случай, о которомъ я уже упоминалъ выше, говоря о развитіи мыслительной способности вообще. Нужно ли говорить, что при этой умственной операціи *Петя*, или можетъ быть уже *я*, что впрочемъ все равно, ошибочно ставится, какъ причина, а дѣйствіе тѣла какъ послѣдствіе? Приэтомъ ребенокъ дѣлаетъ сразу двѣ ошибки. Вмѣсто того, чтобы выводить изъ анализа факта *„я захотѣлъ гулять и пошелъ"* очевидную зависимость ходьбы, какъ дѣйствія, отъ желанія, онъ оставляетъ средній членъ безъ вниманія, перескакиваетъ черезъ него—это первая ошибка; а другая заключается въ томъ, что началомъ, источникомъ акта, онъ считаетъ себя, а не внѣшній импульсъ, вызвавшій желаніе. Источникъ послѣдней ошибки мы видѣли уже выше; что же касается до источниковъ первой, то они заключаются, я полагаю,

въ слѣдующемъ: при той быстротѣ, съ которой смѣняются ощущенія у ребенка, и ихъ сравнительной неопредѣленности, весьма естественно думать, что желаніе, какъ актъ, предшествующій дѣйствію, по своей летучести очень часто имъ просматривается; съ другой стороны, ребенокъ дѣлаетъ тьму движеній съ чужаго голоса, по приказанію матери или няньки; образы послѣднихъ, по необходимости, должны представляться ему какими-то роковыми силами, вызывающими въ немъ дѣйствія, и разъ это сознано, мѣрка переносится и на случаи дѣйствій, вытекающихъ изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ побужденій, причемъ эквивалентомъ приказывающей матери или няньки можетъ быть только *я*, а никакъ не смутное желаніе, неимѣющее съ матерью и нянькою ничего общаго.

Итакъ, на этомъ уровнѣ психическаго развитія ребенокъ оцѣниваетъ причину своихъ дѣйствій одинъ разъ правильно, относя ее къ приказанію матери, а другой разъ ложно, считая ею самого себя; но при этомъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ дѣлается ошибка въ томъ отношеніи, что проглядывается средній членъ.

Но, можетъ быть, послѣдующія эпохи развитія приносятъ съ собою условія для исправленія такихъ капитальныхъ ошибокъ въ оцѣнкѣ источниковъ собственныхъ дѣйствій? Судите сами. Ребенокъ долгіе годы остается подъ вліяніемъ чужой воли, значитъ пріуроченіе силы, опредѣляющей дѣйствія, къ человѣческому образу не только не ослабляется, но съ каждымъ днемъ крѣпнетъ. Съ другой стороны, внѣшніе импульсы, которыми опредѣляются дѣйствія, совершающіяся якобы по собственной иниціативѣ, становятся, наоборотъ, все болѣе и болѣе неуловимы, потому что репродукція актовъ, по мѣрѣ ихъ учащенія, становится легче и легче. Въ третьихъ, по мѣрѣ движенія психическаго развитія впередъ, въ жизни все болѣе и болѣе умножаются случаи рефлексовъ съ заторможеннымъ концомъ, даже при болѣе или менѣе сильномъ позывѣ на дѣйствіе (стремительность, страстность втораго члена). При этомъ на душѣ происходитъ борьба мотивовъ, тянущихъ человѣка въ разныя стороны, и если мотивъ тормазящій одинъ разъ побѣдилъ, а другой нѣтъ, то изъ соизмѣренія такихъ случаевъ получаются для сознанія новые и крайне яркіе доводы въ пользу отдѣленія *себя* отъ дѣйствія. Значитъ, условія для того, чтобы относить первоначальную причину дѣйствій въ себя, не только не ослабѣваютъ, а наоборотъ усиливаются. Да къ этому присоединяется еще непомѣрно частое употребленіе въ дѣло словесныхъ мыслей, начинающихся словомъ *я*, какъ причиной, и кончающихся какимъ-нибудь дѣйствительнымъ гла-

головъ, какъ послѣдствіемъ. Но ошибка проглядыванія среднихъ членовъ, т.-е. внутреннихъ побужденій къ дѣйствіямъ, съ ходомъ развитія впередъ становится конечно менѣе и менѣе частой. Въ концѣ концовъ обыденное сознаніе очень мѣтко называетъ эти побужденія, въ параллель приказывающему внѣшнему голосу, внутренними голосами, и для многаго множества случаевъ допускаетъ даже ихъ опредѣляющее значеніе въ дѣлѣ выбора дѣйствій (человѣкъ повинуется голосу страсти, разсудка и пр.); и тѣмъ не менѣе оно остается при мысли, что первоначальная причина ихъ лежитъ все-таки въ *я*. Откуда же такое противорѣчіе?

Дѣло въ томъ, что мы пріучаемся вкладывать въ *я* не только причину и возможность какъ совершающихся въ данную минуту, такъ и всѣхъ вообще знакомыхъ намъ дѣйствій, но относимъ къ *я*, какъ къ причинѣ, даже самое бездѣйствіе (я хочу и дѣлаю, хочу и не дѣлаю, могу дѣлать и дѣлаю, могу не дѣлать и не дѣлаю, могу дѣлать и не дѣлаю, могу не дѣлать и дѣлаю). Попробуйте, напр., усомниться въ могучести какого-нибудь 5-лѣтняго гражданина, который имѣетъ слабость воображать себя богатыремъ — онъ отправится съ величайшимъ спокойствіемъ и самоувѣренностью хоть къ шкафу, чтобы доказать свою силу. Это ли не сознаніе что „онъ можетъ?“ Кто же впрочемъ не знаетъ, что самые самонадѣянные люди на свѣтѣ,— дѣти, и что это свойство переходитъ даже въ юношескій возрастъ. Понятно далѣе, что если ребенку кажется, будто онъ можетъ сдѣлать чуть не все на свѣтѣ въ положительную сторону, тѣмъ легче вообразить ему себя всемогущимъ въ отрицательную. Чтобы согнуть палецъ, нужно все-таки усиліе, но не согнуть его и усилія нѣтъ, а между тѣмъ ребенокъ вѣдь не можетъ не чувствовать, что не ходитъ, не сгибаетъ пальцевъ никто другой, какъ *онъ самъ*—причина всѣхъ своихъ дѣйствій и состояній. Правда, въ дѣтствѣ просторъ къ ничего-недѣланью значительно ограниченъ голосомъ матери, няньки или учителя, но вѣдь всякій лишній шагъ противъ приказанія остановиться есть уже *мощь не дѣлать*, выслѣживанье мухи за урокомъ строгаго учителя — то же самое. Та же мысль скрывается, очевидно, за всѣми тѣми невинными хитростями, которыми ребенокъ старается увернуться отъ того, къ чему его принуждаютъ. Когда же за ребенкомъ перестаютъ слѣдить шагъ за шагомъ, случаи для упражненія мощи въ запретную сторону все умножаются, и на душѣ не можетъ не остаться отъ такихъ упражненій слѣда въ формѣ мысли: „если хочешь, то приказывающаго голоса можно и не слушаться“. Легко понять, что воля ребенка здѣсь

нипричемъ, онъ не дѣлаетъ того, что ему велѣно, потому что голосъ болѣе сильный зоветъ его въ другую сторону; но разъ онъ привыкъ всѣ дѣйствія приписывать себѣ, какъ причинѣ, и фактъ непослушанія не можетъ составлять исключенія изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, если за такимъ фактомъ слѣдуетъ внушеніе его провинившемуся тѣлу. Въ школѣ принудительнымъ элементомъ, сверхъ образа или голоса учителя, является еще урокъ—иго двойное, но за то у школьника есть уже *право* по временамъ *не дѣлать, не слушаться голоса*. Тотчасъ послѣ уроковъ за порогомъ школы бойкій школьникъ, сознающій свое право, свою мочь не слушаться, можетъ поднять на смѣхъ того самаго учителя, передъ которымъ онъ дрожалъ за минуту. Въ этомъ періодѣ жизни мочь положительно значитъ для человѣка слѣдовать слѣпо тѣмъ голосамъ, которые его манятъ въ поле, на лугъ, бѣгать, играть, бросать камнями въ прохожихъ, гоняться за собакой, а мочь отрицательно — увернуться отъ назойливаго голоса матери или учителя. Но вотъ въ душѣ школьника начинаетъ происходить какой-то переломъ: голоса перваго рода начинаютъ блѣднѣть, на мѣсто нихъ промелькнетъ въ головѣ то образъ Александра Македонскаго въ латахъ и шлемѣ, о которомъ онъ слышалъ въ школѣ, то разсказъ какъ живетъ муравей, пчела, то картинка изъ книги, и рядомъ съ этимъ изъ голоса матери и даже учителя начинаютъ какъ будто исчезать докучливые тоны, хотя они продолжаютъ по-прежнему приказывать. Это періодъ крайне важный въ жизни—эпоха, когда въ душу всего легче вложить такіе голоса, какъ чувство долга, любовь къ правдѣ и добру. Вкладываніе это, какъ слѣдуетъ, совершается къ несчастію лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а еще рѣже тѣ — когда вкладываніе длится черезъ всю юность. Но за то при такихъ исключительныхъ условіяхъ и развиваются тѣ прелестные типы, которые совсѣмъ забываютъ, что они могутъ не дѣлать того, что говоритъ имъ разумъ или сердце, и дѣлаютъ поэтому всякое доброе дѣло непосредственно, легко, безъ усилій, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что дѣло иначе и быть не можетъ. Обыкновенно же развитіе идетъ въ жизни не такъ. На юношѣ и на взросломъ человѣкѣ повторяется исторія ребенка: множество разъ онъ слушается въ своихъ поступкахъ тѣхъ внутреннихъ голосовъ, которые говорятъ ему приблизительно такъ, какъ говорила бы въ дѣтствѣ кроткая мать или строгій, умный отецъ; но часто и, повидимому, при тѣхъ же условіяхъ, дѣлается совсѣмъ обратное; и тогда прежній образъ дѣйствій приходитъ на память не только за тѣмъ, чтобы возбудить боль въ сердцѣ, но и за тѣмъ, чтобы укрѣпить завѣщанную дѣтствомъ мысль, что человѣкъ можетъ не слушаться то того, то другаго голоса. При

этомъ забывается только слѣдующая маленькая вещь: если кто не слушается одного голоса, то только потому, что онъ слушается другаго.

Дѣйствія наши управляются не призраками, въ родѣ разнообразныхъ формъ *я*, а мыслью и чувствомъ. Между ними у нормальнаго человѣка всегда полнѣйшая параллельность: внушенъ, напр., поступокъ моральнымъ чувствомъ — его называютъ благороднымъ; лежитъ въ основѣ его эгоизмъ — поступокъ выходитъ разсчетливымъ; продиктованъ онъ животнымъ инстинктомъ — на поступкѣ грязь. Даже у сумасшедшихъ между этими членами цѣльныхъ актовъ есть соотвѣтствіе. Въ этомъ-то смыслѣ сознательно-разумную дѣятельность людей и можно приравнять двигательной сторонѣ нервныхъ процессовъ низшаго порядка, въ которыхъ средній членъ акта, чувствованіе, является регуляторомъ движенія въ дѣлѣ доставленія послѣднимъ той или другой пользы тѣлу.

